

ВЫШИВАЛЬЩИЦА

The background features a soft, ethereal composition of white tulle fabric draped over a smooth, light pink fabric. Scattered across this backdrop are numerous fabric bows in various colors, including shades of purple, yellow, green, and pink. Some bows are simple, while others have intricate patterns or gradients. The lighting is soft and diffused, creating a delicate and artistic atmosphere.

12+

Ирина Верехтина

Ирина Верехтина

Вышивальщица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64965191

SelfPub; 2021

Аннотация

История о добре и зле, о милосердии и терпимости, о противостоянии мирских соблазнов и закоснелой праведности. О ноше, которую мы взваливаем на себя добровольно и от которой так тяжело и больно отказаться, когда понимаешь, что она не по силам. История длиной в одну короткую жизнь. События вымышлены, совпадения случайны и не соответствуют исторической правде.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕТСТВО	5
Пролог	6
Глава 1. Смотрины	7
Глава 2. Обман	24
Глава 3. Монастырь Святого Пантелеймона	37
Глава 4. Яблочный Спас	51
Глава 5. Фарфорозаводчица	67
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. В МИРУ	78
Глава 6. Синдром потери	79
Глава 7. Рухнувший мир	95
Глава 8. Терпение и труд	114
Глава 9. Метаморфозы	128
Глава 10. Месяцем раньше	139
Глава 11. Лопнувшее терпение	152
Глава 12. Контрасты	166
Глава 13. Тридцать сребреников	178
Глава 14. Война Алой и Белой розы	194
Глава 15. Падают звёзды...	210
Глава 16. Дождь	224
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПОСЛЕ ДЕТСТВА	233
Глава 17. Учебная практика	234
Глава 18. Свидание с прошлым	260
Глава 19. Университет	274

Глава 20. Симптоматика	295
Глава 21. «Академический отпуск»	312
Глава 22. Сладкая жизнь	327
Глава 23. Високосный год	340
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПРОЩЕНЫ ЛИ ТЕБЕ ГРЕХИ ТВОИ?	362
Глава 24. Гринино	363
Глава 25. Дом на Песочной улице	381
Глава 26. По ту сторону дня	399
Глава 27. Сыновняя любовь	412
Глава 28. Сопровождающий	422
Глава 29. Барбариска	435
Глава 30. Из пункта «б» в пункт «а»	450
Глава 31. Отрицательный опыт	468
Глава 32. Визиты	481
Глава 33. Обо всём понемногу	497
Глава 34. Знакомый маршрут	509
Глава 35. Дорога домой	521
Глава 36. Те же и другие лица	543
Глава 37. Гости	553
Глава 38. Польская бабушка	563
Глава 39. Муки совести	571
Эпилог	582

Ирина Верехтина Вышивальщица

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕТСТВО

*Слово любимого человека лечит лучше, чем все врачи
мира.*

И убивает быстрее всех палачей. /Аль Пачино/

Пролог

О том, что бабушка с дедушкой ей не родные, Арина знала с детства. Родной была мать. Ключевое слово – была. Эти, неродные, сделали для неё куда больше. А мать осталась в памяти картинкой из детской полузабытой книжки.

О том, что их приёмная внучка серьёзно больна, Аринины опекуны не знали. Истерики и беспричинные слёзы объясняли сиротским холодным детством (хотя это было не так, и приют при монастыре Святого Пантелеймона Арина с благодарностью вспоминала всю жизнь). Вечесловы терпеливо и мягко исправляли неподатливый характер своей воспитанницы. И любили девочку, которую до них никто не любил.

После шести безмятежных лет, прожитых за монастырским забором, ей предстоит очутиться в недобром и недружелюбном мире. Сможет ли она адаптироваться и не сломаться?

Милосердная забота монахинь не имела ничего общего с родительской любовью, но родителей у воспитанниц не было, а если были, то такие, как у Арины. Слава Богу, что приют, где дети живут по монастырским правилам, расформируют, думала Вера Вечеслова. Слава Богу, что в их с Иваном жизни появился смысл, а у Арины появились бабушка с дедушкой. Связанные не узами крови, но душой и сердцем.

Глава 1. Смотрины

Детей у Вечесловых не было, как ни просили они об этом Бога. Не помогали ни молитвы, ни врачи. Огонёк надежды постепенно меркнул и к сорока пяти Вериным годам погас совсем: спорить с физиологией не решился бы и сам Господь. Жить для себя не хотелось, и через три года супруги решились на удочерение. Отец Дмитрий, в миру Дмитрий Серафимович Белобородов, священник храма Воздвижения Честного Креста Господня, выслушал их со вниманием и порекомендовал приют для девочек-сирот при женском монастыре Святого Целителя Пантелеймона. Приют подлежал расформированию из-за нехватки средств, и отец Дмитрий был рад этому визиту.

С Верой Звягинцевой они росли в одном дворе и учились в одном классе. После школы их пути разошлись: Дима поступил в Санкт-Петербургскую Духовную семинарию, а Вера в московский ИнЯз. Какое-то время они писали друг другу письма, потом Вера вышла замуж и переписка оборвалась сама собой.

В 2003 году Вера оставила работу в школе, оформила пенсию за выслугу лет и уговорила мужа, полковника в отставке, вернуться в город её детства. Полковнику идея понравилась, и супруги перебрались в Осташков, в квартиру Вериных родителей на улице Володарского. Московскую квартиру про-

дали и купили дом на озере Селигер, в посёлке с ласковым названием Заселье. Дом – зимний, добротный, с печкой, колодцем и приусадебным участком – Вечеслов именовал поместьем и за два года превратил в нечто и впрямь напоминавшее дворянскую усадьбу – с мощёнными каменной брусчаткой дорожками, ажурной беседкой, сортовыми розами и садовым фонтаном на солнечных батареях, бьющим в небо алмазно искрящейся струёй.

Отец Дмитрий, которого Вера, забывшись, называла Димкой даже в церкви, был несказанно рад: они с Верочкой снова соседи, снова друзья, у которых – общее детство и общие воспоминания. Для человека на склоне лет это немало, это подарок судьбы.

О том, что в церковь в Южном переулке Вера ходила по старой дружбе, а муж сопровождал её из ревности к отцу Дмитрию, священник не знал.

К поездке готовились тщательно. Вера Илларионовна отправилась в салон красоты, где ей красиво уложили волосы, Иван Антонович залил в «Nissan-X-Trail» полный бак бензина, что оказалось как нельзя кстати: Вечесловы и не подозревали, в какой глуши они окажутся.

До посёлка Раменье доехали без проблем. Отсюда до монастыря, судя по карте, оставалось восемь километров. Вокруг, если верить той же карте, простирались болота. А дороги – извивались, изгибались, поворачивали под невымысли-

мыми углами и вели во все стороны, кроме той, где находился монастырь.

Выручил их мальчишка, заглядевшийся на вечесловский внедорожник.

– Доедете до урочища Раменский Мох, потом в объезд до моста через Сорогу, потом через заказник Алихова Изба. Дорога там лесная, вы ездите всё время прямо и никуда не сворачивайте, а то в болото заедете. Машинка тяжёлая, вдвоём её не вытащить, а помочь некому.

На лицах супругов Вечесловых явственно отразилось сомнение. Мальчишка с жаром принялся уверять, что лесная дорога вполне проходима:

– Да вы не бойтесь! Там в низовьях гать настелена. Осенью-то не проехать, пешком только, а сейчас сухо, дождей давно не было, так что вам повезло. Машинка крутая, нормально доедете.

– Повезло, говоришь? Спасибо. Мы уж лучше по грунтовке. Дальше едешь, дольше будешь, – пошутил Иван Антонович.

– По грунтовке тоже можно, – покладисто согласился мальчишка. И хитро прищурившись, добавил: – Она на север идёт, до Себрово. Это километров двадцать. Потом во круг болота Анушинский Мох крюк агрома-а-адный делает, – мальчишка показал руками, какой крюк делает дорога. – А монастырь на Сонинском озере стоит, это на восток надо ехать. Там леса сплошные.

– А болот там нет?

– Почему нет? Есть. Большое такое болотище, Студенец называется. Да вы не бойтесь! Оно за озером начинается, монастырь по одну сторону озера, а болото по другую, – обстоятельно рассказывал мальчишка.

Вера Илларионовна улыбнулась. Не иначе, Бог послал провожатого.

– Откуда ты всё знаешь? – спросил Иван Антонович.

С мальчишеского лица исчезла улыбка.

– Думаете, вру? У меня батяня в магазине работает. Ну, то есть, это его магазин. Он монахиням всегда сам продукты возит, и я с ним. Я дорогу с закрытыми глазами могу показать. Не верите, езжайте вокруг по грунтовке, это ещё два моста и лишних тридцать километров.

Иван Антонович, проклиная себя за некстати заданный вопрос, уверил паренька, что они ни в коем случае не поедут по дороге с двумя мостами и лишними километрами. Убедившись, что его хотят слушать, сын владельца поселкового магазина сменил гнев на милость и продолжил, водя по карте пальцем. Палец был грязным, с обкусанным ногтем, но его обладателя это нисколько не смущало:

– Значит, так. Урочище Раменский Мох по грунтовке объезжайте, там болота сплошные. – Мальчишка обвёл притихших супругов довольным взглядом. – Как мост проедете, там напрямки через заказник Алихова Изба и по грунтовке до Жохино. Левый поворот видите? Это бетонка до монастыр-

ских ворот. Спонсоры проложили. Он на взгорке стоит, монастырь, издаля видать. – Мальчишка сделал короткую паузу и закончил с торжеством в голосе: – Мне когда восемнадцать исполнится, отец машину обещал. Теперь знаю, какую брать. «Ниссан-Х-Трейл». Доброй вам дороги!

Обескураженные супруги долго вспоминали четырнадцатилетнего словоохотливого пацана, которому отец купит машину, любую, какую тот захочет.

Настоятельница монастыря, она же директриса приюта, долго читала рекомендательное письмо, написанное отцом Дмитрием. Шевелила губами, вскидывала глаза на супругов Вечесловых и вновь принималась читать. Наконец со вздохом отложила письмо.

Из тридцати шести воспитанниц приюта Святого Пантелеймона монастырское сестричество устроило в семье двадцать, ещё трёх девочек вернули восстановленным в родительских правах матерям. Оставшихся ждали специализированные детские дома-интернаты.

– В приюте сейчас тринадцать девочек. Им оказывается педагогическая и медицинская помощь. Лето проживут здесь, с нами, а осенью всех распределят... кого куда, – со вздохом закончила настоятельница.

– Скажите нам просто, без официоза, что с ними не так. И помогите выбрать девочку. Мы к вам так долго добирались, второй раз уже не приедем.

– Придётся приехать. Вам ещё опекунство оформлять. А с девочками всё в порядке, в смысле, у них нормальная психика. – Настоятельница тяжело вздохнула. – Просто у одних слабое здоровье, другим не даётся учёба, третьи не могут забыть родителей, привыкнуть к коллективу. Вы ведь понимаете, из каких семей детки сюда попадают. А здесь они присмотрены, накормлены, одеты-обуты. С младшими занимаются сёстры-воспитательницы, старшие посещают православную гимназию. У нас замечательная гимназия! К нам привозят детей из Липовца, Себрова, Рясного, из Чёрного Дора... Даже из Кукорева девочку возят. Это далеко, надо ехать двумя автобусами. Аллочка от дороги устаёт, но учиться ей нравится, а родителям нравится наша гимназия.

Матушка Анисия прервала свой монолог, возвела глаза к потолку и преисполнилась гордости.

– Наши девочки вышивают, рисуют, занимаются музыкой и танцами, ставят спектакли, при гимназии свой театр. Здесь о них неустанно заботятся, трудами укрепляют тело, молитвой укрепляют дух. А вы что же, думали вот так сразу, приехать и забрать ребёнка? – сменила тему настоятельница.

– Ну почему же сразу? Погостит у нас недельку-другую, не понравится ей – обратно привезём. А документы оформим, это уж обязательно. У нас и справки есть, из наркологического диспансера и из психоневрологического, и характеристики с работы... – спохватился Иван Антонович, доставая из кармана документы. – Я до пенсии в военной академии

преподавал, потом в Москве, в МИФИ, кафедра общей физики. В Осташков мы переехали два года назад. Так сказать, вернулись в родные пенаты. Квартира большая, у девочки будет своя комната. А супруга моя работает в бюро переводов, а раньше работала в школе, учительницей французского. Денег хватает. У меня пенсия ведомственная, у жены досрочная за выслугу лет плюс зарплата. И двадцать пять лет педагогического стажа. С детьми ладить умеет. Да вы почитайте!

Характеристику, выданную Вере Илларионовне школьным директором, матушка Анисия читала с доброй улыбкой. И более не сомневаясь в правильности своих действий, велела накрыть в беседке чайный стол на три персоны.

– Сейчас девочек выведут на прогулку. Увидите, какие они у нас, – с гордостью произнесла настоятельница.

В беседке они просидели полтора часа, наблюдая за гуляющими воспитанницами в одинаковых белых курточках, голубых платках и серых вязаных варежках.

– Куртки нам подарили спонсоры, а варежки связали старшие воспитанницы, – рассказывала матушка Анисия, время от времени подзывая к себе малышей в возрасте от пяти до семи лет.

– В этом возрасте детям легче привыкнуть к новым родителям.

– Да какие мы родители, – рассмеялась Вера Илларионовна. – Мы для них бабушка с дедушкой.

Девочки – круглолицые и розовощёкие – были странно похожи друг на дружку и вели себя тоже одинаково: молчали и смотрели насторожённо. Матушка Анисия представляла их предполагаемым будущим родителям, а Вечесловы угощали конфетой «Гулливер», на которую девчушки смотрели с вожделением, но руку за угощением не протягивали. При этом у матушки Анисии было недовольное лицо. Девочки переминались с ноги на ногу, на вопросы отвечали односложно или вовсе не отвечали.

– Сколько тебе лет?

Ответ или молчание.

– Нравится тебе здесь?

Молчаливый кивок. Молниеносный взгляд – и вновь опущенные глаза.

Они нас боятся! – дошло наконец до Вечесловых. – Боятся, что их заберут в незнакомую жизнь чужие незнакомые люди. Такое уже было, им слишком хорошо помнился родной дом, из которого отчаянно не хотелось уходить. Но – мольбам не вняли, разжали вцепившиеся в спинку кровати детские руки и увезли туда, где никогда не будет мамы.

Девочки живут в тепле и заботе, им здесь хорошо. Примут ли они своих новых родителей, смогут ли их полюбить? Вон, даже конфеты не берут, словно сговорились. Последнюю мысль Иван Антонович высказал вслух.

– До окончания Великого поста пять недель. Напрасно вы вводите детей в искушение. Они ещё малы, им трудно удер-

жаться и не взять на душу грех.

– Грех? Конфета по-вашему грех? Посты не распространяются на детей, они растут, им нужно полноценное питание, – возразила Вера Илларионовна.

– Монахини и послушницы вкушают пищу дважды в день, в среду и пяток одна трапеза, по одной литре (340 г) хлеба, можно с солью, и воду. В Великий пост вкушать положено один раз в день. Для воспитанниц приюта другой режим: девочки завтракают, обедают и ужинают. А посты обязательны для всех. Здесь монастырь, если помните. – Настоятельница больше не улыбалась, смотрела строго.

Вера Илларионовна, которой муж довольно чувствительно наступил на ногу, торопливо согласилась:

– Да, да, конечно. Я об этом не подумала...

Она впервые в жизни ощутила растерянность. Двадцатипятилетний педагогический опыт оказался бессильным против логики матушки Анисии, перед которой любые возражения казались кощунственными. Вера Илларионовна только теперь поняла, почему девочки ведут себя так странно: не гомонят, не смеются, не затевают шумных игр. Даже самые маленькие разговаривают вполголоса.

В монастырь люди приходят по своей воле и, как правило, взрослыми, чётко понимающими, что они приобретают и чего лишаются. Но приют – не для монахинь, здесь живут дети, которым не оставили права выбирать. Выбор сделали за них.

Вера взглянула на мужа, и тот утвердительно кивнул. Похоже, обоим пришла в голову одна и та же мысль. Мысль была невесёлой.

Настоятельница, взглянув на часы, прекратила их мучения, сочтя визит достаточным. Супруги Вечесловы в молчании шли вслед за ней по дорожке, обсаженной кустами дикой розы. Вера вдруг остановилась и тронула мужа за рукав: за кустами кто-то тихонько плакал.

Не услышав за спиной шагов, настоятельница обернулась:
– Идёмте, идёмте. Не обращайтесь внимания.

– То есть как это – не обращайтесь? У вас ребёнок плачет, а вы говорите, не обращайтесь. Вот, значит, как вы их воспитываете? Вот как – заботитесь?! – не выдержал Иван Антонович.

Не ответив, матушка Анисия обошла раскидистый куст и вывела оттуда за руку девочку лет двенадцати, угловатую и некрасивую. Голенастые ноги в нелепых белых колготках. Из рукавов куртки торчат рукава платья, натянутые на сжатые кулаки. Платок спущен с головы, волосы заплетены в косы, а глаза опухли от слёз и превратились в две щёлочки.

– Поздоровайся, – велела настоятельница.

Её слова девочка проигнорировала. Смотрела пустым взглядом, в котором не было ни капли любопытства, ни капли интереса. От Вечесловых не укрылась безнадёжность, сквозившая в этом взгляде, в руках со сжатыми кулаками, в поникшей детской фигурке.

– Как тебя зовут? Почему ты плачешь? Тебя кто-то обидел? Все гуляют, а ты почему одна? – расспрашивала Вера Илларионовна.

Девочка молчала. И когда от неё уже не ждали ответа, вдруг сказала:

– Арина. Никто не обидел. Никто не гуляет, все ушли уже. А плачу, потому что меня никто не возьмёт. Берут только маленьких, а меня, сказали, в детский дом отправят, – всхлипнула девочка. – В специализированный. Для дураков.

– Арина! Грешно так говорить! – прикрикнула на девочку настоятельница. И спохватившись, «убавила звук»: – Вот такая она у нас. Ходит всю зиму с непокрытой головой – чтобы заболеть и умереть. Вбила себе в голову, что в детдоме плохо. А учится прилежно, и трудолюбие поразительное. Видели бы вы её вышивки! Ей даже орлецы расшивать доверили. Правда, из этого не вышло ничего хорошего.

Девочка перестала плакать и внимательно слушала, что о ней рассказывала настоятельница. Последних слов Арина не выдержала, губы задрожали, глаза наполнились слезами.

– Я не виновата, я вышивала по энциклопедии... Они сами получились, такие глаза!

Про глаза и про энциклопедию Вечесловы не поняли, как и про орлецы, но спрашивать не стали. Настоятельница, никак не реагируя на слова девочки, подтолкнула её в спину:

– Иди, милая, иди. Видишь, все ушли обедать. Опаздывать на молитву нельзя, разве ты не знаешь?

Матушка Анисия говорила спокойным голосом, без укора. Арина опустила голову и тихо побрела к главному корпусу, где располагалась трапезная. Вечесловы обратили внимание, что площадка для игр опустела мгновенно: старшие не прогуливались по дорожкам, малыши не долепили в песочнице «пирожков». Девочек не пришлось уговаривать, обеда они ждали с нетерпением и давно хотели есть, понял Иван Антонович. Ещё он понял, как трудно им было отказаться от угощения. Но отказались даже самые маленькие.

Иван Антонович мял в руках пакет с конфетами и не знал, что с ним делать. Вера забрала у него пакет, спрятала в сумку и вопросительно посмотрела на мужа. Тот понял её взгляд и кивнул.

– Если можно... Если вы позволите, Анисья... эээ, как вас по-отчеству звать-величать?

Матушка Анисия, в миру Инесса Акоповна Бакуничева, ответила с улыбкой:

– Матушка Анисия.

– Матушка Анисия... Мы бы хотели взять эту девочку. Эту Арину, – проговорила Вера Илларионовна.

Иван Антонович взял жену под локоть, обозначив этим жестом своё согласие. И устоялся на настоятельница.

– Ей двенадцать лет, переходный возраст, ну и характер со всеми вытекающими...

– С какими именно – вытекающими?

– Девочка весьма неуравновешенная. Сестра Ненила уже

плачет от неё. Может, вам стоит обдумать ваше решение?

– Уже обдумали. Конечно, если она согласится.

– Она согласится. Но я бы вам не советовала...

– Значит, договорились. Вот, возьмите, это за её содержание. – Иван Антонович протянул настоятельнице свёрток, который та не взяла, сказала строго:

– Если хотите помочь приюту, отправьте сумму на наш расчётный счёт. Но в этом уже нет смысла: приют осенью будет закрыт, вопрос решён. А на эти деньги лучше купите ей одежду. Куртки у нас маленьких размеров, о подростках спонсор не подумал...

Матушка Анисия вздохнула и сказала неожиданно:

– Послушайте моего совета, не удочеряйте её. Оформите опеку, а дальше будет видно.

Вечесловы так и не узнали, что именно «будет видно». Настоятельница и по совместительству директриса приюта замолчала и жестом пригласила их следовать за собой.

После обеда матушка Анисия пригласила Арину в свой кабинет и объявила, что для неё нашлись приёмные родители и требуется её согласие. Арина согласилась не раздумывая, но когда услышала, что Вечесловы смогут взять её к себе только после оформления необходимых документов, бросилась на пол, истерически выкрикивая:

– Они больше не приедут! Нарочно так сказали, потому что я плакала, и они меня пожалели. Меня никто не возьмёт, никогда! А в детдоме меня изнасилуют и я повешусь. Видит

Бог, повешусь!

– Арина!! Окстись! Ты хоть понимаешь, о чём говоришь?!

– Понимаю. Это вы не понимаете, – грубо ответила девочка, но матушка Анисия не сделала ей замечания: потом ей будет стыдно за этот тон, а пока пусть выговорится.

– Маша рассказывала про детдом... Там вечером воспиталки домой уходят, и ночью в спальнях творят что хотят. Две девочки забеременели даже.

– Ну будет, будет небылицы сочинять, – не поверила настоятельница.

В приют святого Пантелеймона Маша Горшенина пришла пятнадцатилетней. И с порога попросилась в послушницы, обещая работать с утра до ночи, только чтобы её оставили здесь, не выгоняли. Матушка Анисия долго с ней беседовала, но узнала только, что из детского дома Маша сбежала, потому что «мне там было очень плохо». В приют её привёз отец Дмитрий: одетая не по сезону девочка стояла на церковной паперти и просила подаяние.

– Да она нарочно всё придумала, а ты поверила, глупенькая. Ни в каком детском доме она не жила, она из многодетной семьи, а подаяние просить мать заставляла, – на ходу сочиняла настоятельница. С воспитанницей Горшениной надо серьёзно поговорить, чтобы не болтала чего не надо.

Арина её не слушала, захлёбываясь слезами и уткнувшись лицом в половицы.

Матушка Анисия тщетно пыталась поднять её с пола и

усадить на диван. Услышав доносящуюся из кабинета возню и крики, Иван Антонович без стука распахнул дверь. Присел на пол рядом с Ариной, взял за плечи и резко встряхнул:

– Если ты сейчас же не перестанешь плакать, мы больше не приедем. Рёвушка-коровушка нам не нужна.

Арина силилась перестать плакать, втягивая ртом воздух и судорожно всхлипывая. Иван Антонович погладил её по волосам. Девочка подняла на него глаза, и у Вечеслова перехватило дыхание. Он никогда не видел таких глаз – цвета весеннего льда, подтаявшего на солнце.

– Ты теперь наша девочка. Мы всегда мечтали о внучке с такими красивыми косами. Надо только оформить опеку. Значит, договорились? Ты больше не плачешь, ведёшь себя примерно и не испытываешь терпения сестры Ненилы. А через две недели мы приедем и заберём тебя домой. Вот, возьми, девочек угостишь. – Иван Антонович сунул ей в руки пакет с конфетами.

Арина прижала пакет к животу и с вызовом посмотрела на настоятельницу.

Матушка Анисия выдержала её взгляд. Она устала от Ариных бесконечных истерик и всерьёз боялась, что девочка, упорно отказывавшаяся от пищи с тех пор как узнала о закрытии приюта, заболит и умрёт от голода. Пусть ест конфеты в Великий пост, пусть делает что угодно. Через две недели, максимум через месяц это исчадие ада покинет стены монастыря.

Настоятельница не ошибалась на Аринин счёт. Пакет опустел той же ночью: конфеты съели всей спальней, под одеялами, чтобы Бог не увидел и не наказал. Сестра Ненила унюхала запах шоколада в спальне девочек и пожаловалась сестре Ирине, предложив пойти к настоятельнице и рассказать о содеянном Ариной непотребстве. Но вместо того чтобы возмутиться и вознегодовать, сестра Ирина сказала:

– Доносительство грех, тем более если оно бездоказательно. Говоришь, шоколадные конфеты-то? Девчонки таких не едали поди...

– Шоколадные, шоколадные. Шоколадней не бывает. Большие такие! И обёртки красивые. Они их под одеялом разворачивали, думали, я не услышу. И пахло на всю комнату, – рассказывала Ненила. – То-то матушка Анисия удивится. Аринка своё получит, и остальные тоже.

– Ты не мстить ли им задумала? Грех-то какой, Ненилушка... Не по-христиански это. Лучше встань под образа да помолись за детей. Господь услышит и простит. И тебя простит, за жестокосердие.

Сестра Ненила поспешила уйти, удивляясь в душе, как ловко сестра Ирина повернула ситуацию: конфеты в Великий пост ели девчонки, а грешницей оказалась она, Ненила.

Арине хотелось смеяться и танцевать. Разбуженное воображение яркими красками рисовало стремительно несущуюся навстречу новую жизнь. Эйфория ворвалась в сердце как в распахнутую настежь дверь, высушила недавние слёзы, за-

жгла румянцем щёки. Арину распирало желание поделиться своим неожиданным счастьем, которое ей подарили просто так, ни за что.

За шесть лет, прожитых в монастырском приюте, она научилась справляться с эмоциями. О знакомстве с Вечесловыми никто из девочек не узнал, как не знали об Ариных слезах. С подругами она не делилась ни радостями, ни горестями. Расскажешь – не сбудется, примета такая. А жаловаться в приюте некому, не сестре же Нениле?

– Ты чего вся светишься? Пятёрку, что ли, получила?

– Двойку! По поведению! – смеялась Арина.

Завтраки, обеды и ужины она теперь уплетала за обе щеки. На прогулке с удовольствием возилась с малышнёй, затеывая шумные игры и беготню, к негодованию сестры Ненилы. И с воодушевлением бралась за любую работу, чем заслужила одобрение сестры Ирины.

Арина завидовала самой себе: через две недели у неё будет новый дом и новая жизнь.

Глава 2. Обман

Через две недели Вечесловы не приехали. Не появились они и через месяц. Днём Арина никому не показывала своего отчаяния. А по ночам зажимала ладонью рот, сдерживая всхлипы. Засыпала под утро, когда уже не оставалось сил выдерживать ночь, и весь день ходила с поникшими плечами и зевала. Сестре Нениле не на что было жаловаться: Арина без возражений исполняла всё, что от неё требовали, скажут мыть полы – вымоет до блеска, скажут помогать на кухне – будет чистить овощи, не жалуясь на усталость и не выказывая желаний уйти.

Через месяц Арина пришла к настоятельнице и спросила, что ей теперь делать. Матушка Анисия её поняла. Ответила уклончиво:

– Не приехали, значит, не смогли. Оформление опеки дело долгое, а без опекунских прав они не могут тебя забрать.

– Но они обещали. Сказали, через две недели, а уже месяц прошёл, – чужим голосом выговорила Арина.

– Значит, что-то изменилось. Могли передумать. Могли заболеть. В жизни случается всякое. Надобно всё принимать со смирением, не держать в душе обиды и уметь прощать. Святой Антоний сказал: «Если нападёт на тебя гнев, гони его подальше от себя, и будешь радоваться во все дни жизни своей» – Тут матушка Анисия сообразила, что радоваться Ари-

не в сложившейся ситуации нечему. И добавила поспешно: – Ожесточаясь против людей, мы гневим Бога, а смягчая своё сердце, радуем его. Я знаю, как тебе помочь.

Арина вскинула на настоятельницу глаза, в которых светилась благодарность. Матушка Анисия знает, что делать. Она напишет Вечесловым, расскажет, как Арина их ждёт, как прилежно занимается, даже сестра Ненила, от которой не услышишь доброго слова, похвалила её за старание... Может, Арина сама напишет им письмо, а матушка Анисия его отправит? Арина открыла было рот, но матушка Анисия приложила к губам палец, запрещая говорить. Сказала строго:

– Усмири своё нетерпение. Прочти молитву перед иконой «Умягчение злых сердец». Пресвятая Дева ниспошлёт тебе умиротворение, в котором нуждается твоя душа.

Арина выслушала настоятельницу с опущенной головой и вышла из комнаты, не поблагодарив за совет и не поцеловав протянутую руку. Но молитву перед «Семистрельной» всё же прочитала:

«Умягчи наши злые сердца, Богородица, и нападения ненавидящих нас отрази, и всякие душевные огорчения наши разреши. Взирая на Твой святой образ, Твоим состраданием и милосердием к нам мы сердечно сокрушаемся и раны твои целуем. О стрелах же наших, терзающих Тебя, ужаемся. Не дай нам погибнуть в жестокосердии нашем или от жестокосердия ближних, ибо Ты воистину есть умягчение

злых сердец».

Молитва не помогла. Да и как она могла помочь, если в ней говорилось совсем о другом? В приюте Арину никто не ненавидел, не желал ей зла, и сама она никому не желала, Богородицу стрелами ненависти не ранила, жестокосердия не испытывала, а испытывала обиду и душевную боль. Хотя Богородице, наверное, было больнее, думала Арина, глядясь в глаза святой. Глаза понимали и сочувствовали.

Предательство Вечесловых было не первым в её двенадцатилетней жизни. Сначала её предала мать, которой Арина поверила и согласилась пожить в интернате, пока в их доме делают ремонт. Про ремонт мать выдумала. И увлечённо развивала благодатную тему:

– Ремонт это всегда грязь, цементная пыль, побелка, запах краски... А у тебя слабые лёгкие, если будешь этим дышать, то непременно заболеешь и попадёшь в больницу. Ты же не хочешь в больницу?

– Не хочу. Лучше в интернат. А там гулять разрешают?

– Ну конечно! Интернат на территории монастыря, там большой парк, чистый воздух, в лесу растёт черника и земляника, ешь не хочу. Озеро Сонино большое, вода в нём тёплая, чистая. Летом купаться будешь с девочками...

Мать осеклась на полуслове, поняв, что проговорилась.

– Летом?! – испугалась Арина. – Я там всё лето буду жить? Я не хочу! Я не поеду!

– Тогда придётся положить тебя в больницу. Там каждый

день больно колют уколы (Арина сморщилась), кормят кашей-размазнёй (Арина не любила размазню) и не разрешают вечером телевизор.

Арина обожала вечера, когда мать сажала её на колени и они втроём смотрели фильм, в котором, если было непонятно, мамин муж Жорик рассказывал содержание. Девочка пытливо уставилась на мать, но Зоины глаза были серьёзными. Похоже, она говорит правду.

– Подумай. В больнице из палаты не выйдешь, а в интернате можно гулять, можно кино смотреть, там есть кинозал. А ещё экскурсии, на автобусе. Паломнические поездки. За границей побываешь, мне расскажешь потом, где была, что видела, – вдохновенно врала мать.

Арина шмыгнула носом и кивнула. Она не хочет в больницу, она согласна пожить в интернате.

– Ты будешь часто приезжать? И после ремонта заберёшь меня домой?

– Ну конечно заберу! Мы с папой Жорой будем по тебе скучать

– И я буду скучать. Только ты приезжай почаще, ладно?

◆◆◆

Она держалась, пока не увидела высокий – выше человеческого роста – монастырский забор, за которым ей предстоит жить. Она останется здесь, а мама уедет домой. Арина представила, как стоит, прижавшись спиной к серой каменной стене, и ждёт маму. А её всё нет и нет... Из глаз брызну-

ли слёзы, Арина обхватила мать руками и с плачем выкрикнула:

– Не хочу здесь жить! И на экскурсию не хочу, я домой хочу! Я играть хочу!

– Будешь играть, – пообещала мать. – С детишками. Здесь много детишек, будете вместе играть.

Мать остановилась у ворот – таких же неприступных, как стены. Надавила на кнопку звонка. На звонок долго не отвечали. Наконец распахнулась обитая железом калитка, вслед за матерью Арина перешагнула высокий порог и огляделась. По расчищенной от снега дорожке к ним шла женщина в длинных чёрных одеждах. Арина её испугалась, вцепилась в мать. Станный интернат. Станный голубоватый снег. А учительница в чёрном. И наверное, такая же строгая, как Аринина тренерша по гимнастике. Вдруг она не примет Арину в школу? Скажет, что она ещё маленькая.

Чёрная женщина, подойдя, перестала быть страшной, улыбнулась Арине и протянула руку ладонью вниз. Руку Арина проигнорировала и выпалила первое, что пришло в голову:

– Я умею читать и писать печатными буквами. Умею делать шпагат, и складочку, и боковое равновесие с рукой, и качельку умею. А... где же девочки?

– Поздоровайся! Руку поцелуй! – мать подтолкнула её в спину.

Арина поцеловала протянутую руку и подняла на настоя-

тельницу глаза. Та ободряюще улыбнулась:

– У девочек учебные часы. После уроков прогулка, потом молитва и обед в трапезной. После обеда занятия в кружках, потом вечерняя прогулка, молитва, ужин и отход ко сну. Какие ты знаешь молитвы?

Арина только теперь поняла, зачем мать заставила её учить наизусть молитвослов. И обрадованно затараторила: «Отец наш небесный, живущий на небесах...» Слова она произносила невероятно быстро и с чёткой артикуляцией, а молитву закончила так: «Мой папа тоже живёт на небесах. А мы с мамой живём в городе, а хлеб наш насущный покупаем в булочной, мне нельзя, тренер не разрешает, а маме с Жориком можно».

Мать дёрнула её за руку и сделала строгие глаза. А потом обняла и не отпускала долго-долго. Поцеловала и подтолкнула к настоятельнице: «Иди, доченька, иди с Богом».

Арина хотела сказать, что не хочет – с Богом, она хочет с мамой. Но не успела. Настоятельница взяла её за руку и повела по дорожке к дому. Девочка оглянулась и помахала матери рукой. Мать помахала в ответ и скрылась за калиткой. Больше Арина её не видела.

В «интернате», который оказался приютом при монастыре Святого Целителя Пантелеймона, Арина прожила почти семь лет. Мать в её жизни больше не появилась.

Больше всего на свете тридцатилетняя Зоя Зяблова боя-

лась остаться одна. Новый муж, которому пришлось по душе Зоина трёхкомнатная квартира – в центре города, в кирпичном доме с хорошей звукоизоляцией, нелюбопытными соседями и чисто вымытыми парадными, – не скрывал неприязни к Зоинной дочери, плаксивой, небрежно одетой и всегда чем-то недовольной. По утрам девчонка без стука входила в их с Зоей спальню, бесцеремонно залезала под одеяло и расталкивала мать:

– Мама, вставай. Я кушать хочу!

– А гимнастику сделала?

– Сделала!

– Молодец. Теперь иди к себе, не мешай нам с папой Жорой одеваться.

Жорика злило, что его называют папой.

– Сколько раз повторять, не называй меня так! Я не смогу стать отцом чужому ребёнку.

– Жорик! Что ты такое говоришь, какая же она чужая? Она моя дочь.

– Для меня она чужая. У нас с тобой будут свои дети, свой дом и своя жизнь. А у неё будет своя. Я же не предлагаю выгнать её на улицу. Отвези её в приют при монастыре, я узнавал, есть такой, на Сонинском озере. Ох, и красивые места! И православная гимназия при монастыре. Выучится, вырастет... Была гимнастка, а будет гимназистка, – ухмыльнулся Жорик, которому не хотелось платить за Аринины занятия гимнастикой.

Арина была солидарна с папой Жорой: заниматься гимнастикой ей не нравилось, было больно и страшно, но мама говорила, что надо себя преодолевать, что без этого Арина не добьётся успеха, не получит медаль и не встанет на пьедестал.

Медаль Арине хотелось. Ещё ей хотелось хлеба и макарон. Но мучное и сладкое было под запретом, Арину кормили отдельно и выпроваживали из кухни, когда садились ужинать.

– Ну же! Соглашайся, – уговаривал сожительницу Жорик. – Распишемся с тобой, я коттедж присмотрел на Селигере, окнами на озеро. Там вода на восходе розовая, на закате малиновая.

– А днём какая?

– А днём голубая. Соглашайся, Зоенька.

Зоя была счастлива. Жорик предложил официально оформить их отношения, хотел семью, детей. А Арине будет хорошо в приюте. Зоя купила в церковной лавке молитвослов, по которому Арина старательно затверживала молитвы, выбирая покороче. За рассказанную без запинки полагались две галеты. Стоит ли говорить, что стимул был сильнее желания? Арину не приходилось понукать: жевала и учила, учила и жевала...

На Малое Славословие, молитву «Об умягчении злых сердец» (Тропарь, глас 5-й), молитву Святому Духу и две молитвы целителю Пантелеймону ушла пачка галет. Арина с надеждой поглядывала на вторую, но на этом обучение

закончилось. Зоя достала с антресоли Аринино старенькое пальтишко с оторванной подкладкой, сама оделась в прогоревшую у костра куртку, в которой ездила на болото за клюквой, повязала голову тёмным платком и отправилась в церковь. Наученная матерью, Арина старательно кашляла. Пальтишко продувало ветром, девочка куксилась и шмыгала носом, что было как нельзя кстати. Матери-одиночке, брошенной гражданским мужем, оставшейся без работы и с больным ребёнком на руках, не смогли отказать. Арина отправилась в приют.

А Зоя с Жориком отправились посмотреть коттедж. На воротах висела табличка «Продаётся», и Жорик облегчённо выдохнул: не продали ещё, повезло. Зоя бродила по комнатам, которых оказалось неожиданно много, и строила радужные планы. Коттедж продавался с обстановкой, что было очень кстати. Деньги у Жорика были, но их не хватало – ровно столько, сколько стоила Зоина квартира.

Квартира досталась ей от первого мужа, умершего год назад от цирроза печени. Его родители умерли ещё раньше. Жорик осторожно расспросил Зою и узнал, что родственников мужа она в глаза не видела, а сама воспитывалась в детском доме. Неприспособленная к жизни, она покорно терпела мужнины пьянки, наглые приставания его друзей, грубое обращение и необузданную ревность.

После смерти мужа Зоя жила на Аринину пенсию по потере кормильца, мыла полы в подъездах и сдавала две комна-

ты из трёх. С жильцами ей не везло. Молодые симпатичные молдаванки оставляли в ванной грязное бельё, а в раковине немытую посуду, и провоняли всю квартиру жареным салом. А когда Зоя высказала своё недовольство, съехали, не заплатив за последний месяц. Другие жильцы – семейная пара без детей – оказались не в меру чадолюбивыми, угощали Арину бутербродами с колбасой, которые девочка с аппетитом ела и быстро набирала вес.

Зоя имела неприятный разговор с Арининой тренершей. Арину пришлось посадить на жёсткую диету и терпеть её бесконечное нытьё, а от жильцов пришлось отказаться. С третьим квартирантом Зое повезло: он не приводил в дом дружков, плату за комнату вносил аккуратно, столовался у Зои и вдобавок ко всему был непритязателен в еде. Денег за питание Жора не жалел, платил с лихвой. Зоя больше не мыла подъезды и, возвращаясь с рынка с полными сумками продуктов, встречала завистливо-одобрительные взгляды соседок:

– Зойку нашу не узнать. Работу бросила, мужика денежного подцепила, девчонку придела, на рынок ходит каждый день, полные сумки таскает.

– Деньги, видать, завелись, вот и таскает. Мужика если не кормить – его и след простынет, к другой уйдёт.

– Это от Зойки-то? Красивая она, как с афиши киношной срисованная. Да и муж выдрессировал, язык на привязи держит, шёлковая с Жоркой своим... Прежние-то жильцы вье-

хоть не успеют – а и съехали уже. А этот порядочным оказался.

Зоя не поверила своему счастью, когда жилец однажды сказал, что их дом – тихая пристань, которую он искал всю жизнь, а Зоя – прекрасная хозяйка, прекрасная мать и восхитительная любовница. А ещё она очень красивая. Боттичелли, живи он сейчас, писал бы с неё свою «Флорентийскую Венеру» (прим.: Симонетта Каттанео Веспуччи, 1480 год, Берлинская картинная галерея).

Сравнением с флорентийской Венерой Жорик растопил не одно женское сердце. А про «тихую пристань», «прекрасную мать» и «восхитительную любовницу» вычитал в женском романе и переписал в блокнот понравившиеся фразы, которыми покориł Зоино сердце. Ещё он обещал свозить её в Белладжио, на озеро Комо.

Про «лоджию» она не поняла, но переспрашивать не стала. И очень боялась потерять Жору, который был с ней ласков, настоял на увольнении из жилищно-эксплуатационной конторы, и не обижал Аришку, в судьбе которой принял такое участие. Зоя наврала ей про ремонт, в приют Арина отправилась почти без слёз, и теперь ничто не мешало Зоиному счастью. Она продаст квартиру, они с Жориком купят коттедж на озере, и для Зои начнётся новая жизнь.

Для Жорика – настоящее имя Вадим Ратманов, брачный аферист – роскошная квартира площадью шестьдесят восемь квадратных метров оказалась лакомым кусочком, а хо-

зьяка квартиры – глупой красивой куклой, у которой была некрасивая маленькая дочь. От дочки он избавился. На очереди была Зоя.

Квартиру продали. Мебель Жора брат не разрешил («В коттедже приличная мебель, ты сама видела. На что нам твоя рухлядь?») и повёз Зою в якобы купленный им дом. Покупку предварительно обмыли, заодно простившись со старой квартирой и прежней жизнью. В зоин фужер Жорик щедро добавил снотворного: через двор она шла на подгибающихся ногах, засыпая на ходу.

– Переезжаем. Зоенька напилась на радостях, не рассчитала дозу, – с улыбкой объяснил Жора сидящим у подъезда бабушкам. Принесла их нелёгкая... Но всё обошлось, в новоселье бабульки поверили, как и тому, что Арина гостит у Жориных родителей, а мебель они заберут позже (с последним Жорик не обманул, мебель продал «оптом», и когда к дому подъехала грузовая машина и из Зоинной квартиры стали выносить кресла, диваны и шкафы, никто не удивился).

Зоя спала и улыбалась во сне – новой жизни. И не перестала улыбаться, когда Жора вынес её из машины, отнёс подалее в лес и опустил в выкопанную заранее могилу. Осторожно снял с её головы платок. Зоя не шевельнулась. Жора поцеловал жену в тёплые губы.

«Тёплые ещё. Живая. Но не проснётся, доза снотворного лошадиная, а ночью мороз обещали, замёрзнет во сне».

«Спи, моя хорошая, и спасибо тебе за всё. А дочке твоей

в приюте будет лучше, чем с такой матерью, которой мужик дороже ребёнка. Может, ей в монастыре понравится, жить там останется. А ты спи. Земля тебе пухом...»

Бережно прикрыл Зоино лицо платком, забросал тело ветками, сверху засыпал землёй, заровнял снегом.

Жорик не учёл одного: под хворостом, которого он накидал слишком много, сохранился воздух, а от холода действие снотворного закончилось слишком быстро. Зоя проснулась в кромешной темноте, не понимая, где она находится, не в силах распрямить онемевшие руки и ноги. И долго не верила, что это конец.

Глава 3. Монастырь Святого Пантелеймона

Кроме православной гимназии, в монастыре Святого Пантелеймона был швейный цех, где сёстры-монахини шили епископские и иерейские богослужебные облачения, и мастерская декоративно-прикладной вышивки. Расшивали золотой и серебряной нитью фелони (ризы) и саккосы (верхнее богослужебное облачение архиерея), епитрахили (обёрнутый вокруг шеи священника шёлковый фигурный шарф-лента), поручи (манжеты, надеваемые на запястья поверх рукавов), пояса, покровцы из белой парчи на чаши для причащения мирян; стёганые покрывала и наволочки с церковной символикой. Спросом пользовалась и художественная вышивка: картины, скатерти, салфетки и покрывала, красиво расшитые шёлковыми лентами, шерстяными кручёными нитями, шнурами, бисером и блёстками.

Монастырские вышивальщицы не имели недостатка в заказах. И терпеливо обучали девочек своему искусству. Если у воспитанницы не обнаруживалось таланта к вышиванию, её к этому не принуждали, позволяя выбрать занятие по душе – при гимназии работали бесплатные кружки: музыкальный, вокальный, театральный, танцевальный, изостудия и мастерская рукоделия (вязание, изготовление мягких игрушек, лоскутное шитьё). Перед праздниками кружки объ-

единяли усилия и ставили спектакли, декорации к которым рисовали в изостудии, а костюмы шили в швейном цехе старшие воспитанницы.

Занятия в кружках были обязательными и наступали после учебных часов. Вечером воспитанниц приюта ждала прогулка, ужин с обязательной молитвой и отход ко сну. За «домашними» приезжали родители – кто на машине, кто на автобусе (четыре рейса в день: два утренних и два вечерних). Аринина подружка Настя целовала её в щёку, наскоро просталась и бежала к воротам, где её уже ждали.

Этот ежевечерний ритуал – когда детей целовали, тормошили, обнимали за плечи, сажали в машину или в автобус и увозили домой – больно ранил Аринино сердце, и оно никак не заживало. Отчаянно хотелось домой, и каждый вечер она дежурила у ворот и ждала, что к ней приедут мама с Жориком. И также будут обнимать, целовать, расспрашивать обо всём и снова обнимать. А потом увезут её домой.

Но приезжали и увозили всегда других, а за Ариной никто не приезжал.

С Настей они сидели за одной партой и дружили. У них даже фамилии были похожие, птичьи: Зяблова и Пичугина, за что одноклассницы необидно дразнили их пичужкой и зябликом, а учителя ласково называли птичками-невеличками. Арина знала, что у Насти вместо мамы мачеха, которую Настя любила, а Настин отец любил их обеих.

– Сегодня за мной мама приедет, они с папой по очереди меня забирают, – говорила Настя.

– А ты почему её мамой зовёшь? Ты же говорила, она тебе мачеха.

– Никакая она не мачеха, а просто папина жена. Мама умерла, когда я родилась. А папе трудно одному меня воспитывать, он сам так сказал. – Настя надулась.

– Ты что, обиделась? Я же ничего такого не сказала... – Арина погладила Настю по руке. Ей не хотелось ссориться с любимой подружкой.

– Пичугина! Зяблова! Расчиркались как птички. Будете продолжать в том же духе, расскажу, – пообещала учительница. У неё это получилось необходимо, но девочки испуганно умолкли. Выждав, когда учительница отвернётся, Настя подмигнула Арине. Арина подмигнула в ответ. Мир был восстановлен.

В свой первый год в монастырском приюте Арина много плакала. Первый снег больше не казался волшебным, а весной не хотелось пускать кораблики по снеговым ручьям и гладить пальцами мохнатенькие листочки мать-и-мачехи (цветы Арина не рвала, пусть растут, солнышку радуются).

Не принесли успокоения и праздники. Новый год без подарка под ёлкой. Рождественская неделя, полная тоскливого ожидания, когда же приедет мама. Даже подарок не порадовал! Даже Христово Воскресение! Самый почитаемый и радостный праздник церковного календаря остался в памя-

ти торжеством, на котором не хотелось ничему радоваться. Арина без аппетита съела творожную сладкую пасху с курагой, цукатами и орехами, на крашенные яйца смотрела равнодушно, а свой кусочек кулича отдала Насте:

– Бери. Я не хочу.

Настя погладила её под столом по коленке:

– Ну чего ты? Опять плачешь? Не плачь.

– Да-аа, не пла-аачь... – всхлипнула Арина. – Тебе хорошо, у тебя и мама, и папа, и братик, и собака, ты с ними видишься каждый день, и летом уедешь на все каникулы, а я...

– И ты уедешь! Летом здесь только круглые сироты остаются, у кого родственников нет. И у кого родители в тюрьме, или родительских прав лишили. А твою маму не лишили, ты же сама говорила. Она обязательно тебя заберёт.

– Столько дней прошло, а она всё не едет и не едет. Вдруг я здесь навсегда останусь? Я не хочу!

О приютской жизни Настя знала со слов Арины. После завтрака уже через час хочется есть. В спальнях зимой холодно, а одеяло тонкое. Дома Арина спала под тёплым, верблюжьим, а здесь просыпалась среди ночи и делала гимнастику, чтобы согреться. Сестра Иринья добрая и всё прощает. Сестра Ненила не знает к чему придраться. У сестры Апраксии на всё один ответ: «Обиды терпи молчанием, потом укорением себя, потом молитвой за обижающих». Приём пищи в обители по звонку, и окончание тоже по звонку. Мяса на столе не бывает, Арина даже забыла его вкус. А во время по-

стов не бывает даже рыбы. И молока, и яиц, и масла. Зато хлеба можно есть сколько хочется. Посты в монастыре строгие и обязательны для всех, даже для самых маленьких. Молитва перед вкушением пищи тоже обязательна, никуда не денешься.

Ещё она знала, что Арина с трёх лет занималась гимнастикой (Арина показывала, Настя восхищалась и просила её научить, сестра Ненила возникала ястребиной чёрной тенью, распекала девочек за «безобразия» и призывала вести себя пристойно) и что мама обещала за ней приехать, когда закончится ремонт, но так и не приехала. Может, просто забыла? Настя попробовала представить, что папа с мамой Надей о ней забыли. Представить не получилось.

Наверное, Арина мама заболела и лежит в больнице. А когда поправится, заберёт Арину домой. Но это ещё когда будет, а пока надо срочно что-то придумать. И Настя придумала:

– А знаешь что? Давай никогда не разлучаться? Вот вырастем, окончим школу, и ты будешь жить у нас, я с папой поговорю, он разрешит. И мы всегда будем вместе.

Арина подняла залитое слезами лицо и улыбнулась. Настя придвинула к ней свою тарелку с пасхой:

– Тогда и ты бери, я творог не люблю. Я твой кулич съем, а ты мою пасху. А яйца домой возьму, Альва очень любит, только ей чистить надо, сама не умеет. – Настя вдруг приснула. И прошептала в Арино ушко: – Только ты никому не

говори, что я Альву свячёными яйцами кормила.

Неожиданно для самой себя Арина рассмеялась. И принялась за пасху, которая – вот странно! – вдруг стала необыкновенно вкусной. Зажмутив один глаз, она приставила к другому прозрачную дольку апельсинового цуката и посмотрела на свет. Свет оказался тоже вкусным, празднично-оранжевым. Никто на свете не умеет так утешать, как Настя!

Арина вынырнула из воспоминаний и горестно вздохнула. Пасха ещё не скоро, март только начался, Великий пост длинный-предлинный, сорок восемь дней. И целых сорок восемь дней нельзя шуметь, бегать и громко смеяться. Это называлось «предаваться удовольствиям». Но если Бог создал удовольствия, то почему нельзя им предаваться? И есть всё время хочется. Настю дома ждёт вкусный ужин, а Арину – перловая каша без масла, которая уже не лезет в горло.

Арина никому не нужна, даже маме. А Настя нужна отцу, и маленькому братику, и овчарке Альве. И мачехе, которая её любит, целует в обе щеки, спрашивает, как прошёл день и что сегодня подавали на обед в монастырской трапезной. Суёт ей в руки промасленный пакет, в котором – бутерброд с Настиным любимым салом шпиг или пирожок. И смотрит, как Настя ест, пробормотав с набитым ртом «шпашибо, ма».

Настя однажды её угостила. Пирожок оказался с мясом. Арина впервые в жизни ела слоёное тесто, тающее во рту, восхитительно вкусное. Подобрала с ладони крошки и удивилась:

– Сейчас ведь пост, нельзя!

– Если нельзя, почему же ты ела? – рассмеялась Настя. – У нас дома всегда на столе пирожки, папа и Альва любят с мясом, Павлик с повидлом, а я люблю и с мясом, и с повидлом. Мы с мамой Надей вместе печём. А поститься, папа говорит, не обязательно. Папа говорит, главное – никого не обижать, хорошо учиться и хорошо себя вести. И не только в пост, а всегда.

Пирожки Арине доставались редко: Настина мачеха не разрешала падчерице открывать пакет, пока они не выйдут за ворота. Пирожки скоромные, бутерброды с салом, а сестра Ненила вертится поблизости, высматривая, вынюхивая, выискивая... Чтобы потом доложить директрисе приюта. Доносчица! Иуда!

Настя жуёт и рассказывает – обо всём. А мачеха, которую Настя называет мамой, заботливо поправляет на ней вязаную шапочку, поднимает воротник пальто и за руку ведёт к автобусу. Настя оглядывается и машет Арине рукой, Арина машет в ответ. Автобус, весело подмигивая красными огоньками, увозит их в «мир». Сестра Ирinya так и говорила – «в миру», «миряне».

Арина смотрела вслед автобусу блестящими от слёз глазами. За ворота её не выпустят, за ворота – только в сопровождении взрослых. Но когда-нибудь она сумеет обмануть строгих монахинь и приедет домой. Мама всплеснёт руками: «Аришенька, доченька, какая же ты большая!» И будет

весь вечер расспрашивать о том, как Арина живёт, хорошо ли учится, есть ли у неё подруги. Арина расскажет про Настю и про её мачеху, и про сестру Ненилу, у которой железные зубы, как у бабы Яги.

Папа Жора нальёт ей полный стакан шипучего лимонада и отрежет толстый ломоть колбасы. Арина представила, как будет жевать колбасу – медленно, растягивая удовольствие. А потом смотреть мультфильмы. В монастыре нет телевизоров.

Мечты о колбасе были прерваны воспитательницей:

– Зяблова, ты почему не на молитве? Почему не со всеми? Тебе отдельное приглашение нужно? Всю прогулку у ворот проторчала, будто их мёдом намазали. Вот противная девчонка!

Пронзительный голос сестры Апраксии, напоминающий воронье карканье, выдернул Арину из уютного домашнего мирка, в котором – мама, Жорик, телевизор и колбаса – и вернул в монастырский двор. Оказывается, время прогулки закончилось, и настало время для повечерия с акафистом святому великомученику и целителю Пантелеймону. Арина вздохнула и поплелась в моленную. Сестра Апраксия шла следом и строго её отчитывала, Арина слушала, вздыхала и думала о своём: мама не приедет, за ворота не выпустят, домой позвонить нельзя – не разрешают.

Хотелось плакать.

Арина перестала верить Богу, когда поняла, что мама за ней не приедет, сколько ни молись, сколько ни проси. Если бы она была круглой сиротой, было бы не так обидно. Мысль о том, что матери она не нужна, терзала ночами, не давала уснуть. И отпускала, только когда приезжала Настя и наступало время учебных часов.

Учёба в гимназии давалась девочке легко. Двоек здесь не ставили, детей не унижали, слабых учеников не высмеивали, не называли бестолковыми и помогали им всем классом. Отношение преподавателей к учащимся хотелось назвать дружеским, а директриса приюта была дипломированным психологом и всегда находила ключик к детской душе.

Таким ключиком стало для Арины вышивание.

Устав выслушивать бесконечные жалобы сестры Ненилы на Арину – учиться не любит, на уроках смотрит в окно и мечтает, на занятиях в вокальном кружке не поёт, а только открывает рот – директриса приюта, она же директриса гимназии и настоятельница монастыря, не выдержала:

– А почему ко мне пришла ты, а не руководительница кружка? Она что, не знает об этом?

– Знает. Но оправдывает лентяйку, говорит, что у неё отсутствует слух, и девочка поёт шёпотом, чтобы не мешать остальным. Говорит, что не может ей запретить приходить в кружок. Не может она... Девчонка ни к чему не способна, руки-крюки, картошку чистит так, что от неё один горох остаётся, морковь если дашь – так она, вместо того чтобы

нарезать да в чан сложить, сидит и жуёт. Не отнимешь, так всю сжуёт. Прорва!

– А на прогулке чего удумала! – распялялась сестра Ненила, ободрённая молчанием настоятельницы. – Юбку вовсе с себя сняла, и на шпагат садилась, и колесом складывалась, и гнулась по-змеиному. А подружки аплодировали. Грешно в страстную седмицу цирк устраивать, ноги к ушам задирать.

«Цирк» матушка Анисия проигнорировала, с руководительницей музыкального кружка обещала поговорить, а Арину велела отвести в вышивальную мастерскую и показать вышивки. Вдруг девочке понравится?

Понравится ей... Её бы в часовне на колени поставить, чтобы грех свой отмаливала, а не экскурсии устраивать, – размышляла Ненила, по паспорту Марина Сергеевна Злобина, фамилия говорила сама за себя. Но возразить настоятельнице не осмелилась. Да и нельзя – возражать.

И отвела Арину в вышивальную мастерскую.

С того дня думать о мамином предательстве и о своей никому ненужности стало некогда. Мир, вышитый на куске ткани обыкновенной иглой, становился живым. Удивлял. Восхищал. Завораживал. Если бы ей позволили, Арина проводила бы в мастерской весь день, наблюдая, как мастерицы кладут на ткань стежок за стежком. На ткань, а ей казалось – на душу, в которой становилось светло от шёлковой прохладной глади, а горькие мысли уступали место другим: научиться творить чудеса из ниток, лент и шнуров.

В восемь лет она вышивала крестом и бекстичем (контуром), в девять освоила художественную гладь. В двенадцать – могла рассказать о различных техниках вышивки: ковровая, бисерная, сутажная, строчевая, объёмная вышивка-плетение иглой, объёмная вышивка лентами, ажурная ришелье, тамбурная, гольбейн (блэкворк), квилтинг (создание орнаментов и целых картин), ассизская (когда вышивается только фон, а основной рисунок остаётся не заполненным стежками).

Больше всего Арине нравилась синель (вышивка бархатным шёлковым шнуром), аппликация (накладное шитьё) и пэчворк (лоскутное шитьё). Самой трудоёмкой считалась византийская золотная вышивка, из-за сильной скручиваемости нитей. Канитель (тонкая металлизированная нить) доверяли не всякой девочке. Но Арина добилась своего. Мастерицы восхищённо ахали, разглядывая её работу, и прочили девочке хлебное ремесло золотошвейки.

Арина о своём будущем была другого мнения, которое никому не высказывала.

За весной пришло лето. Занятия в гимназии окончились, Арина распрощалась с Настей на долгие три месяца, но жалеть себя больше не хотелось. После завтрака она устраивалась в уголке двора с пяльцами в руках – расшивала цветочным узором салфетку, которую подарит Насте на день рождения. После обеда отправлялась в вышивальную мастер-

скую, где оставалась до вечера.

Трудолюбивой воспитаннице доверяли многое. Арина вышивала бисером цитаты из Евангелия на скруфьях и стихарях, расшивала серебряной канителью голубые шёлковые поручи (короткие нарукавники), украшала фелони узорными крестами из бисера. И даже вышила аппликациями церковный возду́х (большой четырёхугольный покров, символически изображающий плащаницу).

За годы, проведённые в приюте, девочка сильно изменилась. Плаксивая, вспыльчивая, дерзкая, она вынуждена была подчиняться монастырским правилам, что благотворно сказалось на характере. Несложные обязанности не тяготили, учёба в гимназии нравилась, как и учителя, а вышивание стало любимым занятием, в которое девочка вкладывала душу.

Она больше не устраивала показательных выступлений с гимнастикой, не дерзила в ответ на замечания, не доводила сестёр-воспитательниц до белого каления. При встрече с сестрой Агафьей, к которой она питала необъяснимую приязнь, склоняла голову, а при обращении называла матушкой. Двадцатипятилетней сестре Агафье это льстило: матушкой в монастыре принято называть только игуменью.

– Пойдём, милая. В трапезную уж звали, обедать. За тобой не придёшь, так ты здесь до вечера с иголкой просидишь, – мягко выговаривала девочке сестра Агафья. Арина согласно кивала. Монахиня осторожно прикоснулась рукой к синим колокольчикам и блёкло-голубым незабудкам, которые каза-

лись настоящими.

– Это аппликация, – объяснила Арина. – А есть ещё пэчворк, это когда из лоскутков шьют, и флорентийская объёмная барджелло, это когда лентами. А ещё гобеленовый шов, я умею, но мне не дают.

– Сегодня не дают, завтра дадут. Наберись терпения. Бог терпел и нам велел, – ласково вымолвила Агафья. И не выдержав, рассмеялась, прикрывая рукой рот. – Ты ж им такое устроила, с орлецами этими... Грех какой... Чисто цирк!

– Ничего не грех! И не цирк. Я красиво вышила! – упорствовала девочка, и сестре Агафье не хотелось ей возражать. Хотелось пожалеть. Арину тогда наказали за несдержанность в словах, а орлец отобрали и куда-то унесли. Арина так плакала...

Круглый коврик с изображением орла, парящего над городом, ей доверили вышить как лучшей ученице. Орлец постигается под ноги епископа во время богослужения и указывает на его должность (греческое «эпископос» = надзирающий, смотрящий), а также на высоту служения.

За дело она взялась с воодушевлением и очень старалась. Но вместо орла у Арины получился стервятник с хищно загнутым клювом, хитрым прищуром глаз и острыми как лезвия маховыми перьями, в которых монахини усмотрели нечто дьявольское. Где она такие видела?

– В энциклопедии, – призналась Арина. – Орёл-ягнятник, птица подвида стервятников, семейства ястребиных. Там

картинка, я с неё и вышивала. И нитки под цвет перьев подобрала. Да вы сами посмотрите! Книжку возьмите и посмотрите!

Монахини потрясённо молчали. И тут бы Арине остановиться, а она продолжила:

– На самом деле он никогда не охотится на живых овец, а питается падалью. Так в энциклопедии написано. Ягнятники почти всё время находятся в небе, они моногамны, хотя иногда свободные самцы присоединяются к парам, создавая трио, – добросовестно вспоминала Арина.

Энциклопедию она отыскала в школьной библиотеке, где наводила порядок, протирая влажной тряпкой корешки книг. И читала её с упоением целый месяц. А память у неё была фотографическая.

Глава 4. Яблочный Спас

Летом в приюте вставали в шесть, как и всегда. После параклиса Пресвятой Богородице наступало время уборки комнат, мытья полов и работы в монастырском огороде, в десять часов утренняя трапеза, затем свободное время и время для чтения, затем молитва и дневная трапеза. После обеда воспитанницам предлагалась посильная несложная работа, которую девочки выбирали сами: трудиться в швейной мастерской; резать и чистить овощи; пропалывать чесночные грядки; собирать в большую плетёную корзину крапиву для щей, вооружившись ножом и перчатками из плотной материи; опрыскивать из пульверизатора яблони и вишни в монастырском саду. Раствор для опрыскивания здесь изготавливали из золы, цветков пижмы, картофельной ботвы, полыни, чистотела и даже из чеснока. После ужина вечерняя прогулка, сразу за ней повечерие и отход ко сну.

Спокойная размеренная жизнь, в которой ничего никогда не менялось, а дни были похожи друг на друга как капли дождя, примиряла Арину с самой собой, утишала гнев, врачевала обиды. Ей казалось, так будет всегда.

Сестра Агафья была другого мнения:

– Этот год високосный. – Агафья перекрестилась. – От него хорошего не жди. Ты маленькая была, не помнишь ничего, а я вот помню, как мучнистая роса на яблони напала, а

на капусту тля, а на картоху проволочник, и всё в один год. Сестра Антония, земля ей пухом, царствие небесное, в високосный преставилась, и сестра Ефимия – тоже в високосный. Молодые обе были. Прибрал Господь. А в Пятницу Светлой Седмицы в Чёрном Доре звонарь с колокольни упал, слышала? – Арина помотала головой. – Не слышала. Да откуда тебе знать... Неизвестно отчего сорвался. Может, голова закружилась... А перила-то высоконькие на колокольне, сам отудова не свалишься. Или помог ему кто? – сестра Агафья испуганно зажала рот рукой и торопливо закончила: – Такой он, високосный-то год. Беда на беде едет, бедой погоняет.

– Полгода уже прошло, а ничего плохого не случилось, – напомнила Арина, и сестра Агафья замахала на неё руками:

– Молчи! Беда услышит, в гости припожалует.

– Так ворота закрыты, кто её впустит?

– Ей ворота не помеха.

– А почему тогда говорят: «Пришла беда, отворяй ворота»? – не сдавалась Арина.

Молодая монахиня вскидывала на неё глаза:

– Всё смеёшься, зубоскалка. Грешно в пост смеяться.

– Обзывать тоже грешно!

Глаза у Агафьи светлые – будто выгоревшие на солнце. Хотя солнце она видит только когда работает в огороде. А в короткие минуты отдыха присаживается рядом с Ариной, с которой они подружились, и рассказывает – поминутно оглядываясь, не слышит ли кто. Арина с тревогой смотрит на её

лицо, с которого этим летом исчезли краски: скулы обтянуты тонкой сероватой кожей, щёки опали, глаза ушли глубоко в подглазья, а взгляд тусклый, безжизненный. Петров пост не такой строгий, как Рождественский, а Агафья выглядит совсем больной.

Арина сделала страшные глаза и вытащила из кармашка платья подаренный Настей шоколадный батончик.

– Что ты, что ты! – испугалась сестра Агафья. – Грешно в пост-то... Ешь сама. Всё равно ведь съешь.

– Я одна не буду. Давай пополам! В аду вдвоём веселей будет. – Глаза Арины смеялись, и Агафья не выдержала. Батончик они разделили пополам и съели, заговорщически поглядывая по сторонам и облизывая губы. Обёртку Арина закопала.

– А тебя до пострига как звали?

– Натальей крестили. Наташей.

– А можно мне тебя крещёным именем звать, когда не слышит никто?

– Можно. Тебе скажешь нельзя, дак ты всё равно назовёшь...

– Завтра приходи, я ночью яблоч нарву в саду, угостимся.

– Грех это, до яблочного спаса рвать. Да ночью, да – скрадом! Накажет Господь. Кто ж тебя надоумил-то?

– Никто не надоумил, я сама. Тебе витамины нужны, ты же болеешь, вон, серая вся. В саду яблоч много, все ветки усыпаны. Белый налив поспел уже. Грушовка. Ну и дру-

гие... почти поспели. Ночью плохо видно. Машка Горшени-на ствол руками обхватит и раскачивает, а мы собираем, которые упадут. А которые не соберём, подумают, падалицы.

– Так ты не одна в сад пойдёшь?! – ужаснулась сестра Агафья.

– Не трясись. Мы с девчонками почти каждую ночь ходим, когда луна ущербная. При полной-то нельзя, увидят. Как стемнеет, в окно вылезем – и в сад! Должны же мы что-то есть? От ваших постов ноги протянешь.

Агафья не нашлась что возразить. Раньше рассказала бы настоятельнице, а сейчас не расскажет. Яблок в саду много. А доносительство, Аринка говорит, грех. Да и по лестнице подниматься стало тяжело. Хоть и молодая Агафья, двадцать шесть годков всего, а отдышаться после лестницы не может. Раньше-то взлетала как пёрышко. Аринка в свои двенадцать лет ещё не стала женщиной, и ей не объяснишь. А Агафья теряет каждый месяц много крови. Грех о таком говорить. Она и не говорит. Пьёт травяные отвары, да не помогают они – ни пастушья сумка, ни кошачья лапка, ни крапива...

Арина смотрела на притихшую монахиню и думала о своём. Пусть Агафья-Наташа верит в приметы и мелет языком. Только бы выздоровела. В монастыре лечить не станут, скажут, всё в руках божьих.

Но сестре Агафье не суждено было выздороветь. Она умерла за неделю до яблочного спаса, которого так и не дождалась. Хоронили её под проливным дождём, словно небо

плакало, прощаясь. Арина долго разминала в руках глиняный мокрый комочек, прежде чем бросить его в могилу: земля в руке нагреется, станет тёплой и мягкой. Станет пухом. «Земля тебе пухом и царствие небесное» – прошептала Арина закаменевшими губами. Перед бросанием полагалось вспомнить и простить покойной все обиды. Но разве Агафья её обижала? Арина вдруг поняла, что любила эту неулыбчивую молодую монахиню с искалеченной людьми судьбой, никому и нигде не нужную, не познавшую любви, но хранившую её свет в тайном уголке души. А душа у Агафьи была прямая и честная.

Ночью Арина плакала так, что послали за матушкой Анисией...

Скорей бы кончилось лето! Она встретится с Настей и расскажет ей про сестру Агафью. Как они ели Настину шоколадку. Как Арина угощала её яблоками, собранными ночью в монастырском саду (грех она возьмёт на себя, а сестра Агафья поправится, потому что в яблоках много железа, это полезно при малокровии). Как плакала у гроба...

Может, тогда станет легче и сдвинется невидимая каменная плита, от которой у Арины так тяжело на сердце, что даже больно дышать.

Наступило первое сентября, но Настино место за партой осталось пустым. Арина молча подняла руку.

– Что тебе, Зяблова? Хочешь выйти?

Арина встала. Хотела ответить, но голос ей не подчинился, а из глаз потекли слёзы.

– Ну что ты, что ты... Не надо плакать. С твоей подружкой всё хорошо, просто она уехала.

– Как... уехала? Куда?

– Куда-то в Приуралье, я не знаю точно. Приезжали её родители, забрали аттестат. Теперь Настя Пичугина будет учиться в другой школе, и надеюсь, не посрамит нашу гимназию. А ты иди умойся и приходи в класс.

Арина плескала в лицо водой, а слёзы все лились... С Настей они больше не увидятся. Она даже не приехала попрощаться. Даже адреса не оставила. И некому рассказать об Агафье, не с кем поделиться...

Весь урок Арина просидела уставясь в стену и сосредоточенно о чём-то думая. А на перемене выкопала из-под куста сирени обёртку от шоколадного батончика – всё, что у неё осталось на память о Насте.

Неприятности на этом не кончились, посыпались как горох из дырявого мешка. Новым ударом стало известие о расформировании приюта. Арина со страхом думала, как ей теперь жить. Где теперь – жить?! Что с ними со всеми будет? Правда, это случится ещё не скоро, следующей осенью. Приют закроют, а православная гимназия останется, только учиться в ней Арине больше не придётся.

Стараниями монахинь для большинства воспитанниц нашлись приёмные родители. Машу Горшенину взяла к себе

дальняя родственница, оформив опеку. Четверых девочек забрали домой матери, отбывшие сроки в местах заключения и восстановленные в родительских правах. Одна из них через месяц вернулась обратно. Арина бы ни за что не вернулась. Её и ещё двенадцать девочек отправят в специализированные детские дома-интернаты.

«А куда ж вас девать, горемычных?»

Вышивать Арина больше не могла – дрожали пальцы. И есть не могла – еда застревала в горле и не желала проглатываться. У неё не было подруг – ей никто не нужен, только Настя.

Девочка надолго впала в депрессию. Стала угрюмой, озлобленной, невыносимой. Маятник биполярного расстройства психики, которое невозможно распознать в раннем детстве и о котором догадывалась матушка Анисия, – маятник вздрогнул и закачался, расшатывая кирпичик за кирпичиком тот фундамент, который год за годом складывали сёстры-монахини и гимназические учителя:

«Мы трудимся, но Бог решает, что и как будет в нашей жизни».

Закрывать приют решил не Бог, решили люди, прикрываясь красивыми словами: выходило так, будто они делали благое дело.

«Пребудьте в терпении и не давайте расслабляться сердцем во время бедствий, но воздавайте за них благодарения,

чтобы получить воздаяние от Господа».

Воздаянием для Арины стало холодное одиночество: от неё ушли все, кого она любила.

«Рассуждение выше всего, терпение нужнее всего, молчание лучше всего, многоречие хуже всего».

Молчи или рассуждай, терпи или не терпи, ничего от этого не изменится, Ариного мнения никто не спрашивал за всю её тринадцатилетнюю жизнь.

«Восход к вершине: простота, послушание, вера, надежда, смирение, кротость, радость, любовь, молитва».

Вершина представлялась как-то смутно. Арина исполняла всё, что предписывалось монастырскими правилами, но не дошла даже до подножия: под ногами разверзлась пропасть.

«Обиды терпи сначала молчанием, потом укорением себя, потом молитвой за обижающих».

«Не дождётесь!» – сказала Арина «обижающим».

Последним ударом стало предательство Вечесловых. Арина чувствовала себя четырёхлетней девочкой, которую наказали без вины, в воспитательных целях. Так делала мать, когда у Арины не получалось правильно выполнить колесо или шпагат. Арина ненавидела гимнастику, но старалась изо всех сил. И у неё стало получаться – и колесо, и рандат, но вместо похвалы она слышала от тренерши: «Ну наконец-то! Нет, вы посмотрите на неё! Зяблова в своём репертуаре, сначала выведет из себя, потом сделает правильно. Без спектакля не может».

Она думала, что всё плохое в её жизни уже случилось. Но оказалось, что не всё. Супруги Вечесловы уверили, что возьмут её к себе, оформят опеку и приедут. И обманули, не приехали. Арина осталась наедине со своим горем. Бог на неё обижен: он видел, как на молитве она беззвучно открывала рот, как воровала яблоки, а в пост съела Настину шоколадку. Сёстрам-монахиням нет никакого дела до Ариной беды. Настя уехала на Урал. Сестра Агафья ушла на небеса.

Ей неоткуда ждать помощи, ей даже посоветоваться не с кем.

Из прилежной и послушной воспитанницы Арина превратилась в маленького демона, ненавидящего весь мир.

Оформление опеки требовало времени и нервов и оказалось сложнее, чем думали Вечесловы. Ивану Антоновичу исполнилось шестьдесят (предельный возраст для оформления опеки), и органы опеки отказались принять от него заявление. Отставной полковник не привык получать отказы от гражданских лиц, и тем более от гражданских учреждений. Он подключил старые связи, нажимал на все рычаги, и даже записался на приём к депутату Осташковской городской Думы, которому зачем-то принёс справку от инструктора фитнес-клуба. Но дело не сдвинулось с мёртвой точки, а Иван Антонович попал в больницу с гипертоническим кризом. Веру к нему не пустили:

– У вашего мужа инфаркт. Он сейчас в реанимации, со-

стояние средней тяжести, больной получает медикаментозное лечение, дня через три переведём его в палату, тогда и навестите.

В палату Вечеслова перевели через неделю. Врачи дружно убеждали Веру Илларионовну, что всё зависит от сопротивляемости организма. А от них, врачей, ничего уже не зависит.

Иван Антонович поправлялся медленно, ненавидя себя за своё бессилие, за этот некстати случившийся инфаркт, за маячившую впереди инвалидность. Без аппетита съедал принесённый Верой бульон, скучно жевал свои любимые блинчики с мясом, повышая пресловутую сопротивляемость организма. И в каждом сне видел льдисто-серые глаза на грустном детском лице. «Я приеду за тобой, дочка. Поправлюсь и приеду. Ты уж прости старика. Оплошал».

Чаще всего ему снилось урочище Алихова Изба. «Ниссан-Х-Трейл» катился по ухабистой лесной дороге, мягко покачиваясь на рессорах. На переднем сиденье сидела Арина со счастливым лицом, в нелепой белой куртке, из которой торчали рукава форменного синего платья. В открытое окно врывался ветер, трепал выбившиеся из кос прядки. «Домой, девочка моя, едем с тобой домой. Ты уж прости, что мы так долго не приезжали... Простишь? Теперь у тебя будет свой дом и своя комната. Бабушка Вера пирогов нам с тобой напекла... Ты с повидлом любишь? Вот и хорошо. А куртку эту мы выбросим, и платье. И купим всё новое! Вот

завтра поедем и купим, и бабушку Веру с собой возьмём».

Арина утвердительно кивала, Иван Антонович счастливо улыбался, в ноздри вползал восхитительный запах повидла, подгоревшего на раскалённом противне... Будто они уже были дома. «Ниссан-Х-Трейл» без конца нырял в колдобины на дороге, проваливаясь в них, как катер в волны, Ивана мутило от этой качки, но он терпел, вцепившись в руль сведёнными пальцами. Он вёз Арину домой – каждую ночь.

А утром – снова и снова оказывался на больничной койке. Сгиб локтя неприятно покалывало. От капельницы к руке тянулся проводок. Иван Антонович, чертыхаясь, его отцеплял и тяжело откидывался на подушку. Выдернуть из руки иглу не хватало сил. Приходила медсестра, необидно ругала за отсоединённую капельницу, прилаживала проводок, оставляла на прикроватной тумбочке таблетки и поднос с завтраком.

Вопрос о совместном опекунстве уже не стоял.

Вера Илларионовна варила мужу бульоны и покупала на рынке его любимую черемшу. А по вечерам посещала школу приёмных родителей, без которой, как выяснилось, нельзя оформить опекунство над ребёнком, если не подтверждены родственные связи.

Впервые после поездки в монастырь она испытывала сомнение: нужна ли была эта затея с опекунством? И вспоминала встревоженные глаза директрисы приюта. Матушка Анисия почему-то не радовалась тому, что её воспитанни-

да обретёт семью. «Может, вам стоит обдумать ваше решение? Девочка весьма неуравновешенная. Сестра Апраксия уже плачет от неё».

Пришла Верина очередь плакать...

Заключение о возможности стать опекуном ей выдали через месяц.

Обещанные Арине две недели давно прошли, но за свалившимся на Вечесловых несчастьем оба забыли о времени.

За Ариной они приехали в конце весны. Привезли ворох подарков для воспитанниц и долго благодарили матушку Анисию. И не понимали, почему Арина стоит наверху лестницы и не спешит спускаться. И смотрит как-то странно, словно она не рада.

Первой опомнилась Вера Илларионовна:

– Ариночка... Ты думала, что мы не приедем? Что мы тебя бросили? Не надо нас... ненавидеть. У нас беда случилась, Иван Антонович в больницу попал, с опекуном этим треклятым. Переволновался и – инфаркт. В больнице чуть не умер. Он в бреду с тобой разговаривал, всё повторял: Аришенька, внученька, поедem домой». Что ты молчишь? Не простишь нас? Не поедешь?

Вера вдруг заплакала. Арина на деревянных ногах спустилась с лестницы, несмело подошла, отняла от Верино лица её руки.

– Я не ненавижу. Я... поеду.

– Тогда беги, собирай свои вещи.

Арина молча развернулась и побежала по лестнице наверх. В спальне никого не было. Арина опустила на свою кровать, погладила рукой подушку – в последний раз. Посмотрела в окно на монастырский двор – в последний раз. Распахнула дверцы шкафа, выгребла со своей полки вещи, сдёрнула с крючка куртку, бросила на кровать. Она ничего не возьмёт с собой, только вышивание, Новый Завет и обёртку от шоколадного батончика – память о Насте и о сестре Агафье.

В распахнутую настежь дверь одна за другой вошли девочки – все двенадцать. Пришли прощаться. Значит, им уже сказали...

– Девчонки, я уезжаю, насовсем. За мной приёмные родители приехали, я теперь буду Арина Вечеслова. Вы только не плачьте. Даже если в детдом... Ничего там плохого нет, Машка всё нарочно насочиняла, чтобы нас напугать. Дура потому что! У неё родители есть, и братья, и ни в каком детдоме она не жила, она дома жила, а мать её побираться заставляла. Мне матушка Анисия рассказала, – торопясь говорила Арина. Она не верила матушке Анисии, но и Маше верить не хотелось. – Горшенина врунья! А мы доверчивые простофили, позволили себя обдурить. Вот.

Арина перевела дух и улыбнулась. Девочки тоже заулыбались. Арина расцеловалась со всеми по очереди и молча вышла из комнаты. По коридору шла с колотящимся сердцем.

На негнущихся ногах спустилась на первый этаж. На последней ступеньке оглянулась – в последний раз! Помахала рукой девочкам, столпившимся наверху лестницы – в последний раз! Впереди у неё новая жизнь, в которой будут бабушка и дедушка, пусть ненастоящие, неродные, но ведь об этом никто не узнает. Арина стояла, вцепившись в перила и старательно улыбаясь. И никак не могла отпустить руку.

У полковника в отставке от этой сцены сдавило горло. Он не мог произнести ни слова и молча смотрел на свою приёмную внучку – большеглазую, заметно похудевшую, в синем форменном платье с высоким воротничком (в кармашке лежала обёртка от шоколадного батончика, подаренного когда-то Настей). В руках бумажный пакет с незаконченным вышиванием и больше ничего – ни вещей, ни любимой игрушки.

С лица Арины сбежала улыбка, которую она устала держать. Слишком глубоки были эмоции, слишком серьёзны сомнения. Почему они молчат? Почему так на неё смотрят? Вдруг передумали, а приехали только чтобы сказать об этом?

Ну и пусть! Пусть уезжают! Она вытерпит – и насмешливые взгляды воспитанниц, и сочувствие сестёр-монахинь. И детский дом тоже вытерпит. Её не спросят, хочет она туда или нет. Взрослым всё равно, какой будет Арина жизнь.

Эйфория сменилась отчаянием. Арина попыталась справиться с собой, но у неё не получилось. Вцепившись в лестничные перила, девочка расплакалась.

Вера Илларионовна молча отцепила от перил детские ручки. Понимала, что ласка сейчас не поможет, нужен решительный и строгий тон. Достала из кармана платок:

– Вытри слёзы, нам ехать пора. – И встретила умоляющий взгляд, смысл которого не поняла.

– Ты почему не одета? Где твои вещи? Так и поедешь в одном платье?

Арина молча кивнула.

Она ничего не взяла, потому что не хочет – ничего отсюда брать в новую жизнь, поняла Вера Илларионовна. Сняла с себя кофту и набросила ей на плечи:

– Надень. И пуговицы застегни. На улице прохладно, а мы машину за воротами оставили.

Арина послушно взялась за пуговицы. Пальцы дрожали, пуговицы не попадали в петли. Вера Илларионовна сама застегнула на ней кофту и улыбнулась:

– Да ты в ней утонула совсем. Эй, ау! Ты где?

– Я тут, – отозвалась Арина.

«Да она совсем не умеет шутить. Ничего, научится».

Иван Антонович справился наконец с нахлынувшими эмоциями. Погладил Арину по волосам:

– Косы у тебя красивые. Просто замечательные. Вера! Ты посмотри, какие косы у нашей внучки!

Девочка подняла на него изумлённые глаза. И вдруг взяла обеими руками его руку и прижалась к ней губами.

– Ну что ты! Зачем ты...

Сердце Ивана Антоновича дрогнуло и радостно забилося. Он отобрал у Арины руку, нашаривая в кармане пиджака валидол. «Наша девочка. Наша! Не умеющая сдерживать чувства, изголодавшаяся по ласке, благодарная даже за такие крохи внимания».

– Идём, милая. Домой поедем. Домой.

Арина стремглав бросилась к двери. Матушка Анисия, с которой Арина забыла попрощаться, смотрела ей вслед, а когда за вечесловским внедорожником закрылись створки ворот, перевела дух и возблагодарила Господа. Биполярное аффективное расстройство психики в детстве никак не проявляется. Частая смена настроения, вспышки необузданного веселья, плаксивость, вымышленные обиды и беспричинные домыслы свойственны детям. Заболевание проявится позже, когда девочка вырастет. И сильно осложнит её жизнь. А пока – у неё впереди несколько лет безмятежного детства.

Матушка Анисия размахисто перекрестила увозящий Арину «Ниссан-Х-Трейл», испытывая невыразимое облегчение. Сегодняшнюю ночь она проведёт в молитвах о прощении греха, который совершила сознательно, во спасение души. А девочка выправится, даст Бог. У Вечесловых нет ни детей, ни племянников. Им некому дарить любовь, которая вся до единой крошечки достанется Арине. Пусть она будет счастлива!

Глава 5. Фарфорозаводчица

Матушка Анисия, в миру Инесса Акоповна Бакуничева, родилась в семье потомственных врачей, принадлежащей к московской элите. Отец дал ей достойное образование и устроил её судьбу. Своего мужа – фарфорозаводчика Егора Бакуничева – Инесса любила.

В их судьбах было много похожего: оба рано потеряли родителей, оба с маниакальной приверженностью относились к своей работе, оба – профессионалы высокого класса.

Владелец фарфорового концерна, продолжатель кузнецовских традиций и делец до мозга костей, Бакуничев чувствовал себя хозяином на посудном рынке. Переманивал к себе мастеров-профессионалов – формовщиков, глазуровщиков, обжигальщиков, художников по фарфору. Дотла разорял конкурентов, продавая посуду по демпинговым ценам. Не брезговал получать прибыль за счёт страховых компаний, умело организуя «страховые случаи». Построил при заводе демонстрационный павильон, где каждый гость, независимо от того, купил он что-то или нет, получал на выходе фарфоровый сувенир. Преподнёс в подарок первой леди страны эксклюзивный штучный сервиз, как когда-то Матвей Кузнецов императрице Марии Фёдоровне. Щедро платил маркетологам и дизайнерам и виртуозно договаривался с «крышей».

Но однажды что-то пошло не так. Утопить очередного конкурента не получилось, тот оказался достойным противником и первым нанёс удар, предложив продать бренд «Бакуничевский фарфор». Под фарфоровым королём зашатался трон...

Бакуничев перестал улыбаться, стал раздражительным и грубым, срывал зло на детях, которых раньше обожал и для которых всегда находил время. Услышав дверной звонок, шестилетняя Вероника больше не выбегала в прихожую с радостным криком «Папа приехал!», а двенадцатилетний Роман больше не напоминал отцу об алабае, которого Егор обещал ему подарить. Обещание так и осталось обещанием.

Перемены в настроении мужа Инессу не пугали, такое случалось и раньше. Но когда он, не объясняя причин, потребовал убрать из дома детей, Инесса воспротивилась. Впрочем, спорить с мужем она не решилась и обещала подумать.

«Думай быстрее» – буркнул муж.

А через три дня ей позвонили из садика: Вероника внезапно потеряла сознание, привести её в чувство не удалось, и девочку увезли в больницу. В кармашке платяца нашёлся фантик от конфеты. Таких не было у Бакуничевых дома, а в садике вместо конфет детям давали мармелад и пастилу. Спросить, кто её угостил, было не у кого: Вероника умерла по дороге в больницу. Причина смерти абсолютно здорового ребёнка была странной: остановка сердца. Химический

анализ оставшегося на конфетной обёртке шоколада показал наличие вещества с токсическим эквивалентом как от трёх бутылок водки, выпитых сразу.

Воспитательница Вероникиной группы никому не рассказала, что конфетку ей дали незнакомые люди, велели угостить дочку Егора Бакуничева и молчать. В противном случае её сынишку угостят такой же конфеткой. Воспитательница, горло у которой перехватило судорогой, кивала головой как заведённая. «Не нужно так волноваться. Сделайте, что от вас требуется, и забудьте о нас».

«Жадность фраера сгубила» – резюмировали конкуренты.

Сына Егор забрал из английской элитной спецшколы и в тот же день отправил в Англию, в частную школу-пансион. Провожая обоих в аэропорт, Инесса не знала, что видит мужа в последний раз. Самолёт, на котором он возвращался в Москву, разбился при посадке. По предварительным данным, возгорание возникло из-за скопления топлива в выхлопной системе двигателей «боинга».

Через неделю Инессе позвонили. Выразили соболезнование и вежливо предложили продать бизнес мужа. Она хотела ответить «Я подумаю», но вместо этого молча кивнула. На том конце провода её поняли...

Оглушённая горем, которое не исправить и не пережить, Инесса согласилась на предложенные условия, чего «покупатели» не ожидали. И расплатились весьма и весьма щедро. А Инесса, лишившись дочери и мужа, смертельно боялась за

сына.

Вступив в права наследства, Инесса продала бизнес мужа и принадлежавшие ей пятнадцать процентов акций завода. От предложения вложить деньги в российскую недвижимость вежливо отказалась и приобрела несколько доходных домов в Италии: в Суверето (двенадцать спален, земельный участок 1, 2 гектара, бассейн, теннисный корт); в Сирмионе (апартаменты на первой линии озера Гарда, три спальни, участок 380 кв.м, коттедж для прислуги, бассейн); в Перудже (отреставрированный дом гостиничной структуры на шесть квартир с участком боле 5 га); в Монтальчино (отдельный дом-резиденция, бассейн, парк, участок 2000 кв.м).

Известие о смерти отца Роман принял спокойно. Ему надоело подчинённое положение в семье и деспотизм Бакуничева-старшего, он жаждал самостоятельности, и получил её – пусть даже такой ценой. С матерью общался по скайпу, в каникулы зарабатывал репетиторством в русскоязычных семьях, мечтая купить мотодельтаплан. И к радости Инессы, не планировал возвращаться в Москву до окончания учёбы. Он так и сказал: «I didn't want to come home so soon».

С годами боль от потери мужа уступила место гордости за сына. У Инессы была престижная работа в клинике неврозов, замечательный сын и деньги для его образования.

После успешной сдачи GCSE (General Certificate of Secondary Education, основные экзамены, которые школьники сдают при окончании первой ступени среднего образо-

вания в Англии) Роман собирался продолжить учёбу в престижном Харроу Колледже, расположенном в северной части Лондона, в часе езды от аэропорта Хитроу. Независимый частный колледж предлагал дневную форму обучения с проживанием иностранных студентов в принимающих семьях.

Последнее Инессе не нравилось, но она убедила себя, что мальчик достаточно самостоятелен. Договориться с самой собой было нетрудно, поскольку четыре года она видела сына только по скайпу – всегда в отличном настроении, улыбающегося и всегда куда-то спешащего: «Hi, mom! I'm all good. I'm doing very well... Holidays on the Islands were unforgettable... Mom, my friends are waiting for me, I'm in a hurry, bye!»

С её мальчиком всё в порядке, всё хорошо, его ждут друзья, каникулы на экзотических островах и блестящее будущее. Она позвонит управляющему в Рим, пусть поднимет плату за резиденцию в Монтальчино и гостиницу в Перудже. Инесса гладила пальцем экран, с которого секунду назад улыбался её сын, и ей казалось, что пальцы чувствуют тепло.

Роман прошёл собеседование и вступительное тестирование по английскому языку, блестяще сдал вступительный экзамен и проучился в Харроу полтора года, после чего принимающая семья обратила внимание руководства колледжа на странное поведение мальчика...

Роману пришлось вернуться в Москву.

Практикующий врач-психиатр, Инесса Бакуничева рабо-

тала с тяжёлыми патологиями психики. Диагноз сына не вызывал сомнений: биполярное аффективное расстройство классической первой (тяжёлой) формы, с ярко выраженными симптомами депрессии. Два месяца в частной специализированной клинике неврозов, расположенной в сосновом бору на Рижском взморье, в курортном городке Юрмала, помогли достичь устойчивой ремиссии. Определить, сколько она продлится, не представлялось возможным.

На учёбе в Лондоне придётся поставить жирный крест, поняла Инесса.

Роман объяснял свою болезнь переутомлением, был уверен, что приступ депрессии больше не повторится и он продолжит образование. Инесса с ним не спорила. Сын неизлечимо болен, когда-нибудь он это поймёт, а пока пусть отдохнёт. Смена обстановки это ведь тоже лечение.

Она сама выбрала для сына горный лагерь в Чегемском ущелье, с прекрасными видами и красивейшими водопадами. Но Романа мало интересовали водопады. Куда больше его привлекали места, где проходят полёты дельтапланиристов. Чегемское ущелье Роман обозвал шалманом, а после осмотра водопадов испытывал уже вполне здоровую злость: «живописная» автомобильная дорога-коридор между скал завалена дешевым шмотьём и сувенирами, торговые развалы выставляют прямо на проезжую часть, и по ней же катают детей на верблюдах и пони. На дорогах нет заправок, на базе нет ресторанов, только небольшое кафе с местной кухней.

Интернета тоже нет.

В горном кемпинге «Флайчегем» работала официальная школа полётов, но Роман снисходительно-вежливо объяснил инструктору, что проводил зимние каникулы на южных островах, в Нячанге во Вьетнаме и на острове Лангкави в Малайзии, где занимался парасейлингом (полёты на парашюте над морем с использованием катера; драйвовый вид спорта).

«Чегемский дельтадром это вам не Малайзия, – охладил его пыл инструктор. – Из мобильных операторов кое-где работает только MTS. А при посадке где-нибудь в горах рассчитывать на мобильную связь не приходится».

Цену себе набивает, думал Роман. Он всё равно полетит. Заплатит любую цену и полетит. Инструктор говорил что-то ещё, но Роман его почти не слушал. Ремиссия закончилась, и наступила фаза эйфории.

Роман перебрался в гостевой дом в селении Эльтюбю, по соседству с Эльбрусом. И после нескольких полётов с инструктором добился своего.

В то утро дул сильный ветер, но биполярника в стадии маниакальной эйфории не остановит даже извержение вулкана. В свой последний полёт на мотодельтаплане Роман отправился один. Поднимался и опускался в потоках воздуха, разворачивался и парил над скалами... Казалось, земля так близко, что можно зацепить её ботинком, и он едва не поверил в иллюзию.

Минус Чегемского парадрома – ограниченная площад-

ка для приземления. От пилота требовались хорошие навыки расчета захода на посадку, которых у Романа не было: мотодельтаплан снижался по сильно наклоненной траектории. Единственное защитное действие, которое можно было предпринять, это завершить полёт поймав ногами землю. Роман об этом не знал. Мотодельтаплан столкнулся с поверхностью земли, пилот, находящийся под наклоном вперед, ударился о землю, получив множественные переломы рёбер и закрытую черепно-мозговую травму.

До ближайшей нормальной больницы в Нальчике дорога фактически одна, 70 км по Чегемскому ущелью. До больницы Романа не довезли. На память о сыне у Инессы остался смартфон, странным образом уцелевший. Роман снял свой полёт над горами.

Он не собирался ехать в горы. Инесса сама посоветовала ему Чегем. В цифровом фильме сын был живым, восторженно делился впечатлениями и пел «Прощание с горами» Высоцкого:

«И спускаемся мы с покорённых вершин,

Оставляя в горах своё сердце.

Так оставьте ненужные споры —

Я себе уже всё доказал:

Лучше гор могут быть только горы,

На которых ещё не бывал».

Свой последний час Роман прожил запредельно счастливым.

Инессе не хотелось никого видеть, не хотелось жить, но друзья об этом не знали, приезжали с соболезнованиями и настойчиво предлагали пожить у них. Или поехать на Мальдивы. Всё лучше, чем сходить с ума одной в четырёх стенах.

Инесса послушалась. И поехала.

Ей всегда нравился русский север. Поэтому монастырь она выбрала в Ленинградской области. Кто не знает, в монастыри принимают не только паломников и трудников, приезжающих поработать. Там можно просто пожить, укрывшись от житейских невзгод и принося посильную помощь. Там не заставят делать больше, чем ты можешь. Ничем не попрекнут. А главное, там не знают о том, что случилось, не будут приставать с соболезнованиями, от которых ещё горше, ещё тошней.

За два года Инесса побывала в нескольких женских монастырях – Введено-Оятском, Покрово-Тервеническом, Снеготорском, Толгском – и наконец остановила свой выбор на монастыре Святого целителя Пантелеймона в Тверской области, который находится в плачевном состоянии и более других нуждался в финансовой помощи. На деньги, полученные от продажи недвижимости, она основала при монастыре приют для девочек и православную школу-гимназию, став директрисой приюта, а через семь лет настоятельницей монастыря.

О биполярке Инесса знала всё. Знала, что болезнь неиз-

лечима. Романа лечили лучшие врачи, депрессию снимали комплексом лекарственных препаратов, но наступал момент, когда действие таблеток кончалось, угадать его было сложно, результат – попытка суицида, длительное лечение, длительная ремиссия, сменившаяся маниакальной фазой эйфории, которую Инесса приняла за бодрое настроение и эмоциональный подъём. И ошиблась. Сын улетел в горы – с маниакальной фазой! – и результат не заставил себя ждать. Это не было суицидом, но всё-таки было самоубийством. И не в стадии тяжёлой депрессии, как того следовало ожидать, а в стадии эйфории.

Признаки маниакальной фазы биполярного расстройства: чрезмерно повышенное настроение без видимой причины, сохраняющееся длительное время. Значительное преувеличение своей личности и своих способностей. Склонность совершать рискованные и неоправданные поступки.

Дипломированный врач-психиатр, матушка Анисия рассмотрела у Арины симптомы, пугающе схожие с биполярным аффективным расстройством. Девчонка превратит жизнь приёмных родителей в ад. Отговорить Вечесловых не получилось, а сказать им прямо, что девочка больна, у матушки Анисии не хватило духу.

Зато хватило – сказать Арине. Настоятельница позвала её к себе, усадила за компьютер и рассказала всё о биполярном аффективном расстройстве, сокращённо БАР.

– Тебе повезло, что у тебя БАР второго типа. С первым

ты бы давно угодила в клинику. Не бойся, с тобой всё нормально, – спохватилась настоятельница, поймав испуганный взгляд девочки. – Болезнь не прогрессирует. Но она обязательно проявит себя, когда ты станешь старше. Следи внимательно за своим состоянием. Если будет уж слишком весело и захочется совершить подвиг, или нападёт хандра и будет всё раздражать, – помогут таблетки, я тебе написала список, – и протянула Арине вырванный из блокнота листок, который та машинально положила в карман. – Твои опекуны ни о чём не знают. Но если не сможешь справляться с собой, они от тебя откажутся. И тогда тебя ждёт не просто детский дом, а специализированный интернат для таких, как ты.

Список Арина порвала на клочки и спустила в уборную.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. В МИРУ

*Терпением вашим спасайте души ваши
/Иосиф Оптинский (Литовкин). Преподобный/*

Глава 6. Синдром потери

Арине хотелось громко петь и топтать ногами от восторга: у неё есть свой дом, есть своя комната, которая – только её и больше ничья. Приёмные родители предложили называть их бабушкой и дедушкой, и ей это нравилось. Она боялась только одного: что от неё откажутся. Арина скрестила пальцы и поклялась ничем их не огорчать и ни на что не жаловаться.

Матушка Анисия рассказала Вечесловым о девочке, которая завидовала тем, кто хранил как зеницу ока фотографические карточки родителей. У Арины не было фотографии, а мечта о том, что в один прекрасный день мама приедет и заберёт её из приюта, с годами сменилась уверенностью, что она никому не нужна, даже матери. Монахини не дарили детям напрасных надежд, с которыми потом так больно расставаться. Обман, который миряне ошибочно зовут ложью во спасение, на самом деле – от лукавого. Истинное милосердие – в правде. С ней можно смириться и жить. А вытравить из детской памяти воспоминания о родителях невозможно.

Какой бы тягостной ни была Арина прошлая жизнь, она всё равно будет любить мать, вероломно от неё отказавшуюся. После безмятежных лет, прожитых в монастырском приюте, её ждёт встреча с миром, не всегда дружелюбным и не к каждому ласковым. Сможет ли она адаптироваться?

Вечесловы делали всё, чтобы – смогла. О том, что их при-

ёмная внучка больна, они не знали. Резкую смену настроения, беспричинную грусть, сменявшуюся необузданной радостью, объясняли тяжёлым детством. Хотя это было не так, и приют при монастыре Святого Пантелеймона Арина вспоминала с тёплым сердцем.

Её опекуны жили уютно и старомодно. В церковь Вера Илларионовна ходила, только когда просила душа. Полковник в бога не верил, но всегда её сопровождал – из ревности к отцу Дмитрию, с которым Вера была знакома с детства и в которого была когда-то влюблена.

Постов Вечесловы не соблюдали, но церковные праздники встречали с благоговейной радостью. Пасхальные куличи Вера святила с ощущением причастности к тайне, завеса которой слегка приподнималась во время обряда освящения. А может, так оно и есть, думал Иван Антонович, глядя на Верино сияющее лицо, с которого не сходила улыбка. Он так соскучился по её улыбке, которая в больнице была вымученной, вынужденной, а сейчас – настоящей. Может, и правда есть эта тайна? А иначе – отчего так светло и спокойно делается на душе?

Мысли перенеслись со сверхъестественного на реальное, где отставной полковник чувствовал себя хозяином положения. «Прости, девочка, задержались мы, с опекунством этим треклятым, напугали тебя... Но теперь всё в порядке. Ты с нами, мы будем о тебе заботиться и любить».

Появление в доме Арины наполнило жизнь светом. В этой

девочке не было никакого притворства: она говорила то, что чувствовала, но чаще молчала. Аринину молчаливость и странные взгляды, которые она бросала на «бабушку» с «дедушкой», Вечесловы объясняли стеснительностью.

Об истинных чувствах Арины они не догадывались.

В своём новом доме девочка испытывала синдром потери, лишившись разом всего, что составляло её жизнь. Подруг, с которыми шесть лет делила общую спальню. Просторной и гулкой трапезной с деревянными длинными лавками и чисто выскобленными столами, где после благодарственной молитвы они принимали пищу – вкушали божьи дары. Торжественной тишины молельни. Сестёр-монахинь в привычно чёрных одеждах (в детстве они казались Арине похожими на огромных ворон). Ежедневных прогулок на монастырском знакомом до последней травинки дворе. Вышивальной мастерской.

Последнего не хватало как-то по-особенному: пальцы тосковали по игле, разум метался, не находя замены любимой работе, а глазам виделись во всём узоры. Опекуны, которых полагалось звать бабушкой Верой и дедушкой Ваней, были к ней неизменно добры, но она чувствовала свою чужеродность. Куклу в нарядном платье и пышных бантах рассмотрела со всех сторон и осторожно посадила на комод. И больше не взяла в руки – ни сегодня, ни в последующие дни. «Опоздали мы... Выросла она из кукол» – подумала Вера Илларионовна. И расстроилась.

Депрессию, наступившую после безудержной радости, Вечесловы посчитали естественным поведением ребёнка, вырванного из привычного мира. А может, так оно и было? На улице Арина терялась. Её пугало количество незнакомых людей – всегда спешащих куда-то, непривычно ярко одетых и недопустимо громко разговаривающих. Девочки в шортах и в коротких юбочках вызвали недоумение. Мальчики, которых в приюте вовсе не было, вызвали пугливое любопытство.

– Нравятся шорты? Называются стретч. Хочешь, купим тебе такие?

Арина испуганно затрясла головой, отказываясь. Но Вечесловы видели, какими глазами она на них смотрела.

Джинсовые шорты-стретч классического синего цвета, с узкими плетёными шлёвками, в которые был продет ременный пояс, были немедленно куплены, и Арина с восторгом их надела. Поясок оказался на бёдрах, а шорты сидели ниже пояса и не закрывали пупок. Арина заправила в них рубашку, принесённую продавщицей, – и уставилась на себя, новую, в зеркале. Девочка из зеркала ей нравилась. Она была такой как все «миряне». Но ведь и она, Арина, теперь «мирянка»!

– Бабушка Вера, я теперь мирянка? Мне теперь можно это носить?

– Слово какое выискала... – рассмеялась Вера Илларионовна. И встретив недоумённый взгляд, поспешно сказала: –

Можно, можно. Всем можно, а тебе почему нельзя? На даче-то удобней в шортах по деревьям лазать, на коленках ползать – землянику собирать. В платьях там и не ходит никто, все от мала до велика в штанах. Вот в школу тебя определим и поедем, на всё лето. Ты плавать-то умеешь? Не умеешь? По-собачьи только? Деда Ваня тебя научит, и кролем, и брассом.

Арина вежливо покивала. Воды она боялась. Может, Иван Антонович забудет? Может, не будет её учить...

Вера Илларионовна вытащила из её шорт рубашку и связала концы узлом под грудью.

Арина испуганно уставилась на свой голый живот. Но возражать не решилась: если в мире принято так носить рубашки, она будет носить. Провела руками по попе, туго обтянутой шортами, – как же она осмелится выйти в этом на улицу? – и обнаружила карманы. Карманов в шортах оказалось четыре: два сзади, накладных, и два спереди, внутренних. Арина засунула в них кулаки и с вызовом посмотрела на себя в зеркало. Вот бы удивились её подружки по приюту!

С визитом в новую школу решили не тянуть: не сегодня-завтра начнутся каникулы, и тогда никого не застанешь.

К неудовольствию Вечесловых, Арина облачилась в гимназическое синее форменное платье с длинным, за колено, подолом. Надеть другое отказывалась категорически, хотя стараниями Веры Илларионовны у девочки был неплохой

гардероб.

– Вот те на! – не сдержался Иван Антонович. – Когда покупали, нравилось, а сейчас что? Разонравилось? Так ты скажи прямо, мы другое купим.

– Ваня, не трогай её. Пусть идёт в чём нравится, – остановила Вера мужа, и Арина с облегчением выдохнула застрявший в лёгких воздух: на директора школы надо произвести хорошее впечатление, а строгое тёмное платье подходило для этого лучше всего. Она не посрамит честь православной гимназии.

Вера Илларионовна заставила её надеть джинсовую куртку без рукавов и длинный шарф, связанный объёмной «американской» резинкой. Арина смотрела в зеркало и не узнавала себя.

Директриса школы с сомнением на лице изучила Арины документы: справку Православной гимназии во имя святителя Пантелеймона об отчислении в связи с переездом по новому месту жительства; справку об успеваемости, в которой напротив названий изучаемых предметов красовались горделиво изогнутые пятёрки; новенькое свидетельство о рождении, запаянное в блестящий пластик. Медицинская справка с печатью монастырского стационара лаконично извещала: «Здорова. Показаний, препятствующих обучению в общеобразовательном учебном заведении, не имеется», без указания перенесённых девочкой болезней.

Справке верить не хотелось: девочка слишком бледная,

щёки впалые, взгляд какой-то затравленный. Чего она боится? Её, директрисы? Иди своих опекунов?

Поймав на себе испытующий взгляд директрисы, Арина пожалела, что не послушалась дедушку Ваню и надела гимназическую форму. Директрисе форма явно не нравилась. Она смотрела на Арину как-то странно, даже губы поджала. Арина боялась этого взгляда, боялась, что её не примут в новую школу. Переступала с ноги на ногу, стискивала пальцы и вздыхала.

Вера Илларионовна догадалась, о чём она переживает. Наклонилась к Аринину уху и тихонько шепнула: «Всё хорошо, документы в порядке, тебя обязательно примут, с твоими пятёрками. А нет, так в другую пойдём! Школ в Осташкове много».

Она с волнением ждала, как поведёт себя девочка. Станет ли отвечать на вопросы или привычно замкнётся, как замыкалась каждый раз, когда её спрашивали, помнит ли она свой домашний адрес. Вечесловы искренне хотели узнать, что случилось с Арининой матерью, которая за шесть лет ни разу не навестила дочку. Может, ей нужна помощь? Они не стали бы препятствовать, если бы девочка иногда встречалась с матерью.

Адрес Арина помнила. На вопросы о доме и о матери отвечала угрюмым молчанием. Зато охотно рассказывала Вечесловым о православной гимназии и о монастыре. О том, какой у них большой и красивый сад. О вышивальной ма-

стерской, где монахини терпеливо и внимательно учат девочек своему искусству и никогда не ругают, если не получается. О монастырской трапезной, где на столах «много-много всего», даже в пост. И смешно изображала сестру Ненилу, гнусаво восклицая: «Де-ва-чки! Пъекъатите не-ме-дъен-на! Не подобает так себя вести».

Между тем директриса обратилась к Арине:

– Ты и вправду здорова? Ничего не болит? (Арина энергично замотала головой). Так-таки ничем никогда не болела?

– Болела, три раза. Поболею и выздоровлю. Я сильная.

– Кто же тебя лечил?

– Врач. И Господь. У нас хороший врач, а в лазарете скоромным кормят даже в пост, и молоко дают, и сливочное масло! – Польщённая вниманием директрисы, Арина наморщила светлые бровки, вспоминая. – Преподобный Нил Синайский учил: "Прежде всякого лекарства и врача прибегай к молитве". Надо просить у Господа исцеления и облегчения страдания. Потом просить, чтобы Господь послал врача, который бы понимал в болезни, и чтобы Господь сам действовал через врача. Тогда обязательно выздоровеешь.

– И что, все выздоравливали? Все-все?

– На всё воля божья... – Арина вспомнила Агафью-Наташу, и у неё задрожали губы. Директриса поспешно сменила тему:

– По всем предметам у тебя пятёрки. Сможешь решить задачу? Она несложная.

Предложенную задачу по алгебре для шестого класса Арина решить не смогла. А из законов физики знала лишь закон всемирного тяготения. Иван Антонович, бывший профессор кафедры общей физики московского МИФИ, густо покраснел. Вера Илларионовна дёрнула его за рукав и сделала выразительное лицо. Муж достал платок и вытер вспотевший лоб. Он тоже переживал, поняла директриса. Ей отчего-то нравилась эта пара. Похоже, девочке повезло с опекунами.

– А я на что? Летом позанимаюсь с ней, и будет по физике первой в классе, – пообещал всем сразу Иван Антонович.

– Расскажи мне о своей гимназии, – попросила директриса. – Какие предметы тебе нравились, какие книги ты читала. Ты любишь читать? У вас там была библиотека?

Арина зарделась от удовольствия. Литература – её конёк. Она не опозорится, как с задачей, покажет себя с лучшей стороны. Предметы она перечисляла с гордостью: русский язык, литература, два иностранных языка, мировая художественная культура, латынь, каллиграфия, православное краеведение, богословие, история философской мысли, Закон Божий, биология...

Директриса слушала, кивала головой, а потом попросила рассказать об эволюционной теории Дарвина.

– Ты ведь перешла в седьмой класс? А биология с пятого, вы это проходили. Ну же, не стесняйся. Ты не на уроке у доски, а я не ставлю оценку, просто спрашиваю, – улыб-

нулась директриса. – Так в чём заключается теория Дарвина? Я подскажу. Все живые существа на Земле эволюционируют путём естественного отбора. Между видами возникает борьба за существование, и выживают наиболее приспособленные... Так?

В православной гимназии биология преподавалась поверхностно, теория эволюции рассматривалась только в общих положениях, затем шёл ее критический анализ и цитаты из святых отцов церкви.

Директриса смотрела выжидающе. Вот сейчас скажет: «Ну, если ты даже теорию эволюции не знаешь, что тебе делать в нашей школе?» Арина выпрямила и без того прямую спину, сложила руки на животе и затараторила:

– Всё живое на земле создано Господом. Акт творения мира и образования его форм есть проявление Его воли. Для природы это длительный и постепенный процесс, протекающий во времени. В ходе развития возникает множество переходных форм, они служат ступенями для появления более совершенных форм, привязанных к вечности. Следовательно, творя мир, Бог использовал эволюционный процесс.

– Ну, хорошо... Ты рассказала о природе. А человек? Что ты можешь сказать о древних людях? Какие виды, как они эволюционировали? Они ведь развивались, изменялись... Я подскажу. Неандерталец, питекантроп, кроманьонец. Какой вид относится к современному человеку?

– Никакой. Они не были людьми. Перед Богом тысяча лет

как день вчерашний, а дочеловеческий мир имеет шестидневный возраст. Эволюция есть качественный скачок жизни, который произошёл по повелению Божию. Но даже апостол Павел не смог достичь праведности собственными усилиями. Он знал совершенный идеал Божьего Закона, но не мог по нему жить, – отчеканила Арина.

Она ожидала похвалы: материал знает блестяще, ответила без запинки.

Похвалы не последовало. Директриса смотрела сочувственно-жалостливо. Спросила, как Арина проводит свободное время и чем увлекается. Закончив расспросы, велела выйти и ждать в коридоре.

Арина приникла ухом к двери, пытаясь расслышать, о чём директриса говорит с приёмными родителями.

«Девочка перешла в седьмой класс, а знаний практически нет. Она не сможет нагнать сверстников и освоить программу».

«Мы с мужем оба педагоги, позанимаемся с ней летом... Девочка способная, знает два иностранных языка, сочинения пишет без ошибок, много читает, у неё большой словарный запас...» – Это Вера Илларионовна. Говорит, словно сама себе не верит, и голос звучит умоляюще.

«Я бы рекомендовала шестой класс, но боюсь, она и в шестом не сможет учиться. В пятом, пожалуй, справится с программой, но там всем по одиннадцать лет, а ей тринадцать. Контакта с ребятами не будет. Может, вам её на домашнее

обучение перевести?»

Не зря Арина боялась директрису. Ох, не зря! На Вечесловых надежды нет, заступиться за Арину некому, кроме Господа. «Помяни Господи царя Давида и всю кротость его, как Батюшка царь Давид был тих, краток, терпелив, и милостив, так чтоб все враги для рабы божией Арины были тихи, смирны, терпеливы, и милостивы» – Арина читала молитву шёпотом, чтобы не слышали за дверью.

Молитва дошла до «адресата» удивительно быстро: на помощь он послал «тяжёлую артиллерию» в лице Вечеслова.

«Исключено. Ребёнок должен расти со сверстниками, и никак иначе. Социум – вот что нужно нашей девочке. А мы за неё в ответе. Мы, опекуны! – полковник рубил слова как дрова, взмахивая рукой и отпыхиваясь после каждой произнесённой фразы. – Ей и так будет тяжело – после православной гимназии, тихого блаженного мирка, где все друг друга любят, все всем помогают, попасть в этот ваш ад, именуемый общеобразовательной школой. А вы её на второй год оставить хотите. В пятый класс... Да вы в своём уме, уважаемая?»

Вячеслов уже не говорил – грохотал, красный от гнева и от обиды за свою воспитанницу, которую чуть ли не в глаза назвали умственно отсталой. Директриса смотрела на него со страхом: рассвирепел как лев, вот-вот удар хватит. Если у львов бывают удары. Только этого не хватало, в последний учебный день... Может, скорую вызвать? Вон, у него на шее

жила вздулась... Послал Бог опекунов.

«Так может, ей продолжить учёбу в православной гимназии? Далековато, правда, но девочке там будет уютнее. И с программой справится, пойдёт в седьмой класс...» – миролюбиво предложила директриса.

«Далековато это не то слово. Если я правильно понял, вы нам предлагаете возить ребёнка каждый день через весь город чёрт-те куда, в эту гимназию? Пока в аварию не попаду и машину не угроблю. Вы этого хотите? Или чтобы сама ездила, на городском транспорте, час туда, потом семь уроков, потом час обратно? Чтобы у неё не было времени ни на уроки, ни на гулянье, ни телевизор посмотреть?! Гуманно, в высшей степени. А теперь слушайте. Арина продолжит учёбу в вашей школе. В седьмом классе. Если вы со мной не согласны, разговор продолжим в гороно.

«Я не говорю, что не согласна. Но вы же понимаете, что она не сможет учиться. Вы же слышали, какой бред она несла».

«Этот бред, как вы изволили выразиться, между прочим, священное писание. За оскорбление веры статья полагается!» – гремел Вечеслов, забыв, что сам неверующий.

Директрисе всерьёз казалось, что на неё сейчас упадёт стена...

Вера Илларионовна пробовала остановить расходившегося мужа.

Вечеслов бушевал.

Арина теребила пальцами помпон на новой шапке и думала: «Не примут в школу... Определённо не примут. И в православную гимназию возить не будут, им бензина жалко. Что тогда делать?!»

Прозвенел звонок, открылись разом все двери, из классов гурьбой высыпали дети, коридор наполнился смехом, криками и топотом. Теперь уж точно ничего не услышишь. Пробежавший мимо мальчишка потянул из её рук беретку. Арина вцепилась в неё обеими руками, мальчишка дёрнул за помпон, и тот оторвался. Арина ахнула. Её обидчик рассмеялся, отскочил на шаг и через мгновение исчез, смешавшись с толпой одноклассников. Помпон он унёс с собой.

Арина стояла у дверей учительской и тихонько всхлипывала. Какая-то девочка тронула её за рукав:

– Чего натворила-то? В последний учебный день удержаться не могла?

– Я не натворила. Я просто так стою.

– За «просто так» к директору не вызовут. Вот и стой, реви теперь.

В обращённых к Арине словах не было участия, к которому она привыкла в православной гимназии. Там никто ни над кем не смеялся и уж тем более не радовался чужой беде. Там Арину обняли бы за плечи, спросили бы, что с ней случилось, предложили помощь – и одноклассницы, и учителя. А в словах этой девочки звучала злобная радость. Они с Ариной даже не знакомы, за что же она на неё злится?

Наконец открылась дверь и вышли Вечесловы. Арина уткнулась лицом в Верин плащ и захлебнулась слезами.

Домой она шла с опущенной головой. Настроения не исправило даже мороженое, которое девочка ела впервые в жизни. Иван Антонович от этих её слов ужаснулся:

– То есть как – не пробовала? Ты до шести лет с мамой жила, что же, она тебе мороженого не покупала?

– Не покупала. Мне сладкого нельзя было, я на гимнастику ходила.

Вера Илларионовна пообещала себе, что мороженое Арина будет есть каждый день. И сказала преувеличенно бодро:

– Ну что, семиклассница? В школу тебя приняли, летом позанимаемся с тобой, будешь всё знать. Такое событие надо отпраздновать. Купим торт и устроим чаепитие в Мытищах.

– А зачем... в Мытищах? Это такое кафе? А можно дома чаю попить? Можно?

– Это не кафе. Это картина такая, «Чаепитие в Мытищах», художник Василий Перов, год написания 1862-й. Подлинник в Третьяковской галерее. Вот поедем в Москву, сходим с тобой. – Вера Илларионовна остановилась перед кондитерской и распахнула дверь. – Пойдём торт выбирать! Ты какой любишь? Не знаешь? Тогда пирожных купим, всяких-разных... Беретку сними, в магазине жарко. Давай её сюда. А помпон где? Потерялся?

Арина отвернулась и зашмыгала носом.

– Ты что? Из-за помпона плакать? Нитки у нас есть, до-

мой придём и новый сделаем, лучше прежнего. Заодно и научишься. Это очень просто. Вань, мы с Аришей пирожных купить решили. Или торт.

– Вы пока выбирайте, а я сигареты куплю. – Вечеслов направился к киоску.

Арина уткнулась носом в витрину. Торты, сказочно прекрасные, красовались в лучах ламп, блестя шоколадной глазурью. Их было много: с кремовыми зелёными и жёлтыми розочками, с тестяными «грибами» под забавными шляпками, с шоколадными фигурками... обливные... обсыпные... покрытые глянцевым белоснежным беже...

У Арины разбежались глаза. Попробовать хотелось все.

– Ну что, выбрали? Не выбрали ещё? Вас только за смертью посылать. Посмотри, что я тебе купил!» – и протянул Арине два глянцевых толстых журнала: «Пэчворк» и «Волшебная вышивка». Не вспоминая о торте, который так и не выбрала, Арина с восторгом схватила подарки.

Домой она возвращалась счастливая. Одной рукой прижимала к груди журналы, в другой несла две коробки с пирожными, поставленные одна на другую и перевязанные блестящей лентой. От журналов вкусно пахло типографской свежей краской, от коробок пахло пирожными. Помпон был моментально забыт, как и оценивающий взгляд директрисы.

Через два дня Вечесловы «в лучшем кадровом составе» уехали на дачу.

Глава 7. Рухнувший мир

Вспоминая прошлую жизнь, так сильно отличавшуюся от нынешней, Арина задавала себе вопрос: когда же кончилось её детство? Когда она осталась одна, без Насти, с которой у них были «одинаковые» птичьи фамилии? Когда бросила мокрый ком глины на гроб Наташи, которая была – сестра Агафья, а ей хотелось быть Наташей, и чтобы жить как все, чтобы – семья, и дети, и собака, и дача на озере. Вот только жить было негде и незачем...

Приют при монастыре Святого Пантелеймона Арина покидала не помня себя от счастья. А после тосковала по той жизни. По сестре Иринье. По вышивальной мастерской. По гимназии, где все друг друга любили – той самой Христовой любовью к ближнему, на которой стоит мир.

Точнее, стоял. А потом рухнул. Арина корчилась под его обломками пять школьных лет, ставших для неё адом. Адаптироваться к аду не получилось, душевные муки приходилось терпеть в одиночестве, слёз опекунам не показывать. Ведь тогда Арину отправят в детский дом, где ей будет ещё хуже. Хотя – куда уж хуже...

Арина уже знала, что Вечесловы её опекуны, а не приёмные родители. И фамилия у неё прежняя, Зяблова. А было бы так здорово: Арина Вечеслова.

То давнее лето, в котором ей было тринадцать, вспоми-

налось горячим солнцем, гладкими досками террасы, по которым так приятно ходить босиком, слепящими бликами на селигерской воде, в которой отражалось небо, шуршанием тростника, бабы Вериными вкусными оладьями, деда Ваняными звучными криками: «Р-раз! Два! Три! Прыгай, кому сказал!» и счастливым Ариными визгом.

Впрочем, тогда она звала их бабушкой Верой и дедушкой Ваней, несмело выговаривая непривычные слова и то и дело сбиваясь на имя-отчество. Полковник учил её плавать, сначала на мелководье, на пробковом коврикe, потом на глубине. Отплывал на лодке подальше от берега, брал Арину под мышки и, не слушая её «Я не хочу! Не на-аадо!», бросал в воду: «Плыви! Ты же умеешь!» Следом летел в воду пробковый коврик. Арина подплывала к коврику, с облегчением за него хваталась и не желала отпускать, Иван Антонович сердился и отнимал, Арина орала... А после сама прыгала лодки в тёплую воду, казавшуюся прохладной после жары.

Ещё они катались на моторке по Селигеру. Побывали на острове Столобном, в Нило-Столобёнской пúстыни, где в здании бывшего монастыря в советские времена была колония для малолетних преступников, а теперь располагался православный мужской монастырь; на острове Хачин – самом большом острове Селигера (площадь составляет около 32 кв. км), где растёт легендарный вереск, а в глубине леса спрятаны одиннадцать озёр (двенадцатое и тринадцатое заросли до состояния болот). Ещё они побывали в карело-фин-

ском селении Свапуще, в древнем селе Кравотынь, на Собенских озёрах с уникальным сапропелльным илом, в Широково – «Тверских Кижях», где осматривали уникальный памятник русского деревянного зодчества: церковь, построенную в 1697 году. В июле ездили на речку Княжу за черникой, которой Арина объелась, и у неё болел живот. В августе собирали бруснику в окрестностях озера Серемо.

Обедали там же, на речке Серемухе. Иван Антонович развёл костёр у самой воды, Вера Илларионовна сварила в котелке суп – вкусный-превкусный, отказаться просто невозможно. Суп ели деревянными ложками из алюминиевых мисок, заедая ржаным хлебом. В Ариной миске плавал лавровый листочек. Она хотела его вынуть, ложка за что-то зацепилась – и на поверхность, раздвигая блёстки жира, вернулся кусок тушёнки. Арина обмерла от ужаса.

– Ой, с мясом... Сейчас ведь Успенский пост, скромного нельзя!

– Кому нельзя, пусть водичку хлебает, а нам можно, – безапелляционно заявил полковник. – Да ты уже полмиски съела. Не умерла же. Ешь давай, а то Веруся обидится, подумает, невкусный суп получился.

– Нет, что вы, Иван Анто... что вы, дедушка Ваня, суп вкусный, даже очень, я такого никогда...

– Веруся, слышишь, что внучка наша говорит? Супчик просто божественный. Запить бы надо, по русскому-то обычаю. А я за рулём... Вер? Что ж мне делать-то? – Иван Анто-

нович вздохнул и полез в рюкзак. Хитро улыбаясь, вытащил стеклянную плоскую бутылочку, взболтнул. Внутри плескалось что-то похожее цветом на чайную заварку, и Арина не поняла, почему нужно спрашивать разрешения у бабушки Веры, чтобы выпить холодного чаю.

Иван Антонович проследил за её взглядом.

– Пить хочешь? Минералка в рюкзаке, бери, открывай. А это коньяк, мужской напиток. А ты небось думала, чай?

– Да пей уж, бог с тобой, – разрешила Вера Илларионовна. – Гаишников тут не водится, а рыбнадзору мы не нужны, с нашим сиротским уловом...

«Сиротский» улов состоял из двух щук, которых Иван Антонович обещал завялить так, что «обо всём забудете».

Гнуса в низовье Серемухи было столько же, сколько брусники. То есть тьма-тьмущая. И он бы их просто заел, но у Вечесловых был какой-то хитрый спрей, которым полковник щедро набрызгал Арине на голые руки и ноги. Смочив ладонь, провёл по её шее, по ушам, по щекам. Тронул волосы. Напоследок сунул руку с зажатым в ней баллончиком под Арино платье и обрызгал спину и живот. От брызг по коже побежали мурашки, Арина поёжилась и надела кофту.

– Он ушлый, гнус. Везде пролезет, и под платье, и под волосы... Ты кофту сними, жарко в ней будет. На флаконе написано, защиты хватит на два часа. – И стянул с Арины кофту.

Ягоды она собирала в коротком платьице, ползая по брус-

ничнику на коленках. Гнус её не трогал, держался на расстоянии, пищал назойливо. Арине было необыкновенно хорошо. Что же это за спрей такой чудодейственный, где они его взяли? Спросила у Веры Илларионовны и получила исчерпывающий ответ: «Бог послал. В магазине увидела, и словно под руку кто толкнул: бери! Я и взяла, пять флаконов. Повезло, последние оказались. На всё лето хватило, на осень ещё останется».

Арина крепко задумалась. Бог, судя по всему, принимал активное участие в жизни Вечесловых, не возражал против тушёнки и коньяка в дни поста, бруснику им послал спелую, крупную, густо обсыпавшую ветки. И о погоде позаботился. И спрей подсказал где купить! В монастырском приюте Бог был строгим и безжалостным. Монахини говорили: справедливым, и Арина не смела возражать. А для Вечесловых Бог был хорошим и добрым. Своим.

У неё зачесалась коленка. Потом плечо. Потом ухо. Два часа прошли, спрей больше не действует! – сообразила Арина.

Вода в Серемухе ледяная от бьющих со дна ключей. Втроем они плескались в ней, смывая с себя спрей и ахая от холода. Арина считала до трёх и с визгом окуналась в торфяную, слегка коричневатую воду. Это было так здорово! И холодно. Холодно и здорово!

А на берегу их ждала жара – обнимала за плечи, тепло дышала в лицо, согревая, убаюкая... Господи, как хорошо!

После обеда наступало время занятий, которые продолжались до вечера. Иван Антонович занимался с внучкой математикой и физикой. Вера Илларионовна взяла на себя русский язык и литературу. Выяснилось, что Арина неплохо знала историю России и великолепно – историю религии. Девочка писала почти каллиграфическим почерком, лаконично и грамотно излагала на бумаге мысли, но не знала алгебры, не читала книг и не смотрела фильмов, на которых выросли её ровесники. Книги Вечесловы привезли из дома, а фильмы смотрели всей семьёй.

Занятия дарили уверенность и чувство собственной значимости. Арина пыхла над учебниками, преодолевая усталость, и старалась изо всех сил. Иван Антонович, хитро улыбаясь, подсовывал ей математические задачи – одну сложнее другой. Терпеливо объяснял, направлял, показывал. И одобрительно кричал, когда Арина справлялась сама, без подсказок. Вера Илларионовна расспрашивала о прочитанных книгах, которые «выдавала» Арине каждую неделю, и не скупилась на похвалы. От этого хотелось прыгать до потолка. Ещё хотелось сделать что-то хорошее. Арина не знала – что.

Ещё ей нравилось «лечить» смородинные и крыжовенные кусты, на которые в то засушливое лето напало слишком уж много вредителей. Арина многому научилась в монастыре, работая в саду, и теперь применяла знания на практике: сломала несколько веток бузины и воткнула в кусты крыжов-

ника, отчего мыши и землеройки, с которыми Вечесловы безуспешно боролись каждый год, дружно ушли с участка и больше не вернулись.

– Это надо же... Ультразвуковых отпугивателей не сильно боялись, а бузины испугались как чёрт ладана, – удивлялся Вечеслов.

– Вань, посмотри на смородину! Мучнистая роса исчезла, – радовалась Вера Илларионовна. – Я всё перепробовала, чем только не поливала, и мылом, и золой, и гадостью этой покупной. Надышалась, сама чуть не отравилась от неё! А Аринка полевого хвоща насобираала, отваром набрызгала – и глянь, чистые листья-то! Девчушку-то нам сам Бог послал, а настоятельница говорила, другую возьмите...

Томатная ботва помогла избавиться от гусениц, ромашка от паутинного клеща, а хрен уничтожил тлю. Вера Илларионовна превозносила внучку до небес, и Арина готова была свернуть горы.

Но «свернули» саму Арину: сентябрь, обещавший стать праздником, обернулся кошмаром.

Профиль Ариной гимназии был гуманитарно-филологическим. Точным наукам уделялось мало времени и внимания. В образовательной программе превалировал православный компонент с углублённым изучением русского языка, литературы и истории. Литература сводилась преимущественно к изучению церковных жанров: проповедь (назида-

тельная речь религиозного характера, имеющая целью убеждение), хождение (описание паломнических путешествий к святым местам) и жития (биографии канонизированных святых, подвиги, особое предназначение, прославление духовных качеств). Из светских жанров изучались исторические повести и сказания религиозной направленности.

В православной гимназии даже у второклассников по семь уроков в день, а с пятого по одиннадцатый класс шестидневная учебная неделя. День начинается с чтения утренних молитв, которые возглавляет духовник. После уроков дети в обязательном порядке остаются на занятия в театральной, хореографической или изостудии, в классе церковного песнопения, историческом и биологическом кружках.

Арина гордилась своей гимназией, в которой был даже кружок «Юный паломник» и собственный православный киноклуб. Отправляясь в новую школу, она решила записаться в кружок рукоделия и в хореографическую студию. Ей даже не приходило в голову (а Вечесловым не приходило в голову объяснить), что занятия в студиях и секциях «в миру» платные.

Между православными и светскими школами существуют большие различия, заключающиеся в подаче материала, составленных программах и отношении между учениками и преподавателями. Выход в «большой мир» может стать для ребёнка настоящим шоком. Что и произошло с Ариной.

Торжественная праздничная линейка Арине понравилась. Дома её предупредили, что в новой школе девочки и мальчики учатся вместе, в одном классе. Но она всё равно удивлялась. Классы – один за другим – длинной вереницей исчезали в школьных широко распахнутых дверях. В руках у каждого ученика цветы, у Арины тоже (Вера Илларионовна срезала её любимые пионовидные астры «Американ браунинг»). Опустив в букет лицо, Арина присоединилась к седьмому «А». Её будущие одноклассники переговаривались шёпотом, не обращая на новенькую внимания. Ну и ладно.

– Ребята, в вашем классе новая ученица, её зовут Арина, фамилия Зяблова, – объявила классная руководительница. И повернулась к Арине: – Меня зовут Валентина Филипповна Саморядова, я классный руководитель седьмого «А», веду уроки алгебры и геометрии. Ты уже знаешь расписание уроков? На перемене спустишься вниз и перепишешь. А сейчас садись вот за ту парту.

Арина села на указанное место. И с волнением ждала, что её вызовут к доске и спросят – что она проходила в своей гимназии, какие предметы, и какие у неё отметки. Но её ни о чём не спросили.

Соседку по парте звали Зиной. Она оказалась дружелюбной и общительной, проводила её в вестибюль, помогла отыскать на стенде колонку с расписанием седьмого «А» и диктовала, пока Арина переписывала. К удивлению Арины, уроков в этот день было всего два, а потом всех отпусти-

ли. Дома её так рано не ждут, ещё подумают, что она сбежала с уроков.

Арина стояла на школьном крыльце – и не знала, что делать. Кто-то тронул её за плечо. Зина!

– Пойдём погуляем? – предложила новая подружка.

Арина с восторгом согласилась. И выложила Зине всё как на духу – про уют и православную гимназию, в которой она была отличницей, Про монастырскую жизнь, к которой она привыкла и которая так отличалась от мирской. Про Агафью-Наташу, за которую Арина молилась, чтобы её душе было хорошо и покойно на небесах. Про класс церковного песнопения, из которого ей пришлось уйти, потому что у неё не было слуха. Про сестру Ненилу.

Зина слушала её не перебивая.

На другой день Арина вошла в класс и удивилась – внезапно смолкшим разговорам и странной, настороженной тишине.

Впрочем, тишина длилась недолго.

– А вот и наша церковная мышь! – выкрикнул Пашка Родин, хулиган и балабол.

Все радостно заржали. Арина хотела пройти за свою парту и не смогла: ноги словно приросли к полу. Зина оказалась предательницей, расписала в красках Аринин уют, насочиняла небылиц, которых Арина не сможет опровергнуть и ничего не сможет доказать. Да и надо ли – доказывать? Доказывать это значит рассказывать. Она уже рассказала – Зи-

не, и вот что из этого вышло...

– Помо-олимся, други мои, и приступим к занятиям, ибо они несут свет в наши заблудшие души, – нёс околесицу Пашка.

Спектакль прекратила вошедшая в класс учительница истории. Все дружно поднялись из-за парт.

– А ты почему стоишь? Садись. И впредь не опаздывай. – Историчка прошла к своему столу, открыла школьный журнал, объявила тему сегодняшнего урока.

Арина отлепила от пола непослушные ноги и прошла к своей парте. Зина демонстративно отодвинулась, словно прочертила границу между ними. За что обиделась на неё эта девочка, с которой они вчера подружились и два часа ходили вокруг школы? Вчера она ловила каждое Аринино слово, спрашивала, ахала, охала. Сегодня – не поворачивала головы в её сторону и делала вид, что внимательно слушает учительницу. Делала вид.

Заповедь о ближнем, которого требовалось возлюбить как самого себя, здесь не работает, поняла Арина. Впрочем, не работала она и в приюте, где забота сестёр-воспитательниц была отстранённой. Монахини не отдавали предпочтения никому из девочек, ни к кому не испытывали тёплых чувств. И только с сестрой Агафьей, которую по-настоящему звали Наташей, они стали подругами. Но Наташа теперь живёт на небесах и не может помочь. Или не живёт? Если бы жила, то стала бы Арининым ангелом и во всём ей помогала. Нет

никаких небес. Есть безвоздушное пространство, в котором нет кислорода и невозможна никакая жизнь, так говорит де-душка Ваня. Наташина душа, окажись она на небесах, замёрзла бы там насмерть. Тогда – где же она? В кого переселилась? В ком сейчас живёт? Душа не может умереть, душа бессмертна...

Историчку тоже звали Натальей. Натальей Георгиевной. Она притворилась, что не слышала, как Арину назвали церковной мышью. И при всех выговорила ей за опоздание на урок, хотя Арина не опоздала, а просто не успела сесть. Просто не хотела – сидеть за одной партой с предательницей и лгуньей.

Между тем Наталья Георгиевна предложила желающим рассказать о пугачёвском восстании, которое они проходили в прошлом учебном году. «Желающие» затаили дыхание... Положение спас Родин:

– А пусть новенькая расскажет.

Класс радостно выдохнул.

Арина не сразу поняла, что к ней обращаются.

– Зяблова, ты там спишь, что ли? Не жёстко тебе?

Машинально она чуть было не ответила, что в приюте шесть лет спала на жёстком ложе, и ей было вполне комфортно. Нормально.

– Может быть, выйдешь к доске? У нас не принято отвечать с места. Арина вышла к доске, сложила руки на животе, выпрямила спину. И тут только сообразила, что не знает, о

чём её спрашивают.

– А что отвечать?

Её слова вызвали новый взрыв смеха, как и внешний вид. Одноклассники смотрели на тёмно-серое закрывающее колени платье, на гладко зачёсанные волосы, заплетённые в косы. Переглядывались, перешёптывались, пересмеивались.

Наталья Георгиевна повторила вопрос. Арина с облегчением выдохнула: вопрос она знала.

– Восстание Емельяна Пугачева началось в 1773 году и охватило значительную часть страны: Урал, Поволжье, Сибирь и другие территории. Социальный состав восстания был весьма неоднородным: крестьяне, рабочие, казаки...

– Не надо пересказывать учебник. Говори своими словами.

– Я своими...

– Попробуй начать с другого. Почему Емельян Пугачёв организовал это восстание? Зачем ему это надо было? Жил бы как все, так нет же, восстание устроил, царицу прогневал...

По рядам прокатились смешки. Арина не поняла, над чем они смеются. Стояла у доски, мяла в руках поясok платья и молчала. Она могла бы ответить – «зачем ему это надо было», но в учебнике шестого класса, который Вера Илларионовна заставила вызубрить наизусть, говорилось о другом: что Пугачёв борец за свободу и защитник народа. Но ведь это не так. Не так!

– Что ты молчишь? Рассказывай, рассказывай, материал ты знаешь, так хорошо начала... – похвалила её учительница.

И Арина решилась.

– Восстание было заговором против императрицы Екатерины второй. Пугачёв бунтарь, он выступал на стороне безбожников, а его смерть была расплатой за содеянное. Всякая власть даётся от Бога. Одним дано управлять, другим трудиться, соблюдать установленный на земле порядок и жить в гармонии с миром.

Класс потрясённо молчал.

Наталья Георгиевна дёрнула шей, словно проглотила невидимый комок, и обратилась к Арине.

– Это где ж ты такое вычитала?

– Это Конфуций. Общество на земле делится на две категории: те, кто управляет, и те, кто им подчиняется. Не каждый может управлять, для этого необходимы знания и добродетель. Люди от природы не равны, это ещё Платон говорил, ученик Сократа и учитель Аристотеля.

– Емельян Пугачёв боролся за народ, за его счастье, разве не так? – опомнилась Наталья Георгиевна.

– Нет, он жаждал возвеличиться, хотел установить свой закон, – упорствовала Арина – Люди хотят для себя богатства и славы; если то и другое нельзя обрести честно, следует их избегать.

– Где тебе эту ересь в голову натолкали? – не сдержалась

историчка.

– Это не ересь, это Конфуций сказал, древнекитайский философ, – возмутилась Арина.

В классе опять засмеялись, на этот раз над учительницей: Наталья Георгиевна стояла приоткрыв рот и беспомощно глядя перед собой. Не могла найти слов, чтобы поставить на место наглуую девчонку, которая знает Конфуция и Платона. Историю пугачёвского бунта в такой интерпретации она слышала впервые. А Конфуция не читала, а надо бы почитать...

Прозвенел звонок, которому Наталья Георгиевна обрадовалась не меньше, чем её ученики.

Из школы Арина вышла, чувствуя себя победительницей.

– А ты молодец, всех выручила. И мозги историчке запудрила, теперь не скоро забудет, – похвалил Пашка Родин. Арина простила ему «церковную мышь» и улыбнулась. Пашка улыбнулся в ответ и вежливо попросил:

– Дай рюкзак посмотреть. Ого, карманов сколько! – Пашка зашёл ей за спину. – Ух ты, четыре отделения! И с вышивкой!

Школьный рюкзак – цвета недоспелой клубники, невозможно красивый, с мягкими лямками и кожаной удобной ручкой, если захочется нести его в руке, – рюкзак подарили Вечесловы. Арине он очень нравился, а разноцветных тропических бабочек она вышила сама. Это оказалось трудным делом: рюкзак в пальцы не вставишь, и приходилось каждый

раз совать внутрь руку и вытаскивать иголку, и Арина исколола все пальцы.

– Дай посмотреть! – Чьи-то руки стягивали с её плеч рюкзак, Арина не видела чьи. И ухватилась за лямки.

– Да ты не бойся. Мы только проверим, крепкий или нет, и отдадим.

Она ни о чём не рассказала дома. Рюкзак, которым мальчишки перебрасывались как мячом, а войдя в азарт, пинали ногами, долго чистила щёткой, всхлипывая от обиды и слизывая с губ солёные слёзы. Но он всё равно остался грязным. Грязно-розовым. Арина сгребла рюкзак в охапку и выждав, когда Вера Илларионовна уйдёт на кухню, прошмыгнула к себе и легла на диван, с головой укрывшись пледом. Внутри разрастался гнев – неодолимый, непобедимый.

«Если нападёт на тебя гнев, поспешнее гони его подальше от себя, и будешь радоваться во все дни жизни своей» – твердила Арина слова святого Антония Великого. У Антония не отнимали новенький рюкзак и не играли им в футбол. Как теперь быть? Чему радоваться? Что она скажет Вечесловым? Из глаз брызнули слёзы...

– Обедать будешь? – сунулась в дверь бабушка Вера. – Господи Иисусе! Да что это с тобой? Двойку получила? Ну и бог с ней, плакать из-за этого...

Вместо ответа Арина показала рюкзак – растрёпанный, измочаленный, излохмаченный. Растерзанный.

Вера Илларионовна ухватила её за руку и не слушая воз-

ражений повела в школу.

История с рюкзаком, которым играли в футбол на школьном дворе, наделала много шума. Фамилий «игроков» Арина не знала, знала только Пашкину, но молчала, потому что ябедничать грех. Валентине Филипповне объявили выговор – за ненадлежащее классное руководство и недопустимое поведение седьмого «А».

Рюкзак был куплен новый. Старый Арина выбросить не дала, растворителем отчистила вышивку, которая из разноцветной стала блёкло-голубой. Зашила разорванные места, пристрочила на машинке вырванную с мясом лямку. Но рюкзак всё равно выглядел плачевно.

– Я с ним на дачу буду ездить. Это же подарок, а подарки выбрасывать нельзя, – сказала она Вечесловым.

После истории с рюкзаком её оставили в покое. Арина знала, что это ненадолго. Мальчишки – даже те, кто не принимал участия в «футболе» – смотрели словно сквозь неё, не разговаривали, не просили тетрадку, чтобы списать упражнение по русскому или задачу по алгебре. Девочки, собиравшиеся на переменках группками, переходили на шёпот, когда к ним подходила Арина – в неизменно тёмном платье, закрывающем колени, с неизменными косами.

– Девчонки, атас! Зяблова идёт!

– Подслушивать будет, потом бабушку к завучу поведёт докладывать, кто про неё чего сказал. Ну? Чего встала-то?

Иди куда шла.

Последнее относилось к Арине, она вздрагивала и торопливо проходила мимо. Если бы её спросили: «Какое твоё заветное желание?» – Арина бы ответила не колеблясь: гулять на переменах рука об руку по школьному коридору с одноклассницей, всё равно с какой, разговаривать – всё равно о чём, и смеяться – всё равно чему. Но к ней, подпирающей стену и зубрящей заданный на дом параграф учебника, который никак не желал запоминаться, – к ней никто не подходил, никто не предлагал: «Пойдём походим?»

О, как ей вспоминалось – то горькое одиночество! И ненавистные учебники, и смех одноклассников, когда её вызывали к доске. С её хроническим гайморитом носовые пазухи были забиты, и говорить не получалось. Обречённо ожидая насмешек, Арина доставала из кармана платок и долго в него сморкалась. Отсморкавшись, выходила к доске. Класс дружно помирал со смеху. Учительница злилась, считая, что Арина делает это нарочно, с целью сорвать урок.

Условия Арина приняла. В классе ни с кем не разговаривала, на уроках не поднимала руку и отвечала только когда её вызывали к доске. Зачем-то она пошла на новогодний огонёк, который организовала Валентина Филипповна в своём седьмом «А». Мальчишки пришли явно нетрезвые, девчонки пришли все как одна в юбках-мини. Арина в длинном платье вишнёвого цвета, которое ей удивительно шло, оказалась белой вороной. То есть, вишнёвой. Платье былоoble-

гающим, Арину откровенно разглядывали, но танцевать не приглашали. Хотелось забиться в угол, чтобы никто не смотрел, сидеть там и мечтать – о том, что никогда не сбудется.

Закончатся ли когда-нибудь её душевные муки?

В своей комнате она стояла на коленях перед иконой, замаливая грех, не в силах простить обиды, которую ей нанесли ни за что. Принять как данность – да. Простить – нет.

Вера Илларионовна её за это ругала.

– Сейчас же встань! Что ты как бабка старая на коленках ползаешь? Зла ты никому не делала... Не делала ведь? – Арина мотала головой. – Значит, и молиться не о чем, – заключала Вера. – А чужие грехи пускай хозяева сами отмаливают. Ты уроки все сделала? Пошла бы погуляла с подружками...

– Сделала. Я гулять не хочу. Я лучше вышивать буду.

– Тоже дело! А то помогла бы мне пельмени лепить, вдвоём-то мы быстро управимся.

Арина со вздохом поднималась с колен и шла лепить пельмени. Подруг у неё не было (предательство Зины послужило уроком), были одноклассницы, с которыми она возвращалась из школы и с облегчением прощалась, дойдя до своего дома.

Глава 8. Терпение и труд

Арина не могла понять, за что не любила одноклассников, а не тех четверых подонков, избравших её мишенью для своих издевательств. За то, что молчали и делали вид, что их это не касается? Ведь если Пашкина компания оставит в покое Арину, то примется за кого-то из них.

Поражало это подчёркнутое неприятие чужого страдания, равнодушие к подлости, которую сотворили не с ними, с другими. А как же Новый Завет?! Как же – возлюби ближнего своего как самого себя?!

Арина долго не могла принять этот мир, который оказался совсем не таким, каким виделся в приюте. В том, сочинённом Ариной «миру» было тепло и солнечно, «миряне» любили друг друга как братья и сёстры, а если не любили, то хотя бы не ненавидели. Реальность больно ударила по сформировавшимся в сознании устоям и правилам.

Люди негодовали и завидовали, кляузничали и сплетничали, а соседи Вечесловых по этажу даже подрались. Мужчины сосредоточенно тузили друг дружку, сцепившись как боксёры в клинче и глухо выкрикивая ругательства. Их жёны стояли каждая у своей двери и не вмешивались – потому что бесполезно, поняла Арина, наблюдавшая драку в дверной «глазок». Силы противоборствующих сторон были примерно равны, драчуны запыхались, и тут вдруг один из деру-

щих ся схватил стоящую у соседней двери детскую прогулочную коляску и размахнувшись, швырнул на лестницу. Коляска с грохотом скатилась вниз.

«А теперь иди и подними» – спокойно сказал Олег Петрович, второй участник потасовки. Арина его знала, он всегда радостно здоровался с дедушкой Ваней, хлопая его по плечу и белозубо улыбаясь: «Буди здоров, Иван Антоныч! Как жизнь? Как супруга? Внучка как? Двойки из школы не носит?» (соседям Вечесловы сказали, что Арина их внучатная племянница из Москвы, её родители погибли, а девочка теперь будет жить у них).

В голосе Олега Петровича было что-то такое, отчего сосед понуро опустил голову и пошёл вниз, за коляской.

– Бабушка Вера, почему Бог их не любит? Почему он их сделал такими? За что?

– Бог любит всех одинаково, каждому отдаёт равную частицу своей души. Отсюда и слово – «равнодушие». Всем поровну, чтобы никого не обидеть и не обделить. А уж как они этой частицей распорядятся, не нам с тобой думать. Наше дело сторона.

– Как это сторона? – удивилась Арина.

– Поучаствовать хочешь? Иди, разнимай. Не пойдёшь? Вот то-то и оно...

В свой последний год в приюте Арина мечтала заболеть и умереть, на прогулку выходила в незастёгнутой куртке и спущенном на плечи платке – но не болела, как ни старалась. На

насморк сёстры-воспитательницы не обращали внимания, и он сменился хроническим гайморитом, избавиться от которого не получалось. Вера Илларионовна лечила приёмную внучку соком цикламена, смесью мёда, соды и подсолнечно-го масла, сажала над кастрюлей с горячей картошкой, сваренной в мундирах и только что снятой с огня, и заставляла дышать картофельным горячим паром. Пар был огнедышащим, обжигал лицо.

– Ай! Не могу, горячо!

– Терпи. Дыши. А то к хирургу идти придётся, прокол гайморовых пазух делать. Ты сразу-то не открывай кастрюлю, крышку чуть приоткрой и дыши. Обвыкнешься, тогда побольше откроешь.

Бабушка Вера накрывала Арину тяжёлым одеялом, а сверху набрасывала покрывало с кровати. В горячей темноте полагалось сидеть с открытым ртом и дышать, пока не остынет пар. Арина терпела. Молчала. Дышала...

Ещё бабушка следила, чтобы Арина тепло одевалась. Осенью и весной она ходила в школу в хлопчатобумажных колготках, а зимой в рейтузах (а девчонки – в тоненьких «паутинках» с лайкрой), и с обвязанным шерстяным платком горлом (а девчонки – в кружевных воротничках на тонких шейках). Аринину шею – длинную, красивую – никто не видел. От уроков физкультуры она была освобождена по причине того же гайморита: в тёплом спортивном костюме девочка нещадно потела, а от бега задыхалась, поскольку ды-

шать с заложенным носом было проблематично. Ходячее недоразумение, сказал про неё физкультурник. Кличка прилепилась.

Дома «недоразумение» занималось гимнастикой: сидело в провисном (минусовом) шпагате на опорах, делало бланш (сальто вперёд прямым телом) и рондат (сальто назад) – к ужасу Вечесловых, которые пугались и ахали, и Арине нравилось их «пугать».

В школе «недоразумение» шутя справлялось с физикой и алгеброй и решало задачи, которых не мог решить никто из класса, только Арина. С Зининой парты она пересела на последнюю, никем не занятую, и два года сидела одна. А в девятом классе к ним пришла новенькая, и её посадили к Арине.

Черноглазая, с милыми ямочками на щеках, Милана Риваненко была красивой, как Оксана из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», и стала всеобщей любимицей.

– Милан, у тебя рюкзак такой тяжёлый... Как гиря. Следующий урок – биология, третий этаж, ты ж не дотащишь, у тебя руки тонкие... Давай донесу! – предлагал Пашка Родин, отъявленный грубиян. Милана милостиво соглашалась, и счастливый Пашка пёр по лестнице на третий этаж её рюкзак – на одном плече свой, на другом Миланин.

«Пашка грузчиком заделался. Выучным верблюдом» – шутили одноклассники. Им тоже хотелось, чтобы Милана им улыбалась, соглашалась, благодарила. Пашку она поцелова-

ла в щёку, и он клятвенно пообещал не умываться до летних каникул. Над Пашкой ржали, но шутливый поцелуй никому не хотелось принимать за шутку: седьмой класс это вам не пятый.

Не отставали в изъявлении любви и девчонки, награждали ласковыми прозвищами и наперебой давали советы:

– Милочка! Ривочка! Риваненочка! Ты такая милая, красивая такая! А в подруги себе выбрала эту Зяблову. Пересядь от неё, попроси Валентишу, она разрешит.

Но Милана пересаживаться не хотела и продолжала сидеть с Ариной, к недоумению девчонок. Арина помогала ей с алгеброй, а в девятом классе с геометрией, в которой Милана «плавала». А Милана помогала Арине с информатикой, терпеливо объясняя и показывая, и в отличие от учительницы, никогда не сердилась, если Арина не понимала. Из школы они шли в разные стороны, а по воскресеньям приходили друг к дружке в гости, гуляли по Набережному саду и ездили в парк «Юность». А однажды, не спрашивая разрешения, поехали одни на остров Кличен, и бродили до вечера, собирая ягоды и наслаждаясь обрётённой свободой. А после выбирали скамейку в уединённом месте, где их никто не мог услышать, и пели украинские песни. Арина – приглушённым сопрано, слегка фальшивя, Милана – бархатным контральто с мягким украинским «г»:

«Несе Галя воду, коромысло гнеться,
За нею Ива-анко як барвінок вьється.

Галю ж, моя Галю, дай воды напиться,
Ты така хоро-оша, дай хочь подывыться!»

С Миланой Арина забывала обо всём и веселилась, и даже показала начатое вышивание – икону Казанской Божией матери. Милана ахала и говорила, что глаза у богоматери как настоящие. А Арина вспоминала историю с орлом-ягнятником, которая тогда казалась трагедией, а сейчас казалась смешной.

Вечесловы радовались, глядя, как улыбается их неулыбчивая внучка. И привечали Милану, закармливая пирожками и рассыпчатым сдобным печеньем, которое Вера Илларионовна пекла по выходным.

Но однажды Милана не пришла. И больше у Вечесловых не появлялась. На все вопросы Арина скучно отвечала, что – да, не пришла. Добиться от неё большего было невозможно. Вечесловы так и не узнали о разговоре между подружками и о том, что было после.

В последнее воскресенье апреля они с Миланой никуда не пошли. Сидели, склонившись над учебником геометрии: в девятом классе экзамен по математике был обязательным, и Арина взялась за подружку всерьёз. Геометрию заедали бабушкиными пирожками.

– Откуда ты всё знаешь? Как у тебя получается так быстро думать? – восхищалась Милана. – Ты, наверное, гений. Будущий учёный!

– Я не гений, – смеялась Арина. – И учёным я не буду, я

не люблю историю и литературу, а математику не люблю. А знаю, потому что со мной дедушка занимался, перед школой, всё лето, иначе бы я в седьмом классе на второй год осталась, я ж ничего не знала. Я в православной гимназии училась, с гуманитарным профилем. А дедушка у меня профессор, он в Москве преподавал, в Военном университете Министерства обороны! И сейчас лекции читает, его в Санкт-Петербург пригласили, в академию связи, – похвасталась Арина, попутно подумав, что хвастаться грех, но ведь она не себя хвалит, а дедушку.

Аринины откровения были остановлены Верой Илларионовной:

– Хватит вам над учебниками спины гнуть, полдня просидели! На улицу ступайте, воздухом дышать.

Урок близился к концу. Валентина Филипповна продиктовала классу домашнее задание. И предупредила:

– Задача сложная, для одиннадцатого класса. Она на смекалку, решение простое, но вы этого ещё не проходили. Оценки ставить не буду, поэтому не огорчайтесь, если не получится. А тому, кто решит, поставлю «отлично» в дневнике и в четверти.

С «простым» решением никто не справился. Когда Валентина Филипповна, по-школьному Валентиша, спросила, кто решил задачу, вверх поднялась только одна рука – Аринина. Она вышла к доске и объяснила решение. Валентиша цвела

от радости: девочка просто чудо, надо её на математическую олимпиаду послать.

И тут кто-то крикнул:

– А она не сама, у неё дед профессор, он за неё и решил!

– Ага, мы все дураки, она одна умная...

– Папа у Васи силён в математике, учится папа за Васю весь год. Где это видано, где это слыхано: папа решает, а Вася сдаёт! – затянул Пашка Родин дурашливым голосом. Куплет допели всем классом.

В классе поднялся невообразимый гвалт, который Валентина Филипповна не пыталась остановить. Смотрела обвиняющими глазами на Арину, словно спрашивала: «Как ты могла меня обмануть?»

– Дедушка со мной занимался в седьмом классе, я не знала ничего, совсем. А с восьмого я домашку делаю сама, одна. И задачу решила сама, – объяснила Арина.

И встретила неверящий взгляд.

Доказывать свою правоту не имело смысла, поняла Арина. Ещё она поняла, что подруги у неё больше нет.

– Я могла бы поставить тебе «отлично», – обрела наконец дар речи Валентиша. – Одной из всего класса. Но ты ведь не сама... признайся честно. Тебе хотелось быть умнее всего класса, взять реванш. Это понятно. Но так нельзя, Арина! Даже если ты и правда решила задачку сама, оценку я не поставлю. Ребята обидятся, и вообще... Ты хоть понимаешь, что так поступать некрасиво? Непорядочно.

– Понимаю, – сказала Арина.

– Я ведь на городскую Олимпиаду по математике тебя хотела послать. А теперь не знаю, одну посылать или вдвоём с дедушкой, – добивала её Валентиша.

Арина с удивлением поняла, что до сих пор сжимает в пальцах мел, и положила его в лоток. Вытерла доску начисто, забрала с учительского стола тетрадку с решением и молча села на своё место. А могла бы сказать, что Иван Антонович неделю назад уехал в Санкт-Петербург, читать лекции в Военной академии связи имени маршала Будённого, и приедет только в мае.

К доске Валентиша её больше не вызывала. Вызывала других. Когда они маялись и несли окоlesiцу, просила класс подсказать. Но Арина никогда не поднимала руку. И глаз тоже не понимала.

Валентише она не простила. Из трёх способов укрепить свой авторитет (про способы Арина знала из лекций К. Вайсера и И. Джерелиевской о социально-психологической адаптации в коллективе и о культуре деловой коммуникации, Иван Антонович дал ей почитать) – из трёх способов Валентина Филипповна выбрала самый гнусный: повысила свой рейтинг за счёт понижения рейтинга других.

И Милане долго не могла простить: рассказала кому-то из девочек про Ариного дедушку, а та рассказала другим. Скажи курице, а она всей улице. На экзамене Арина не выдержала её умоляющего взгляда, решила задачу и подсуну-

ла ей под локоть листок с ответом, памятуя слова священномученика Киприана Карфагенского: «Кто не будет милосерд сам, тот не может заслужить милосердия Божия».

С Миланой она разговаривала только на «официальные» темы и никогда – о личном. В гости не приглашала, от предложений поехать в парк вежливо отказывалась. От одноклассников словно отгородилась стеной: не принимала участия в школьной самодеятельности, на классных собраниях не открывала рта, не приходила на школьные вечера и праздничные «огоньки».

Не хочет – и не надо. Её оставили в покое, и только Пашка Родин сотоварищи (в лице Олега Неделина, Сашки Зоз и Славки Бадехина) донимали Арину как могли. «Увели» с её парты подаренный Вечесловым кохиноровский карандаш в металлическом корпусе, со вставным грифелем и миниатюрной точилкой-хвостиком. Приставали с дурацкими разговорами. Высмеивали за её манеру одеваться. Придумали унижительную кличку Зяба.

– Зябунь, ты задачку то решила? Дедушка твой решил? Дай списать, не жмись.

Арина на кличку не отзывалась, но уши у неё вспыхивали, а щёки розовели от гнева.

А однажды из школьной раздевалки пропало её пальто. Мешок со сменной обувью тоже исчез, но главное найти пальто, без него зимой до дома не дойти, а идти не близко: Аринин дом на одном конце улицы, а школа на другом.

Пальто с оторванной петелькой валялось на полу, через три ряда вешалок. На рукаве темнел опечаток грязной подошвы. Мешок с обувью нашёлся в соседней раздевалке для начальных классов, когда Арина совсем отчаялась и ей на помощь пришла старенькая уборщица Анна Ипполитовна, которую в школе все от мала до велика звали бабой Анечкой (малыши сокращали имя до Бабанечки).

Домой она пришла без сил, а Вечесловым сказала, что был классный час.

– Что же это за час такой, до вечера до самого... – ворчала Вера Илларионовна, снимая с внучки пальто и пристраивая его на вешалку. Пристроить не получалось: пальто всё время падало.

– Бог мой, петелька-то с мясом выдрана... Где ж ты умудрилась–то... Не хватай! Сама пришью. А ты иди мой руки и садись за стол.

– Ба! За какой за стол, у меня хореография через час, мне ехать надо... Перед занятиями есть нельзя. – Арина схватила «танцевальную» сумку, торопясь и не попадая в рукава напялила пальто с оторванной вешалкой и убежала, не слушая Вериних протестов.

А вечером уплетала за обе щеки наваристые щи, с вождением поглядывая на сковороду с котлетами, и радовалась, что бабушка Вера ни о чём её не спрашивает. Обманывать грех, а она её обманула. Если бы сказала правду, бабушка

пошла бы в школу разбираться, а этого Арина допустить не могла: разбираться потом будут с ней, всей Пашкиной компанией, и никто не заступится, всем всё равно.

Оказалось – не всем. Анна Ипполитовна видела, как шныряла по раздевалкам Пашкина компания, и запомнила троих. Ещё она видела, как плакала Арина, сидя на полу и оттирая от грязи пальто, как искала мешок с сапожками, горестно причитая и сморкаясь.

И рассказала обо всём директору школы.

– Анна Ипполитовна! Что вы такое говорите? Наша школа образцовая, лучшая в городе, награды от Департамента каждый год вручают... У нас такого не могло быть, просто не могло! Вы хоть лица их запомнили? – упавшим голосом спросила директриса.

– Как не запомнить. Один патлатый, чёрный как головешка. Другой рыжий, под машинку стриженный. Третий вёрткий такой, шепелявый, ростиком невелик. Уж они смеялись, уж они радовались... А девчонка-то плакала. Мешок с сапожками мы с ней вдвоём искали, еле нашли, в соседней раздевальне. Она уж в тапочках домой собралась идти, по слякоти, по грязи... Нешто можно так шутить? Совести нет у мальчишек!

Фамилии «не имеющих совести» директриса знала наизусть...

После разбора полётов, на который Родина не пригласили, поскольку с места преступления он ушёл раньше других,

и уборщица о нём не вспомнила, – после выволочки и предупреждения о возможном отчислении из школы четвёрка разбиралась уже друг с другом. Кто-то ж рассказал! Кто-то же их предал! Ясное дело, не Зяблова, она бы не посмела.

Друзья рассорились в тот день насмерть и разошлись врагами.

В классе обратили внимание на притихшую четвёрку, что обозлило их ещё больше. Сашка Зоз на перемене подошёл к Арине, спросил миролюбиво:

– Зяблова, мы же пошутили просто. Мешок нашёлся ведь, не пропал. А пальто само упало, мы не видели даже. Кому оно нужно, твоё пальто? Ты это... не обижайся. Только скажи честно, ты директорисе настучала? Мы тебе ничего не сделаем, чесслово, вот чтоб я помер, если вру! – поклялся Сашка. – Не веришь? Ну, хочешь, перекрещусь?

И встретил удивлённый взгляд.

– Не она это, Неделя. У неё глазищи такие были... вылупленные. Точняк, не она, – втолковывал он приятелю.

– Ну а кто тогда? – удивился Неделин. И схватив Сашку за рукав, жарко зашептал в ухо: – Может, Рода? Точно он! Зябин мешок мы втроём прятали, а Пашка куда-то слинял. И когда нас в учительской чихвостили и родителей в школу вызывали, Рода не признался, что с нами был. Друг называется... Друзья так не поступают.

От четвёрки хулиганов, к радости всего учительского состава, отделилось трое «неблагонадёжных», и Родин остался

в одиночестве.

За разговоры с Миланой во время урока (Арина с ней помирилась, потому что Милана попросила прощения и потому что старец Фаддей Витовицкий говорил: «Пока мы носим в себе обиду – мы не находим покоя, а когда прощаем, то наступает мир») Валентина Филипповна пересадила обеих на «лобное место» – первую парту перед учительским столом. «Лобники», не веря своему счастью, отправились на последнюю.

Сидеть лицом к лицу с учительницей было неприятно, Арина не знала куда девать глаза. В довершение ко всему, на парте позади неё сидел Пашка Родин. И не удержался, привязал Ариныны косы к спинке её стула, отомстив таким образом за потерю друзей.

Прозвенел звонок. Арина встала, таща за собой стул. Охнув, опустилась обратно и схватилась за косы. Класс радостно заржал. Милана отвязывала Ариныны косы, распутывая тугие узлы. Арина шипела сквозь зубы, когда было больно, и вспоминала слова преподобного Григория Нисского: «Всякое действие, простирающееся от Божества на тварь, от Отца исходит, через Сына простирается, а совершается Духом Святым». Хорош же этот святой дух, если он заодно с Пашкой... А Родин тварь и есть. Тварь!

Глава 9. Метаморфозы

Христова любовь к ближнему в «миру» не работала, поняла Арина. Ещё она поняла, что надо быть такой как все, а с Родиным и его компанией говорить на их языке, другого они не понимают.

...Валентина Филипповна вошла в класс и оцепенела от увиденного. Десятый «А» лежал на партах в приступе неудержимого смеха, а на доске красовались выведенные каллиграфическим почерком стихи:

*«Всю неделю мается Неделин:
Рейтинг опустился до нуля.
На него глаза бы не глядели —
Плоский, как листок календаря.
Получила кренделей Зозуля,
Ремешка отведала Бадья.
Родин в одиночестве кукует,
А друзей не стало ни ...»*

Валентина Филипповна машинально «дописала» последнее слово и посмотрела на Родин, увлечённо рисовавшего что-то на парте. В классе раздались смешки.

– Родин. Прекрати уродовать парту. После урока останешься и будешь оттирать, что ты там намалевал. – И, выдержав паузу, проговорила ледяным тоном: – Автора сего шедевра попрошу встать.

Писать так красиво умела только Зяблова. Но она не могла – написать такое! И всё-таки написала. Парадокс. Девочка, можно сказать, социализировалась. Влилась в коллектив. Вот тебе и православная гимназия. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день... (прим.: 9 декабря, день святого Георгия (Егория), единственный день в году, во время которого в XI–XVII веках крепостные крестьяне могли переходить от одного помещика к другому.)

Забывшись, она проговорила последнюю фразу вслух, и снова класс лежал на партах, корчась от смеха. Теперь смеялся и Родин, вытирая рукавом мокрые щёки. Плакал он, что ли? Или это от смеха?

Валентина Филипповна подняла руку, призывая класс к порядку. В наступившей тишине Арина поднялась из-за парты. Ответила нагло, в духе Пашки Родина:

– А что? Написал же Маяковский в стихотворении «Вам!»: Вам ли, любящим баб да блюда,/ жизнь отдавать в угоду?!/ Я лучше в баре б**дям буду/ подавать ананасную воду!», – с выражением продекламировала Арина.

На класс обрушилась тишина. Седьмой «А» не дышал – предвкушая, обмирая, блаженствуя... Валентиша ужаснулась.

– Маяковскому, значит, можно, а нам нельзя? А что? – в наступившей тишине спросила Арина.

– Кто дежурный? Почему доска грязная? – ушла от ответа Валентиша, понимая, что этот раунд она проиграла... И ко-

му?! Девчонке в нелепых нитяных колготках и самовязной кофте. Её и девушкой не назовёшь, а ведь шестнадцать лет.

На перемене к ней подошёл Сашка Зоз. Класс затаил дыхание...

– Чего тебе? – грубо спросила Арина. При всех Зозуля ей ничего не сделает, а после школы она от него убежит, она быстро бегаёт, и гайморит почти прошёл, бабушка вылечила! Арина довольно улыбнулась.

– Ты это... Про нас больше не пиши, ладно? – робко попросил Сашка. – Нам-то с Неделей ничего, терпимо, а Бадеха обиделся. За бадью.

– Я не буду писать, – пообещала Арина.

– Поклянись!

– Клянусь своей могилой.

– Так у тебя же нет могилы.

– Будет, если нарушу клятву, – заверила Сашку Арина. – А вы... Если ещё хоть раз меня Зябой назовёте, я такое про вас сочиню... Басню Сумарокова переделаю, свет божьего не взвидите. Соплями обхлебаетесь! – пообещала Арина.

– Сумароков это кто?

– Поэт, драматург и литературный критик, жил в восемнадцатом веке. Мы его в гимназии проходили:

«Прогневавшие льва не скоро помирятся;

Так долг твердит уму: не подходи к нему.

Лисица говорит: «Хоть лев и дюж детина,

Однако ведь и он такая же скотина...»

– Не-не-не, мы не будем, – испугался Сашка неведомого Сумарокова. Девчонка-то с сюрпризами, вот – кто бы мог подумать! Напишет про них «басню», и тогда жди беды... Всем классом распевать будут.

– А как нам тебя звать-то?

– По имени. А можно зябликом, меня в гимназии так звали, – великодушно разрешила Арина.

– Слу-уушай... А чего ты в детских колготках ходишь? У тебя ноги больные, да?

– Нормальные у меня ноги. Просто гайморит, мне простужаться нельзя, а из окон дует, – объяснила Арина. – Мне в школу нейлон не разрешают надевать, летом только можно.

– А ты и летом в колготках ходишь? Культурная, типа?

– Я только в городе, а на даче в шортах хожу.

– Ты?! В шортах?! – изумился Сашка.

– А что?

– Да ничего. Я просто так спросил. Спросить нельзя, что ли? А на физру почему не ходишь?

– У меня освобождение. Там бегать надо и прыгать, а у меня гайморит. Нужна мне ваша физкультура... Я в студию хожу, хореографическую, занятия шесть дней в неделю по три часа, мне хватает, – улыбнулась Арина.

За их беседой наблюдали одноклассники. Близко однако не подходили: к Зозуле с вопросами лучше не лезть, его даже Родин побаивается.

Сашке почему-то стало стыдно.

– Ты это... Не сердись. Мы не хотели. Нас Пашка заставлял.

Арина ему не поверила, но молчала. Сашка, воодушевившись, продолжил:

– Поклянись, что никому не скажешь!

– Могила!

– Бадеха в тебя... Короче, нравишься ты ему, сам сказал. Но смотри, если кому проболтаешься, тебе не жить.

– Нужен он мне больно... – поморщилась Арина. – Так ему и передай.

– А про ремень откуда узнала? Бадеха никому не говорил, даже Пашке. Только нам с Неделей.

– Он правда ремня получил? Так ему и надо! – обрадовалась Арина. — Саш, я правда не знала. Просто так написала, для рифмы. А что?

Сашке стало смешно. Влип Бадеха капитально, дома отодрали, в классе добавили... Просто так, для рифмы. Зоз заржал совершенно по-жеребьячи... И замолчал, наткнувшись взглядом на перекошенную от злости физиономию Родина.

– Ты это... Домой сегодня через главный вход не иди. Там Пашка ждать будет.

– А как же...

Сашка нагнулся к её уху:

– В девчачьем туалете окно во двор выходит, внизу клумба, прыгать мягко. На, держи. – И протянул ей карандаш «KOSCH-I-NOOR». – Я не украл, я так, на время взял...

Классный карандашик.

Из школы Арина «вышла» через окно, высокий первый этаж преодолела без страха, на клумбу прыгнула, не испытывая угрызений совести, протиснулась между прутьями ограды и домой пришла в прекрасном расположении духа.

Класс недоумевал: гроза школы, мелкий пакостник и во-ришка, Сашка Зоз всю перемену о чём-то разговаривал с Зябловой, и в ухо ей шептал, и смеялся, и Арина смеялась. А Валентиша не наказала её за стишок, и родителей в школу не вызвала. «Шедевр» декламировали всем классом, а самые отчаянные заменяли «кренделя» общеизвестным синонимом и договаривали недописанное последнее слово вслух.

Ариново «А что?» было принято, что называется, единогласно. Риторическую фигуру речи, вопрос-утверждение, не требующий ответа в силу его крайней очевидности, седьмой «А» применял грамотно и весьма активно.

Валентина Филипповна задавала себе вопрос: что же случилось с робкой девочкой, которая три года пасовала перед грубостью, отступала перед наглостью, а на уроке боялась поднять руку? И вдруг взорвалась как петарда. На такой поступок не осмелился бы никто из класса. И ответить, как ей ответила Арина, никто бы не посмел. Надо будет побеседовать с её опекунами...

Звонок Вечесловым ничего не дал.

– Девочке шестнадцать лет, время взросления, гормональ-

ная перестройка организма, – сыпал словами Иван Антонович. – И если вы, педагог, не можете с ней справиться, что уж говорить о нас, мы ей даже не приёмные родители. Опекуну.

– Вы хоть знаете, что она сделала?! Она стихи написала, с матерным словом. На доске. Перед уроком. И если вы не примете мер...

– То что?..

– То есть как это – что? Антон Иванович, вы всё шутите, а я просто в ужасе!

– Иван Антонович.

– Что?

– Не что, а кто. Иван Антонович я. А супруга моя Вера Илларионовна. Извольте запомнить.

– Из... извините. Иван Антонович. Поступок Арины нельзя оставить безнаказанным. У нас отъявленные хулиганы матом при учителе не ругаются, а она...

– А не при учителе, значит, ругаются?

– Иван Антонович! Мы не о них сейчас говорим. Мы говорим о...

– Не о них? – удивление в голосе Вечеслова казалось искренним. – Ну как не о них? О них самых. Об отъявленных, как вы изволили выразиться. Вы первая начали, а я...

– Мы говорим о вашей дочери. Опекаемой, то есть.

– Внучка она нам. Родная. Четвёртый год с нами живёт, а как будто всю жизнь. Так что она натворила? Матом ругалась?

– Не ругалась. – Валентина Филипповна с её десятилетним педагогическим опытом чувствовала себя перед Вечесловым ученицей. Отставной вояка выворачивал ситуацию так, что ей отводилась роль свидетеля. А ведь она обвинитель! Да что с ней такое... С девчонкой сопливой не смогла справиться, теперь вот с её опекуном...

– Она написала на доске матерное слово. И сорвала урок алгебры, – отчеканила Валентина Филипповна, выдерживая между словами театральные паузы. Словно ставила точки: «Она. Написала. На доске. Матерное слово. И сорвала. Урок алгебры».

– Да что вы говорите? – развеселился полковник. – И какое же слово? Нет, я понимаю, что вам неудобно. Просто скажите, на какую букву начинается, я пойму. Я мужчина всё-таки...

Валентина Филипповна опешила. Опекун, называется! Семейка, называется...

– Собственно, слово она не написала...

– Так написала или нет?

– Нет. – призналась Валентина Филипповна. – Она стихом сочинила. И написала на доске. А в конце поставила многоточие. Иван Антонович, я звоню по поручению директора школы... – соврала Валентиша (идея сообщить об инциденте директрисе пришла в голову неожиданно) – Завтра она ждёт вас у себя.

– Это зачем?

– Но ваша Арина... Она же... Это серьёзный проступок!

– Серьёзный проступок? Многоточие в конце фразы? А дежурный куда смотрел? – проявил осведомлённость Вечеслов. – Есть же в классе дежурный? Должен вытереть доску к началу урока. Вот с него и спрашивайте. А вы и директору доложили – о своей неспособности разрулить ситуацию? Кляузничать побежали? Только палка-то о двух концах... Вы же педагог, вам авторитет ронять нельзя, ни в коем случае. Даже если ошиблись, даже если не правы, не отступайте и стойте на своём. Иначе заклюют. Чему вас только в институте учат, – с досадой проговорил полковник.

– Вы чего там молчите? Плачете, что ли? Вы уж простите, милая... э-ээ, как вас звать-величать, забыл.

– Валентина Филипповна, – проблеяла Валентина Филипповна.

– Да. Вы уж простите, если что не так сказал. Вы классный руководитель, инцидент произошёл на уроке. Это ваши проблемы, а не мои. Если девочка виновата, накажите её. Двойку поставьте. За многоточие, – не удержался Вечеслов. – У вас же высшее педагогическое образование! А вы, чуть чего не так, бегом директору докладывать, родителям звонить, жаловаться... мол, с ученицей совладать не могу. У вас ко мне всё? – «дипломатично» закруглился Вечеслов. – Вопросов больше нет? Тогда до свидания.

Валентина Филипповна почувствовала, как вспотела ладонь, в которой она держала трубку. Её ни разу не назвали по

имени-отчеству и вдобавок отчитали как девчонку. И кто? Вечеслов, которого она собиралась отчитать сама.

Иван Антонович положил трубку на рычаг и озорно подмигнул жене:

– Учителка звонила, ябедничала. Справиться не может, с нашей-то. Не знаю, что она там сотворила, но в обиду себя не дала, я по глазам вижу. Глаза-то другими стали! И ест с аппетитом, и спит, пушкой не разбудишь, и за вышивание опять схватилась... И с Миланкой своей помирилась. А знаешь, Вера... Девчонка–то выправилась! Вылетела у неё из головы эта дурь, что монашки семь лет вбивали. И учительницу на место поставила, а то привыкла, понимаешь, детей в землю втоптывать. Знаешь главную военную мудрость?

Вера знала. Но отрицательно покачала головой: пусть отставной полковник «расстреляет обойму»...

– Тот, кто первым не наносит удар, первым его получает, – с удовольствием озвучил Вечеслов «военную мудрость». – Вера, что там у нас на ужин? Аринка, ужинать иди. Ты чего там с классной вашей уделала, что она опомниться не может? А-ха-ха... Молодец, девочка! В жизни надо уметь давать отпор. Всепрощенье – удел слабых.

Метаморфозы, произошедшие с Ариной, полковника не удивляли. Он просто радовался тому, что девочка наконец «выправилась», перестала плакать по ночам, не стояла на коленях перед иконой Матроны Московской, у которой просила о чём-то шёпотом, не разобрать. Попросила бы у него, он

бы не отказал.

Вечеслов не знал о том, что месяц назад Вера позвонила своей школьной подруге Рите Пономарёвой, врачу частной клиники неврозов.

Глава 10. Месяцем раньше

– Риточка, здравствуй. Я к тебе с просьбой...

Выслушав Верины жалобы, Рита Борисовна озвучила ошарашенной подруге Аринин предполагаемый диагноз: биполярное аффективное расстройство второго типа, сокращённо БАР II.

– А может, это просто нервы? Просто переходный возраст...

– Может, и переходный. Но что-то уж слишком долго длится этот переход. Вымотала она вас?

– Не то слово, Рита. Невыносимо. Раньше-то всё было нормально. Правда, к школе долго привыкнуть не могла... А последний год в ней словно маятник туда-сюда качается: то она от радости скачет, не остановить, то с вышиванием сидит, головы не поднимает все выходные... И нет бы собачку, или котёнка, или цветы... А она икону вышивает, шелками разноцветными, Ваня ей купил. Картинку в альбоме Оружейной палаты нашла, альбом у нас есть... «Казанская Богоматерь», поля оклада работы фирмы Фаберже. В золотых одеждах, а нимбы с камнями драгоценными. Так она и поля вышивает, золотыми нитками. И камни вышивает. Ты бы видела! Уже месяц над ней сидит. Мы с Ваней – и так и сяк, и в кино её зовём, и на Кличен, на лыжах кататься. А она: «Не поеду никуда, отстаньте от меня!» Грубит, а голос

жалобный, и плечи опущены... А то истерику закатит, слово ей не скажи.

Мы её не наказываем, понимаем, что не со зла спектакли устраивает. Потом прощения просит, на коленях, со слезами. А как не простить? Мы же её любим, одна она у нас. Из школы приходит мрачнее тучи. А спросишь, в чём дело, молчит. Слово из неё вытянешь, – рассказывала Вера.

Арина в своей комнате приникла ухом к двери и слушала, обмирая от ужаса. Оказывается, невыносимо жить не только ей. Вечесловым тоже невыносимо – с ней, Ариной...

– Биполярку в детстве трудно распознать, а в шестнадцать-семнадцать лет она проявляется уже ощутимо. Ко мне на приём вы её, конечно, не приведёте.

– Конечно не приведём! Упаси Господи, если она узнает, что я тебе звонила.

– Рассказать всё равно придётся. И таблетки пить. Те, что в аптеках без рецепта продают, как мёртвому припарки. А рецепт... будет стоить денег, если неофициально. Если официально, то девочку надо ставить учёт. Похоже, у неё БАР второго типа: плаксивость, длительная депрессия, замкнутость, трудности с обучением, неспособность долго чем-то заниматься, сфокусировать внимание...

– Да какие трудности! Какая замкнутость! – не выдержала Вера. – Нет у неё трудностей, из школы пятёрки таскает, и учится лучше всех, и в классе подружка есть, и на даче с мальчиком соседским дружит. Он её на вейкборде кататься

научил. Мы домик купили в Заселье, всё лето там живём. Аринку просто не узнать, носится все дни как оглашенная, хохочет-заливается. Мы с Ваней радоваться-то разучились, а с ней опять научились. А ты говоришь, депрессия.

– Радость без причины это признак эйфорической фазы, сменяющей депрессивную, – проинформировала Рита. – Чрезмерная весёлость, значительное преувеличение своих способностей, импульсивные поступки, бредовые идеи. Желание совершить подвиг. Она у вас ничего такого... не вытворяет?

– Ничего она не вытворяет. И способностями не хвастается, скромница каких свет не видывал. И идеи у неё нормальные. Прихватки кухонные цветами вышила, их в руки взять жалко, такая красота... А вчера апельсиновое варенье сварила, сама, по книжке. Ваня полбанки съел с хлебом, так понравилось. А она смеётся: варенье-то из моркови, апельсинов нём всего два. А на вкус – чисто апельсиновое. С фантазией девочка! – в Верином голосе звучала гордость.

Рита опустила её с небес на землю:

– Ну, если ничего такого, ни диких идей, ни сумасбродных затей, тогда это биполярка второго типа со слабыми симптомами. С первым типом БАР вы бы обрыдались: попытки суицида, вспышки дикого гнева, а в маниакально-эйфорической фазе бредовые идеи и галлюцинации.

Трубка выпала из Вериных рук и повисла на длинном матерчатом шнуре.

Телефон – винтажный, с корпусом из чёрного дерева, и наборным диском в стиле ретро, с надписью на испанском: «NO GIRAR EL DISCO HASTA OIR LA SENAL PARA MARCAR» («Не поворачивайте диск, пока не услышите сигнал, тогда набирайте») – Вечеслов привёз из Испании, повесил в коридоре на стену, и так он висел уже двадцать лет. Вера привыкла разговаривать стоя, но от услышанного она тяжело опустилась на табурет, привалилась плечом к стене и приготовилась к разговору – о невозможном, непоправимом. Немыслимом.

Дверь в Аринину комнату приоткрылась на сантиметр. Вера сидела, повернувшись боком, и не заметила.

– Что ты такое говоришь, Рита! Не было у неё... попыток. И галлюцинаций никогда не было. Она у нас молодец, держится, иногда только срывается, по ночам не спит, плачет. Она у нас молодец, – повторяла Вера, словно могла словами удержать Арину на грани между депрессивной и маниакальной фазами биполярки. Выздоровление невозможно, возможна только стойкая ремиссия.

– Может вам её обратно вернуть... в детский дом?

– Пономарёва, ты в своём уме? О детском доме чтоб я не слышала больше! Она нам с Ваней дороже всего, внученька наша, Богом данная... – Последние слова Вера договорила прерывающимся голосом.

– Вера... Вера! Прекрати. Слезами горю не поможешь. Рецепт я тебе организую. Сделаю. Только это будет дорого

стоять. Лекарства выпишу импортные, от наших толку мало... При депрессивных эпизодах «Зофолт» и «Каликста», то и другое стоит больше тысячи, «Адепресс» где-то рублей шестьсот, но он наш, российский. «Зипрекса» стоит две с половиной, при острых маниакальных эпизодах...

– Ты не части, Рит, говори медленно, я писать не успеваю за тобой. Каких таких маниакальных? Она не маньячка у нас. Учится на «отлично», в комнатах убирается, её и просить не надо, сама всё сделает. А вышивает как! И бисером, и лентами... Картины целые, ты бы видела!

– Маниакальная фаза это эйфория. Повышенное настроение без причины, всякие идеи сумасшедшие... – объяснила Рита, и Вера на неё обиделась:

– Нет у неё никаких идей. И не сумасшедшая она! Нормальная. То несчастная, то счастливая, то прям жизни никакой от неё, то от радости скачет-прыгает.

– Ну, если острых приступов не бывает, тогда «Зипрексу» не надо. А когда скачет и прыгает, пусть принимает «Торендо». Это стабилизатор настроения, триста рублей упаковка. И за рецепт придётся заплатить. Деньги не мне пойдут, ты ж понимаешь.

Арина ничком повалилась на кровать, вжалась в подушку лицом. Выходит, матушка Анисия сказала правду. Может, попроситься в монастырь послушницей? Хотя вряд ли матушка Анисия ей обрадуется.

Деньги на таблетки у неё есть, Вечесловы выдавали на

школьные завтраки, и за три года она скопила почти восемь тысяч. Могла бы больше, но завтраки в школьной столовой такие вкусные...

Щёлкнул замок, громко бахнула входная дверь: Вечеслов пришёл не в духе. Сейчас он всё узнает. Бабушка ему расскажет, и Арину выставят в два счёта, отправят в детский дом, зачем она им такая, с ней невыносимо, бабушка сама сказала.

– А вот и я! Аринка, ты где там, возьми сумки. Я их еле допёр... Вера! Что?! Тебе плохо?! Сердце?

Забыв о детском доме, Арина вскочила с кровати и выбежала в коридор.

– Баба Вера! Баба Ве-ее... Мама-ааа-ааа!!

В прихожей пахло морозом и мандаринами. Вера Илларионовна сидела на табуретке, бледная как снег, но живая. С кухни послышался звук бьющегося стекла и приглушённое ругательство.

– Вер! Где лекарство-то твоё, не найду никак.

– В шкафчике посмотри, в верхнем ящике.

– В каком шкафчике? Вся стена в шкафчиках...

Слышно было, как полковник открывал дверки шкафов, выдвигал ящики и с грохотом задвигал обратно.

– Да не ищи. Мне полегче уже, – успокоила его Вера, но он всё равно искал и никак не мог найти, потому что переживал.

На полу валялся флакон с нитроспреем «Изокет». Арина подняла флакон, села на корточки, положила голову бабушке

на колени и сказала:

– Ба... А хочешь, я уйду? Я взрослая уже, работу найду с общежитием. Хочешь?

Вера Илларионовна погладила её по голове, как маленькую.

– Ты слышала, что ли, о чём мы с Ритой говорили? Нет у тебя никакой биполярки, и симптомов нет. Взрослая она... Уйдёт она... А нам с дедом как без тебя жить? Ты о нас подумала?

Обхватив бабушкины колени, Арина счастливо захлюпала носом.

–А таблетки купим. Ты от них поживее станешь, жить полегче будет. А дедушке не скажем ничего, – пообещала Вера Илларионовна. – Не плачь. У меня от твоих слёз сердце болеть начинает... А Маргарите больше в жизни не позвоню. Вымогательница! Прохиндейка! За рецепт запросила столько... Чуть до инфаркта не довела.

Арина бросилась в свою комнату, нашарила под кроватью коробку, вынесла в прихожую и жестом фокусника откинула крышку. Внутри обнаружили увесистые холщовые мешочки с десятирублёвыми монетами, на каждом красиво вышито: «**500**».

– Вы мне на завтраки давали. А я собирала, на чёрный день, вот и пригодились! Ба, ну что ты так смотришь? Ну, не завтракала, ну и что? Я утром не сильно голодная, до обеда могу дотерпеть. Тут почти восемь тысяч, потому что я ино-

гда завтракала. А так бы больше было, – сквозь слёзы улыбнулась Арина

Вера вспоминала, с каким аппетитом внучка съедала обед, подбирая хлебом с тарелки подливу. «Эх, Аринка, Аринка...»

Таблетки без рецепта, которые «как мёртвому припарки», были куплены и сотворили чудо: Арина больше не плакала ночами, не мучилась совестью за греховные мысли о том, как отомстит Пашкиной компании, не просила святую Матрону о защите: «Адепресс» отлично справился с депрессией.

Влезла в интернет, прочитала всё о биполярке и воспрянула духом: получалось, что она не дотягивала даже до БАР второго типа, депрессия слабо выраженная, маниакально-эйфорическая стадия без глюков и всего такого прочего. Просто хорошее настроение, и всё. А гипомании, которая – ужас, у неё нет. Слава Богу!

На мир она теперь смотрела по-другому. И жить по Новому Завету больше не собиралась, потому что по нему никто не жил.

А как же тогда – жить?

В «Яндекс. Кью» Арина нашла статью Алекса Райхмана, который сравнивал Новый и Ветхий Заветы. С точки зрения христиан, все люди грешны по рождению из-за греха Адама, и этот грех может искупить только Иисус Христос. С точки зрения иудеев, живущих по Ветхому завету, все люди рож-

даются невинными.

К иудеям Арина не имела отношения, она христианка, и Вечесловы тоже. Правда с тех пор как отец Дмитрий получил у архиерея «отпускную грамоту» и перевёлся в Санкт-Петербург, в церкви Вечесловы бывают раз в год по обещанию, постов не соблюдают, богу не молятся. А живут хорошо и дружно, никому не причиняя зла, не делая долгов и не пересказывая сплетен. Если бы Арина мама так жила со своим Жориком, то никогда бы не отдала Арину в приют.

На Тимофеевскую улицу она отправилась тайком от Вечесловых. Может быть, мама её помнит – как помнила её Арина шесть с половиной приютских лет и две недели, прожитые у Вечесловых. В детскую мечту, что мама её любит и скучает по ней, Арина уже не верила. Но может, хотя бы помнит...

На свой четвёртый этаж она поднималась с нехорошим предчувствием. Предчувствие не обмануло. В их с матерью квартире жили другие люди, и судя по всему, уже давно: железная дверь, за дверью собачий лай, звонить Арина побоялась. Постояла на лестнице и медленно спустилась вниз, касаясь ладонью грязно-зелёной стены. Пальцы нащупали потемневшую от времени надпись, вырезанную ножом: «Все люди твари».

Никакого ремонта в доме не было, поняла Арина. Ей вдруг стало так горько, словно мать отвезла её в приют только вчера, а не семь лет назад. Все люди твари. И мать тварь.

Арина отогнала от себя неприятные мысли, дочитала ста-

тью до конца и добралась до комментариев.

Комментарии к статье Алекса Райхмана представляли собой откровенный стёб. Одни писали, что Ветхий Завет это искажённый перевод еврейской Торы, и для славян он не годится. Другие утверждали, что Ветхий Завет – фундамент сразу трёх религий, иудаизма, христианства и ислама. Новый Завет предлагал побеждать зло добром. В Ветхом, который – перевод Торы, – требовалось воздавать злом за зло. Око за око. С волками жить...

А что? Это ведь тоже Писание, и тоже святое.

Комментарии Арина читала давясь смехом и зажимая ладонью рот... Неведомый [Андрей Губин](#) написал: *«Нет ветхого завета, есть Вечный Завет, Тору писал Моше под диктовку Бога, христианский же бред писали греки, это людской миф, бред сивой кобылы».*

Ему ответила некая Настя: *«Андрей Губи чего суешь свой нос? пошел вон. Ветхий завет подводит нас к новому, тоетъ говорит что скоро придет спаситель мира тоеть Иисус».*

Арина поразила Настиную вопиющей безграмотности. Ещё больше поражала её грубость. Если Настя добрая христианка, то должна уважать чужое мнение, а с людьми разговаривать вежливо. Либо вообще молчать. Но Настя откликнулась на каждый адресованный Алексу Райхману комментарий (Алекс благоразумно молчал). Делать ей, что ли, нечего? Почитала бы учебник русского языка... Настино «тоеть»

заставило Арину рассмеяться.

(Вера Илларионовна, проходя мимо Арининой комнаты, услышала её смех и улыбнулась: наверное, книжку смешную читает, таблетки и впрямь помогли).

Дмитрию К. на его комментарий *«Сейчас время язычников»* Настя ответила: *«Дмитрий К., Не знаете писания»*.

Дальше переписка была стёрта, и сделала это Настя, потому что Дмитрий возмутился: *«Почему вы убираете мою оценку вашим словоблудиям и убираете простой и верный ответ на этот вопрос?»*

Настя ему не ответила.

Комментарий Владислава П. *«Сейчас поставлено всё как было и это правильно! Новый Завет правильный»* был совсем уж непонятным.

Владиславу ответил пользователь под ником «Зелёный фургон». По части грамотности он мог дать грубиянке Насте фору в сто очков, и всё равно бы выиграл.

Вот что он написал: *«Почему он правильный? Потому что новый и хайповый? Или рижесёры плохие и сценаристы неочень? Напишите мне, мне тоскливо. Хочется внимания, а кагда оно есть то и не надо. А чем отличается коран от библии? и кому верить? Ну Ленины и Сталины уже есть, один гнобил христиан, а другой боялся, потому что и библия была и коран. Не сколько хочитя вникать в это, а просто узнать мнение людей которые считают себя умными и образованными»*.

В разговор вклинился некто Экстремал: *«Ветхий завет это чистой воды набор историй о педофилии, кровосмешении, подлости, предательстве, гомосексуализме и убийствах».*

Ему ответила Настя. (Очухалась куколка наша, усмехнулась Арина). Ответ был написан без единой ошибки, хотя косноязычно. Видимо, Настя его откуда-то списала: *«Экстремал, читай новый завет тогда. Тебе непонятно потому, что мешают грехи твои. Покайся и тогда откроется тебе вход и Бог сам объяснит. Тут зависит от твоей веры. Праведный верою жив будет».*

Далее в комментариях следовал перерыв. После чего некий Михаил Егорин «наехал» на библию: *«Еврейская Библия не нужна народам. Это ихнее сочинение и пусть они ему поклоняются. Иисус им сказал, иудеям: Ваш отец дьявол!» Бог отменил ветхий завет и дал новый))».*

Появилась вездесущая Настя и ответила в своей манере: *«Нужна в первую очередь тебе. Не покаишься погибнешь».*

На этом комментарии кончались. Арина прочитала последний, пожала плечами, захлопнула крышку ноутбука и улеглась спать. Религиозные фанатики ей не компания.

Этой ночью ей приснился Бог. Арина хотела встать с кровати, потом вспомнила, что на ней ночная рубашка, и передумала: всё-таки Бог мужчина, а она не одета.

«Спишь, лихотанка болотная? Будильник звенел-звенел, до конца вызвенелся» – ласково сказал Бог.

«Почему ты перестал мне помогать? – спросила Арина Бога. – В приюте сделал так, что меня Вечесловы к себе взяли. А в миру не хочешь помогать. Почему? Я не делаю никому плохого, не лгу, не краду, не возжелаю жены ближнего своего... то есть мужа, – запуталась Арина. – А что в храм редко хожу, так мне бабушка не велит, говорит, бог если есть, то везде тебя услышит. Живу по Твоему Завету, а Губин в интернете пишет, что это бред сивой кобылы и что его писали греки, а Тору писал какой-то Мойша под диктовку Бога. Под твою диктовку... Ты правда ему диктовал? Что – око за око, злом за зло?»

«Это где ж ты такого начиталась? – возмутился Бог. – Ещё раз такое услышу, отключу интернет!»

Арина от страха накрылась одеялом с головой.

«Ты теперь мирянка, – грустно вымолвил Бог. – Вот и живи как они, по их закону».

«А какой их закон?»

«На бога надейся, а сам не плошай, – ответил Бог и потянул с Арины одеяло. – Просыпайся, у меня омлет готов. Без завтрака в школу не пойдёшь».

Арина открыла глаза. У постели стояла бабушка Вера и улыбалась. Как хорошо, что у неё теперь есть бабушка с дедушкой... Арина не станет им жаловаться, справится сама. А то скажут, что она не может жить в социуме и отправят в детдом.

Слова матушки Анисии не забывались.

Глава 11. Лопнувшее терпение

Ремиссия сменилась эйфорией, результатом которой явились, как выразилась Аринина классная руководительница, метаморфозы. А у всякой метаморфозы, как у палки, два конца...

Родин негодовал: из-за Арины он лишился друзей, которые обиделись неизвестно за что. Ну, наказали их. Попались на горячем. А ему-то зачем подставляться? Каждый сам за себя. А Зяблова своё получит, за стишок.

Пашка по-прежнему сидел позади неё, грозился отрезать ножницами косы (Арина знала, что он этого не сделает) и облить соляной кислотой (пустая угроза, не посмеет). В кабинете химии на партах стояли колбы, пробирки и склянки с химреактивами, а у доски раковина с холодной водой, если кто-то вдруг нечаянно получит химический ожог. Про химические ожоги, кислотные и щелочные, химичка рассказывала страшное, и с реактивами десятиклассники обращались предельно осторожно, но башню у Пашки снесло давно, на всё способен...

Весь урок Арина сидела обмирая от ужаса, потому что противный Пашка громко шептал сзади: «Наливаю... Тааак... Осторо-о-ожненько... Она едкая, кислота, до кости прожечь может. Ща на косах проверим. У-ууу, процесс пошёл! Аж задымилось... Тебе не страшно? Смелая девочка».

Арина перебрасывала косы на грудь и облегчённо вздыхала: Пашка врал. Шутки у него такие.

Кто не наносит удар первым, тот первым его получает, сказала себе Арина. Кислоту она налила на сиденье Пашкиной парты – немного, только побрызгала. Раствор был, наверное, слабым, потому что Пашка не орал и не ёрзал. Он вообще ничего не чувствовал.

Прозвенел звонок. Родин поднялся из-за парты, но не успел сделать и двух шагов, как класс содрогнулся от смеха. Смеялись с упоением. Визжали, стонали и хрюкали... Реготали, гоготали, угорали... Пёрлись, глумились, стебались... Держались за бока, катали лбом по столу и надрывали кишки.

Джинсы на Пашкиных ягодицах превратились в дуршлаг, сквозь мелкие дырочки розово светились пашкины трусы. Жаль, не успели прогореть, подумала Арина. Надо было не экономить, побольше налить.

Смешно вывернув шею («Идиот, разве можно увидеть собственную попу? Это ж какую шею надо иметь...»), Родин ожесточённо тёр штаны ладонями: думал, что испачкались. Арина хихикнула.

– Ты? – Грозно ощерился Пашка. – Это ты?! Да я ж тебя... Домой сегодня точно не дойдёшь!

Месяц назад Арина бы онемела от страха. А сейчас не боялась. Наверное, просто устала бояться.

– Я-то дойду. Это ты не дойдёшь. Ты вообще из класса не

выйдешь, красавец.

Оттирая несуществующие пятна, Пашка энергично работал руками. Изъеденная кислотой джинсовая ткань крошилась, осыпалась бурыми лохмотьями, розовые яблочки на пашкиной заднице превратились в красные пятиконечные звезды на белом фоне. Смех в классе не прекращался, хотя народ уже изнемогал.

– Родин, тебе трусы мама сшила или ты в секон-хенде купил?

– Красные революционные трусы!

– Чувствуется дизайн. Рода, где такие отхватил?

– Симпатишные... Правда, девчонки?

– Работай, работай. Ты уже почти оттёр. Труд помощник добродетели, а праздность есть мать пороков, – добивала его Арина.

А в пятницу, на уроке химии, отчётливо услышала позади себя звук льющейся воды. Или это была не вода? Кислота?! Не отдавая себе отчета в том, что делает, зачерпнула из склянки горсть белого порошка (химичка говорила, что это такое, но название Арина не помнила), сжала в кулаке, обернулась – и со всей силы швырнула в ненавистное лицо.

– А-ааа! Паскуда! В глаза попала... Жжёт!

В наступившей тишине Пашка крепко зажмурился и побежал по проходу к раковине, вихляя как неумелый конькобежец и натываясь на что придётся. Сначала он налетел на стул, на котором сидела оглохшая от пашкиных воплей

химичка. Стул грохнулся на бок, но Елена Петровна успела встать, а Пашка с разбега ткнулся лицом в доску, охнул и держась за стенку добрёл наощупь до раковины. Глаза он не открыл даже когда умылся. И потому не видел свою рожу, с густо размазанным по щекам мелом. А класс видел...

В склянке был растёртый в порошок мел, но оба – и Арина, и Пашка – не слушали химичку и думали каждый о своём. Иначе бы прочитали написанное на доске задание более внимательно:

«Первый вариант для сидящих слева. Провести лабораторный опыт и определить, является ли мел электролитом или не является.»

Второй вариант для сидящих справа. Мел истолкли в порошок. При этом молекулы мела: а) исчезли; б) уменьшились в размере; в) увеличились в размере; г) остались прежними; д) разделились на атомы. Ответ обосновать. Дать описание: формула, физические свойства.»

Арина отделалась записью в дневнике: «На уроке химии не слушала учителя, задание проигнорировала, вела себя недопустимо». Родинская компания распалась окончательно, а сам он вскоре перевёлся в другую школу: не вынес позора и прилепившейся клички «Красный трус».

Елена Петровна не преминула доложить об инциденте классной руководительнице десятого «А». На родительском собрании, где присутствовали Аринины опекуны, Валентина Филипповна расписала историю про «бедного мальчика»

буйными и поражающими воображение красками. Но вместо того чтобы сторгать от стыда, Вечесловы улыбались.

Детство катилось под горку, убегаю, звало за собой, но Арина не хотела его догонять. Осталось дотерпеть последний школьный год, одиннадцатый класс. Десятый она окончила с двумя четвёрками: по алгебре и геометрии (Валентина Филипповна упрямо занижала оценки, пятёрок не ставила) и тройкой по химии (Елена Петровна не забыла историю с мелом, а Пашкиных угроз облить Арине волосы кислотой не слышал никто, кроме Арины). Информатику с трудом вытянула на «отлично», хотя ей никто не помогал и не подсказывал: отец Миланы Риваненко, военнотружущий, получил новое назначение и вместе с семьёй уехал в Новоросийск.

Повезло Милане, будет жить у самого моря, завистливо вздыхали девчонки. Арина видела море в кино. Ничего в нём нет необыкновенного, селигерские песчаные плёсы красивее любого моря, а закаты просто волшебные! Милана рассказывала, что часто переезжает из города в город. «Прикинь, в каждом городе новая школа. А однокласников столько, что никому и не снилось! И все мне письма пишут по электронке. Мальчишки в любви клянутся, а девчонки в вечной дружбе, – смеялась Милана – Вот уеду, и ты мне тоже будешь писать, вольёшься, так сказать, в ряды».

Арина согласно кивала и думала о своём. «Вливаться в ряды» не хотелось. С Миланой Риваненко они больше не уви-

дятся.

Об их дружбе в классе никто не знал: для всех они просто сидели за одной партой, Милана выручала её на информатике, а Арина помогала разобраться с геометрией, когда три плоскости начерчены на плоской доске, и попробуй пойми, где какая...

Милана уехала через неделю. Арина вспоминала, как подруга учила её украинскому языку, обе хохотали, и Милана звала её зябликом. А за спиной, наверное, называла сопливым воробьём. Мысль пришла в голову неожиданно, вольготно там устроилась и предложила поразмышлять.

Арина представила, как Лариса Грибанова, которая делила парту с Пашкой Родиным, а теперь сидела одна, уговаривает Милану:

– Риваненочка, тебе не надоело с этой заучкой сидеть? Пересядь ко мне, Валентиша разрешит.

– Не разрешит. Нас на первую парту за разговоры посадили, в наказание.

– А зачем ты с ней болтала? О чём с ней вообще разговаривать? Она молчит всё время, рта не раскрывает.

– Да это я рта не раскрываю! А она всё время спрашивает. Сама не соображает ничего, в информатике вообще ноль.

– А ты не отвечай ей.

– Девчонки, ну какие вы... Вам нисколечки её не жалко? А мне жалко, без меня она на второй год останется. Вот и сижу с ней, помогаю.

Арина представила, как Милана врёт, а девчонки её жалуют, и содрогнулась. Ничего не было, она всё это выдумала. А тогда зачем Милана взяла с неё клятву никому не рассказывать, что они дружат? Зачем?

Разлуку Арина переживала в одиночестве, ни с кем не делась (помогла монастырская выучка). Молча съедала приготовленный бабушкой завтрак (а раньше говорила, что очень вкусно), без звука надевала тёплые рейтузы (а раньше жаловалась, что все девчонки в «паутинках», она одна в рейтузах), без вздоха отправлялась в школу.

Ею овладело странное безразличие. Не страшил даже маячивший впереди ЕГЭ: примитивные задания с несколькими вариантами ответов. Антидепрессанты она больше не пила (а бабушке говорила, что пьёт), с настроением справлялась сама (ей казалось, что справлялась), а разлуку с единственной подругой не вылечить таблетками. Арина перестала улыбаться, замкнулась в себе. Депрессия навалилась тяжёлым душным одеялом, из развлечений осталось только вышивание. Не радовали даже воскресные поездки с Вечесловыми на остров Кличен.

«Событием года» стало увольнение Натальи Георгиевны, которую дружно ненавидели оба одиннадцатых класса. Новую учительницу истории, Светлану Сергеевну Киселёву – красивую платиновую блондинку, похожую на киноактрису из фильма «Бриллиантовая рука» – прозвали Светланой

Светличной.

Прозвище не прижилось: историчка была та ещё изуверка. Наталью Георгиевну с её педантичностью и щепетильностью вспоминали с тёплыми чувствами. А «Светличная» на своих уроках творила беспредел, который носил название «фронтальный опрос».

Происходило это так. В начале урока Светлана Сергеевна просила освободить две передние парты в каждом ряду. Участников «фронтального опроса» сажала на первые парты. За вторыми никто не сидел, так что подсказать несчастным никто не мог, и уж тем более передать листок с ответом.

Светлана Сергеевна истязала своих учеников с наслаждением, неторопливо изучая классный журнал и выговаривая-выпевая с продолжительными паузами: «На первые парты, с листочком бумажки... Та-ааак... На первые парты... приглашаются... Я повторю, только бумага и ручка, и ничего больше. На первые парты пойдут...»

В наступившей мёртвой тишине называла шесть фамилий, ведя по журналу наманикюренным пальцем: «Володченко... Дорохина... Жариков... Залялетдинова... Марченко... Юркова... Якушин».

По классу прокатывался вздох облегчения. Но «экзакуция» на этом не кончалась. Седьмого «фронтально опрашиваемого» историчка вызывала к доске (класс обречённо слушал...). Спустя десять минут забирала с первых парт «листочки».

– Светлана Сергеевна, мы не дописали ещё! Можно ещё пять минут?

– Нельзя. Времени у вас было достаточно.– И выкликнула следующие шесть фамилий...

Светличная была предана забвению. А Светлану Сергеевну прозвали эсэсовкой (сокращённо эсэска).

Арину «эсэсовка» вызывала к доске почти на каждом уроке. Требовала чётко называть даты и имена (из-за хронического насморка получалось нечётко) и сердилась, когда Арина, оборвав фразу на середине, отворачивалась и сморкалась.

Аринин носовой платок Светлана Сергеевна издевательски называла салфеткой:

– Это обязательно – выходить к доске с салфеткой?

И пока Арина отвечала, настороженно следила за её руками. В платок можно запросто спрятать шпаргалку. До чего же хитрая девчонка. И отвечает так, что не подкопаешься.

– Садись. Отлично. Материал знаешь блестяще. – И обращалась к классу: – Все слышали, как надо отвечать у доски?

В классе Арину прозвали заучкой и считали Светланиной любимицей. Историчку она возненавидела и даже рассказала про неё бабушке. Вера Илларионовна её не поняла:

– Чем же она тебе так насолила? Четвёрку ни разу не поставила, в дневнике одни пятёрки. И хвалит тебя перед всеми, в пример ставит... А с гайморитом ты сама виновата, зимой без платка гуляла, и куртка нараспашку, мне матушка

Анисия рассказывала. Вот и догулялась. Теперь прокол гайморовых пазух делать надо, а ты к врачу идти не хочешь...

– Я боюсь. Не пойду.

– Тогда терпи. Вылечим сами, вроде уже поменьше стало, и говоришь почище, не гундосишь почти.

– Почти не считается. А историчка... Она других на первые парты вызывает, письменно отвечать, а меня всегда устно. Я отвечаю, а всем смешно...

– И их когда-нибудь вызовет, досмеются они.... Не зря в народе говорят, что каждому свой крест, а Бог посылает испытания по силам. Справимся, внуча.

От ласкового бабушкиного «внуча» в горле становилось щекотно, и Арина прощала одноклассникам всё. У неё есть дом, где ей хорошо, есть бабушка с дедушкой, которые её любят, и она их любит, а на остальное наплевать. Не обращать внимания.

А если не получается – не обращать?

– Ба, а Уминский говорит, что в народе всё неправильно трактуют, про испытания...

– Кто? Одноклассник твой? А ты его не слушай...

Бабушку расстраивать не хотелось. Иначе бы Арина сказала, что Алексей Уминский протоиерей. В статье, опубликованной в интернете, он говорил совершенно обратное:

«Мысль, что Бог посылает какие-то испытания тому, кого Он больше любит – это такой фольклор, вроде присказок-ча-стушек, – писал Алексей Уминский. – Вроде того, что нет

креста не по силам, Бог посылает каждому человеку испытания, какие тот может преодолеть, может выдержать. Простите меня, Евангелие – это что, по силам?! Как мы можем говорить такую чушь, что крест не бывает непосильным? Да, крест всегда непосилен. Не бывает посильного креста. А вот эти слова: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мк. 8: 34) – это по силам? По силам человеку слышать такие слова?»

(Прим.: цитата из статьи протоиерея Алексия Уминского приведена в оригинале).

Была ли тому причиной разгулявшаяся без «стабилизатора настроения» эйфория, или у Арины просто иссякло терпение, но однажды на школьном дворе, под окном кабинета истории, появилась снегурка-крейзи в немецкой серой каске времён Великой Отечественной. Сзади из-под каски выглядывали волосы, собранные в пышный узел, как у Светланы Сергеевны. Спереди торчал монументальный бюст (Светланин до такого не дотягивал).

Арина возилась со снегуркой три часа, пальцы на руках замёрзли так, что потеряли чувствительность, но в итоге у неё получилась статуя в пальто с меховым воротником и отороченными мехом рукавами. Руки снегурка прятала в муфту. А вместо привычного носа-морковки Арина вылепила лицо.

Композицию завершали стоптанные туфли с облезлым ла-

ком, выглядывавшие из-под юбки-макси. Каблуком снегурка опиралась на развёрнутые страницы учебника.

«Учебник» Арина сложила из четырёх кирпичей. Аккуратно облепила их снегом, выложила тонкими прутиками «строчки» и мысленно пожалела того, кому вздумается ударить по «страницам» ногой.

Туфли она нашла у мусорных баков, а каской послужила выброшенная кем-то алюминиевая кастрюля, которой Арина двумя ударами кирпича придала «дизайнерскую» форму.

Эсэску она лепила вечером, когда на школьном дворе никого не было. От зимних ботинок «Sbalo» на снегу остались приметные следы. Арина их уничтожила, находчиво присыпав снегом (до калитки в ограде она пятилась задом).

Высадив на первые парты шестёрку «десантников», Светлана Сергеевна подошла к окну, как делала всегда. И побелела от ярости...

В аналогичных жизненных ситуациях доцент кафедры общей и практической психологии Ирина Баршадова советовала «не тянуть одеяло на себя». Киселёва, в отличие от Арины, лекций Баршадовой не читала и тянула это самое «одеяло» с усердием Сизифа, волокущего в гору булыжник.

Дело кончилось собранием в актовом зале. «Подследственные», т.е. все старшие классы, ёрзали на жёстких стульях, вертели головами и перебрасывались записками. Арина тоже пришла записка: «Как ты думаешь, кто это сделал, напиши». Ниже разными почерками были вписаны фамилии

предполагаемых «скульпторов». Арина вместо фамилии написала «Не знаю» и передала записку соседу. Тот задумался...

Все уже порядком устали и хотели есть (собрание проводили после седьмого урока). Директриса продолжала монотонно бубнить про совесть и сознательность. Арина вспоминала слова Грибоедова: «Читай не так, как пономарь, а с чувством, с толком, с расстановкой».

В содеянном никто, понятное дело, не сознался, а расследование возымело обратный эффект: к «скульптурной композиции» проложили широкую, хорошо утоптанную тропинку.

– Мы памятник Эс-Эс слепили рукотворно, к нему не зарастёт народная тропа... – вещал Олег Неделин под общий смех.

– Водой надо полить, тогда она заледенеет и будет как каменная, – предложил Миша Верскаин, еврейский немногословный мальчик с нежным как у девочки лицом и тихим взглядом голубых глаз.

Все с восторгом согласились.

Ведро выпросили у школьной уборщицы («Баба Аня, мы в классе бутылку с сиропом нечаянно разбили, теперь пол липкий, дайте ведро, мы сами вымоем» – «Угораздило вас! Вы уж там аккуратненько, стёкла соберите сначала, а то руки изрежете...» – «Спасибо, баб-Ань, мы аккуратненько»). Воду набирали из крана в туалете, ведро передавали во двор

через окно.

Верскаин вошёл в раж и артистично изображал, как Эсэс-ка пинает ногами заледеневшую статую и морщится от боли. В классе его не любили и звали Каином – вовсе не имея в виду библейский персонаж, а просто потому, что фамилия такая. Арине было так обидно, словно двусмысленным прозвищем заклеили её саму. О том, что она была в него влюблена, Миша так и не узнал. Она и подойти к нему не смела.

С того дня Мишино аутсайдерство благополучно кануло в Лету, и Верскаин стал героем дня. Девчонки шептались, что Миша с его пухлыми губами и нежным лицом похож на актёра Яна Пузыревского, сыгравшего Кая в «Снежной королеве»; ребята уважительно хлопали по плечу и превозносили до небес Мишин «инженерный талант».

И всё это благодаря Арине! Бог всё-таки есть. Он на неё обиделся и не хочет ни в чём помогать, но помогает тем, за кого Арина просит. Тем, к кому относятся несправедливо и кто не может помочь себе сам. За Мишу она теперь была спокойна.

Глава 12. Контрасты

Жизнь биполярника состоит из контрастов: периоды неоправданно повышенного настроения и депрессии чередуются. При правильном лечении наступает устойчивая ремиссия, которая в любой момент может рухнуть. Постоянно скрываясь за масками радости и горя, маниакально-депрессивный психоз, как его еще называют, требует к себе особого, достойного внимания. Но ставить внучку на учёт у психоневролога Вере не хотелось. Зачем ей жизнь ломать? Учитя без троек, послушная, воспитанная, домовитая. Приступов тяжёлой депрессии у девочки не бывает, Маргарита сказала, что их и не будет при втором типе БАР.

«А истерики, знамо дело, от нагрузок и от нервов. В каникулы отдохнёт, и будет всё нормально. Может, и не больна она ничем, – размышляла Вера Илларионовна. – Ей столько пережить пришлось, что добра ни от кого не ждёт. Сторонится всех, не верит никому. Нам с Ваней не верит. Из кожи вон лезет, старается, всё не поймёт никак, что мы её не за старание любим. Не в отметках дело. Бог с ними, с отметками-то. И с учителями. Измываются над детьми, и ещё хватает совести домой звонить да жаловаться».

Вечеслов о недуге не знал (Вера Илларионовна берегла мужа, один инфаркт уже был, второй – только кликни, сразу и объявится), приёмную внучку обожал, на капризы и слёзы

не реагировал, депрессию и вовсе не замечал: не дружит ни с кем, значит, некогда дружить, к телефону не подходит – её право, сидит все вечера за вышиванием – пусть сидит, раз ей нравится.

Маниакальные периоды, когда человек не может сопротивляться желаниям и контролировать себя, у Арины проходили в лёгкой форме и заключались в переоценке своих возможностей.

– Юлины рисунки на выставку отправили. Она рисует хуже меня, но с ней занимаются, а я... Баба Вера, если вы с дедушкой разрешите, я бы хотела...

И Вечесловы записывали внучку в изостудию, куда она ходила два раза в неделю. Кроме рисования, была ещё хореография и английский («Ба, я английский знаю лучше всех в классе, так наша англичанка говорит. А произношение, она говорит, никуда не годится, и что англичане меня не поймут»).

Неладное опекуны заподозрили, когда девочка потребовала записать её ещё и на плавание:

– У нас полкласса занимаются. Инструктор мастер спорта, учит плавать всеми стилями, и с вышки нырять. А я только брассом умею. Ба-ааа... Ну ба-аа! Ну пожалуйста!

– Тебе ведь тяжело. Вон, под глазами синяки. Не высыпаешься, с уроками не справляешься, троек нахватала. Нет, мы не против плавания, но тогда, может, отменить что-то другое? – предлагала Вера Илларионовна. – Английский. Или

изостудию. Рисуешь ты любо-дорого смотреть, и язык знаешь лучше всех, сама говорила.

– Английский нам преподаёт носитель языка, – гордо заявляла Арина. – А в изостудии мы за мольбертами на стульчиках сидим, я не устаю.

– Тогда хореографию – с плеч долой, из сердца вон, – вступал Иван Антонович – Балерины из тебя не выйдет, с гайморитом твоим. Сопли на сцене распустишь, платок достанешь, зрители от смеха с кресел попадают. И будешь в кордебалете стены подпирать, шестнадцатый лебедь в десятом ряду. По клубам деревенским ездить, перед трактористами ноги задирать, с ансамблем затурканным-заё... Никудышным, в общем. В другой-то тебя не возьмут, – не унимался Вечеслов, и Вера сердито на него шикнула.

Арина обиженно сопела: удар попал в цель. Прокол гайморовых пазух ей всё-таки сделали, умолчав о последствиях. И теперь многострадальный нос подтекал, как водопроводный кран. Про кран ей сказала Эльмира Олеговна, хореограф. И повторила, в ненормативном варианте, дедушкины слова про трактористов, а Арину с того дня звала крановщицей: «А вот и крановщица наша явилась... Ногу держать, не опускать, носом не шмыгать. Держать, я сказала! Ты русский язык понимаешь? Или мне с тобой на английском разговаривать? А где твоя улыбка? Будешь с такой рожей танцевать, зрители разбегутся».

Эльмира изощрялась в «красноречии», рассыпая направо

и налево площадный мат. Материла она всех своих учеников, не только Арину. Ну, такое у неё воспитание... А куда деваться? Арина молчала и терпела. И страшно обиделась на дедушку, который был прав.

– Ты бы хоть раз поинтересовалась, сколько мы платим за твои занятия. В школе на четвёрки скатилась, тройки замелькали. Это что такое? Не справляешься, так скажи, вместе будем заниматься. И бабушка поможет, если нужно.

Вера согласно кивала. А Арина изо всех сил старалась не показать своей обиды и растерянности: впервые в жизни её попрекнули деньгами. Может, и правда отказаться от хореографии... или от плавания. Но как она посмотрит в глаза инструктору? Что скажет Эльмире? Что денег не дали? Господи, подскажи, вразуми...

Из боязни расстроить опекунов и благодаря своим способностям Арина училась на «отлично», но в одиннадцатом классе сил почти не осталось. Завышенная самооценка и непобедимая уверенность в успехе призывали к подвигам и свершениям, останавливать себя не получалось, и о том, что секция плавания и курсы английского – результат маниакально-эйфорической стадии биполярки, Арина понимала лишь когда наступала депрессия...

– Из бассейна приходишь совсем никакая, на тебе лица нет. Вышивание забросила, книжки читать перестала. Думаешь, мы с бабушкой слепые, не видим ничего... Гоняют вас

там?

– Гоняют. Но я быстро восстанавливаюсь, – солгала Арина.

– Не похоже, что восстанавливаешься. С завтрашнего дня никакого плавания.

– Да-аа, а что я тренеру скажу-у-у-у? – выговорила Арина со слезами.

Вера Илларионовна не выдержала.

– Дедушка ходит к тренеру и скажет, что ты больше не придёшь. Так ли уж нужно плавание это? Летом на дачу уедем, с Никитой твоим тренироваться будешь. Его научишь и сама научишься.

От бабушкиных слов плакать расхотелось. Как она могла забыть, у неё же есть Никита! И учебник есть, там нарисовано каждое движение, рассказано, как надо дышать, как двигаться. Решено, баттерфляй она освоит сама. Вместе с Никитой. Арина улыбнулась.

– И хореографией заниматься не будешь. Мы столько денег в неё вбухали... – Иван Антонович тоже не умел останавливаться. – Вот школу окончишь, в институт поступишь, тогда занимайся чем хочешь.

– Нет! Я сейчас хочу! Я буду хорошо учиться, просто мне немножко нездоровилось, – врала Арина, испытывая жгучий стыд – за враньё и за то, что Вечесловы потратили столько денег, а теперь, получается зря... В голове сложился план: если она продолжит занятия и будет терпеть языкастую Эль-

миру, то Вечесловы не смогут её упрекнуть в выброшенных на ветер деньгах... Она окончит институт, получит профессию, пойдёт работать и отдаст всё что на неё потратили, до копейки.

Хореографию она отвоевала, как и английский, а от студии и бассейна пришлось отказаться. С дедушкой они теперь сидели над учебниками до одиннадцати, пока формулы в Ариной голове не укладывались «в стопочку». Засыпала она мгновенно и спала без снов.

В январе в Осташкове решили провести городскую олимпиаду по математике. Арину вызвали в учительскую и поставили, что называется, перед фактом.

Директором школы уже два года был бывший учитель физкультуры, мастер спорта по академической гребле Павел Павлович Тумасов. Два года школа жила «в спортивном режиме»: забеги и заплывы, соревнования по спортивному ориентированию, пешие однодневные походы «по пересечённой местности», лодочная «кругосветка» по Селигеру для старшеклассников.

Арина в забегах не участвовала, не ходила в походы и уж тем более не интересовалась спортивным ориентированием. А от уроков физкультуры была освобождена из-за гайморита. Валентина Филипповна, с которой бывший физрук обсуждал кандидатуры участников олимпиады, рассказала о прекрасных математических способностях «неактивной де-

вочки». Физрук встрепенулся – «Так что же вы молчали, голубушка?» – и «голубушка» была немедленно отправлена за Ариной.

Никто не ожидал, что она откажется. Но Арина отказалась:

– Валентина Филипповна будет против. Она думает, что за меня всё дедушка решает.

Валентиша покрылась красными пятнами. «Подышите поглубже, это помогает» – сказал ей физрук. И воззрился на Арину как на чудо.

Отвертеться от олимпиады не получилось. Физрук – то есть директор, но вся школа по-прежнему считала, что физрук – грозился встать на колени, если она откажется. Арина испугалась и согласилась. И привезла с олимпиады «золото».

Диплом победителя висел на школьном Стенде Почёта, Валентина Филипповна принимала поздравления. Костя Тумасов, сын бывшего физрука и нынешнего директора, тоже был «отобран» на олимпиаду, но решил только одну задачу из пяти, и диплома не привёз.

– Что ж ты Котьке моему не помогла? Где же ваша взаимовыручка и товарищеская помощь? – спросил директор.

Арина пожала плечами. «Взаимо» это когда помогают друг другу. Помочь Косте значило решить за него четыре задачи, со своими получится девять, а надо ещё проверить и переписать начисто.

Костя учился в параллельном классе. Арина его не знала

и не собиралась решать за него его вариант. С чего бы?

– Я не успела, – сказала Арина директору. – Там пять задач надо было решить, и все трудные.

– Не успела так не успела... На нет и суда нет. Иди, принимай поздравления. А Котю моего подтяни, слышишь? Задание тебе как победителю.

С Костей Тумасовым они занимались после уроков. Занятия отнимали время, которого у Арины почти не было, но парень оказался неглупым, схватывал всё на лету, и они мечтали, как поедут на Всероссийскую олимпиаду школьников (ВсОШ) в Тверь и получат денежные гранты победителей.

О премии Арина думала с вожделением. Она отдаст её Вечесловым. Вера Илларионовна мечтала поехать в Италию, а Иван Антонович на Байкал, но вместо этого каждый год они отдыхали на даче в Заселье. Победителю ВсОШ полагалось двести тысяч рублей, этого хватит на Италию и на Байкал.

На всероссийскую школьную олимпиаду Арину не отправили: в Тверь поехал Костя Тумасов. Вернулся он призёром, набрав 20 баллов (для получения статуса победителя требовалось набрать 43 балла, максимальное количество баллов 52).

Премии победителям и призёрам ВсОШ вручал губернатор Тверской области. Победители получили по двести тысяч рублей, а подготовившие их учителя – по сто тысяч. Призёру полагалось тридцать тысяч, такую же сумму получал педагог, его подготовивший.

– Арин, а тебя почему не послали?! Ты же по математике лучше всех... И с Костей занималась – кровь из носу... – недоумевали девчонки.

Кровь из носа у Арины шла часто, от переутомления и усталости. Вера Илларионовна прикладывала к носу пакетик со льдом, а Иван Антонович переживал и даже вызвал на дом детскую неотложку, поскольку кровь шла обильно и не желала останавливаться. Врач сказала, что усталость тут ни при чём, виноват гайморит, при котором воспаление ослабляет стенки сосудов и делает их ломкими. Вставила Арине в нос ватный тампон, смоченный в перекиси водорода, и ушла.

– Валентиша обрыдается: тридцать тысяч получила, половину физруку отдать придётся, за сыночка. А могла бы получить сто. Не на ту лошадь поставила, – сказала Арина девчонкам, удивляясь собственной смелости. Переписала вывешенные в школьном вестибюле «олимпийские» задачи и дома решила все пять. Она вернулась бы с олимпиады победителем.

Но её – первую в классе по математике – на олимпиаду не послали, а отправили Костю Тумасова, с которым Арина занималась как последняя дура, и мечтала о гранте как дура... А её не послали. Потому что Аринин дедушка военный пенсионер, а Костин папа директор школы, а место их школе дали только одно. «Я ничего не могла сделать» – сказала ей Валентиша.

И с этой несправедливостью придётся жить...

Депрессия наступила внезапно. Арина просыпалась среди ночи и не спала до утра, обвиняя себя во всех смертных грехах, а больше всего в том, что Вечесловым с ней тяжело, бабушка таблетки сердечные пьёт, а в детский дом её не отдадут из жалости и из чувства порядочности. У неё пропал аппетит, пища казалась безвкусной «как трава», а потом и вовсе не лезла в горло, от двух ложек супа к горлу подступала тошнота, Арина вскакивала с табуретки – «Ба, спасибо, я больше не хочу»– и убегала в ванную.

Анорексия испугала Веру Илларионовну настолько, что она отправилась к Маргарите в клинику, заплатила сколько та потребовала и получила на руки драгоценный рецепт. «Каликста» помогла: Арина перестала плакать по ночам, ела по-прежнему мало, но с аппетитом. Ещё она взялась вышивать сложный цветочный букет, для которого были куплены шебби-ленты разных цветов: «мелованный белый», «трофейное золото», «арбуз», «шампань», «лист мяты», «замороженный лайм», «розовый лосось», «тёмный голубой», «торжественная фуксия» и «акварель».

За шебби-ленты (винтажные «мятые» ленты, имеют однородное переплетение и мерцающий блеск) Вечеслов заплатил по 35 рублей за метр. Арина схватила подарок с вождением жаждущего в пустыне и не поднимая глаз корпела над вышиванием, для которого сделала несколько эскизов.

Ремиссия, наступившая от купленных по контрабандно-

му рецепту таблеток, – ремиссия была более чем странной. Эльмира Олеговна с её матерной хореографией была послана к чёртовой бабушке, причём в буквальном смысле, по телефону, с удовольствием проговаривая каждое слово. Преподавателю английского Арина просто сказала, что больше на занятия не придёт. И погрузилась в мир серого безразличия, в котором яркие цвета имели только вышитые картины.

К одноклассникам относилась с холодком, хотя после олимпиады (после двух олимпиад!) одиннадцатый «А» объявил Валентише бойкот и дружно встал на сторону Арины. Девчонки звонили и звали гулять, предлагали дружить, приглашали на дни рождения. Арина вежливо отказывалась, не испытывая никаких эмоций. Не радовала даже ранняя весна. А одноклассников – радовала, и как-то так вышло, что в одиннадцатом «А» все друг в друга повлюблялись. Это было общее сумасшествие. Писали записки, сочиняли стихи, а Олег Неделин пел на школьном дворе под гитару песню неизвестного автора «Семь королей»:

«Семь королей тебя украсть хотели,

Семь королей полцарства дать могли.

Но одного они понять не смели: нет королей у любви...

Старый король не выдержал да крикнул,

Крикнул он так, что слышал весь дворец,

Что его дочь выйдет за любого, с нищим пойдёт под венец.

Ждать не пришлось, открылись вдруг ворота

Нищий в лохмотьях у дверей стоял,

И у отца пропала вся охота, сам пожалел, что сказал.

Где его дочь, теперь никто не знает,

Знают лишь то, что счастливы они,

Семь королей тебя украсть мечтали, но нет королей у люб-

ви»

Девчонки поглядывали на Неделина, и каждой хотелось думать, что Олег поёт для неё одной. Высокий цыгановатый Неделин нравился половине девчонок из их класса. А Арине нравился Никита, мальчик с соседней дачи.

– Арин, а тебе кто нравится? Чего молчишь? – приставали девчонки.

– Никто.

– А ты в какой институт будешь поступать?

– Ни в какой. Работать пойду.

– Тебя твои опекуны работать заставляют?

– Ничего они не заставляют.

– А чего тогда учиться не хочешь?

– Просто не хочу, и всё.

Она никому не расскажет о своей мечте: выучиться на врача-психиатра и придумать лекарство от проклятого биополярного расстройства, которое, говорят, неизлечимо. Она никому не расскажет.

А на выпускной бал придёт в вишнёвом платье. Все девчонки будут в белом, а она в вишнёвом, шёлковом, струящемся по телу. А волосы выкрасит оттеночным бальзамом «Дикая вишня».

Глава 13. Тридцать сребреников

Как уже было сказано, одиннадцатый «А» объявил классной руководительнице бойкот. На уроках алгебры, если Валентиша вызывала к доске, не вставали из-за парт. Требование положить на стол дневник игнорировали. Выручали письменные работы, которые «бастующие» всё же писали. Услышав звонок, поднимались и уходили, не дождавшись Валентиного «Урок окончен, можете идти» и не сказав до свидания.

Одиннадцатый «А» недооценил противника. Выждав удобный момент, когда Арины не было поблизости, Валентина Филипповна подошла к стайке девочек. Те прекратили разговор и замолчали, все разом, вопросительно глядя на учительницу.

– Ну и долго это будет продолжаться? Эта игра. Вы конечно думаете, что это я не пустила Зяблову на Всеросс (сокращённое название Всероссийской олимпиады школьников). Прогнула перед директором, и на олимпиаду поехал его сын.

– А разве не так? – девчонки с вызовом смотрели ей в глаза и не отводили взглядов.

Сейчас им станет стыдно...

– Вы хоть знаете, что она отказалась? Мы с Пал Палычем полчаса её уговаривали, и просили, и умоляли, и напомина-

ли о чести школы... Пал Палыч готов был на колени перед ней встать. А она ни в какую. Не поеду, и всё. Развернулась и ушла.

– Как?.. Почему?! Победителям Всеросса гранты дают, она бы столько денег получила... И в институт без экзаменов принимают, – заволновались девчонки.

– Гранты не для школьников, – просветила их Валентина Филипповна. – Гранты для тех, кому уже исполнилось восемнадцать и кто поступил в профильные вузы на бюджетное обучение и представил соответствующие документы. У них будут стипендии по двадцать тысяч. А школьникам премии, с этого года. А раньше были только дипломы и льготы при поступлении в вуз.

Выждав театральную паузу, Валентина обвела глазами притихших девочек и продолжила:

– Арина о премиях школьникам не знала. А в математический вуз поступать не собиралась. И потому сочла всероссийскую олимпиаду напрасной тратой времени. Диплом победителя городской математической олимпиады у неё уже есть, а то, что школа из-за неё пострадала, ей без разницы.

Последние слова Валентиша проговорила уже без патетики. И плавно перешла к завершающей «страдательной» части:

– Я конечно не снимаю с себя вины. Я не смогла её заставить, не смогла уговорить, а – должна была. И мне очень грустно, что класс, которым я гордилась, с которым делила

радость и горе... – Тут Валентина очень натурально всхлипнула, и впрямь чувствуя себя обиженной и оболганной (хотя лгала сейчас она сама). – Мне больно, что мой любимый класс отвернулся от меня. Можете продолжать ритуальные пляски вокруг Зябловой, можете не выходить к доске. Продолжайте меня игнорировать и не здороваться. Двоек за это ставить не буду. Не хочу портить вам аттестаты, с которыми вы вступите во взрослую жизнь.

Я с вами последний год. В сентябре возьму пятый класс, и распрощаемся... врагами. Так, как вы хотите.

– Нет, мы не хотим! Мы не хотим – врагами!

– Валентиночка Филипповна! Простите нас! Мы же не знали. Она сказала, что это вы...

– Она вам так сказала? – грустно улыбнулась Валентиша.

– А давайте собрание соберём! И мальчишкам расскажем, они ведь тоже не знают...

Девчонки перекрикивали друг друга, волновались, суетились, испытывая стыд перед классной руководительницей, которая была им другом шесть школьных лет, с пятого по одиннадцатый класс. В горе и в радости. Защищала от несправедливого отношения коллег-учителей. И даже с директором из-за них поругалась, когда он был ещё учителем физкультуры, и Надя Каменева, которую физрук называл Надей Команэчи (прим.: румынская гимнастка, пятикратная олимпийская чемпионка, двукратная чемпионка мира, девятикратная чемпионка Европы), упала с брусьев.

Гимнастикой Надя занималась с четырёх лет. Она показывала классу сложное упражнение, а физрук, вместо того чтобы стоять рядом и страховать, отошёл в сторону – чтобы сделать несколько фотографий для школьной газеты. Он даже название придумал: «Урок физкультуры».

...И не успел её подхватить. Надя упала и долго не могла подняться, Пал Палыч бестолково топтался вокруг и повторял как заведённый: «Деточка моя... Деточка моя!» Кто-то догадался сбегать в раздевалку за телефоном и вызвать «скорую». Физруку повезло: Надя ничего себе не сломала, только сильно ушибла голову и спину.

Гимнастки перед выступлением посыпают руки порошком магнезии (соль магния). Он удаляет с рук малейшие следы влаги, которая может привести к падению со снаряда, и облегчает скольжение, в результате чего вертеться на брусках становится проще. В школьном спортзале никакого порошка, естественно, не было. Валентиша тогда орала громче Надиных родителей – что таким педагогам не место в школе и что Пал Палыча надо уволить без права работы с детьми, с «волчьим билетом».

Всё теперь в прошлом. Осенью Валентина Филипповна возьмёт руководство пятым классом и станет «классной мамой» уже другим ребятам. А с одиннадцатым «А» она сегодня рассчиталась. Сволочата малолетние! Распоясались! Организовали бойкот классному руководителю, перестали здороваться, слепили грудастую снегурочку... Узнать бы кто её

лепил. Ещё и водой поливали, и крейзи-снегурка с лицом Светланы Сергеевны простояла под школьными окнами до середины апреля, доводя историчку до бешенства.

Всеобщая любовь одиннадцатого «А», к которой Арина не привыкла и до которой ей не было дела, сменилась отчуждением. Арина не понимала – косых взглядов (мальчишкам казалось – испепеляющих), по-старушечьи сжатых в ниточку губ (девчонкам казалось – презрительно сжатых), холодно брошенного «здрости» в ответ на её искреннее «привет!» На большой перемене она взяла за руку Надю Каменеву, с которой они вместе ходили в буфет:

– Пошли, а то не успеем, там очередь.

– Иди, если тебе надо, – Надя отняла у неё свою руку.

– А что случилось-то? – не поняла Арина.

– А то ты не знаешь... Весь класс уже в курсе, что ты на олимпиаду отказалась поехать. Валентише бойкот устроили из-за тебя, а ты всем врала и изображала из себя жертву. Только не оправдывайся, всё равно не поверю.

Арина и не собиралась оправдываться. Она никому не врала (лгать грешно), только не говорила всей правды. И уж тем более не изображала жертву. Наоборот, делала вид, что ни к кому не имеет претензий и ни на кого не обижена. «Делать вид» было трудно, гордость стонала и гнулась, как мачты корабля в десятибалльный шторм. Арина справилась с собой с помощью «Каликсты» и Семистрельной иконы (прим.:

самоназвание иконы «Умягчение злых сердец», на которой семь стрел пронзают сердце Пресвятой Деве, изображённой без Богомладенца. Стрелы символически отображают полноту страданий, боль и мучения, а икона, по преданию, защищает от раздоров и чужой злобы).

Икону она вышивала искусственным золотом и шёлковой пряжей для вязания, и собиралась подарить матушке Анисии, которую ни разу не навестила за пять лет. В глазах вышитой Богоматери стояли непролитые слёзы – такие же, как у самой вышивальщицы.

В классе с ней перестали разговаривать и словно не замечали. Валентине Филипповне притащили огромный букет, купленный одиннадцатым «А» вскладчину (Арина деньги не сдала). Букет не помещался ни в одну вазу, и его поставили в ведро, «красиво декорированное» обёрточной бумагой. И водрузили на стол.

Валентиша вошла в класс под дружное «Здравствуйте!» Букет, с разрешения класса, был переставлен на подоконник. На уроке алгебры все наперебой просились к доске

– Можно, я?

– Валентина Филипповна, спросите меня!

– Ну что вы как дети... Вы ведь взрослые уже. Спрошу, всех спрошу, кто хочет. – Валентиша смеялась и всем без разбору ставила пятёрки.

Со временем олимпийские страсти поутихли. Старания-

ми Валентины Филипповны отношение к Арине изменилось и стало почти прежним.

Предложенного мира Арина не приняла, с одноклассниками разговаривала сквозь зубы, а на переменах уходила вниз, в вестибюль. Не участвовала в школьной самодеятельности. Самовольно сняла со стенда красиво вышитые варежки, которые связала для школьной выставки. Не вступила в школьное молодёжное объединение «Ассоциация девочек-скаутов».

Олимпиада, на которой её не было, снилась Арине по ночам. Не отпускала, теребила душу, заставляла думать. Мотивация человеческих поступков – пожалуй, сложнее математики. Там всё просто: есть задача, есть её решение. А как решить другую, человеческую задачу с изворотливыми «переменными»? (прим.: в математике – величина, характеризующаяся множеством значений, которые она может принимать). С Валентишей, Пал Палычем, Костей Тумасовым. С Надей Каменевой. С одиннадцатым «А».

Решение Арина нашла в Ветхом Завете. Ответ был очевиден: тридцать сребреников это тридцать тысяч, полученные Тумасовым-младшим и Валентишей. Цена предательства.

Иуда Искарот и пошел к первосвященникам и сказал им:

«Я готов предать Иисуса в ваши руки, если вы мне хорошо заплатите».

Первосвященники посоветались и дали ему тридцать сребреников,

*а Иуда, получив деньги, стал думать,
как ему исполнить свое обещание и предать Иисуса.*

Потом уже, когда предательство совершилось, Иуда раскаялся;

он пришел к первосвященникам и тщетно пытался убедить их,

что Иисус ни в чем не виновен, что он, Иуда, предал невинного.

Бросил Иуда в храм тридцать сребреников и ушел, но совесть

измучила его,

и вскоре он повесился.

*Первосвященники и старейшины взяли деньги,
за которые куплена была ими невинная кровь,
тридцать сребреников, цену Христа, которою оцени-
ли Его.*

*И сказали: «Непозволительно класть эти сребреники
в*

*сокровищницу храма, потому что они уплачены за
кровь».*

*И купили на них принадлежавшую горшечнику землю,
для погребения странников.*

*Посему и называется земля та «землею крови» до сего
дня.*

/Библейские предания/

Арина не выдержала и рассказала обо всём бабушке.

– Баба Вера, я не говорила тебе, не хотела вас с дедом расстраивать... Они меня за человека не считали, в седьмом классе за восстание Емельяна Пугачёва... а ещё за колготки и за то, что с косами хожу. В городской школе совсем другая программа, мне было очень трудно... А они смеялись. Кроме тебя и дедушки мне только Милана помогала, по информатике, а больше никто... Когда я на городской олимпиаде победила, директор попросил... заставил с его сыном заниматься. Мог бы Валентишу попросить. Может, она не захотела? Костя не тупой, но всё равно... время отъедал, учить его пришлось. А на всероссийскую олимпиаду меня не послали. Костю послали. А он даже спасибо не сказал, даже видеть меня не хочет! Злится, что призёра получил, а премию директор отобрал.

– Как отобрал?! Почему?!

– Потому что Костя его сын. А я задачки олимпийские со стенда переписала и все решила. Они несложные. Вот, посмотри.

– Решила и умница. А плакать зачем? Доведёшь себя опять, с нервами с твоими.

– Я премию вам хотела... двести тысяч, ты бы в Италию поехала...

– Да не нужна мне Италия эта! Рита ездила, рассказывала. Она рыбу любит, думала там полакомиться – свежей, из моря

выловленной, как по телевизору показывают. А оказалось, её в обычных ресторанах не подают, а только в специальных, рыбных, там цены запредельные.

– И что? Она так и не попробовала?

– Попробовала. В самом лучшем римском ресторане, «Решерия консулов». Её там ободрали как липку. Потом сэкономила, пельмени только ела, рыбные, равиоли. Гадость, говорит, такая...

Бабушка смешно изобразила, как Рита морщилась, поедая пельмени из рыбы. Арина перестала всхлипывать и улыбнулась.

– Улицы там каменные, ни травинки, ни деревца. Камни от жары накаляются, по ним как по сковородке идёшь. Рита говорила, ад. А в следующий раз в феврале туда слетала, на десять дней. И все десять дней ходила под зонтом и с мокрыми ногами: высокая вода, так это у них называется. В межсезонье гостиницы дешевле, зато дожди каждый день. Радости мало. А не нравится, в гостинице сиди, в четырёх стенах. – Бабушка тяжело вздохнула. – Деду твоему климат менять нельзя, врачи сказали. Да и мне лучше дома, с тобой и с Ваней. Не реви. Их Бог накажет всех.

Арина судорожно вздохнула, успокаиваясь. Италия, в которой два раза была бабушкина подруга (один раз летом и один раз зимой), на поверку оказалась не такой как на картинках: море, солнце, счастливые туристы, счастливые голуби... Колизей...

Колизей (Colosseo) Арина видела, и пьяцца Венеция – площадь Венеции, и пьяцца Навона, и пьяцца ди Спанья. Фонтан Треви. Галерею Боргезе. Замок Сант Анджело, где был пленён Папа Римский. И триумфальные арки видела. Рита Пономарёва – та самая, которая работает в клинике и дала бабушке рецепт (Арина не знала, что – не дала, а продала), по которому были куплены лекарства, и помогали, Арина сама это чувствовала – Рита подарила бабушке календарь с видами Рима.

Виды рассматривали всей семьёй, и бабушка рассказывала про знаменитую арку дельи Ачетари. И про арку Тита из белого пентельского мрамора, самую древнюю в Риме, в аттике которой захоронен прах римского императора Тита, жившего в первом веке нашей эры.

Но сильнее всего поразила ариново воображение трёхпролётная триумфальная Арка Септимия Севера высотой почти двадцать один метр и шириной двадцать три, декорированная парными колоннами, капители которых включают элементы различных архитектурных ордерах (об ордерах Арина знала, им рассказывали на уроках истории в православной гимназии).

Картинки в календаре были маленькими, как и сам календарь. Но бабушка достала с полки энциклопедию, и Арина узнала, что такое травертин и раскрепованный антаблемент. Рельефы на стенах арки воспевали победу Септимия Севера и двух его сыновей Каракаллы и Геты над воинствующими

племенами. После смерти отца Караккала не захотел делиться тронном с Гетой, воспользовавшись классическим в Риме способом захвата власти – братоубийством. Имя Геты было стерто с триумфальной арки Септимия Севера. Караккала вошел в исторические хроники как один из самых жестоких императоров Древнего Рима.

Бабушка не говорит ей правды, поняла Арина. Конечно же, она хочет в Италию! И обязательно поехала бы, они втроем поехали бы! Если бы Арина победила на Всероссийской олимпиаде. Если бы да кабы росли во рту грибы, сказала бы бабушка. По Сеньке шапка, по пловцу корыто, всяк сверчок знай свой шесток.

В тот вечер Арина впервые попросила Бога о том, чтобы он поступил справедливо и вспомнил, что он Бог.

А на следующий день, в школьной столовой, столкнулась нос к носу с Костей Тумасовым. И возблагодарила судьбу

Иуда Искариот получил за предательство 30 сребреников, которых в итоге всё равно лишился, отдал их первосвященникам. Валентина Филипповна свои тридцать тысяч рублей получила, предав Арину, и тоже не смогла их сохранить.

Бывший учитель физкультуры, став директором школы, в душе остался физруком, не помнящим таблицу умножения и не обременённым приличным воспитанием. И искренне обиделся на математичку – за то, что не пришла и не поделилась полученным за Котьку «гонораром». Валька Саморядова всего лишь учительница, а он, Тумасов, родитель, и

в сына вложил неизмеримо больше, чем она. (Об Арине, которая занималась с его сыном, дважды в неделю оставаясь после седьмого урока, Тумасов и не вспомнил).

Валентина Филипповна обиделась на Пал Палыча – за то что взял предложенные ему пятнадцать тысяч, и на себя – за то что отдала.

Своё право на Валентинину премию Тумасов-старший предъявил открытым текстом, без экивоков и подходов, а деньги взял без слова благодарности.

Но сильнее всех обиделся Костя, у которого отец отобрал все деньги. В Уставе региональной олимпиады, выдержки из которого им зачитывали на торжественном вручении наград, говорилось, что денежную премию дети могут потратить по своему усмотрению. О чём обиженный Костя сообщил родителям. И получил от отца увесистый подзатыльник:

– Усмотрение будешь иметь, когда восемнадцать исполнится. Слезешь с моей шеи, тогда и живи – на своё усмотрение. А пока живёшь на наши деньги и ешь наш с матерью хлеб, сиди на ж*пе ровно и не возникай. Больно говорливым стал. – Тумасов-старший отвесил сыну ещё одну затрещину. – Деньги твои на тебя же и пойдут, на одёжки, на обувки. Да денег-то – кот нас*ал, что на них купишь?

Беда не приходит одна. На следующий день Костя, которому отец, поостыв, выделил пять тысяч как компенсацию морального ущерба, отправился в школьный буфет – разме-

нять новенькую хрустящую купюру. И нос к носу столкнулся с Зябловой. Принесли её черти!

Костя хмуро поздоровался и хотел было пройти мимо, но Арина ухватила его за рукав.

– Коть, ты чего такой невесёлый? Жёстко почивать на лаврах? А премию на что потратил?

– Ни на что не потратил. Отец отобрал, – бухнул Костя не подумав. – А на торжественном вручении нам губернатор говорил, что можем тратить деньги на своё усмотрение...

– Везёт тебе, губернатора вживую видел! А чего ты хотел-то? Всё как всегда, сначала торжественно вручают, потом торжественно отбирают. Ещё и по башке дадут... – посочувствовала Арина призёру ВсОШ.

– Ну, правильно, всё так и было. Отец ещё и подзатыльник дал, чтоб не рыпался.

– А ты рыпался?

– А то! Я им Положение о премировании зачитывал, – улыбнулся Костя. И не выдержав, рассмеялся.

Арина разговаривала дружелюбно, расспрашивала про губернатора, сочувствовала. Зря Костя боялся, что она скажет при всех что-нибудь... такое. И будет права: по чесноку на Олимпиаду надо было отправить её, а отправили Костю. Арина с ним занималась, решала задачи, объясняла, подсказывала. А он её даже не поблагодарил. Другая бы обиделась, а эта простила. Не от мира сего.

И премией мог бы с ней поделиться, отстегнуть за по-

мощь... тысяч семь. А он решил купить комплект для сноуборда: доску Nidecker Play, конструкция сэндвич, ботинки Burtron Ruler, комбинезон Fossa Galaxy со шлемом и комплект запчастей для креплений.

Комбинезон стоил ровно тридцать тысяч, на остальное добавят родители.

Добавили.

– Премия-то большая хоть? – безмятежно спросила Арина.

Она знала – о размере премии, и о том Валентина Филипповна получила такую же. А Костя не знал, что она знала, и повёлся...

– Тридцать тысяч деревянных. Я сноуборд хотел купить, и ботинки к нему хотел. А ещё шлем.

– А ты сноубордист? – восхитилась Арина. – Кататься умеешь?

– Что теперь говорить, денег всё равно нет... – у Кости защекотало в горле от жалости к себе. Сноуборд был его мечтой. Хотелось, чтобы Арина его пожалела, чтобы сказала, что отец поступил с ним несправедливо. И ещё что-нибудь такое сказала, утешительное.

– Не умеешь, – констатировала Арина, и Костя согласно кивнул.

– Иуда ты, а не сноубордист, и премия твоя иудина, тридцать сребреников, – ласковым голосом сказала Арина. – Пал Палыч хват ещё тот, у Валентиши пятнадцать тысяч откоро-

ил, а у тебя все тридцать. Молодец. А тебе небось кренделей навешал, за то что мозгов не хватило задачки олимпийские решить. Двести тысяч получил бы. Двести он точно бы не отобрал, половину тебе оставил бы.

Костя машинально кивнул. Он даже не сразу понял, что она сказала. Что она, заучка в хэбэшных колготках, могла такое сказать! Рядом кто-то засмеялся, и скоро вся столовая радостно гудела, пересказывая их с Ариной диалог.

– Ну, я пойду. Не рыдай, сноубордист, – попрощалась Арина и вышла.

Нормотимики комплексного действия, купленные бабушкой Верой по Маргаритиному рецепту, стабилизировали расстройства настроения, защищали от равнодушной скуки депрессии и от восторгов эйфории. Наступила устойчивая ремиссия, и Арина стала самой собой.

Глава 14. Война Алой и Белой розы

Публичный позор в столовой никак не повлиял на Костин рейтинг. Одиннадцатый «Б» справедливо гордился Тумасовым: он призёр Всероссийской школьной олимпиады, а Зяблова типа не потянула. Два одиннадцатых класса, «ашники» и «бэшники», питали друг к другу ничем не объяснимую неприязнь и существовали в режиме боевой готовности.

Война началась со смотра строевой песни, который традиционно проводили в феврале, в преддверии Дня Защитника Отечества. В смотре участвовали пятые-одиннадцатые классы. Предварительная подготовка возлагалась на классных руководителей.

На родительском собрании (явка одного из родителей строго обязательна) Валентина Филипповна объявила, что в смотре будет участвовать весь класс без исключений, что у всех должна быть единая форма одежды и что проводимое мероприятие представляет собой площадку для генерации творческих идей, способствует живому общению, работе в команде и развитию у детей продуктивного мышления. И что-то там ещё о продвижении полезных инициатив в сфере реализации молодежной политики. Отставной полковник Вечеслов, искренне считавший, что его уже ничем не удивишь, такой спич услышал впервые.

На «площадке для генерации творческих идей», иными

словами в школьном спортзале, готовились к смотру пятые – восьмые классы, в количестве двенадцати «строевых коллективов», как высказался Пал Палыч. Больше зал не вмещал, и старшеклассники – три девятых, два десятых и два одиннадцатых класса – маршировали на улице. Пал Палыч называл это тренировками, Валентина Филипповна репетициями.

Арина маршировала с удовольствием: смотр строя репетировали вместо уроков ОБЖ. В меховых ботинках ногам было тепло, бабушкин пуховый платок-паутинка согревал шею и грудь, морозный воздух пах арбузом, и его хотелось нарезать ломтями и есть. На Арину косились: тут хоть плачь, а она улыбается.

Совершая очередной «марш-бросок на амбразуру», одиннадцатый «А» пел в двадцатый раз «Кап-кап-кап» Александра Зацепина. Подошвы хваленых зимних кроссовок примерзали к беговой дорожке, потом перестали примерзать, потому что наступила оттепель. Круг школьного стадиона – двести метров – размесили в кашу из снега, песка, глины и мелкого гравия. В это месиво и упал знаменосец «ашников» Олег Неделин, заглядевшись на ворон, как сказала Валентиша. Вместе с ним упало знамя.

Девчонки вытащили из-под Неделина буро-коричневое полотнище, которое раньше было золотым и жёлтым (цвет флага города Осташкова), и пообещали отстирать, для чего были немедленно отпущены домой, а Неделин столь же

немедленно освобождён от должности знаменосца, хотя – разве он виноват? Скользко было, потому и упал. «Ударил в грязь лицом» – скаламбурил Миша Верскаин, и все долго смеялись.

Досмеялись. Знаменосцем в одиннадцатый «А» приказом директора школы был назначен Гена Завалишин из одиннадцатого «Б». С такой фамилией только в знаменосцы.

– Ген, ты смотри не завались, – напутствовали «бэшника».

– Сами смотрите. Ваш Неделин уже завалился, с почётом и со знаменем, – огрызнулся Завалишин.

В день смотра песни и строя девятых, десятых и одиннадцатых классов Валентина Филипповна сияла от гордости: одиннадцатый «А» на смотр явился в полном составе, в чёрно-белой форме, красиво сидящих синих пилотках и синих шейных платках. Завалишин со знаменем в руках смотрелся монументально, как вслух сказал кто-то из комиссии. Гена задумался: монументально это как? То ли как фонарный столб, то ли как памятник, третий вариант – красиво и торжественно. Последнее Генке нравилось больше.

Команду начать движение: «И-ии... левой!левой!» он пропустил мимо ушей. Услышав позади дружный топот двадцати шести пар ног, опомнился и пошагал вперёд, держа высоко поднятое знамя и громко топая ногами в пол – класс левой, знаменосец правой, класс правой, знаменосец левой...

Перестроить шаг класс одиннадцатый «А» не смог. Так

и шли – Завалишин в ногу, а класс не в ногу, как пошутила завуч Марина Аслановна Габчиева, недавно вышедшая на работу после декретного отпуска. Шутка не предназначалась для ушей одиннадцатого «А»: стол, за которым располагалась комиссия, миновала последняя шеренга «ашников». Неделин, шедший в ближнем к комиссии ряду, всё же услышал. Покинул строй и, опёршись ладонями на стол, прошипел Габчиевой прямо в лицо: «Сидела б ты лучше в декрете, кукла». После чего догнал свой класс и пошёл вместе со всеми – как ни в чём не бывало.

По «комиссионному» столу прокатился общий вздох.

Куклой завуча прозвали за изысканную красоту лица. Прозвище Марине не нравилось, и все об этом знали. Эпатажная выходка Неделина была объяснимой с точки зрения одноклассников и безобразной с точки зрения комиссии. На бледную и несчастную Саморядову смотрели сочувственно.

Катастрофу усугубила песня, которую спели слаженно и дружно. Завалишин в середине каждой фразы выкрикивал задиристым тенором сакраментальное «ку-ку». В песенном контексте оно звучало двусмысленно:

"Зелёною весной... ку-ку! Под старую сосной... ку-ку! С любимую Ванюша прощается. Кольчугою звенит... ку-ку! и нежно говорит: "Ку-ку! Не плачь, не плачь, Маруся-красавица".

Валентишина бледность сменилась багровым румянцем. Потому что на репетициях никакого «ку-ку» не было. К то-

му же, половина класса находчиво заменила Марусю на Марину, что слышалось вполне отчётливо.

«Ку-ку» Завалишин позаимствовал из фильма «Иван Васильевич меняет профессию». И не понимал, почему члены комиссии – директор, завуч, учителя и школьная уборщица Анна Ипполитовна, в прошлом тоже педагог – заходятся от смеха.

Мероприятие получилось зрелищным в лучшем смысле этого слова: знаменосец шагал не в ногу, а класс с упоением орал:

«Марина молчит и слёзы льёт. От грусти болит душа её.
Кап-кап-кап из ясных глаз Марины капают слёзы на копьё.
Кап-кап-кап из ясных глаз Марины капают – горькие,
Капают – кап! кап! – Капают прямо на копьё!»

Арина пела вместе со всеми, громко топала ногами и вспоминала «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева: «Да и то, которое бы подало нам отраду, явясь взорам нашим, усугубило бы отчаяние наше, удаляясь от нас и избегая равных с нами участи».

Последним маршировал одиннадцатый «Б». Это было триумфальное шествие, а песня Олега Газманова звучала как гимн:

«По ладоням твоих площадей проходили колонны бойцов,
Погибая во имя детей, шли в бессмертье во славу отцов.

Красной площади жить без конца! Сталь московских па-

радов крепка.

Если будет столица стоять, не иссякнет России река».

Валентина Филипповна слушала и вытирала слёзы – то ли от Газманова, то ли от Завалишина, который завалил-таки смотр строя...

С того памятного дня между «ашниками» и «бэшниками» началась война Алой и Белой розы, как сказала Арина, и её не поняли:

– Кто о чём, а Зяблова о цветочках.

Арина рассмеялась от души. Давно она так не смеялась. (Прим.: Война Алой и Белой розы, или война роз, – серия вооружённых династических конфликтов аристократических родов Ланкастеров и Йорков в средневековой Англии).

◆◆◆

Войну между Ланкастерами и Йорками называли романтикой на крови. Война между «ашниками» и «бэшниками» была отнюдь не романтической. Ершисто-колючие насмешки «бэшников» привели к тому, что одиннадцатый «А» вломился в амбицию, как неосторожно высказался Гена Завалишин. После уроков «ашники» коллективно втолковали знаменосцу, что смеяться над товарищами нехорошо. «Тамбовский волк тебе товарищ» – отойдя от противника на безопасное расстояние, выкрикнул Гена. И поступил опрометчиво: знаменосца догнали и навалили ему как следует.

«Война Алой и Белой розы» закончилась общей потасовкой на школьном стадионе, в ходе которой обе стороны полу-

чили весьма ощутимые телесные повреждения. На занятия мальчишечья... ох, простите, юношеская половина одиннадцатиклассников явилась в плачевном виде, и «война роз» была закончена приказом директора.

Примирению сторон способствовала экскурсионная групповая поездка в Санкт-Петербург, запланированная для одиннадцатых классов на весенние каникулы. Пал Палыч выбил из каких-то там фондов средства на «культурно-оздоровительную» программу, Саморядова организовала недорогую гостиницу, а завуч Габчиева обеспечила билеты – отдельный плацкартный вагон на пятьдесят четыре места (двадцать пять «ашников», двадцать три «бэшника» и шестеро сопровождающих).

Арина от поездки отказалась.

– Арин, ну ты чего... Классно же будет! Или тебе твои опекуны денег не дают?

– Не дают.

Сказала так, чтобы отстали. Ехать в Санкт-Петербург с классом для неё хуже чёрта. Откуда же она могла знать, что девчонки пойдут к Валентише?

– Валентина Филипповна! Валентина Филипповна-аа! – заговорили все разом. – Зябловой опекуны денег на поездку не дают! А давайте скинемся, всем классом. Получится с каждого понемножку, и Арина поедет. Ведь нельзя же так! Все едут, она одна не едет.

– Тише, тише... Вы меня оглушили. Что опять случилось? Нет, вы не ябедничаете, вы молодцы, что пришли. Просто молодцы! А с родителями... с опекунами Зябловой я поговорю. И в органы опеки сообщу. Бедная девочка...

Домой к Вечесловым она пришла тем же вечером. Опять наступила на гвоздь, как выразился полковник, когда за гостью захлопнулась дверь.

О поездке в Питер Ариныны опекуны слышали впервые.

– Она у нас такая. Если чего не хочет говорить – клещами не вытянешь, – с гордостью в голосе сказал Вечеслов. – Мы и не знали про экскурсию эту. Куда хоть ехать собрались? В Петербург, северную столицу? А что там делать в марте? На улицах грязь и слякоть, фонтаны не работают, ветер с Невы сырой, холод собачий... Гостиницу-то небось на окраине за бронировали, до центра два часа?

С гостиницей ничего не вышло: цены на человека за одну ночь начинались с шестисот рублей, и она договорилась с одной из муниципальных школ об аренде двух классных комнат. О том, что ночевать им придётся в классах, участники поездки не знали. Вместо кроватей притащим маты из спортзала, с одеялами что-нибудь придумаем, в крайнем случае можно в куртках спать, зато получается дёшево, радовалась Валентина.

Услышав, что группа будет ночевать в помещении школы, полковник крякнул (Валентина не поняла, одобрительно или осуждающе). И продолжил:

– Ну, понятно... «Solo Sokos Hotel Palas» детям не по карману. Вам даже «Rooms» на Сенной не потянуть. Что вы на меня так смотрите? Мы вот тоже не потянули, в «Гелеоне» жили, на Маяковской, трёхместный «Стандарт» с мини-кухней, в сутки за троих десять тысяч. Микроволновка, холодильник, электрический чайник, утюг, фен. Что вы на меня так смотрите?

– Вы... втроём ездили? Арина не говорила...

– Не говорила, её дело. Она всей улице рассказывать не обязана, – отрезал Вечеслов. – Мы там летом были, за две недели всё успели посмотреть, и Петергоф, и Зимний, и Петропавловскую крепость, и Храм Спаса на крови. И в Эрмитаже были, и в Кунсткамере, и в Павловск съездили, в Большой дворец. Аринке жёлтая гостиная понравилась, она себе шторы такие же сделала... Да вы зайдите, посмотрите. Вам ведь хочется посмотреть. – Иван Антонович хитровато улыбнулся.

Валентина вошла. Сквозь прошитые золотыми нитями лимонно-жёлтые шторы лился золотой тёплый свет, на книжных полках блестели корешки книг, к другой стене привинчена болтами шведская стенка, мирно соседствующая с иконой Святой Матроны Московской. На этажерке в углу – корзинка с незаконченной вышивкой.

Вера Илларионовна проследила за её взглядом.

– Она у нас рукодельница, шторы сама расшивала.

– Но ведь это такой труд... титанический, – выдавила Ва-

лентина, не найдя подходящего слова.

– Да ничего такого титанического, металлизированные шебби-ленты, сорок рублей метр. Она их булавками к шторам приколола и на машинке прострочила сверху донизу, за три вечера управилась. Цвет «шампань» смотрится золотым, на солнце особенно, – объяснила Вера Илларионовна.

Штор на окне было три. Необычно и очень красиво Валентина насчитала на каждой шторе десять золотых полос, умножила на высоту потолка и полученную цифру умножила на цену. Выходило, что прошивка стоит три тысячи рублей. Ничего себе кино. Ничего себе затюканная девочка.

– А где она сама?

– Аринка где? В ансамбле своём, занимается. После Эльмириной выучки её по кастингу приняли, во второй состав, она от счастья до потолка прыгала.

– А есть второй состав? – удивилась Валентина.

– И второй, и третий. Третий состав любительский, не профессиональный, туда без кастинга, любого возьмут. Вот хоть вас, – огорошила её Вера Илларионовна. – Ну, пойдёмте чай пить, с домашним печеньем. Аринкино любимое.

Валентине Филипповне хотелось провалиться сквозь землю. Поверила глупым девчонкам... Но эта-то какова, вышивальщица! В Санкт-Петербург ехать не хочет. Впрочем, она ведь там была...

– Да мне пора уже. Вы извините, что я к вам вот так, без звонка... Я ж думала, вы ей денег на поездку не даёте. А ока-

залось, она вам не сказала, вы и не знали даже, – повторяла Валентина.

– А и знали бы, всё равно не пустили. Она и так простуженная ходит, а в Питере в марте холодно и дождь со снегом. Нечего ей там делать! – объявил Валентине полковник.

– Вы Ариночке не говорите, что у нас были. Она бог знает что подумает, – добавила Вера Илларионовна.

Возвращаясь от Вечесловых домой, Валентина Филипповна вспоминала прибранную комнатку с золотыми шторами и ноутбук Lenovo Yoga на столе. Ноут стоил около ста тысяч, она видела такой в каталоге. А у «бедной девочки» он стоял на письменном столе.

«Ноутбук мой личный, девяносто семь тысяч за него отдал, – подтвердил Вечеслов. – Аринке попроще купили, учебнический. Так она его мне отдала, а мой себе поставила».

Валентина представила, как вызванные ею представители органов опеки входят в Аринину комнату с «Lenovo Yoga» на письменном столе и золотыми шторами. И порадовалась, что не успела позвонить.

В Петербург приехали в шесть утра. Северная столица встретила гостей дождём, и Валентина Филипповна похвалила себя за предусмотрительность: школа, в которой согласились разместить их группу, была недалеко от Московского вокзала. Сторожиха вручила Пал Палычу ключи от спортзала (которые потом забрала) и от двух «арендованных» клас-

сов, предупредила, чтобы не портили имущество, и утопала к себе в каморку на первом этаже.

Раздались недовольные возгласы:

– Мы думали, в гостинице жить будем. А на чём же спать? Ни кроватей, ни одеял. А вещи куда класть? В парты, что ли?

– В одной гостинице вас бы всех не разместили. Распихали бы по разным концам города, и как вас потом собирать? И цены там такие, что за эти деньги мы бы прожили один день, и ничего бы не увидели. А мы с вами пробудем в Питере целую неделю... пять дней. И всё успеем посмотреть! – бодро заявила Валентина Филипповна. Пал Палыч со Светланой Сергеевной согласно закивали. У троих сопровождающих из родительского комитета вытянулись лица, словно им предстояло ночевать на улице.

Классы поделили по половому признаку, как ляпнул бывший физрук, и историчка театрально закашлялась. Мальчишки сдвигали к стенам парты и ставили одна на другую, девчонки мыли полы. Мужская половина сопровождающих, обливаясь потом, таскала из спортзала гимнастические маты – по лестнице вниз, потом по длинному стеклянному переходу между зданиями, потом на второй этаж к «арендованным помещениям». Умаялись. В помощь «тяжелоатлетам» Валентина Филипповна отрядила шестерых «ашников», и дело пошло быстрее. Вдвятером притащили четырнадцать матов: восемь лежали под спортивными снарядами и канатами, ещё шесть нашли в подсобке.

– Нас пятьдесят четыре. Если по три человека на мат, то нужно восемнадцать, а их всего четырнадцать, – чуть не плача сказала историчка, которой вовсе не улыбалось спать на матах с вместе девчонками.

– Распустила нюни кисельная барышня. Девчонки и те молчат, не ноют, – проворчал директор так, чтобы все слышали. Светлана Сергеевна Киселёва «кисельную барышню» не простила, бросив на директора полный ненависти взгляд, которого тот попросту не заметил. А девочки от неожиданной похвалы приободрились и вскинули подбородки.

– Как подумаю, что их обратно придётся тащить, по коридорам да по лестницам, так прямо жить не хочется, – невозмутимо сообщил Пал Палыч.

– Можно на партах спать, сдвинуть их вместе и...

– А одеяла? А постельное бельё где брать?

– Сейчас пойдём и спросим...

Отправленная к сторожике делегация вернулась ни с чем.

– Она сказала, ключи нам отдала, как велено, а больше ничего не знает. И матов, сказала, больше нет, что нашли те и берите. И ключи от спортзала просила вернуть.

– Вредная бабуленция. Могли бы в спортзале спать...

– Ага, кто на брусках, кто на бревне, а кто на канате!

– Интересно, у неё винтовка есть? Как в «Операции «Ы».

– С одеялами что-нибудь придумаем, в крайнем случае можно в куртках спать. Зато с жильём получилось дёшево, – сказала Валентина.

– Дёшево и сердито, – проворчал чей-то отец из родительского комитета, взъерошенный и взмыленный после перетаскивания матов.

Все здорово устали и проголодались. Мылись в школьном туалете, где были только раковины, а душа не было. Залили водой весь пол, и пришлось снова брать в руки вёдра и тряпки.

Завтракали в привокзальной столовой, обедали бубликами и мороженым, потому что весь день выполняли «насыщенную культурную программу». За ужином, который всем казался сказочно вкусным, не обошлось без происшествий: Миша Верскаин уронил котлету и полез за ней под стол, Коля Воробьёв под общий смех вылизал свою тарелку, а Сашка Зоз, который провёл весь этот день в промокших насквозь кроссовках и согрелся только в Эрмитаже (из которого не хотел уходить, и Светлана Сергеевна решила, что «мальчик открыл для себя мир искусства» и смотрела на него с обожанием) – Сашка мрачно осведомился, когда же им нальют блокадные сто грамм.

Валентина Филипповна поняла, что сейчас её хватит удар. А историчка спокойно объяснила, что в ленинградскую блокаду по норме выдавали хлеб, а не водку, и что Сашке по иждивенческой карточке полагалось бы в день двести граммов хлеба, и он бы благополучно загнулся (Киселёва так и сказала – благополучно) и не посягнул бы сейчас на святое и не позорил класс.

Сашку с того вечера прозвали иждивенцем, а рейтинг «Эсэски» поднялся до критической отметки, как выразился Неделин.

Спать легли не раздеваясь, накрывшись куртками и пальто и подложив под голову рюкзаки. И шёпотом проклинали историчку, которая весь день не закрывала рта.

На следующий день дождь сменила мокрая противная метель, все устали и замёрзли. На место дислокации вернулись рано. Спать не хотелось. Ключи от учительской, где стоял телевизор, сторожиха не дала: «Ишь чего удумали. А я потом телевизор новый покупай...» Сушить промокшую обувь было негде. Из классных окон дуло. Троица из родительского комитета грозилась пожаловаться на Пал Палыча в Отдел образования Осташковского городского округа за «скотское отношение к детям».

Сторожиха принесла из медицинского кабинета стопку простыней и девять одеял. Простыни отнесли обратно (маты вымыли с мылом, а раздеваться всё равно никто не будет), одеяла отдали девчонкам. Валентина Филипповна купила на свои деньги пятьдесят четыре надувных мини-подушки по семьдесят два рубля, чек отдала директору. Трое из родительского комитета вернули деньги за шесть подушек – за себя и за своих детей. Остальное Пал Палыч обещал компенсировать.

Через два дня подморозило. Достопримечательностями Петербурга любовались, мечтая о тёплой столовой Москов-

ского вокзала, спать укладывались, мечтая о том, как придут домой. Из поездки привезли сувениры, статуэтки, буклеты, открытки и альбомы с видами Петербурга, а историчка Светлана Сергеевна, которая за эти пять дней достала всех, включая экскурсовода Эрмитажа, раскошелилась на подарочное издание альбома «Сокровища Эрмитажа».

Валентина альбом не купила: все деньги ушли на эти чёртовы подушки.

Глава 15. Падают звёзды...

Последствия экстремальных каникул были печальными: в одиннадцатом «Б» пустовало пять парт, одиннадцатый «А» оказался более жизнестойким: заболели всего две парты, как опрометчиво сказала завуч Валентина Филипповна. Габчи-ева ответила неожиданно резко: «Дети для вас не люди, а учебный материал. У вас даже болеют – не дети, а парты. Поражает такое бездушие со стороны учителя».

Прав был полковник Вечеслов, когда заявил, что не пустит Арину в Питер и что в марте там нечего делать. Ох, как он был прав, размышляла Валентина. На скромницу в платье с глухим воротом и вязаной длинной кофте она теперь смотрела по-другому. И удивлялась: какой же должна быть скромность, чтобы не хвастать тем, чем имеешь полное право гордиться. Если бы Арина умела читать мысли, то ответила бы словами Иоанна Златоуста: «Что может быть неразумнее, как искать своими делами похвалы от подкупных и бес- сильных людей, и презирать похвалой Того, кто силен воз- дать за дела, угодные Ему».

На перемене Арину обступили одноклассницы, которых просто распирало от желания поделиться впечатлениями.

– Ты не представляешь, как мы там мёрзли... – рассказы- вали девчонки. – А ночевали в какой-то школе. Нам дали девять одеял на всех, а у мальчишек вообще не было. Ты не

представляешь! Спали кто на партах, кто на полу, на матах из спортзала, мы в одном классе, а мальчишки в другом. В музеях-то тепло, а на улицу выйдешь – холодюга. А мы все с мокрыми ногами... И дождь со снегом. Но всё равно здорово! Мы в ботинки газеты мятые запихивали, чтобы скорее высохли. А экскурсии интересные были. Жаль, что ты не поехала, не видела ничего.

– Видела. Мы летом ездили, на целых две недели, когда фонтаны работали... И белые ночи видела! И фестиваль, и салют, нам даже спать некогда было. Мы ночью гуляли, ночи там фантастические! И туман над Невой, колдовской такой... А потом бабушка в театре уснула, и нам жалко было её будить. Там вся ложа бенуара со смеху помирала, когда она храпеть начала, на спектакле. А дедушка хохотал громче всех.

– Ты и в театре была?!

– Ага. Мы каждый вечер ходили, то в театр, то в кино. А на ужин пиццу замороженную покупали, в микроволновке запекали, вкуснотища...

– У вас там микроволновка была?

– Ну да. Мы в гостинице жили, номер «Стандарт», холодильник, микроволновка, и чайник, и посуда. А в душевой кабинке струи прямо из стенок бьют!

Так получилось, что теперь рассказывала Арина, девчонки слушали и понимали, как много они не увидели... Ни фонтанов, ни белых ночей, ни Павловска с его Большим дворцом...

– Арин, а почему ты сказала, что с нами ехать не хочешь, а что летом в Питере была, не сказала?

– Ну, не сказала, ну и что?

– А зачем говорила, что тебе денег не дают?

– Это вы говорили, а не я. И Валентише побежали докладывать. Кто вас просил-то?

– Да ладно тебе, мы же из-за тебя побежали... докладывать. Хотели денег тебе собрать. На поездку.

– Я не нищая, деньги у меня есть.

Арина чуть было не ляпнула, сколько в ансамбле «Подарок» платят за выступление второму составу, но вовремя остановилась: в ансамбле она четвёртый месяц, и ей пока ничего не платили: участвовать в выступлениях не разрешили Вечесловы, сказали, школу закончи сначала. Летом она поедет на гастроли и заработает кучу денег. Только сначала поступит в вуз. Поступит в вуз и поедет!

– Арин, а ты в каникулы дома была?

– Почему дома? Мы в Заселье, на даче жили. Там снег почти растаял, и почки вот-вот проклюнутся.

Сообщив эту важную информацию, Арина тяжело вздохнула и, не сказав больше ни слова, ушла вниз, в вестибюль. Девчонки обиделись. Они к ней со всей душой, а она...

А она вспоминала Никиту, которого хотелось забыть.

◆◆◆

В марте ей исполнилось семнадцать. Бабушка с дедушкой, как всегда, предложили позвать подружек, заказать столик в

кафе. Арина, как всегда, отказалась – и от гостей, и от кафе, и от подарка. Вечесловы развели руками...

Подарок всё же был куплен: трендовая шубка из тибетской ламы, невозможно красивая, лилово-розового цвета – совсем как вересковые поляны на острове Хачин! Арина уткнулась носом в мех.

– Спа... спасибо! Но у меня же есть зимнее пальто, зачем же вы... Она ведь очень дорогая, наверное.

Благодарила, извинялась, путалась в словах, а сердце радостно стучало: «Ох, ни фиги себе, ох, ни фиги себе...»

– Ох, ни фига-аа... Это мне? Правда мне?

– Ну а кому ещё – такую носить? Не нам же с бабушкой.

В длиннополом коричневом пальто с глухим воротом и красивыми крупными пуговицами – по мнению одноклассниц, старушечьим – было тепло даже в сильный мороз, а морозы на Селигере нешуточные. В короткой шубке, наверное, будет холоднее. Но если надеть длинную юбку... или джинсы! С джинсами будет здорово! И по цвету подойдут!

– Ты уж прости, что весной дарим. В школу ведь всё равно не наденешь красоту такую. В институт поступишь и будешь носить. Что ты в неё уткнулась-то? Надевай, мы с бабушкой посмотреть на тебя хотим. И сапоги надень! И косы расплети, – Иван Антонович всунул ей в руки сапожки со свободным голенищем из тонко выделанной кожи, с красивой шнуровкой до самого верха.

Арина послушно расчесала волосы и надела подарки. Са-

пожки оказались ботфортами KINKY BOOTS («чумовые сапоги») и закрывали колени. Нет, джинсы нельзя. Под такие сапоги лучше надеть леггинсы. Или шерстяные тонкие колготки, которые дед подарил ей на восьмое марта: тёмно-бордовые, красивые. Будут классно смотреться. Девчонки от зависти помрут, когда увидят. Но они не увидят.

Может, ей всё-таки пойти на выпускной вечер, на который она твёрдо решила не ходить? Не в шубе, конечно, и не в сапогах, но – с распущенными волосами, вот такой, как зеркала.

На Аринымом лице быстро менялись эмоции: растерянность... удивление... смущение... заинтересованность... восторженность... решимость... и наконец – твёрдая уверенность.

Вечесловы с интересом за ней наблюдали. Эмоциональная оценка наиболее верная – природа не может обманывать.

«Ваня молодец, угадал с сапогами. Схватила, аж лицо у неё изменилось. Глядишь, девушкой станет, пора уже... А то девчонка-девчонкой, косметики не признаёт, косы заплетает, чтоб ни волосочка не торчало. В этой шубке с косами не походишь...

Весенние каникулы пришлись на последнюю неделю марта. На даче между проплешинами мокрой земли лежали островки серого снега, облизанные солнцем. Арина отломил прозрачную слюдяную корочку и улыбнулась. Осторожно

ступая (ей было жалко новеньких сапожек), ходила по участку, гладила яблоневые шершавые стволы – здоровалась. На кустах крыжовника и смородины набухли почки. Скоро они раскроются, выпустят нежные клейкие листочки и будут радоваться солнцу – каждой веточкой!

Эти каникулы последние. Потом экзамены, потом она уедет в Москву и поступит в медицинский университет. Выучится на психиатра и победит биполярное аффективное расстройство, с которым приходится жить. На таблетках. Впрочем, Арина их пьёт только когда бывает очень плохо и кажется, что впереди ничего нет и незачем жить.

Вечесловы о Москве ещё не знают. А когда узнают, бабушка наверняка заплачет, а дедушка нахмурится. В институте надо учиться шесть лет. У Арины впереди шесть восхитительных лет новой жизни – с общежитием, однокурсниками, лекциями и учебной практикой... А у Вечесловых новой жизни не будет. И Арины не будет, долгих шесть лет. Как она будет без них? Как они будут без неё?

Привалившись к забору спиной, Арина пережидала хлынувшую в сердце нежность. И не сразу услышала шаги. По ту сторону забора кто-то ходил... Никита! Приехал!! Вот здорово!

С Никитой она дружила с тринадцати лет. И любила его – с тринадцати лет, а прошлым летом они «выяснили отношения» и Никита сказал, что тоже её любит, хотя она «совсем девчонка».

В Заселье она приехала в новой шубке и замшевых сапожках, чтобы Никита увидел и поразился, какая она взрослая. Арина улыбнулась и собралась постучать по забору – тук-тук, кто в теремочке живёт? Но Никита разговаривал по телефону, и стучать было невежливо.

Она не подслушивала, просто ждала. Стояла со своей стороны забора, а Никита со своей болтал с кем-то по телефону – и не спешил уходить...

– У неё вместо родителей опекуны, она раньше в приюте жила, а приют при монастыре. Прикинь, Викуль? Она странная такая, вышивать любит и цветы выращивать. И косметикой вообще не пользуется. Как бабка старая. Родаки мои Вечесловых уважают: дед военный, а бабушка переводчица. Синхронный перевод знаешь что такое? Это когда сразу...

– ...

– Родители кто? Да откуда я знаю... Может, маргиналы, может, в тюрьме сидят. Мама говорит, быдло. Были бы нормальными, дочку бы не бросили.

– ...

– Да не дружу я с ней. И вейкбордингом с ней занимаюсь просто от скуки. Ей всё равно доску не купят, у них даже моторки своей нет, нашу берут. Отец с Иваном Антоновичем дружит, ну и разрешает, а бензин у полковника свой... Кто, кто! Сосед наш, полковник в отставке. Весь такой из себя, китель наденет, так хоть на парад... Он старый вообще-то. И Вера Илларионовна старая. Аринку внучкой зовут, а она

им не родная, сама мне сказала.

(Сказала, потому что он спросил. Обещал, что никому не расскажет. И теперь выбалтывал подружке Арину жизнь, сопровождая рассказ нелестными комментариями в её адрес):

– Прикинь, она за мной как собачонка бегаёт. Сядет у нашей калитки и сидит, сторожит, когда я выйду. Не отвяжешься.

(Врёт! Никита бессовестно врёт! Арина за ним не бегала, и у чужой калитки не сидела. Сидела у своей. И не ждала она его вовсе. Хотя, конечно, ждала. И даже «примерила» на себя его фамилию: Арина Будасова. Не то что Арина Зяблова).

– ...Да просто от скуки. Надо ж мне с кем-то общаться, а то сижу здесь как сыч... А с ней интересно! Она, когда учиться начинала, так смешно падала, ты бы видела! Водичку хлебает, руками машет... Смехота! Потом научилась. Она быстро научилась. На доске стоит, как клеем приклеенная. Говорит, хореографией занимается, там их учат равновесие держать. Врёт наверное. Какая из неё балерина, они худющие как грабли, а Аринка как баобаб. И щёки толстые.

Он разговаривает со своей девушкой – осенило Арину. У Никиты есть девушка, а она, Арина, запасной аэродром, толстощёкий баобаб. Машинально она схватилась за щёки и дала себе слово: больше никакого печенья и никаких пирожков. Хотя бабушка обидится...

В ансамбле «баобабов» держат в третьем составе, они вы-

ступают на встречах ветеранов, которые в ансамбле презрительно называют детскими утренниками, и на бесплатных концертах для нищих бюджетников. Третий состав – самостоятельный, за выступления им не платят, танцевальные костюмы и обувь они покупают на свои деньги, а гастрольные поездки у них по детским летним лагерям. Дети, наверное, от смеха пополам сгибаются, глядя на эти танцы. Арина один раз видела их репетицию. Неописуха!

Слово было ужасным, но почему-то нравилось. Арина услышала его от одноклассниц. Оно предельно ёмко характеризовало весеннюю поездку «ашников» и «бэшников» в Питер и вполне так соответствовало «третьесортным» взрослым тёткам из ансамбля «Подарок». Подарочки ещё те...

– Я знаешь на какой на скорости лодку веду! – хвастался за забором невидимый Никита. – И виражи крутые закладываю, типа тренировка. На таких виражах только профессионалы могут... и об воду разбиться можно запросто, на такой скорости. А она в канат вцепится и не падает.

– ...

– Да нет, иногда только. Она все дни с дедом в домино играет и с бабкой в огороде ковыряется. Шашлык для неё праздник, на моторке за черникой сплавать – событие, а Собенские озёра – Филиппинские острова, – хохотнул Никита. – Она даже на море ни разу не была, в Санкт-Петербурге один раз, и в Москве два раза. Рассказывала, как опекуны её по музеям водили, и в зоопарк, и в Большой театр, и как они

мороженое в ГУМе ели, в хрустящих стаканчиках. Темень средневековая. Прикинь, она мне сказала, что меня любит, с седьмого класса.

– ...

– А что я? Сказал, что тоже люблю. Да нет, не люблю конечно, просто мне её жалко стало, ну и сказал. Викуль, ну ты что... Ну сказал и сказал, ну и что? Что я, жениться на ней собираюсь? Мама говорит, у неё неизвестно какая наследственность, родители неизвестно кто. Что я, рехнулся, что ли?

Ну, пока, Викуль. До встречи.

Отделавшись от Вики, Никита вздохнул. Прицепилась к нему как репей. Вика дочка папиного начальника, отец просил быть с ней вежливым и «не отталкивать». А он согласился, дурак. И сейчас наговорил такого, что самому стыдно. И за мать стыдно, которая сказала про Арину, что у неё родители маргиналы. А он повторил.

Зато Вика наконец успокоилась. Дура. Замуж за него собралась. Да щас! Он лучше на Аринке женится. Девчонка нескучная, и фигура классная, в купальнике так вообще глаз не отвести. И зачем он про щёки выдумал, нормальные у неё щёки. Нет, мать права, ведь неизвестно, кто её родители... Может, наплевать на родителей – и на Арининых, и на своих? Нет, на своих нельзя, отец ему такой разгром устроит, в мореходку поступать не разрешит, и вообще, зачем ему жениться, он что, с ума сошёл?

Предаваясь размышлениям, Никита радовался, что Арина не слышала, как он говорил по телефону с Викой.

Арина отлепилась от забора и медленно пошла к дому. Оказывается, в глазах Никиты она средневековая, родители маргиналы, сама как баобаб. Пульс взбесился и стучал прямо в голове. Арина глубоко подышала, чтобы прийти в себя. Прийти не получилось.

Вечесловы удивлялись. Да что с ней такое? Сидит у себя наверху безвылазно, и к Никите своему не пошла, а когда он пришёл сам, велела сказать, что болеет и чтобы он её больше не беспокоил. Уж не заболела ли в самом деле? Вера Илларионовна потрогала губами внучкин лоб. Лоб оказался ледяным.

– Не холодно тебе? Холодная вся...

– Не холодно.

– А что сидишь, в книжку уткнулась? Пошла бы погуляла, погода-то какая... Или и впрямь заболела? Может, в школе случилось что? Так скажи, вместе разберёмся...

Отвязаться от бабушки было невозможно, как невозможно рассказать – «что случилось» и с чем она уже «разобралась». Арина надела новую шубку и новые сапожки и отправилась гулять. Не радовало ни голубое небо, ни растаявший на дороге снег. Она бездумно шла по дороге и напевала вдруг вспомнившийся романс:

«Целую ночь соловей нам насвистывал, город молчал, и молчали дома.

Белой акации гроздья душистые ночь напролет нас сводили с ума.

Сад весь умыт был весенними ливнями. В темных оврагах стояла вода.

Боже, какими мы были наивными! Как же мы молоды были тогда!»

Услышав позади чьи-то шаги, испуганно замолчала.

– Девушка, а вы почему одна гуляете? В гости к кому-то приехали? А что вы замолчали, вы так красиво пели... А хотите, я вам посёлок покажу? И на озеро ходим, на пляж. Купаться не будем, не пугайтесь, – хохотнул Никита.

Арина узнала его по голосу, а он её – нет, потому что видел только спину и распущенные волосы. Знал бы он, кого уговаривает.

– Купаться мы с тобой вообще никогда не будем, понял? А пляж Викуле своей покажешь, загорать будешь с ней, и на виражах проверять, разобьётся или нет. Я же темнота, а родители у меня маргиналы, зачем тебе такое знакомство? Мама не одобрит, – выпалила Арина ему в лицо.

И бежала по дороге, пока не кончились силы. Остановилась, тяжело дыша. И её наконец «отпустило». Вот говорят же – отпустило. Раньше она не понимала, что это значит, а теперь поняла.

С прогулки она вернулась с розовыми щеками, скинула на руки Вечеслову лиловую шубку и счастливо рассмеялась: на солнце в ней не жарко, в тени не холодно, шубка просто

блеск, даже Никиту повело... Познакомиться с ней решил, дурачина.

– Всё, Аринка, кончилось твоё безделье. Завтра за берёзовицей пойдём, на Устиньин ручей. В нём вода вкуснее, – усмехнулся дед, и Арина не поняла, шутит он или говорит всерьёз.

Берёзу дед выбирал поближе к ручью. Сделав вокруг ствола узкий глубокий надрез, обматывал «рану» полоской марлевого бинта, а концы опускал в банку. Если надрез сделать невысоко от корней, сок лился струёй – холодный, горьковато пахнувший весной. Завтра они с дедом наберут две трёхлитровых банки и принесут домой. Арина с аппетитом уплетала бабушкины пирожки, забыв, что она баобаб.

А ночью не могла уснуть, мучаясь без вины. И сочинила стихотворение. До этого никогда не писала стихов, а тут строчки складывались сами. Стихотворение было прощальным, Арина никому его не показывала, а потом оно потерялось – как потерялась её первая любовь. Она больше не придет в Заселье. Не увидит Никиту. Никогда.

«Падают звезды на Селигере...

Себе разрешу помечтать.

Желанья сбываются, если в них верить,

Только б успеть загадать...

Я не боюсь здесь насмешливых взглядов,

Чувства скрывать ни к чему.

Здесь даже слов сочинять мне не надо,

Сердцем беседу веду.

Озеро ночью мне зеркалом станет,

Выйду на берег гадать.

И заклинанья шептать не устанет

Мне селигерская гладь.

С солнцем рассыпалось зеркало вдребезги.

К разбитой любви, говорят.

Тонкие ветки цветущего вереска

Тайну мою сохраняют».

Глава 16. Дождь

Терять друзей – всегда больно. Даже если они тебя предали. Ведь когда они были друзьями, они не были предателями.

Арина разучилась улыбаться, жила как-то автоматически, в сером мороке безразличия, дома беспрекословно выполняла всё, о чём её просили, и уходила в свою комнату.

– Опять вышивать взялась, а что – не показывает. Зайдёшь к ней, она пяльцы в корзинку убирает, в школу уходит – прячет куда-то, – рассказывала Вера мужу.

Вечеслов прочитал жене суровую отповедь:

– Прячет – значит, не хочет, чтобы мы видели. Может, сюрприз готовит.

– Да ведь она все субботы сидит! Все воскресенья!

– Пусть сидит. Что тебе не нравится? Хочешь, чтобы она с парнями в чужих подъездах отиралась?

Вера замолчала. Спорить с мужем нельзя, даже когда он не прав: после второго инфаркта врачи категорически запретили ему волноваться.

Постучала в Аринину дверь.

– Аринка, я спросить хочу... Ты институт-то выбрала уже? Может, надо репетитора нанять?

– Выбрала. Медицинский. Не надо репетитора, я справлюсь, – улыбнулась Арина.

Высших учебных заведений в Твери насчитывалось че-

тыре: Тверской государственный университет имени Витте, Тверской государственный медицинский университет, Тверской государственный технический университет и Тверская государственная сельскохозяйственная академия. У Веры Илларионовны отлегло от сердца: от Осташкова до Твери на машине два часа, на автобусе три. Автобус ходит редко, зато маршрутки – регулярно. До дома Арина доедет без проблем, в случае чего.

«Случай чего» заключался в наступившей после весенних каникул депрессии, из которой девочку вытаскивали таблетками и капельницей, для чего пригласили врача из Маргаритиной клиники неврозов. Вечеслову врач, по просьбе Веры Илларионовны, сказал, что у девочки расшатались нервы от повышенных нагрузок и что в капельнице витамины. Арина было объявлено: «Больше никакого ансамбля и никаких танцев!», ответом был равнодушный кивок.

Ремиссия, о которой врач говорил, что она «стойко стабилизированная», оказалась временной, и 31 мая наступил рецидив. Арина отказывалась подходить к телефону, плакала, закрывшись в своей комнате, и почти не ела. На вопрос Ивана Антоновича, что с ней случилось, сорвалась на крик: «Да ничего не случилось! Что вы ко мне пристали? Что вы душу из меня вынимаете? Лучше бы в приюте меня оставили, вам спокойнее было бы... Ну что?! Что уставился? Уйди! Без тебя тошно!»

Иван Антонович приступил с вопросами к жене. Скры-

вать Аринину биполярку стало невозможно. Новость полковник переживал тяжело, пил сердечные лекарства и повторял как заклинание: «Но ведь можно же вылечить? Можно ведь вылечить, что ж мы раньше-то не лечили, Верочка, что ж ты молчала, неужели думала, что у меня любви не хватит на девчонку? Как ты подумать могла!»

Второй инфаркт Вечеслов перенёс на ногах: разрыв сердечной мышцы был микроскопическим и пришёлся по постифарктному рубцу. От госпитализации полковник отказался: «Дома отлежусь, дома и стены лечат». И действительно отлежался и встал.

На домашнем совете Арину решили не трогать. Добиться от неё каких-либо объяснений было невозможно. Хорошо, хоть таблетки пьёт, не отказывается. И занимается, не бездельничает. И не срывается больше, держится, значит, на убыль пошло, радовался Иван Антонович. Вера Илларионовна молчала. Второй инфаркт за пять лет, и оба из-за Арины. Третий, врачи говорят, будет последним.

Двадцать пятого мая для одиннадцатых классов традиционно провели церемонию «Последнего звонка». Сюрпризом стал поход в лесничество, где посреди поляны, прямо на траве лежали молодые берёзовые саженцы. Каждый выбрал себе берёзку, чтобы посадить на школьном дворе. За дело взялись с воодушевлением, лопат хватило всем, на ведра была очередь.

Арина повязала на своё деревце шёлковую ленточку. Пять дней она приходила к берёзке «в гости», гладила по листочкам, поливала удобрениями для плодовых деревьев и обещала заботиться, пока деревце не подрастёт. О детях надо заботиться, а она совсем малышка...

На шестой день берёзка исчезла.

...Пятая, шестая, седьмая... От восьмой, Ариной, осталась ямка, в которую кто-то высыпал содержимое мусорного бака. Рядом валялось грязное пластмассовое ведро с привязанной к дужке зелёной шёлковой ленточкой. Помойная бадья.

В седьмом классе Арина, устав от издевательств Родина сотоварищи, сочинила жестокий стишок. Юрку Бадехина с того дня прозвали Бадьёй (добавляя мысленно «помойная», потому что вслух добавлять было опасно для жизни, как пишут на электрических щитах высокого напряжения). Он помнил обиду пять школьных лет. И теперь отомстил за «помойное» прозвище.

Берёзки вырастут, станут берёзовой рощей, а Арина будет приходить и вспоминать ту, восьмую во втором ряду, которой нет. А могла бы жить, каждой весной просыпаться от зимнего сна, тянуть из земли корнями волшебную живительную воду и гнать её по стволу вверх, к листьям. За что погубили берёзку? За её, Аринины, грехи? Не она начала ту войну, она просто защищалась. Как смогла.

Арина смотрела в небо, где теперь жила берёзкина душа,

и шёпотом просила прощения: «Если бы тебя посадил кто-то другой, ты бы сейчас радовалась солнцу... А тебя сломали, как меня».

На выпускной вечер она идти не собиралась. Вечесловым сказала, что пойдёт, надела своё любимое вишнёвое платье, выслушала бабушкино недовольство по поводу:

– Все белое наденут, и будешь как ворона. Придумала тоже, в вишнёвом...

– Ба! Я и так ворона, так не всё ли равно, что на мне надето?

– Да Бог с тобой, иди в чём нравится.

Жаль, что никто не увидит – платья. И туфель жаль: на тротуарах после дождя лужи и грязь, а ходить придётся долго... Арина подумала и надела старые, а «бальные» сунула в полиэтиленовую сумку. Сдержала рвущийся из груди вздох, накинула плащ. И заставила себя улыбнуться.

Прохожие оглядывались на девушку в нарядном плаще, из-под которого выглядывало вишнёвое длинное платье. Куда это она – в таком? Арина не замечала взглядов. Первые робкие капли дождя сменились холодными безжалостными струями. Она зашла в ювелирный магазин, где было тепло и сухо, и долго бродила между витринами, рассматривая украшения под бдительным взглядом охранника. На улице Рабочей, в ретроградном кинотеатре «Глобал Синема» купила билет на свой любимый фильм «Ярославна – королева Фран-

ции». Выпила в буфете стакан лимонада и съела песочное пирожное, запоздало вспомнив, что сейчас Петров пост.

У Вечесловых постов не соблюдали: «Ешь, что на столе, и не привередничай. Ты не в монастыре, ты у себя дома». Арина доела пирожное, облизала пальцы и вытерла их салфеткой. Да в конце-то концов! У неё же праздник, выпускной вечер. Одиннадцатый «А» сейчас, наверное, сидит за праздничным столом и объедается сладостями...

Отдала изумлённым контролёрам свой билет и вышла из зала на улицу. Ноги сами привели к зданию школы. Окна актового зала были ярко освещены, в них мелькали танцующие пары. Во дворе кучками стояли родители. Слава Богу, что Вечесловых здесь нет.

Дождь шёл не переставая – словно оплакивал этот день. Арина поглубже надвинула капюшон и поёжилась. В школьном вестибюле тепло. А плащ промок насквозь, и туфли тоже. Она только высушит у калорифера подол платья и переобуется.

Новые туфли – Арина купила чёрные, лаковые – с платьем смотрелись идеально. Она пойдёт на вечер. Назло самой себе.

Двери актового зала были распахнуты настежь, оттуда рвалась живая музыка (оркестр пригласили настоящий, камерный). Арина вошла. Её обступили девчонки из одиннадцатого «А»: все во «взрослом» макияже, маникюре, на каблуках и в белых платьях.

– Арин, ты чего так поздно... Волосы распустила, тебе идёт! А чего ты с косами весь год ходила? А почему не в белом платье? И туфли чёрные. Арин, ты с ума сошла, что ли?

Через три минуты Арина уже знала, что оркестр играл «старое старьё», под которое никто не танцевал, стояли и подпирали стенки. Что мальчишки ушли в пустой класс, заперлись там, а вернулись пьяные. Что оркестр, воспользовавшись перерывом, тоже, вероятно, остограмился, потому что играл уже «хайпово, лечь не встать», и оба одиннадцатых класса – «ашки» и «бэшки» – танцевали так, что «чикануться можно».

Чикануться и уж тем более лечь не встать Арине не хотелось, и она решила подождать, когда объявят вальс. Через два танца ведущий объявил в микрофон последний танец. Как? Уже последний? Она не собиралась идти на этот вечер, а теперь жалела, а теперь хотела – танцевать. В вишнёвом длинном платье, с вишнёвой заколкой-цветком в волосах. Но к ней никто не подходил и не приглашал. Арина хотела уйти, и уже сделала шаг в сторону дверей, как ей преградил дорогу... пьяный Бадехин.

– Вы всё ещё не в белом? Тогда мы идём к вам. Рр-рыз-решите вас пригласить? Тебя, то есть – поправился Юрка.

Лица коснулось кислое дыхание. Какие помои они пили, запершись в классе? Арина помотала головой и спрятала руки за спину. На помощь никто не спешил. Но есть же дежурные учителя... где же они? Почему они позволяют такое –

на выпускном вечере?

– Не хочешь? Ну извини, я подшофе, такое дело... – Юрка пошатнулся, ухватил Арину за руку, и громко рыгнул. – Изз... звини ещё раз.

Сзади послышались смешки и шушуканье. Девчонки! Видят и не спешат помочь – дошло до Арины. Зачем звать дежурного, когда можно так славно развлечься. Любо-мило.

– Ты не подшофе, ты в говно, Юра. От тебя помойкой пахнет. – Арина вырвала у него свою руку и вышла из зала, подобрав подол длинного платья. Бадехин нехорошо смотрел ей вслед.

Сдёрнула с вешалки плащ, схватила сумку с «уличными» туфлями и выбежала вон. У школьного крыльца её ждали Вечесловы. Пришли всё-таки. Как хорошо, что они пришли!

От глаз полковника не укрылось, как Арина испуганно оглянулась на дверь.

– Натанцевалась? А на банкет почему не осталась? И на экскурсию... куда вы там собрались?

– В парк Свободы, потом на пристань «Чайкин Берег», на катере кататься, – скучно ответила Арина.

– На «Чайкин берег»? Пешком? Это далеко, – сказал Вечеслов и протянул Арине зонт.

– Какой парк?! Какой катер в двенадцать ночи? Что там увидишь, в потёмках... – начала было Вера Илларионовна.

Муж сжал её руку:

– Вера... Она сама решит. Уже решила. Да, Арина?

– Я ноги промочила. И... домой хочу.

– Домой, домой, в дождь какое гулянье... Отпразднуем твоё освобождение, – улыбнулся Иван Антонович. – Чаю попьём с тортом и спать ляжем. Мы торт купили... заказали, праздничный. А завтра поедем на аттракционы, душу вытряхнем. Я сто лет не катался. И на Кличен поедем, если силы останутся.

Хорошие у неё опекуны. Не ругают, что на ужин не осталась, а ведь они за него заплатили. И за катер...

Арина поёжилась.

– Замёрзла? Я кофту тёплую тебе принесла, надевай. – Вера Илларионовна стащила с неё плащ, помогла надеть кофту и сама застегнула пуговицы, как когда-то в приюте Святого Пантелеймона. – И сапоги надевай резиновые. Темно, никто не увидит. Или по лужам пойдёшь, в лаковых туфельках?

– Баба Вера... Ты всегда будешь меня любить? И когда мне восемнадцать исполнится, тоже? За меня опекунские платить не будут с восемнадцати, и я вам буду... чужая.

Вера молча размахнулась и крепко шлёпнула внучку.

– Ба-аа! Ты чего! Больно же!

– А чтобы крепче помнила: чужих детей не бьют.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПОСЛЕ ДЕТСТВА

*«Не допусти, чтобы твоя любовь к ближнему
была короче его несчастья»*

/Св. Филарет, митр. Московский/

Глава 17. Учебная практика

– Риточка, подскажи, что нам с Аринкой нашей делать...

Она в институт поступать надумала, в московский медицинский. Это далеко. Страшно одну отпускать. Последний год с ней такое творится... Училась хорошо, а ЕГЭ сдала с трудом, чуть не завалила.

– Отсутствие медикаментозного лечения приводит к развитию самых нежелательных последствий. На учёте девочка не состоит, у врачей постоянно не наблюдается, от случая к случаю. Так чего же вы хотели?

– Да какой учёт, Рита! О чём ты говоришь! Она о медвузе с седьмого класса мечтает, психиатром хочет стать, лекарство от биполярки придумать. А на учёт поставить, ей тогда справку не дадут, медицинскую»

– Это да. А как у неё этот год прошёл, спокойно или были стрессы? Что ты молчишь? Были?

Вера вспомнила Заселье. Никиту, с которым Арина категорически отказывалась общаться в весенние каникулы, он приходил каждый день, потом перестал приходить. Как плакала Арина из-за берёзки. Как переживала из-за ЕГЭ и горстями глотала успокоительное. Как убежала с выпускного вечера. Стрессов у девочки было достаточно, а ведь с её заболеванием даже фильмы смотреть можно не все, а только с хорошим концом. Она справилась с собой – ценой истрё-

паннных нервов, своих и Вериных. Ведь невозможно на это смотреть, на эти её слёзы...

– Стрессы были, конечно, но сейчас вроде ничего... Смеяться стала. Она ж с весны как сомнамбула ходила, а тут – такая целеустремлённость, такая уверенность в себе. И это не эйфория, Рита. Она экзамены сдавать собирается, вступительные. С таким ЕГЭ конкурс точно не пройдёт. Другая бы плакала, а она – сдам, говорит, экзамены и поступлю.

– Вера, это не выздоровление, это ремиссия. Она в любой момент может смениться рецидивом, а девочка будет одна, без вас. И кончится это больницей. Оно вам надо? Вера, уговори её, есть же в Осташкове университет, не медицинский, но высшее образование...

– Ты о «Синергии»? – перебила её Вера. – Он негосударственный, не бюджетный, у нас таких денег нет.

– Ну, как знаешь, Вера. Ты спросила, я ответила.

Мечта о медицинском университете не сбылась: Вера Илларионовна серьёзно заболела, гипертония и стенокардия навалились разом, с работы пришлось уйти, а от лекарств, которые надо было принимать каждый день, нарушилась координация движений. К Аринину ужасу, бабушка делала всё пугающе медленно – вставала, садилась, поворачивалась – и часто ложилась отдыхать. В магазины ходить не могла – боялась упасть от внезапного головокружения.

Дедушку после второго инфаркта тоже следовало беречь.

Впрочем, полковник так не считал. И уверял Арину, что они справятся, всю жизнь справлялись, никто не помогал, а у неё своя жизнь, и ей надо учиться.

Вера Илларионовна согласно кивала.

Как она будет – одна? Иван Антонович в сентябре уедет Москву, читать лекции в МИФИ: жить вдвоём на две пенсии несладко. Втроём, поправила себя Арина. В будущем году ей исполнится восемнадцать, опекунские выплаты прекратятся. В Твери придётся жить на стипендию, Вечесловы, конечно, этого не допустят и будут присылать деньги, отрывая от себя... Они и так с ней мучились пять лет, наступило время отдавать долги.

Из трёх колледжей Осташкова она выбрала ветеринарный. Это ведь тоже медицина, а животные тоже твари божии. Надо же кому-то их лечить? Мечту о медицинском вузе Арина принесла в жертву с чувством радости. Она останется со своими стариками, пока будет им нужна. Кто о них позаботится, кроме неё?

Учиться в ветеринарном техникуме оказалось труднее, чем в школе: сдвоенные уроки-пары длились около двух часов, перерыва хватало только на то, чтобы перебежать из аудитории в аудиторию, а от названий учебных дисциплин брала оторопь. На первом курсе было восемнадцать предметов, это даже больше чем на втором. Из специальных – анатомия и физиология животных, гистология, биологическая

физика, органическая и физколлоидная химия, гистохимия, ветеринарная генетика... Был даже латинский язык (рецепты в ветеринарии выписывали на латыни), от которого плакала вся Аринина группа, кроме самой Арины: латынь в православной гимназии входила в число обязательных дисциплин, ей осталось только вспомнить пройденное, что не составило большого труда.

Кроме специальных, изучали и общеобразовательные предметы: неорганическую химию, иностранный язык, отечественную историю, биологию, политологию, культурологию, правоведение... Учить приходилось до посинения, совмещать занятия с работой не получалось, а перед зимней сессией за учёбу взяли даже самые упоротые лентяи и клинические бездельники.

Новый год Арина впервые в жизни встречала не дома. Словно распахнулись двери в восхитительную жизнь, которой она прежде не знала, и в которой неожиданно стала своей. Праздничный стол в общежитии накрывали вскладчину. Арина принесла пироги, которые пекла вдвоём с бабушкой.

«Пироги-то с чем? Капустные будни студента?»

«Не угадали. Этот с белыми грибами и рисом, а этот с мясом. А тесто слоёное»

«Аринка!! Что бы мы без тебя делали? Жевали бы салатики, а шампанское яйцами всмятку закусывали»

«Шампанское яйцами не закусывают»

«А мы и не будем, мы будем пирогами!»

«Женька, Галка, Валя! Вас только за смертью посылать, втроём один салат полчаса крошите...»

«Мы не один, мы три сделали, несём уже!»

«Сообразили на троих девчонки...»

«Фужеры на стол! Наливаем, выпиваем и снова наливаем... За нас, ребята! За первую сессию! За будущую практику! За процветание крупного рогатого и преподавательского состава!»

Арина хотела сказать, что шампанского ей нельзя, она же на таблетках. И осеклась. Если пить по глоточку за каждый тост, то ничего с ней не делается от бокала шампанского. Арина мужественно глотнула. Шампанское оказалось похожим на газировку.

Под дружное звяканье вилок опустошались миски с салатами, исчезали с принесённого Ариной овального блюда слоёные пироги, нарезанные ломтями, сердито шипела минералка, с бульканьем лился в подставленные стаканы ананасовый сок. У Арины сияли глаза. О биполярке никто не знает и не узнает, ремиссия длится уже почти год, она такая же студентка, как все. Какое же это счастье – быть как все!

Свои первые студенческие каникулы она собиралась провести вдвоём с бабушкой. И тут неожиданно приехал из Москвы Иван Антонович («Как же неожиданно? У тебя каникулы, и у моих студентов тоже!») и отвёз их на дачу. Арина каждый день каталась с дедом на лыжах и радовалась, что не увидит Никиту, который поступил, наверное, в новорос-

сийский Морской университет, о котором прожужжал ей все уши.

Арина счастливо вздохнула: в вечесловскую калитку он больше не позвонит.

Позвонили.

– Арина, пойдй посмотри, кого там в гости принесло...

По расчищенной от снега дорожке Арина бежала вприпрыжку. Распахнула калитку – и улыбка исчезла с её лица. Перед ней стояла Елена Станиславовна, мать Никиты. Та самая, которая назвала Ариных родителей быдлом.

Арина стояла, загораживая проход, и не собиралась впускать её во двор. Елена Станиславовна поздоровалась первой.

– Здравствуй, Арина. Тебе письмо от Никиты... Четыре письма. И фотография. Он твоего адреса не знал, на наш писал, я подумала, вдруг ты приедешь, и привезла. Извини, но я их прочитала. Должна же я знать, о чём он тебе пишет.

Арина молча кивнула, взяла из её рук стопку распечатанных конвертов и порвала их на клочки.

– Можете быть спокойны, Елена Станиславовна. Отвечать я не буду и жизнь вашему сыну не испорчу.

Повернулась и ушла в дом, не забыв закрыть за собой калитку на магнитный замок. На вопрос Вечеслова, кто звонил, ответила, что никто, мальчишки балуются.

◆◆◆

На своё совершеннолетие она никого не пригласила: последствия новогоднего сабантуя были печальными, вино ей

пить нельзя категорически, сказать об этом одноклассникам тоже нельзя, и тоже категорически. Вечеслов приехал в субботу, с огромным букетом цветов. «Букет вам с бабушкой пополам. Аринка, шагом марш за подарками, они внизу, в машине, еле в багажник поместились».

Но главным подарком стал звонок из пенсионного фонда, куда Арину пригласили для «возобновления выплаты пенсии по утрате кормильца», которая до сих пор выплачивалась Вечесловым, а с восемнадцати лет полагалась «обслуживаемому лицу», то есть Арине. При себе иметь паспорт, сберегательную книжку на своё имя, трудовую книжку, если она есть, и справку учебного заведения с печатью и подписью ректора.

Арина бросила трубку и помчалась в сбербанк, открывать счёт.

О пенсии она не имела ни малейшего представления. Вечесловы, оказывается, получали на неё не только опекунские деньги. Оформили пенсию, а ей даже не сказали... и сняли все деньги подчистую, оставили только пятьдесят рублей, чтобы не закрылся счёт. Да как они могли – молчать и тратить её деньги?! Им же платили опекунские!

Арина непроизвольно сжала в кулаке ручку, которой писала заявление. Сотрудница пенсионного фонда поняла этот жест по-своему:

– Я понимаю... Всё понимаю.

Арина машинально схватилась за щёку, на которой остал-

ся след, как от удара кнутом. Синяк был просто восхитительный – длинный, через всё лицо, багрово-синий. И губа рассечена, кажется. Арина облизнула губу и поморщилась. И увидела обращённый на неё жалостливый взгляд. Не объяснять же что синяк от коровьего хвоста, которым Арина получила по лицу во время практики. Или объяснить? Ещё подумает, что это опекуны приложили. Арина рассмеялась.

– Это мне на практике... приложили. У нас практика на ферме, я кровь брала, из подхвостовой вены.

– И что? – не поняла инспектор.

– И мне корова хлестнула хвостом по лицу. Кончиком хвоста.

Инспектор Арине не очень-то поверила, но «углублять тему» не стала.

– Опекунские деньги платят до исполнения восемнадцати лет. А пенсия социальная, с гулькин нос... Хорошо хоть такая есть. К стипендии добавишь, и можно жить. Опекуны-то помогают, или открестились от тебя? У нас такое часто бывает...

– Помогают, – выдавила Арина и покраснела.

Как она посмела думать так о Вечесловых? Как она могла?! Её кормили, поили, одевали, терпели её депрессии и слёзы, возили каждый год на экскурсии в Москву, Санкт-Петербург, Выборг, Гусь-Хрустальный, в музей хрусталя... Платили за визиты частному врачу-психиатру, и за лекарства тоже платили. Врач, которого Вере Илларионовне поре-

комендовала Маргарита, оказался хорошим специалистом: комплекс препаратов обеспечил стойкую ремиссию, позволяя радоваться не впадая в эйфорию и огорчаться не испытывая отчаяния. Быть такой как все.

– Они у меня хорошие. Они меня любят, и я их люблю, и никогда не брошу, – сказала Арина, глядя инспекторше в глаза. Та отвела взгляд...

Опекунские деньги Вечесловы не тратили, оставляли на сберкнижке. На эту же книжку переводили пенсию по утрате кормильца, полагающуюся Арине как круглой сироте. Деньги девочке пригодятся, а пока незачем ей о них знать.

Из дневника Арины

«Ура! Ура! Ура! Я первокурсница!!! В нашей группе шестнадцать человек, двенадцать девчонок и четверо ребят, и все как-то сразу подружились. Студенты веттехникума именуют себя ветами, а старшекурсники – старшими товарищами. Хотя какие они нам товарищи, если зовут нас недоэволюционировавшими кроманьонцами и говорят, что мы не знаем, где сердце и сколько ноздрей у лошади. И дают высокомерные советы, как первокурснику дожить до диплома:

«Запомни, студент: твой диплом твои проблемы. Ты привык, что в школе тебя тянули за уши? Забудь об этом.

С первого курса отчисляют нещадно. Самый мощный поток отчисленных сливается в канализацию после первого се-

местра.

Преподам фиолетово, доползёшь ли ты до диплома. Никто не будет за тобой бегать с просьбами сдать наконец зачёт. И родителей в деканат вызывать не будут.

Прогуливая занятия, можно попасть в «чёрный список». И тогда – ждите неожиданного. На экзамене вам предложат показать конспекты пробакланенных лекций.

Учти, что пофигистское отношение препода к посещениям его лекций может обернуться жесткачом на экзамене.

Перед тем, как сдавать заказанную или скачанную работу, перепиши её своими словами и сделай в ней пару ошибок. Иначе будешь пойман на халяве.

Вливайся в коллектив. Не бойся однокурсников – им тоже страшно.

Не надейся, что учебник тебе поможет. Основной источник знаний – лекции. Часть материала можно найти в интернете, но многое ещё не попало во всемирную паутину. Поэтому придётся топтать в библиотеку, делать выписки и ксерокопии. Лихо-лихо!»

Настоящего лиха первокурсникам пришлось отведать весной. Лихо именовалось учебной практикой и входило в учебный процесс.

Полгода Аринина группа усердно конспектировала лекции и раскладывала пасьянсы из костей в кабинете анатомии. Кости, рассыпанные как попало, надо было собрать в скелет.

Инна Ветлугина умудрилась собрать из коровьих, овечьих и свиных костей скелет диплодока, подкласс архозавры, отряд ящеротазовые, как она объяснила удивлённому преподавателю.

В марте первокурсников взяли на вилы, как прокомментировали «старшие товарищи» учебную практику. Комментарий препода был более определённым: учебная практика – обязательная часть учебного процесса, кто не сдаст, лишится стипендии, как за академическую задолженность. Обязательной частью практики было написание отчёта и заполнение дневника. В дневнике хотелось написать о многом, а надо было излагать сухие факты. Арина вела два дневника: один для преподавателя, другой для себя.

Из дневника Арины

«Вместо положенных двух недель наша практика длилась целых три, с выездом на «предприятие», то есть на ферму, хозяин которой отдал своих коровушек породы англер на растерзание недоучившимся ветеринарам. Работали мы по четыре часа в день, иногда и полный рабочий день.

Перед началом «эксперимента с неуправляемыми последствиями» фермер прочитал нам ознакомительную лекцию, из которой следовало:

А. Коровы породы англер плохо переносят жару, но легко выдерживают морозы и влажность (чего нельзя было сказать о нас, ведь температура в коровнике была отнюдь не летняя и даже не весенняя, а мы в халатах).

Б. Достоинства англеров: неприхотливость в рационе; высокое качество молочной продукции; сочное мясо с отличными вкусовыми качествами (мяса нам попробовать не придётся, коровушек явно не хватит на всех, пошутил хозяин фермы).

В. К недостаткам англеров относятся индивидуальные особенности характера у некоторых особей. Со временем человек привыкает к нраву коров.

Последний пункт не вдохновлял. Времени на привыкание к англерскому нраву (не путать с ангельским) у нас не было, и мы надеялись, что коровы привыкнут к нашему. Зря надеялись».

Из лекционного материала

«Практика дает студентам возможность закрепить полученные теоретические знания и научиться применять их в «боевых» условиях. Замечу, что каким бы ни был студент, учебная практика обязательна.

Особое внимание уделяется вопросам организации рабочего места, охране труда и производственной санитарии.

По завершении практики составляется отчёт, в котором учащийся отражает краткую информацию о предмете исследования, задачах и целях практики и актуальности проблемы. В заключительной части рассказывается о результатах исследования и достижении поставленных целей и задач».

Из дневника Арины

«На ферме было несколько больших коров, и мы не просто

отрабатывали навыки, мы лечили, потому что на дебильной ферме не было денег ни на лекарства, ни на нормальных специалистов.

Вообще-то ветеринарный фельдшер не имеет права вести полноценный прием и может лишь работать ассистентом ветеринарного врача. Но на проклятой ферме врачей никаких не было, были только скотники и пастухи. А вместо ветеринаров – студенты. Практику здесь проходили все три наших курса, учебную и производственную, а владелец фермы за это ещё и деньги получал, как предоставивший «учебный материал» для наших тренировок. Садист».

Вера Илларионовна с удовольствием смотрела, как приёмная внучка ест – уминая всё подряд и уверяя, что «вкусно невероятно, язык проглотишь!». Как засыпает – едва донеся голову до подушки. Как бегом бросается к телефону – «Ба, не вставай, это наши звонят, из группы».

За всей этой суетой Арина не вспоминала о таблетках. А зачем они, если всё хорошо? Если группа дружная, преподаватели строгие, но справедливые, латынь она знает лучше всех, а на ферме чувствует себя не студенткой, а настоящим ветеринаром.

Из дневника Арины

«В первый день ни у кого ничего толком не получалось. На помощь пришли жёщины-скотницы. «Глядите, студенты» – и спокойно брали кровь, и коровы стояли спокойно.

Тётки, не имеющие никакого отношения к ветеринарии, одним ударом пробивали вену и смотрели на нас снисходительно. Меня бесили тупые иглы для взятия крови, и было очень жалко коров, на которых мы тренировались. Я купила в аптеке одноразовые иглы и ими брала кровь, осторожноенько. Коровам это нравилось. А тёток просто бесило.

Подставили они меня капитально. Сказали, что из подхвостовой вены брать кровь удобнее и проще, способ эффективный, и корову не надо фиксировать, привязывая за голову к столбу. Я спросила: «А как тогда её фиксировать?» Они говорят, фиксировать вообще необязательно, она и не почувствует ничего.

Я решила попробовать. И получила по лицу с размаху – хвостом, вымазанным коровьим дерьмом (корова была больна, понюсила часто). По губам прямо! И после весь день мечтала о говяжьем гуляше, и конкретно из этой коровы».

«Забор крови мы делали из яремной вены, находящейся в верхней трети шеи. Чтобы коровушки шибко не бегали, их помещали в раскол – узкий деревянный коридорчик. Картина маслом: мы пытаемся взять кровь, коровы пытаются подцепить нас на рога, шкура у них как у бегемота, с первого раза не проткнёшь, а ещё рога и копыта, и всё это они пускают в ход против нас, студентов.

Однажды я, забыв об осторожности, перегнулась через раскол. И оказалась между двумя досками, а внизу была зафиксирована корова. Ну, то есть, это я так думала, что

она зафиксирована, а корова думала по-другому. К тому же ей не нравилось, что я тычу ей иголкой в шею. Она задрала голову и пришила меня к верхней доске. Выпрямиться невозможно, подо мной беснуется корова, и всё это сопровождается моими криками: "Уберите кто-нибудь эту тварь, она ж меня убьёт!", воплями преподавателя "Да сделайте же что-нибудь, она ж её убьёт!" и истошным мычанием коровы. Какие-то парни оттащили корову и вытащили меня...»

«На ферме есть телята. Большеголовые, милые и нежные. То есть, они были милыми, пока мне не пришлось вместе с пастухами загонять рогатую молодежь в раскол. Все наши наблюдали, как я носилась между телятами с нечленораздельными воплями, ибо заходить в раскол они отказывались наотрез. Порода англер редкостно мерзостного характера. Загнала одного, другого, третьего... Раскол уже почти полный, я оказалась почему-то внутри, всем смешно, мне тоже, и тут последний бычок бьёт мне по коленке копытом...»

«По нормам, работать полагается в перчатках. Но, во-первых, они как-то быстро рвутся. Во-вторых, рукой в перчатке невозможно нащупать вену. А в-третьих, можно делать фотки, будто ты серийный убийца.»

После второго курса Арина изнемогала от желания применить знания на практике. Вечесловы не обязаны её содер-

жать, а они содержат. Пенсию «с гулькин нос» Арина отдавала бабушке, но это копейки, на них не прожить.

Вере Илларионовне исполнилось пятьдесят шесть. Стенокардия беспокоила её только в межсезонье, в остальное время года она неплохо себя чувствовала и брала на дом работу из бюро переводов. Иван Антонович договоров с вузами больше не заключал, или они с ним не заключали, Вера не спрашивала. Хозяйство вела экономно, в поездки Вечесловы больше не ездили: зачем куда-то ехать, когда у них в Заселье зимний дом, уютный, тёплый, комфортно обустроенный, у самого озера.

В Заселье была ветклиника, и на летние каникулы Арина устроилась туда ассистентом ветеринара, что было очень большой ошибкой.

В первый же день при ней усыпили пса. Он как будто понимал, зачем его привезли, из собачьих глаз лились слёзы, и смотреть на это было очень больно. Арина плакала вместе с хозяевами, потому что вылечить его было невозможно, пёс мучился, хозяева тоже... Потом привезли кошку, которой девочка разрезала ножницами живот, чтобы посмотреть на нерождённых котят.

Ветеринар ничего не мог сделать, молча стоял и смотрел. Арина вспоминала древнюю эпитическую заповедь медицины: прежде всего – не навреди! Навредить больше, чем есть, было уже невозможно: кошка умирала, мучительно содрогаясь и перебирая лапками, словно пыталась убежать от смерти,

ведь что тогда будет с её котятками...

Усыпления, судороги у животных, агрессивные кошки и собаки, которые кидались на дверь клетки, как только ее открывали, чтобы сделать укол; котята с инфекциями, которых можно трогать только в перчатках и специальном халате; огромная собака, страдающая парвовирусом...

Арина страдала вместе с ними и не могла уйти. Не могла – оставить в беде. Найти другого ассистента летом почти невозможно, а животных, как назло, везли в ветклинику и днём, и ночью: сжевавших катушку ниток, проглотивших иголку, перегревшихся на солнце до теплового удара, чихающих и кашляющих – потому что жарко и не вылезали из бассейна. Слепших, потому что дети им давали много сладкого. Страдающих поносом от дешёвого собачьего корма, который оказался некачественным...

Арина работала через день, двенадцать часов на ногах. А ночью ей снилась ветклиника, и старенький котик, который однажды вскарабкался Арине на руки и обнял лапками. Оказывается, он всегда такой был, когда хозяева приходили, тоже их обнимал. А через день его усыпили: динамики от лечения не было.... «Господи, если Ты есть... За что им всё это? Они же не виноваты, что хозяева такие... незаботливые. Ну что за жизнь!»

Господь не ответил. За него ответил Блаженный Августин, во сне похожий на того самого котика. А может, это он и был? «Никакие частицы наших тел, как бы ни были они

рассеяны, хотя бы тела наши истлели, хотя бы были сожжены, не погибают для Бога. Они переходят в те стихии, из коих взяты рукой Вседержителя».

Августину хотелось возразить.

Уставала она ужасно. Приходила домой и без слова валилась спать.

– Аринка, опять голодная легла?

– Я не голодная, я не хочу...

– Ты днём ела что-нибудь?

– Да...

При виде еды сжималось горло. Но бабушка заставляла ужинать, есть приходилось через силу, желудок упрямо сопротивлялся. На баобаб она теперь была похожа меньше всего. Вот бы Никита увидел...

Арина поняла, что без таблеток с работой не справится. С таблетками тоже не справится.

– Ариша... Но ты ведь хотела – стать ветеринаром.

– Я хотела – врачом, хотела лечить, – захлебнулась слезами Арина.

– Так учись! Тебе остался один год. Выучишься и будешь лечить.

– Кого лечить? Коров? Зачем? Чтобы был хороший убойный выход? Ба, ты знаешь, что такое убойный выход? Это отношение массы мясной туши к массе животного перед убоём. Это сколько говядины получится без костей, без копыт и

без кишок. Я для этого учусь? Лечить предубойную массу? – Арина уже кричала, в бессилии сжимая кулаки.

Господи, опять это с ней началось. Не уследили мы с Иваном. Не надо бы ей в этой клинике работать... Да разве она послушает? Вера тяжело вздохнула.

Арине стало стыдно: накричала на бабушку, будто она виновата, что Арина не может работать, сидит на шее у Вечесловых и не собирается слезать.

– Ну, не хочешь коров, собачек лечи.

– Я... не могу...

– Ну, раз не можешь, то и не надо, – бормотала перепуганная бабушка. – И не надо...

– Не может она. А другие могут? – вступил Вечеслов. – Ведь кто-то же должен их лечить?

– Дед, ты видел, как они умирают? Ты глаза их видел?

◆ ◆ ◆

– Что ж вы, голубушка, так раскисли... Вон, бабушку с дедушкой напугали, на них лица нет. С биполяркой второго типа можно жить нормальной жизнью, она не влияет на интеллект, не деформирует психику. Вот с первым типом вы бы...

– Не надо мне рассказывать про первый тип, – остановила Арина врача, который вознамерился прочитать ей лекцию о её заболевании. – Я в интернете читала.

– Ну, если читала, то должна знать, что первый приступ психоза обычно случается в юности. Затем заболевшие со-

храняют адекватность и ясность сознания всё время, за исключением приступов депрессии или эйфории. В нашей клинике к устранению симптомов добавляется введение пациента в ремиссию и её поддержание в течение как можно более длительного времени.

– В клинику я не лягу. Мне учиться надо.

– Расскажите, что конкретно вас мучает, – сменил тему врач. – Попробуйте сформулировать. Нежелание жить, неспособность справиться с проблемами...

Арина помотала головой:

– С проблемами я справляюсь. На работе говорят... говорили: видно птицу по полёту. И жить мне не надоело, мне девятнадцать только...

– А почему – говорили? Сейчас, значит, не говорят?

– Потому что я уволилась, – отрезала Арина.

– А почему в постели лежите? Погода хорошая, вода в озере тёплая... в чём тогда дело?

Врач ожидал рассказа о неудовлетворённости достигнутым и о душевном одиночестве. Вместо этого Арина рассказала ему о своей учебной практике и о ветеринарной клинике.

– ...Со скотиной на ферме справлялась, в коровниках холод жуткий, а мы там по четыре часа, иногда и дольше... И ничего, никакой депрессии. С англерами справлялась, у них характер не дай Господи. А с этими... в ветклинике не могу! Они... такие милые, пушистые, беспомощные. Им надеяться

больше не на кого, только на нас, ветеринаров. Мы их лечим, всё для них делаем... А они умирают.

– Выходит, мы с вами коллеги? – пошутил врач. А потом перестал шутить, потому что Арина рассказала ему об Эльзе, афганской борзой, которая лежала в ветстационаре. Лежала, а потом встала, потому что они её вылечили! Случай был не из лёгких, выздоровление праздновали всей клиникой, хозяйева Эльзы привезли шампанское, и цветы, и ещё много всего привезли для клиники: шприцы, лекарства, пледы, сухой корм... И пока выгружали всё из сумок, их двенадцатилетний сын парковал во дворе машину. А Эльза выбежала и уселась под машиной, караулить: поняла, что за ней приехали, что – домой поедет.

– А он не видел, вы понимаете? Он просто не видел... Хвост защемило колесом, собака дёрнулась и сломала позвоночник.

– И... что?

– И всё. Усыпили. Сначала снотворное, потом... укол. От него сердце останавливается. Она счастливая такая... уснула, у хозяйки на руках.

Арина замолчала и уткнулась в подушку.

От Вечесловых не укрылось странное выражение лица, с которым врач вышел из Ариной комнаты. Тихо притворил дверь. И прочитал Вечесловым длинную лекцию о биполярке – не ту, которую Вера слышала от Маргариты, и не в тех выражениях, которыми он говорил с Ариной.

– Сама захотела работать. Разве её удержишь? – оправдывалась Вера. – Всё с ней нормально было, учиться нравилось, группа дружная... Мы подумали, пусть в каникулы поработает, девятнадцать лет, пора уже. Ну и разрешили.

– Она с двенадцатого этажа прыгнуть захочет, вы ей тоже разрешите?

– Мы на четвёртом живём...

– С четвёртого тоже не сахар, – подумав, изрёк психиатр, и Вера согласно кивнула.

– Давно у неё подавленное настроение?

– Да какое подавленное?! Вчера тарелки переколотила, из серванта. Я её заставила, сказала, из-за стола не выйдешь, пока не поешь. А она —тарелку об пол! Я другую из буфета вынула, перед ней поставила. Она и другую... и третью. И четвёртую. Потом кухню подметала. И просила прощения.

– То есть, вы видели, что у девочки анорексия, что она не может есть, и вместо того чтобы уговаривать, принуждали. Да ещё такими методами, – констатировал врач.

– Какими «такими методами»? – не выдержал полковник. – Что, ремнём её лупить, чтобы ела как следует? До утра из-за стола не выпускать? Последнее пробовали. Так она за столом уснула, головой на тарелке. Вы что же, думаете, мы её не любим? Но она непереносимо испытывает наше терпение... а мы с Верой жить без неё не можем!

– Пол-лета она такая. Ночью заглянешь – не спит, в пото-

лок смотрит, – вступила Вера Илларионовна. – А то уйдёт на весь день, до вечера не появится. И думай, где она. Мы с дачи уехали из-за неё. Думали, в городе ей полегче станет. Да и перед соседями стыдно...

– А с соседями что у вас произошло? – мягко поинтересовался психиатр.

– Да мальчик соседский... Он в мореходке учится, из Новороссийска на каникулы приехал. Мать жаловалась – не успел в дом войти, вещи бросил и сразу к Аринке... А она его матом, на всю улицу. Да каким!

– Площадным. В техникуме своём наслушалась, – миролюбиво объяснил полковник, которому Арина рассказала, в каких выражениях говорил о ней Никита со своей девушкой, и взяла с него слово молчать.

– Говорю, рот тебе с мылом вымыть? Или сама вымоешь? А она мне: я же быдло, и разговаривать должна соответственно. Господи ты Боже мой! – в сердцах воскликнула Вера. – Обещала, что больше такого не повторится. Я говорю, мне из-за тебя чуть с сердцем плохо не стало. А она мне: ну не стало же! Никогда такой не была, а тут как перевернуло девчонку, – пожаловалась Вера врачу. И попросила: – Вы в больницу её не забирайте. Я ж тогда умру без неё...

Полковник начальственно махнул рукой, останавливая врача, открывшего было рот. Без слова вышел из комнаты. Слышно было, как он гремел на кухне ящиками шкафов. Остро запахло валосердином.

– На, выпей. – Поднёс к Вериным губам стакан. – И успокойся. Ни в какую больницу мы её не отдадим. Сами виноваты, не надо было разрешать ей в этой клинике работать. С коровами оно проще. По губам хвостом получила, и никакой тебе депрессии.

– О больнице вопрос не стоит, – подтвердил врач. – Учиться ей пока не надо, возьмёт академический отпуск на двенадцать месяцев, справку я напишу. А депрессия у неё психогенная. Её ещё называют реактивной. Это следствие воздействия психотравмирующей ситуации. Выраженная вялость, значительное ослабление побуждений, уклонение от любых контактов... А уходит она скорее всего в парк, или на Кличен ездит, там ей спокойно, и никто не дёргает.

– Это вам спокойно. А нам беспокойно. Она там голодная весь день, и дома не кушает ничего...

– Безразличие к еде у неё от снижения пищевого инстинкта. Страданий от голода она не испытывает, – успокоил Вечесловых психиатр. И, увидев побагровевшее лицо полковника, поспешно закончил: – Это пройдёт. Выпишу лекарства, и пройдёт. А вечером кормите обязательно. Уговаривайте как сможете, хоть с припевками: ложку за маму, ложку за папу.

– У неё родителей нет. Вообще никого нет. Так что обойдёмся без припевок.

Арина академический отпуск брать не стала, ведь тогда пришлось бы показать справку, выписанную психиатром...

Забрала из техникума документы, распрощалась со своей бывшей группой и весь сентябрь пролежала на диване, мучаясь жесточайшей хандрой и головной болью. Вечеслов подсунул ей Уильяма П.Блэтти «Изгоняющий дьявола» и с удовлетворением наблюдал, как в комнате внучки полночи горел светильник. Не спит, так пусть хоть книжки читает.

«Джексона повесили на мясной крюк. Под такой тяжестью тот даже разогнулся немного... – читала Арина. – Джекки, ты бы видел этого парня! Этакая туша, а когда Джимми подсоединил к нему электрический провод...»

На этом месте Арина перекрестилась, зажмурилась, прочитала молитву и решила, что читать дальше не станет. Глубоко подышала, открыла один глаз и дальше читала одним глазом:

«Он так дёргался на этом крюке, Джекки! Мы побрызгали его водичкой, чтобы он лучше почувствовал электрические разряды, и он так заорал...»

Отрывок из подслушанного телефонного разговора членов Коза Ностры об убийстве Уильяма Джексона, запись ФБР – как значилось в книге – был лишь эпиграфом. О чём же тогда книга? Арина открыла второй глаз.

«Пролог. Северный Ирак. Палящее солнце крупными каплями выжимало пот из упрямого старика, которого мучило дурное предчувствие» – прочитала Арина. И не могла уже оторваться от строчек, открывающих страшный своей реальностью древний мир.

В октябре она устроилась работать на ферму, где проходила учебную практику. Фермер был страшно рад, тётки-скотницы, помнившие, как подвели Арину, делали всё, чтобы «девочка зазря не утомлялась». А ветеринар, который на ферме всё-таки был (хитрый фермер обманул студентов, и те вообразили себя единственными коровьими врачами), взял Арину под своё покровительство и терпеливо учил всему, повторяя попеременно «молодец, девочка» и «руки бы тебе оторвать».

Под напором рогатых англеров и непоротой коровьей детворы депрессия в панике отступила. На ферме Арина проработала до весны, усердно занимаясь профильными предметами. А в июне пересдала ЕГЭ на отлично и уехала в Москву поступать в медицинский университет.

Глава 18. Свидание с прошлым

«Провожających прошу выйти из вагона» – объявила проводница, и Арина счастливо вздохнула. Помахала из окна Вечесловым, забралась на свою верхнюю полку и погрузилась в воспоминания – под стук колёс: «Скорей-скорей! В Москву, в Москву!»

Её обман раскрылся через месяц. Вечесловы считали, что внучка в академическом отпуске. Но позвонила девочка из Ариной группы, Арины дома не оказалось, и Вера Илларионовна с удивлением услышала, что – «мы часто её вспоминаем, она весёлая была, латынь лучше всех знала, и на ферме не боялась ничего, и вообще, нам очень жаль».

– Чего вам жаль? – не поняла Вера. – И почему была? Она ж не умерла. Академку взяла на год, что уж тут такого страшного?

– Академку? Да она совсем ушла, документы забрала. Вы, пожалуйста, ей передайте, что звонила Катя Корнышева, и привет от нашей группы передайте. Два года вместе проучились, а она даже не звонит никому. Вы ей передайте...

Вечесловы учинили внучке допрос, чего Арина не стерпела: полковник орал, обзывал Арину бессовестной и лживой, а бабушка Вера не заступилась, только слушала. Никто за неё не заступится. Никто.

– А вы... А вы... Улыбаетесь, типа добренькие, а сами не

знаете, как от меня избавиться. Думали, я не слышу, как вы на кухне шептались? Думали, не слышу, да? Я лентяйка и лгунья, я бессовестная, а вы, значит, совестливые, да?..

После безобразного скандала, который она устроила опекунам, Арина не сомневалась, что в ближайшем будущем её выставят вон: опекаемой она уже не является, жить у Вечесловых не имеет права, в квартире, где когда-то жила с матерью, тоже не имеет, и нигде никому не нужна.. Умереть ей, что ли?

Умирать не хотелось. Хотелось жить.

Бабушка с дедушкой с ней не разговаривали. То есть, опекуны, поправила себя Арина. Бывшие опекуны. С этим она разобралась. Теперь предстояло разобраться с тем, что делать дальше

– Ба, мне надоело на диване бока отлёживать.

Молчание в ответ.

– Я работу нашла. Спокойную, как врач советовал.

Молчание.

– На ферме, где мы учебную практику...

Договорить бабушка не дала, накинулась на Арину как коршун.

– Тебя что, не кормят? Или денег с тебя требуют? Тебе кто разрешил?! В больницу захотела? Так положат, свихнёшься с анге... анги...

– Англерами.

– С англерами твоими. Сама ж говорила, неописуха. Горе

ты моё...

Оттого, что бабушка запомнила «неописуемое» слово и употребила его в правильном контексте, Арина залилась звонким смехом. Бабушка вторила ей, вытирая фартуком слёзы.

– Что тут у вас? Я тоже посмеяться хочу, – заглянул на кухню Вечеслов.

– А вот как придёт с фингалом, телок копытом в глаз засветит, так и посмеёмся.

Мир был восстановлен. Арина не ездила больше на Кличен и не бродила одна по аллеям. Работу на ферме она отстояла. А в мае отправилась в свою бывшую школу. Пересдала ЕГЭ и уехала в Москву, поступать в медицинский университет.

Она улыбнулась, вспомнив, как плакала бабушка, а дед пытался её утешить – своим излюбленным методом, когда не поймёшь, серьёзно он говорит или шутит:

Да не поступит она, куда ей... Обрато приедет, бурёнкам хвосты крутить, – издевался дед.

Арина понимала, что он шутит, а Вера не понимала и заступалась:

– Чего ты привязался к ней, поступит, не поступит. Бубнишь, как филин. Накликаешь ещё... Пусть едет.

– Ты же сама не хотела её в Москву отпускать. Сама говорила... – отбивался полковник.

Арина уехала. И поступила! Домой она вернулась с побе-

дительным блеском в глазах. Устроилась было работать почтальоном – разносить газеты и письма. Но Вечесловы воспротивились, а полковник даже сходил на почту и запретил начальнице принимать на работу его внучку. Остаток лета Арина провела на даче. Врачу из Маргаритиной клиники дед отвёз бутылку коньяка.

«Святой-святой! Панте-леймон!» – напомнили колёса.

В монастырь она приехала на том самом автобусе, на котором шесть приютских лет мечтала уехать домой. Постояла у ворот, вспоминая – Настю Пичугину, сестру Агафью, Машу Горшенину... И решительно надавила кнопку звонка.

Калитку ей открыла сестра Ненила. Принёс же чёрт эту грымзу.

– Здравствуйте, мать Ненила. Я к игуменье.

Ненила, к которой незнакомая, нарядно одетая девушка обратилась как требовали монастырские правила и назвала по-имени, пытливо всматривалась в Ариново лицо.

Не узнала.

Пронесло – выдохнула Арина. А то сказала бы что-нибудь, Арина бы не смолчала, ответила, и понеслось...

За семь лет, что они не виделись, матушка Анисия заметно постарела. Лицо истончилось и напоминало серый бумажный лист. А улыбка осталась прежней, так понравившейся маленькой Арине, когда мать привезла её в приют. И как двенадцать лет назад, она проигнорировала протянутую для поцелуя руку, обняла матушку за плечи и расцеловала в мор-

щинистые щёки.

– Матушка, вы меня помните? Я Арина Зяблова. Помните, я орлец вышила с орлом-ягнятником, а меня за это наказали, и вы меня утешать пришли. Помните?

– Аринка! Приехала, девочка моя! Я думала, не свидимся уже. – Мягкие руки обхватили Арину и прижали к себе. Глаза игуменьи лучились радостью узнавания. – Вот ты какая стала! Взрослая. Красивая. А маленькая-то неказистая была...

Арина торопливо полезла в рюкзак, бережно расправила тяжёлую от золотого шитья ткань. На матушку Анисию смотрели грустные глаза Богоматери и полные светлой радости – Богомладенца. Затканые золотом одежды. Нимбы с искусным сложным узором и драгоценными камнями в оправе из серебра – серебряная канитель, шелка, бархатный шнур... Узорные поля оклада: вышитые цветы, вышитая эмаль, вышитые сверкающие камни на подвесках – вишнёво-красные и прозрачно-голубые. Работа мастера.

– Вот... Примите в дар.

– Не жалко тебе красоту такую отдавать?

– Я не отдаю, я дарю. Я всю жизнь хотела... вам подарок подарить.

Всю жизнь. Сколько ей сейчас? Девятнадцать? Двадцать? Для неё это вся жизнь. Для матушки Анисии – полузабытые годы, которые принадлежали не ей, а Инессе Бакуничевой. Юность, обещавшая безоблачное будущее. Замужество, так

жестоко обманувшее, отнявшее самое дорогое: мужа, Веронику, Романа...

В глазах вышитой Богоматери стояли слёзы. Как у неё получилось – вышить слёзы?

– Хочешь к нам в мастерские? Ты ведь за этим приехала?

Арина ждала такого предложения и даже подумывала было согласиться. А когда услышала, отшатнулась:

– Нет.

– Я так и знала, – улыбнулась матушка Анисия. – Сюда приходят, чтобы служить Богу. А ты в него не веришь, и никогда не верила. Ты думала, я не знаю?

Арина протестующе замотала головой.

– Не так! В Бога я верю. А вот Богу не верю. Он равнодушный, всем свою любовь поровну дарит, и тем кто заслуживает, и плохим.

– Но ведь и тебе досталась крошечка этой любви. Береги её в своей душе. Она не позволит пройти мимо чужого несчастья. Не даст упасть, когда толкнут. Не даст кичиться гордыней, когда возвысят. Не ввергнет в уныние.

– Ввергло уже. И ещё как. Молитвы не помогли, таблетки только помогли. И вышивание.

– А таблетки кто придумал? Люди. А кто им разум для этого дал? Бог.

– Святой великомучениче и целebниче Пантелеймоне! Моли Бога о нас! – раздалось за дверью. Матушка хитро улыбнулась и произнесла "Аминь", разрешая войти. В ком-

нату вошла молодая девушка в чёрном платке. Это же Маша! Маша Горшенина!

– Машка! Ты... здесь живёшь? А как же твоя тётушка?

Настоятельница вышла, тихо прикрыв за собой дверь: пусть наговорятся, теперь когда ещё свидятся...

– Машка... Мы с тобой семь лет не виделись, а как будто вчера...

Выспросив у Арины, как она жила и не обижали или её опекуны, Маша удивилась:

– И сейчас с ними живёшь? Не гонят? А я от тётки сама ушла. Она лапу наложила на мои деньги, что ни заработаю – всё отберёт, и чтобы я в десять вечера дома была, и фильмы смотреть запрещала... Ну, сама знаешь какие.

Арина не знала.

– Мне ребята кассеты давали... – зашептала Маша в Ари-нино ухо.

Арина ужаснулась.

Больно кольнула радость, с которой Маша восприняла её уход из веттехникума.

– Молодец! Я тоже учиться бросила. В монастыре работала трудницей, прошла послушания, получила благословение. Я теперь послушница.

– Ты монахиней хочешь стать?

– С ума сошла, что ли? – рассмеялась Маша и испуганно прикрыла рот рукой.

– А тётушка почему не приехала? Трудились бы вместе,

было бы здорово.

– Ну ты скажешь... Не приняли её. Она болеет, хроническим чем-то, а здесь больницы нет, только медкабинет, и лекарства самые простые. Больных трудниками не берут, берут только здоровых и до пятидесяти пяти лет, а тётке моей шестьдесят семь. Я у неё была недавно, плохая совсем... Так что ты меня не жалея, подружка, мне здесь кантоваться недолго осталось. Племянник тёткин год назад умер, машиной задавило. Теперь всё мне одной достанется, и квартира с обстановкой, и дом в деревне, и деньги на книжке! – хвасталась Маша.

Арина машинально кивала и думала о своём. Трудник это человек, проживающий в монастыре и работающий в нём во славу Божью, по доброй воле и безвозмездно. Первостепенной задачей трудника является желание укрепиться в христианском образе жизни. А Маша Горшенина спряталась здесь от своих дружков и от тётки, которая её «доставала». То есть заботилась о ней, удерживала от дурных поступков, но не смогла удержать от дурных помыслов. На месте Маши Арина жила бы с тёткой и ухаживала за ней, ведь она же там совсем одна. А Маша... Нет, это даже в голове не укладывается!

– Я тут без курева погибаю, – пожаловалась Маша Горшенина, и Арина снова кивнула. Курить в монастыре считается грехом. Хотя какой же это грех, если весь мир курит... Бедная Машка.

– А сама-то как? Куда думаешь податься? Будешь опекунам прислуживать, кашку в постель подавать, как тётка моя требовала?

– Она не требовала, а просила, – не выдержала Арина. – А прислуживать меня никто не заставляет. И не смей так говорить о моих опекунах! И вообще. Я в медицинский университет поступила, в Москве. Буду там учиться и работать. И деньги опекунам посылать! А не ждать чьей-то смерти, как ты.

От встречи с матушкой Анисией осталась в душе тихая радость, от встречи с Машей – горькие сожаления.

Матушка Анисия подарила ей на прощанье икону Святого Пантелеймона. Целитель, совсем молодой, смотрел на Арину светлым взглядом, полным любви и сострадания. Из жития святого Пантелеймона Арина помнила, что будущий святой имел имя Пантолеон, жил в третьем веке нашей эры в Никомедии (территория нынешней Турции) и получил прекрасное образование. Врачебный талант молодого человека не ускользнул от внимания императора, и тот сделал его своим придворным врачом.

Это были трудные времена для христиан. За веру гнали, и гнали до смерти. Юноша долго не решался принять Крещение. Но однажды, идя по улице, увидел ребёнка, умершего от укуса змеи. Пантолеон начал молиться Иисусу, прося воскресить ребенка – ведь его врачебные познания были уже бесполезны, и воскресить мальчика мог только Бог. И ма-

льш действительно воскрес!

Тогда, отказавшись поклоняться императорским языческим идолам, Пантолеон возгласил: «Верую в истинного Господа Иисуса Христа!». И этим подписал свой смертный приговор: разгневанный император приказал отсечь мученику голову, а его тело сжечь. Но огонь не причинил телу вреда...

Маленькая Арина верила в сказки. Теперь не верит. В огне сгорает любая материя — живая и мёртвая. И никакие молитвы не помогут без лекарств. Ей вот не помогли, и Машиной тётке не помогают. И матушке Анисии, судя по её виду.

Игуменя проводила её до самых ворот, что делала очень редко и не для всех гостей монастыря. И долго смотрела вслед автобусу, увозящему Арину, теперь уже навсегда. Доброго тебе пути, девочка. Пусть останутся с тобой мои молитвы, пусть останется с тобой Бог, которому ты не веришь, и в этом нет твоей вины.

Деревня Гринино когда-то насчитывала четырнадцать домов, а теперь превратилась в посёлок, аккуратно расчерченный улицами с кирпичными пятиэтажками и добротными особняками. В центре ещё можно было увидеть избы, сложенные из серых от старости брёвен, а ближе к озеру, вдоль реки Осницкой, вырос коттеджный посёлок с красивым названием «Грин-парк».

К югу от посёлка, на речке Голодуше, предприимчивый застройщик скупил землю со старыми развалюхами, и в ско-

ром времени здесь появился новый район. С архитектурными решениями застройщик не заморачивался, двухэтажные домики возводились по одному проекту, похожие как близнецы.

Район прозвали английским: одинаковые домики с одинаковыми зелёными газонами, на которых не росло ничего кроме травы, смотрелись экзотически. Впрочем, «английским» район оставался недолго, хозяева домиков обустроились на русский лад, с огородами, баньками и поросятами в сарайках.

В Гринино Вера Вечеслова ехала с ощущением тайной радости, будто она делает что-то запретное, но не такое, за которое полагается краснеть, а хорошее и доброе, от которого всем станет лучше.

В церкви отца Дмитрия не оказалось.

– Батюшка хворает.– равнодушно сообщила свечница. – А вы ему кем приходитесь?

Вера всполошилась

– Отец Дмитрий болеет? И давно?

– Да ничего такого страшного, обыкновенный грипп. На Первомайской он живёт, на автобусе три остановки...

На Первомайскую она отправилась пешком. Дом, где жил Дмитрий Белобородов, оказался в самом конце улицы, у речки Голодуши, от которой его отделял деревянный забор. Во дворе раскачивался в гамаке мальчишка лет десяти. Четверо малышей под предводительством седобородого мужчины

поливали из шланга грядки и друг друга.

– Дим! Димка! А мне сказали, ты болеешь! – заорала Вера, на миг почувствовавшая себя молодой. Вот сейчас Димка повернётся и...

Мужчина отцепил от себя детские руки, повернулся – и Вера увидела постаревшее, знакомое до последней чёрточки лицо. Димка. Её Димка!

– Вера? Ты?.. Это правда ты?

– А мне сказали, что ты болеешь, – глупо повторила Вера.

– Болел. Выздоровел почти. Вот, с внуками свежим воздухом дышу.

– Я ж думала, ты в Выборг перебрался, ты говорил, у тебя там родственники... А сам в деревню уехал, – растерянно проговорила Вера, не зная с чего начать, как подступиться к главному, ради чего она разыскала отца Дмитрия и приехала – неожиданно-негаданно, гостем нечаянным.

Отец Дмитрий хотел рассказать о своих бедах. В деревню его семья перебралась не от хорошей жизни: троих детей нужно было кормить, одевать, учить, а жена не работала, ждала четвертого ребёнка. Зарплата священника в Осташкове невелика, а здесь – свой дом, свой сад, картошка своя... Здесь его девочки ели яблоки без ограничения, сколько влезет. Выросли, пятерых внуков им с Марией подарили.

Но взглянул в Верины глаза, в которых разглядел горькую усталость. И сказал другое.

– Была когда-то деревня, а теперь посёлок. Ты посмотри,

дома какие! Сады какие!

Отец Дмитрий гордо повёл рукой, охватывая улицы, дома, сады за крепкими заборами... Словно был здесь хозяином всему. Хорошо, когда человеку есть чем гордиться: своими детьми и внуками, прихожанами грининской церкви, чистенькими улочками, ухоженными садами, любящими дочерями и любимыми внуками... мокрыми насквозь. А чем гордиться ей, Вере?

– Дима, отбери у них шланг. Они вымокли все, заболеют ведь. Ветрено сегодня.

– Маша в окно увидит, разгонит их. Пусть пока порадуется. Вон как весело им! А ты говоришь, отбери... Ты с чем приехала-то, Вера? Какую тяжесть с души снять не можешь? Расскажи. Вместе будем думать...

Чай в чашках давно остыл, Мария тактично ушла в комнаты, оставив мужа вдвоём с гостьей. Верина жизнь была рассказана в деталях, вычерпана до доньшка, а отец Дмитрий молчал. Наконец проговорил со вздохом:

– Отпусти её, Вера. Она взрослая уже. Отпусти.

– Да какое – отпусти?! Она чего удумала-то? В Москву уехала и в университет поступила, в медицинский. А там учиться шесть лет! Как она одна будет... Она ж больная. А ей кажется, что здоровая. Не волнуйтесь за меня, говорит. Я, говорит, справлюсь. Справится она или нет, вилами на воде написано, а я все шесть лет изводиться по ней буду.

– А сейчас не изводишься? Так бывает, Верочка. Радост-

но взваливаешь на плечи ношу, которую не по силам нести. А сбросить уже нельзя. Говоришь, больная? А она в медицинский Университет поступила, в московский. И это после осташковской средней школы! Туда не то что больной, туда не всякий здоровый поступит. И ЕГЭ не всякий пересдаст через три года после школы. Для этого воля нужна, усердие и каждодневный труд. Гордитесь внучкой. Ведь это вы её такой воспитали.

– Димка, а ты всё такой же. Не переговорить тебя и не переспорить.

– Не переспорить, – согласился отец Дмитрий, хитровато прищурившись. – А потому что я прав, а ты не права. Ношу свою вы с Иваном несли достойно, теперь пусть ваша воспитанница сама её несёт. А вы подстрахуете, если вдруг уронит. – Улыбка превратила седобородого мужчину в четырнадцатилетнего мальчишку, с которым Вера поцеловалась впервые в жизни.

На прощанье она крепко обняла бывшего друга.

Разве друзья бывают – бывшими?

Глава 19. Университет

Конец августа выдался погожим и солнечным. Город, в котором Арина выросла, прощался с ней, отдавая последнее тепло, и просил не забывать. «Не забуду, – пообещала Арина».

Из Осташкова она уехала без сожалений, оставив там своё прошлое. Оставив Весчесловых, которые от неё устали, а сказать об этом не позволяла любовь, которую старики питали к Арине. Она об этом знала. И любила их, как не любила даже свою мать, о которой не вспоминала. Мать только требовала и ругала за ошибки, а опекуны ничего не требовали, были с ней в самые горькие дни, не упрекали за дурные поступки, хвалили за успехи, огорчались её горестям и радовались её радости.

Семь лет Арина была для них счастьем. Светом в окошке, как говорила бабушка Вера. А теперь она выросла и мешала им – быть счастливыми и жить спокойно, без треволнений, которые не полезны обоим.

На московском главпочтамте Арину ждал денежный перевод, от которого она пробовала отказаться, но с дедушкой разве поспоришь? – «На первое время тебе хватит, а не хватит, ещё пришлём».

В Москву она уехала налегке, в спортивной сумке пара футболок и свитеров, любимое вишнёвое «вечернее» платье,

туфли, босоножки, ветровка и леггинсы. А ещё антидепрессанты и нормотимики, которые в Москве то ли купишь, то ли нет – по рецепту с печатью осташковской клиники. Таблетки заняли в сумке солидный объём, но Арина не протестовала. Зимних вещей с собой не взяла: куртку купит в Москве, а шубку заберёт, когда приедет на Новый год.

Студентка Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова – это звучало гордо. Впереди пять с половиной лет учёбы, тридцать шесть экзаменов и двадцать пять зачётов. А на первом курсе экзаменов всего два: общая и биоорганическая химия. Кроме профильных предметов первокурсникам полагалось научиться читать и писать на латыни (и при этом не забыть английский с русским), познакомиться с высшей математикой и методами математической статистики, и решать задачи по биологической физике.

Аринина каллиграфическая латынь приводила преподавателей в восторг, как и блестящее знание физики и математики.

Первый курс чем-то напоминал школу: письменные работы по пройденному материалу, устные опросы по журналу, лабораторные, контрольные... Группы были небольшими, по десять человек, опросить за урок успевали всех, и приходилось учиться «не на жизнь, а на смерть».

Арина чувствовала себя как рыба в воде: Вечеслов учил её всему, игнорируя заявления, что высшая математика в таком

объёме ей не нужна, а физика тем более. И теперь она знала и умела гораздо больше своих одноклассников. «Невелика птица, да коготок востёр» – сказал про неё староста группы Серёжа Лемехов.

Арина была счастлива: о приюте и православной гимназии никто не знает; со школой, о которой не хочется вспоминать, покончено навсегда; о ветеринарном техникуме она не обмолвится ни словом; Вечесловы, о которых она так плохо думала, от неё не отказались, так и сказали: «Помни, Арина, мы тебе бабушка с дедушкой, а ты нам родная внучка, что бы ни случилось».

Чтобы не случилось это самое «что бы», Арина принимала нормотимики, а когда наваливалась ленивая и муторная депрессия, пила антидепрессанты, тайком от соседок по комнате. И по старой привычке писала дневник.

Из дневника Арины

«Вечер пятницы. Надя с Нелей уехали домой до понедельника, Ира Климова, как всегда, куда-то испарилась, а я сижу и заполняю страницы дневника, который словно ждёт, когда я возьму его в руки. Пишу, чтобы не забыть ничего из пережитого и рассказать бабушке с дедушкой, когда приеду на каникулы.

Учёба у нас проходит в режиме аврала. При этом каждый преподаватель убеждён, что его предмет самый важный, и требует от студентов невозможного, и очень много задаёт. Первый курс тяжелее даже второго, предметов больше, а

по профильным зачётные испытания, а оценки учитываются на экзамене. Лихо-лихо.

Анатомия человека. На первом курсе надо запомнить кучу анатомических терминов на латинском языке. То есть вообще – все термины. Это практически невозможно.

Латинский язык. Проблем с латынью у меня нет, а у других есть, грамматика в нём не самая простая, а ещё нужно набрать словарный запас. Препод в меня просто влюбился: весь поток молчит, а я встаю и спокойно перевожусь. Никто ведь не знает, что я училась шесть лет в православной гимназии.

Органическая химия. От вузовского учебника мозги встанут дыбом, из лекций тоже мало что поймёшь. Я купила в «Педагогической книге» школьные учебники по органической и неорганической химии, там всё понятно написано. Есть ещё биоорганическая химия, по ней госэкзамен в конце первого курса. Ребята со старших курсов говорят, что сдать вообще невозможно. Но ведь они-то сдали.

А ещё биология, гистохимия, экология, биофизика, история медицины... Чтобы всё это уместилось в голове, в выходные приходится сидеть и учить. Хорошо, что в общаге есть читальный зал. С Климовой, когда она в комнате, мало чего выучишь, она рот не закрывает.

Непрофильные предметы: психология, философия, отечественная история, русский язык, иностранный язык, математика и физкультура. Из-за них можно нажить кучу

неприятностей, так что лучше отсидеть на всех парах, отбегать стометровку, откататься на лыжах и получить автомат».

Общежитий при университете было пять. Номер четыре и номер пять – новёхонькие, блочного типа, с туалетом и душем в каждом блоке, располагались на территории университета, так что добежать до главного учебного корпуса можно за три минуты. Арине досталось место в общежитии номер два – коридорного типа, с двумя кухнями на этаже и одним душем внизу. Зато здесь был читальный зал с библиотекой, и можно было готовиться к зачётам и экзаменам не выходя из корпуса и не тратя времени на дорогу.

Впрочем, Арине дорога нравилась: полчаса в автобусе она проводила, вперив взгляд в окно, за которым – подмигивала огнями фар, нетерпеливо сигналила, куда-то спешила, шагала, шумела, ныряла в подземные переходы, ослепляла великолепием витрин, зазывно приглашала яркими вывесками. Она везде успеет побывать, она тоже москвичка, на долгие шесть лет. Что будет после, Арина не загадывала.

В первый же день она купила карту достопримечательностей столицы и справочник «Улицы Москвы». Названия улиц завораживали, названия переулков удивляли: Гранатный, Банный, Скатертный, Пехотный, Аптекарский, Банный, Кривоарбатский, Кривоколенный, Староконюшенный, Графский, Армянский, Хлебный, Холодильный... Был даже

Учебный переулок!

Комната, которую она делила с тремя студентками, располагалась в конце коридора, рядом с кухней, и шум, не прекращающийся даже ночью, поначалу напрягал. Учебная неделя была пятидневной, в пятницу две её соседки по комнате, Надя Герас и Нелли Гуманецкая, уезжали домой, и на выходные они с Ирочкой Климовой оставались вдвоём.

Ирочкой её звали за детское выражение лица и за детски-наивное поведение. Впрочем, наивность была своеобразным имиджем, маской, которую Климова надевала с удовольствием и которая не помешала ей забеременеть уже на первом курсе.

Ирочка жила в подмосковной Лобне, но домой на выходные не ездила, говорила, что в транспорте её укачивает, а дома доканывает мать и две приставучие сестрёнки. Арина оставалась в общежитии по другой причине: до Осташкова ехать двенадцать часов, самый дешёвый «сидячий» билет на поезд стоил больше тысячи рублей.

В выходные она каталась на метро, гуляла по московским улицам с волшебными названиями – Моховая, Неглинная, Арбат, Остоженка, Волхонка, Ильинка, Маросейка – питаюсь весь день мороженым и испытывая чувство обладания этим огромным городом, который принадлежит и ей тоже: теперь она москвичка, на долгие шесть лет, от этой мысли захватывало дух.

Её московская пенсия за умершего отца (о матери сведе-

ний не было, а узнавать Вечесловы боялись: вдруг объявится и заберёт девчонку?) оказалась больше осташковской – с московской надбавкой. Арина вспоминала слова инспекторши из осташковского пенсионного отдела: «Сложишь со стипендией – и можно жить». К деньгам, которые приходили от Вечесловых, она не прикасалась, держала на сберкнижке (отдаст, когда приедет на каникулы), купила только куртку и сапоги, поскольку шубка из ламы осталась дома, а в ветровке и кроссовках декабрь ей не пережить.

Из дневника Арины

«Старшекурсники организовали нам посвящение в студенты. Никогда не забуду, наверное. Мы участвовали в ночном квесте, сидели вечером у костра, и я боялась темноты за спиной, потому что они рассказывали страшилки, нарочно.»

В нашей группе десять человек, ребят и девчонок поровну, и нам все завидуют. А я завидую сама себе. Старосту группы Серёжу Лемехова прозвали Лемешевым, потому что он тоже Сергей.

В октябре мы проходили крупные суставы и связки. Анатомичка располагалась в подвале главного корпуса., части конечностей лежали в бачках, их вылавливали руками в перчатках. И надо было их рассматривать и изучать. А потом у нас началась патанатомия. Законсервированные раствором формалина трупы без кожи – чтобы были видны мышцы и внутренние органы. А головы накрыты просты-

ней, чтоб не так страшно было.

Учебную практику мы проходили в морге. Вставали рано: уже в восемь утра наша группа стояла возле морга и ждала, когда нас пустят. Зима. Темно. Стоять холодно. Страшно до ужаса. На стук никто не открывает, звонок, наверное, не работает.

Ровно в восемь дверь открыл санитар и сказал, что патологоанатома ещё нет, но вы проходите. В коридоре стоял запах формалина, который ни с чем не перепутаешь. Мы надели принесённые с собой бахилы, халаты и шапочки.

И тут пришёл патологоанатом, то есть наш преподаватель, и говорит: «Простите, а к чему весь этот маскарад? Вы не в учебном корпусе». Привёл нас в аудиторию и говорит: «Готовьтесь». Мне как-то стало не по себе: к чему именно готовиться?

Потом был опрос (мы должны всё знать наизусть, тетради и книги закрыты). Потом мы спустились вниз... Я шла, за преподавом, а когда дошли до двери, за которой трупы, я уже была последней. Вошла, как увидела, меня сразу затошнило, и я побежала на улицу, мимо каталок с трупами, они в коридоре стояли, а трупы одетые.

Мне преподаватель потом выговорил – за то что ушла. А остальные ничего, им нормально было.

На следующий день мы опять пришли в морг. Бахилы уже не надевали. После опроса (по новой теме) пошли вниз, преподаватель вёл меня за руку, чтобы я не сбежала. По коридору ми-

мо трупов на каталках я шла с полузакрытыми глазами. Нас привели уже в другую комнату. Я решила, что самое страшное уже позади, но ошиблась.

Трупы голые, никаких простыней, это только в кино показывают простыни. Ванны, весы, ёмкости с формалином и различными частями тела. И всё, рабочий процесс: в ванне моют труп, на столе раскрыли брюшину у другого трупа и извлекали из тела органы, мы отворачивались, но препода заставил нас смотреть и спрашивал: что это, и это, и то. И велел называть всё по латыни (это в первый год учебы!) Предупредил нас сразу: кому плохо – он поможет поменять белый халат на другую форму.

И тут я услышала такой противный звук... А это у трупа распилили череп и вынули мозги, а патологоанатом их взвешивает и берет биопсию. Мне стало плохо по-настоящему, и меня вывели на свежий воздух, но это не помогло, я упала в обморок, а Серёжа Лемехов побежал за нашатырем. Я подышала немножко и пошла вниз, к ребятам. Учить-ся-то надо».

Утром Арина поднималась раньше всех в комнате и делала гимнастику, за которую девчонки называли её мазохисткой, и она обижалась. Вечер пятницы проводила за вышиванием, а в субботу со вздохом отправлялась в читальный зал, готовиться к зачётам и семинарам. В пирушках вкладчину участия не принимала, от посиделок в кафе вежливо

отказывалась. Зато в театре бывала каждый месяц: билеты на балкон верхнего яруса стоили недорого, а бинокль Вечеслов подарил с 30-кратным увеличением.

На пятничную дискотеку её вытащила Ирочка:

– Аринка! Хватит с пяльцами сидеть! Одевайся и пошли.

Никто тебя там не съест, потанцуешь, развеешься... Ты танцевать-то умеешь, вышивальщица?

– Умею.

– Тогда чего сидишь? Ты же знаешь, я не отстану...

Так получилось, что всю дискотеку она протанцевала с Серёжей Лемеховым, старостой их группы. В детстве он занимался бальными танцами, Арина оказалась прекрасной партнёршей, и у них получалось здорово. Когда объявили последний танец – танго, никто уже не танцевал (то есть не топтались под вальс как боксёры в клинче и не дёргались под тверк как еретики на костре инквизиции). Народ, точно сговорившись, освободил площадку в центре зала, а когда прозвучал последний аккорд и единственная пара застыла в красивой позе, все принялись аплодировать.

С того дня они с Сергеем стали друзьями. Так думала Арина, а Сергей думал по-другому. И терпеливо ждал.

Из дневника Арины

«Серёжа откуда-то узнал, что я каждый месяц хожу в театр. Интересно, кто из девчонок ему сказал. И купил билеты на «Спартак» в Государственный Кремлёвский дворец, на самые лучшие места. Я показала ему зимний сад. Он

москвич, а в Кремлёвском Дворце никогда не был. И всему там удивлялся – и эскалаторам, как в метро, и наборному паркету. А я не удивлялась, я часто там бываю, все спектакли пересмотрела, там на балкон билеты дешёвые, а в дедов бинокль всё видно. В антракте мы пошли в банкетный зал. Серёжка даже не знал, где он находится, и спросил, зачем все зрители едут наверх. Угощал меня взбитыми сливками и пирожными и совсем заугощал, я не могла больше съесть ни кусочка и выпить ни глотка моего любимого круассона. И весь спектакль держал меня за руку. А потом сказал, что не любит балет, а билеты купил из-за меня, и что я ему нравлюсь. Может, это и есть любовь? Я сказала, что тоже его люблю, а он говорит, если любишь, в чём тогда дело? Я честно сказала, что мне нельзя иметь детей и поэтому между нами ничего не будет. Он подумал, что я из-за учёбы. Я не стала объяснять, почему».

В то мартовское воскресенье она никуда не пошла: погода отвратительная, дождь пополам со снегом, шубку надевать жалко, а в куртке холодно. Устроилась на кровати с вышиванием, подложив под спину подушку и завернувшись в шерстяной плед – подарок Вечесловых ко дню рождения. Ирочка вышивать не любила, она вообще ничего не любила делать. Валялась на своей кровати, жевала конфеты и изливала Арине душу. Арина слушала её вполуха. И больно уколола палец иглой, услышав неожиданное:

– Серёжка твой гад последний. Хмырь болотный.

– Почему мой и почему гад? – не поняла Арина

– А ты думаешь, от кого у меня ребёнок будет? От Лемехова.

– Ребёнок? – Глаза у Арины полезли на лоб. – Почему же ты...

Арина хотела спросить, почему Ирочка не сказала об этом Сергею и почему они до сих пор не поженились, но Ирочка поняла её по-своему.

– Аборт почему не сделала? Потому что поздно уже было. Хмырёныш тихо сидел, не рыпался, я даже не догадывалась ни о чём. Ну, тошнило иногда, я думала, от автобуса. Я автобус плохо переношу, укачивает меня. Оказалось, не от автобуса... укачивало. А когда узнала, поздно уже было, на таком сроке...

– Хмырёныш это кто? – с ужасом переспросила Арина. Уже понимая, кто.

– Да отродье Лемеховское. От тракториста тракторята родятся, а от хмыря хмырята, ты не знала? Он и тебе ребёнка заделает, опомниться не успеешь. У вас ведь с ним давно трах-тибидох?

Оттого, что Ирочка назвала её чувства к Серёже скабрёзым словом, и оттого, что подозревала её в том, чего не было (а Серёжа хотел, чтобы было, злился, что Арина не соглашается, и продолжал за ней ухаживать), стало противно. Арина хотела выйти из комнаты, но Ирочка вдруг заплакала. Пла-

кала она тоже противно: с артистическим заламыванием рук и протяжными всхлипами. Словно щеголяя своим позором. Арина испытывала жалость пополам с отвращением, но приходилось сидеть и слушать.

Отреветшись, Ирочка рассказала – внятно и подробно – о Серёже, которого Арина любила и с которым, Арина была уверена, они поженятся после окончания университета.

Выходило, что Серёжа любил сначала Ирочку, а потом полюбил Арину, но не перестал встречаться с Ирочкой. А потом перестал, потому что связался с Аней Верещагиной из параллельной группы. Потом закрутил со Светой Горячевой со второго курса. Потом...

Ирочка перечисляла, загибая пальцы, и морщила брови, вспоминая фамилии лемеховских пассий (она назвала другое слово). От бесчисленных «встречался», «перестал», «связался», «закрутил», «бросил», «замутил» в голове у Арины что-то громко тикало, как часы.

– А с тобой он знаешь из-за чего? Ты ж за него все контролки пишешь, и по химии, и по физике, и по биологии. Вот он и хороводится с тобой. Он про тебя знаешь что говорит? Что ты не от мира сего, – с довольным видом заключила Ирочка и откинулась на подушку.

Арина сделала последний аккуратный стежок, положила иголку в игольницу, убрала вышивание в тумбочку. Вздохнула. Ирочка ждала упрёков, вопросов, негодования и слёз. Но ничего такого не последовало. Арина долго обувалась, не

попадая ногами в сапоги, вжикнула молнией куртки, намотала на шею длинный шарф и молча вышла из комнаты, не взглянув на себя в зеркало, чего не делала никогда.

Ей было всё равно, куда идти. Только бы не оставаться вдвоём с Ирочкой. Ветер словно ждал: дохнул ледяным стылým дыханием, швырнул в лицо холодные капли дождя. Шубку под дождь надевать жалко, а холод сейчас единственное средство, могущее вылечить от желания поехать к Серёже домой и спросить, правда ли то, о чём рассказала Ирочка. И если правда, то почему она до сих пор Климова, а не Лемехова? Адрес Арина знала, и даже пила у Лемеховых кофе, и очень понравилась Серёжиной маме, которая пригласила её летом приехать к ним на дачу – «Непременно, Ариночка, непременно! Серёжа столько о вас рассказывал, вы так ему помогли с физикой...».

Помогла. Как когда-то своему однокласснику Косте Тумасову, сыну физрука. То есть, директора. Костя поступил, наверное, в МГТУ имени Баумана: победители и призеры Всероссийских олимпиад школьников поступают в вузы полностью без экзаменов и рейтингов, а Костя призёр.

А она, Арина, никто. В анатомичке в обмороки падает. Арина шла по улице, слизывала с губ дождевые капли и думала об Ирочкином ребёнке, который, ещё не родившийся, не нужен ни Ирочке, ни Серёже. Какая судьба его ждёт?

Аптекарьша долго вертела в руках рецепт, испещрённый

мелкими циферками и латинскими буквами. Буквы обозначали названия лекарств, а цифры – количество, Арина не обращала на них внимания, а аптечная тётка обратила.

– По этому рецепту вам ничего не продадут. Принесите другой.

– Почему? – возмутилась Арина. – Потому что в Осташкове выписан? В других аптеках продавали, а в интернете написано, что рецепт с печатью любого города действует на всей территории России.

– Да не действует уже.

– Как – не действует?! Он же на год выписан, срок не истёк, в августе только кончится.

– Срок не истёк, а количество выбрано подчистую. Вот, посмотрите, на нём помечено, чего и сколько отпущено. Вам в августе почти целиком партию продали, для этого нужно разрешение врача и веские основания. – Тут аптекарша посмотрела на Арину, словно оценивая эти самые «веские основания». Арина выдержала взгляд. – И после вы ещё два раза покупали, вот пометки, когда и сколько продано, каких препаратов и в какой дозировке. Вот, посмотрите, здесь всё написано.

Написано. Но не написано, что до таблеток добрались девчонки, с которыми Арина делила комнату. Углядели пустую упаковку от флуоксетина, которую Арина нечаянно оставила на тумбочке. Пришлось сказать, что пьёт антидепрессанты, чтобы выдержать учебную практику в морге. Девчонки

оценили по достоинству Арину смекалку, и препарат тоже оценили: «Ариночка, спасительница ты наша! Капсулку выпьешь, и на душе легко весь день, и голова светлая, и море позитива! Арин, ты чего? Тебе жалко, что ли? Так мы деньги отдадим.

Арина пожала плечами: «Не надо. Он недорогой». И купила ещё одну упаковку таблеток.

Когда началась зимняя сессия, обнаглевшие девчонки лезли в Арину тумбочку как в свою. И дружно слопали весь запас кветиапина – дорогого рецептурного нормотимика для снятия маниакальных эпизодов биполярки. «Ариночка, ты нас всех спасла! Настроение чудесное и наплевать на всё. На экзамене ни фига не знаешь, преподу улыбаешься и несёшь бред, а он тебе – «удовлетворительно», и тоже улыбается».

Арине улыбаться не хотелось: упаковка из шестидесяти таблеток стоила больше двух тысяч. Пришлось снова идти в аптеку...

Если рецепт выписан на год, в нём обязательно указывается количество назначаемых препаратов. При продаже фармацевт отмечает, когда и сколько препарата продано и в какой дозировке. В следующий раз по этому рецепту снова продадут нужное количество лекарства, учтут прошлые продажи и вернут с новой отметкой. Если срок действия рецепта не истёк, но выписанное количество лекарства уже куплено, использовать рецепт не получится. Всё это аптекарша терпеливо объяснила Арине и вернула бесполезный рецепт.

Говорят, депрессия делает чувство времени более точным. Депрессия у неё ещё не началась, но вот-вот начнётся – от таких мыслей. Лучше думать о другом. Об иконе Святого Пантелеймона, подаренной матушкой Анисией. Арина повесила её над кроватью, девчонки сначала смеялись, а когда она сдала на отлично все зачёты и зимнюю сессию, перестали смеяться. Что сказал бы Пантелеймон, если бы мог говорить, если бы был её другом?

Обиды терпи молчанием, потом укорением себя. Молчать она привыкла давно, а упрекать себя за то, что поверила Серёжке Лемехову, Арина не станет. И ныть, как Климова, тоже не станет. Это самый короткий путь к депрессии, а ей надо продержаться до лета, до Осташкова. Бабушкина подруга Рита выпишет новый рецепт. То есть, продаст. Деньги у Арины есть, Вечесловы присылают каждый месяц. Она не потратила лишней копейки, купила только куртку и меховые ботинки. И ещё таблетки. А жила на стипендию плюс пенсия по утере кормильца с московской надбавкой. Если не роскошествовать, как девчонки, то хватало даже на билеты в театр, с обязательными пирожными и бутербродами с сырокопчёной колбасой.

Возлюби ближнего своего, как самого себя. Выражение не нужно понимать буквально, никто не ждёт от тебя любви, но хотя бы не ненавидь. И поступай по совести. Поставь себя на место другого человека, вообрази, что он это ты. Почувствуй то, что он чувствует.

Это, пожалуй, подходит. Арина присела на скамейку и вспомнила сеансы аутотренинга (самогипноза), которым её научил врач. Глубоко подышала, отрешаясь от реальности, и перенеслась в общежитскую комнатку со стенами, выкрашенными масляной краской в бежево-абрикосовый цвет, с купленными вскладчину жёлтыми шторами. На трёх кроватях казённые синие одеяла. На четвёртой, Ариной – шотландский плед в розово-зелёную клетку. Климова сейчас, наверное, лежит на кровати, уткнувшись в подушку лицом, и плачет. Всё, что она наговорила Арине, бравада. Хотя беременность бравадой не назовёшь.

Что она сделает с ребёнком? Оставит в роддоме? Отвезёт матери, которую муж оставил с тремя девочками и для которой Ирочка последняя надежда: окончит вуз, будет работать – и в доме будет полегче с деньгами. А теперь Ире придётся взять академический отпуск, так что вуз она окончит не скоро. За это время мать, равнодушная к спиртным напиткам, сопьётся окончательно. Что будет с Иркиным ребёнком? Что будет с двумя её сестричками?..

– Девушка, вам плохо?

Арина открыла глаза. Какой-то прохожий присел рядом с ней на скамейку, держал над ней раскрытый зонт и настойчиво дёргал за рукав. – Не стоит гулять в такую погоду. Может, вызвать такси? У вас есть деньги на такси? Если нет, я могу одолжить, вернёте, когда сможете.

– Не надо такси, я близко живу, – сказала Арина. – Мне

хорошо, просто я не выпалась и заснула нечаянно.

Вскочила на ноги, стряхнула с куртки снег. Улыбнулась. Возлюби ближнего своего... Теперь она знала, что следует сделать.

Когда-то Сергей дал ей номер своего домашнего телефона, на всякий пожарный случай. Пожарный случай наступил.

– Добрый день. Это квартира Лемеховых? Маргарита Анатольевна?

– Да. Представьтесь, пожалуйста.

– Здравствуйте, Маргарита Анатольевна. Это Арина. Я у вас была один раз, вы меня на дачу приглашали... Нет, Серёжу звать не нужно, я с вами хочу поговорить. О вашем внуке. Или внучке. Вы хотите внука?

Голос на том конце провода превратился в стальной негибемый прут.

– То есть, вы хотите мне сказать...

– Нет-нет, я вовсе не это хочу сказать, – заторопилась Арина. – Его ещё нет, внука. И это не я. Богом клянусь! Если бы это случилось со мной, я не стала бы вас беспокоить.

– Что же вы замолчали? Я слушаю. – Голос на том конце провода потеплел. – Может, вам с Серёжей сначала закончить университет, а потом уже думать о детях?

– Да я вообще о них не думаю! – ляпнула Арина. – И замуж за вашего сына не собираюсь. Вы неправильно поняли. Маргарита Анатольевна, мне нужно с вами встретиться.

Можно в кафе «Полюс», оно недалеко от вашего дома. Я тоже недалеко.

– Так может, вы зайдёте к нам? Серёженьки нет, он на тренировке. Выпьем кофе и поговорим, вам очень нравился наш кофе, я помню...

– Нет, лучше в кафе. Или на лавочке в парке посидим. Вообще-то на лавочке холодно. Лучше в кафе.

– Арина... Что вы там говорили... о моём внуке?

– Он родится месяца через четыре. Ирочка не собирается его воспитывать одна, сказала, в роддоме оставит. У неё мама... болеет (Арина вовремя заменила глагол), и две сестрёлки. А отец с ними не живёт и алименты не платит, насколько мне известно. Ирка на стипендию еле концы с концами сводит, а ей питаться нужно, и витамины... Да. Да. Через десять минут в «Полюсе».

«Полюс» оказался кафе-мороженым. Кофе здесь подавали на несколько градусов теплее. К счастью, Маргарита Анатольевна принесла с собой термос. Арина нервничала и никак не могла начать разговор, к которому долго готовилась. Съела два пирожных. Извинительно улыбнулась и съела третье, Маргаритино, которое та положила на её тарелку. А потом пила Маргаритин кофе, грея руки о стакан, и излагала сухие факты, от которых обеим хотелось плакать.

Свадьба Сергея и Ирочки состоялась через месяц. Летнюю сессию Климова... то есть, теперь уже Лемехова сдала досрочно, ушла в декретный отпуск и больше в общежитии

не появилась.

Глава 20. Симптоматика

Арина пересчитала оставшиеся таблетки и решила уменьшить дозу, чтобы хватило до летних каникул. Результат не заставил себя ждать: ремиссию сменила фаза маниакальной эйфории. Соседки по комнате ничего не заметили. Биполярное аффективное расстройство второго типа искусно прячется за слабо выраженными симптомами: повышенное настроение без причины, преувеличение своих способностей, неоправданные поступки, странные мысли, отсутствие бережливости...

Нет, она не раздавала деньги прохожим, не танцевала у плиты, поджаривая на сковородке яйцо, и не воображала себя академиком Сеченовым. Но к сессии почти не готовилась. В последнюю неделю посидит в читальном зале, этого вполне достаточно, с её памятью и способностями.

Сняла с книжки деньги (Вечесловы пришлют ещё), купила четыре журнала с образцами вышивок, металлизированные «мятые» ленты двадцати оттенков цвета, шёлковые и акриловые нитки левой и правой крутки, мулине в технике омбре и меланж (с плавным переходом одного цвета от светлого к тёмному и обратно), гобеленовую пряжу... Ещё купила шкатулку ручной работы, где хранила запасы ниток и лент. И осталась довольна собой.

В выходные она оставалась в комнате одна, запиралась

на ключ и до вечера сидела за пяльцами. Голода Арина не чувствовала, а еда казалась безвкусной, как трава. Она ещё могла себя контролировать и понимала, что не есть три дня подряд нельзя, и надо себя заставлять. Арина заставляла. И вспоминала посвящение в студенты, устроенное им старшекурсниками: палатки в лесу... костёр... концерт... ночная тропа с горящими свечами. Как все поставлено, как всё продумано! Как красивы огоньки в темноте леса! Арина шла по тропе... которая вдруг оказалась общежитским коридором. Хорошо, что в воскресенье все разъехались и никто не видел, как она шла и улыбалась, восхищалась, восторгалась... Это галлюцинации.

У неё галлюцинации??

С эйфорической манией без кветиапина не справиться, поняла Арина. Ещё она поняла, что самовольно уменьшать назначенную врачом 600-миллиграммовую дозу нельзя. И что до сессии таблеток не хватит.

Из дневника Арины

«Нет, я понимаю, что работа в морге тяжёлая и стрессовая, но называть содержимое желудочно-кишечного тракта вкусняшками – верх цинизма. И когда санитар везёт тележку с телом и при этом напевает: «Меня вывез в Геленджик замечательный мужик», на мелодию бабушкиной любимой песни «Подмосковный городок, липы жёлтые в рядок» (санитар пел «лица жёлтые в рядок») – мне хочется топтать ногами и кричать: прекратите глумиться над

мёртвыми!

Я не закричала и не затопала. Просто сказала. А он мне в ответ целую лекцию... Все наши смеялись как припадочные, потому что труп после падения с высоты называется десантник, после падения с мотоцикла – космонавт (потому что в шлеме), после утопления в ванной – сунец, после пожара – полуфабрикат, трупы пешеходов после ДТП – кегли, а фрагменты тел – легио. Санитар был в ударе, как сатирик Задорнов. А потом пришёл наш препод и говорит: «Над кем смеётесь? Патологоанатом ваш последний врач, помните об этом. И не глумитесь над теми, кто не может ответить». И на меня уставился такими глазами, как будто это я смеялась.

*Патологоанатом берёт работу на дом,
Берёт работу на дом патологоанатом».*

◆◆◆

На занятиях по патанатомии, когда Арина, бледная до зелени, была готова грохнуться в обморок, Лемехов по-прежнему оказывался рядом. Она по-прежнему помогала ему с биофизикой, от приглашений в театр неизменно отказывалась, но Сергей не оставлял своих попыток. Однокурсницы удивлялись: «На Ирочке женился, ребёнка родил, а сам за этой недотрогой ухлёстывает. Климова хоть красивая, а Зяблова – вообще никакая».

Зачем он за ней ухаживает, если она «никакая»? Почему у неё не получается на него злиться? За что девчонки злятся

на неё, Арину?

А в наушниках смартфона звучал подаренный Лемеховым рэп Яниса Грека «По-прежнему»:

«Я по улицам Москвы люблю бродить по-прежнему, общаюсь вежливо, пялюсь на витрины с одеждою, летом заруливаю к фонтанам на Манежную, продолжаю верить людям и храню надежду я – на то, что встречу ту, которой отдам всю нежность я... Я грешник, знаю, признаю конечно я. Не хороший, не плохой, я где-то между... Игнорирую моду, жду ясную погоду, чё-то планирую, но всё выходит как-то по ходу...»

Арина слушала – и узнавала в словах себя.

Из дневника Арины

«Зачётная практика в травмпункте. В первый же день привезли пьяного пациента с разбитым лицом и разорванной губой. Зрелище не дай Господи. В морге хоть не орёт никто и не дёргается, никому уже не больно. А этот орал. И облизывался как кот. А потом замолчал, потому что врач стал зашивать ему губу. Обезболит, конечно, лидокаином, но мне всё равно стало плохо от этого зрелища, и перед глазами серый туман. Отвернулась, а препод взял меня за плечи, развернул и велел смотреть и «фиксировать» в дневнике «процесс оказания помощи». Просилась выйти – не разрешил. Грохнулась в обморок.

Перед экзаменом – компьютерное тестирование. Оценки идут в диплом. Пересдать почти нельзя».

Наступил день, когда таблеток не осталось совсем. Арина обошла дюжину аптек, выбросила бесполезный рецепт, переступила через гордость и поехала в психоневрологический диспансер. Диспансеризацию первый курс лечфака проходил в ноябре, и всем выдали паспорта здоровья. Так что если в диспансере её поставят на учёт, никто ничего не узнает, и новую справку из ПНД не потребуют.

– Рецепт я вам выпишу, но лекарства придётся покупать за деньги, бесплатные полагаются только инвалидам, – сказала врач, и Арина торопливо закивала.

– Вам стоит выбрать другую профессию. После окончания университета вы не сможете работать по специальности. Вероятнее всего, у вас биполярное аффективное расстройство второго типа. Вам повезло, что – не первого. При правильном лечении можно добиться устойчивой ремиссии.

Арина молча кивнула.

– Ваши родители не страдали... подобным? Не знаете? Нет? А раньше у какого врача наблюдались? В частной клинике? Это не очень здорово. Видите, вам там даже не объяснили, что без лекарств вы не сможете жить нормальной жизнью.

(Ей всё объяснили, очень подробно, но не рассказывать же врачу, что таблетки закончились, рецепт не действует, до сессии меньше месяца, а от дешёвых антидепрессантов у неё появилась сонливость, которая перед сессией ни к чему).

Вдохновлённая тем, что «больная охотно идёт на контакт, рассуждает адекватно, осознаёт необходимость лечения», как она записала в карточке, врачиха словно задалась целью ввести Арину в депрессию, от которой должна – вылечить. Заповедь «Прежде всего не навреди» она толковала по-своему.

– Антидепрессанты, вопреки мифам, не ведут к привыканию. Не будете принимать их регулярно, не сможете учиться. Рядовые ситуации вроде несданного экзамена вам покажутся безвыходными. Депрессия в разы увеличивает риск суицида. Вам никогда не хотелось?..

– Нет, – помотала головой Арина и через силу улыбнулась. Она ни за что не расскажет, что ей – хотелось, в школе, но жалко было бабушку с дедушкой: как они это переживут?

Воспользовавшись паузой во врачихином монологе, Арина вежливо напомнила о рецепте и назвала таблетки, которые ей помогали. И ужаснулась, когда врач отменила препараты лития, которые держали устойчивую ремиссию целый год. И держали бы больше, если бы не кончились...

На её робкие возражения врач разозлилась:

– Вы мне будете рассказывать, чем вас лечить? Зачем же вы сюда пришли, если сами всё знаете?

– За рецептом.

– Это вам в Осташкове рецепты выписывали, а у нас сперва лечат, и на основе лечения подбирают индивидуальный комплекс препаратов. Вы же сами говорите, что прежние ле-

карства перестали помогать.

– Перестали, потому что я изменила дозировку. Уменьшила.

– Кто вам дал право самой определять дозировку? – выкрикнула докторша, которая от такой наглости аж поднялась из-за стола.

– Выпишите мне литий, у меня сессия через месяц, я же не сдам... Пожалуйста! Ну, пожалуйста! – взмолилась Арина.

– Я вам назначу комплекс современных препаратов. И через месяц... нет, через два. Через два месяца придёте на приём.

В общежитие она возвращалась с ощущением обречённости.

«Современные препараты», выписанные столичным врачом, оказались антидепрессантами, стоили недорого даже по студенческим меркам, и имели странное действие: Арина испытывала безразличие ко всему, и даже не переживала из-за несданного зачёта по анатомии, без которого её не допустят к госэкзамену на втором курсе. Видимо, врач ошиблась с дозировкой и назначила слишком большую. Депрессия отступила. А нормотимиков, удерживающих настроение в приемлемом диапазоне, врач не выписала, и Арине с трудом удалось себя контролировать. На это уходили все силы, а на учёбу сил не оставалось: летнюю сессию Арина сдала с тру-

дом, все три экзамена «удовлетворительно». То есть, о стипендии на втором курсе можно не мечтать.

Вдобавок ко всему она насмерть рассорилась с соседками по комнате, которые бесцеремонно вытащили из шкатулки и распотрошили упаковки шебби-лент («Ой, красивые какие! А что ты с ними будешь делать?»), влезли в Аринин альбом с рисунками для будущих вышивок, и пристали к Арине с расспросами.

Рисунки, по мнению Нелли и Нади, были странными: серая лента асфальта, по которой уходит автобус, расплываясь в струях дождя; увитый плющом забор, за которым виднелась крыша дома; куст шиповника с невзрачными облетевшими цветками; песчаная дорожка, ведущая к мрачным высоким воротам.

Арина не стала ничего объяснять и накинулась на девочек с упрёками.

– Нравится по чужим тумбочкам лазить? Мне что, замок покупать, навешивать? И не стыдно вам?

– Аринка, ты чего? Мы же не брали ничего, только альбом. А шкатулка на тумбочке стояла, мы открыли посмотреть, ничего не взяли. Чего ты на нас налетела-то?

Вечер прошёл в молчании. Девчонки извинились. Арина чувствовала себя виноватой: наговорила им всего, назвала непорядочными негодяйками. Как будто негодяи бывают порядочными. Не могла же она рассказать, что рисунки это эскизы к будущим вышивкам. Автобус – это Настя Пичугина,

её подружка по приюту. Под кустом шиповника они любили сидеть с сестрой Агафьей, уединившись от всех и открывая друг другу душу. По дорожке из песка её провожала до монастырских ворот матушка Анисия, с которой они, наверное, больше не увидятся. А за забором, по которому взбирался в небо зелёный хмель с забавными шишечками, жил Никита, которого она считала другом, а Никитина мама считала её быдлом.

Из дневника Арины

«Методисты словно сговорились с деканатом: распланировали сессию так, чтобы было удобно преподавателям. То есть свалили все экзамены в кучу, так что отдохнуть и подготовиться (прочитать все лекции и ответы к вопросам) невозможно. Самый сложный экзамен – биология, объём материала огромный, в учебнике пятьсот страниц, а в голове каша».

«Однажды ехала в метро, и на эскалаторе рядом ехали преподы с нашего факультета. Я отвернулась, чтобы не узнали. Одна рассказывала другой, что ей студент предложил деньги за зачёты, а она не взяла, потому что МАЛО».

В Осташков она приехала невесёлая. Депрессию Вечесловы посчитали банальной усталостью, которую лечили пикниками с рыбалкой и костровой ухой, походами за ягодами и за грибами. От «общественных работ» Арина не уклонялась: собрала мешок шишек для самовара, под бабушкиным руко-

водством сварила варенье из черники, научилась управлять с лодочным мотором (лодка у Вечесловых была своя, купили прошлым летом) и, по словам полковника, рулила как заправский лихач. Но делала всё это, лишь когда её об этом просили. И днями сидела на веранде с вышиванием, ничем больше не интересуясь.

Втайне от мужа Вера Илларионовна свозила Арину в храм, на беседу с батюшкой, к чему та отнеслась совершенно равнодушно. Батюшка сказал, что с ней всё нормально и бе-сами она не одержима, а болезнь надо лечить лекарствами, а не молитвами. Про бесов показалось забавным. «Да какие к чертям бесы» – проворчала Арина. Вера покраснела, а батюшка одобрительно кивнул. О том, что на втором курсе ей предстояло жить без стипендии четыре месяца, Вечесловы так и не узнали.

То, что творилось с ней летом и из чего с трудом удалось выкарабкаться, тянулось в памяти ужасным шлейфом. «Скорая», которую вызывали бабушке – из за неё, Арины. Разбитый хрустальный кувшин – подарок Вечесловым на свадьбу; они берегли его почти сорок лет, а Арина разбила (нечаянно, потому что у неё начался тремор рук, о котором рассказывала врач. Но... вдруг Вечесловы подумали, что она – нарочно?!)

Апофеозом стало изрезанное ножницами на лоскуты вишнёвое шёлковое платье, «всё равно я в нём никуда не пойду, кому я нужна – такая». Вера Илларионовна, выдер-

жавшая её срывы и попытку суицида, не смогла выдержать этих спокойно сказанных слов.

– Какая – такая? Чтоб я больше не слышала! Будешь пить лекарства, они тебе не дадут из петли в пляс кидаться. А не хватит, ещё купим. Это слава богу, что Рита сговорчивой оказалась, рецепт выписала без слова, да и денег не много требовала... Совесть, видно, заговорила.

– А я... в петле повеситься хотела? – перепугалась Арина.

– Не дошло до этого. Но на подоконник с ногами влезла, и окно открыла. А подумала бы головой: четвёртый этаж, умереть не умерла бы, а осталась калекой на всю жизнь. Мы бы с Ваней себе не простили. Рите спасибо скажи, если бы не она, то и не знаю, что делать...

Арина пребывала в смятении. Про окно она помнила. Тогда ей просто хотелось навсегда избавить Вечесловых от неё, Арины. Сообразила тоже... Лежала бы сейчас с переломанным позвоночником, а бабушка с дедушкой за ней ухаживали. Подавали в постель завтрак и делали массаж, чтобы не образовалось пролежней.

Ей было ужасно стыдно за своё поведение.

В Москву Арина уехала с солидным запасом таблеток, которые отличались от выписанных московским врачом, как день отличается от ночи. К сентябрю она стала самой собой. Но московская докторша оказалась права: наступило то самое пресловутое привыкание, о котором она предупреждала

Арину, а та не поверила.

Привыкание к препаратам ощущалось как банальный синдром отмены. Происходило это постепенно и незаметно.

Осенний семестр второго курса был тяжёлым. По анатомии изучали нервную систему и повторяли пройденное на первом курсе (на госэкзамене будут спрашивать всё). Гистология поражала объёмом учебника, в котором не было «воды», а был один «сухой остаток». Ещё – нормальная физиология, биологическая химия и микробиология, из непрофильных предметов – философия, иностранный язык и физкультура. Арина честно посещала все лекции, сдавала зачёты по лыжам и нормативы по плаванию, и уставала так, что не хотелось ни с кем разговаривать и никуда идти, а только спать.

Впереди три экзамена: анатомия, гистология и философия. Арина, с её несданным зачётом по анатомии, переживала всерьёз: если не пересдаст зачёт, не допустят к экзамену, если получит тройку, останется без стипендии. А другие переживали как-то весело, хотя плохих оценок не хотел никто: свет в читалке горел до двух часов ночи.

– Арин, у тебя кофе есть? Тогда уж и сахарку подкинь. Как его несладкий пить...

– Зяблова, дай философию списать. Говорят, препод по лекциям гоняет, учебник можно не читать, а я как назло...

– Не дам. Экзамен через два дня.

– Я за ночь перепишу, утром верну, чесслово!

– Ариш... Ты перевод по английшу сделала? Сделала? О! Удачно я к тебе зашёл!

Арина молча доставала тетрадку, насыпала в подставленный бокал растворимый кофе и бросала два кусочка сахара. Всем от неё что-то нужно, иначе бы вообще не общались. Соседки по комнате дружат с ней из-за таблеток, которые называют «волшебными» и дружно клянутся перед зачётами. Серёжа Лемехов дружит из-за биохимии и микробиологии, с которыми у него, как он говорит, не складываются отношения. С Ариной тоже не складываются, даже на свадьбу не пригласил, а ведь они друзья. Да какие друзья? Он её просто использует, как бесплатного репетитора, дошло наконец до Арины.

Из друзей у неё остались только Вечесловы и святой Пантелеймон, прощальный подарок матушки Анисии. Прощальный – потому, что в монастырь ей путь заказан: лечить bipolarку там не будут, объявят бесноватой и посадят в полуподвальную камору с зарешеченным узким окошком, где когда-то жила повредившаяся умом сестра Манефа.

В периоды, когда монахиню охватывало буйство, еду и питьё ей подавали через вырубленное в двери отверстие, через него же забирали отхожее ведро. В тихие периоды одержимая вела себя относительно спокойно – то есть распевала песни или выла протяжно и страшно, смотря по настроению. Сестра Манефа была искусной вязальщицей, и сидя под замком в своей келье вязала на спицах шерстяные платки. А по-

том повесилась на мотке шерстяной пряжи, привязанной к оконной решётке.

Арина бы тоже не выдержала такой жизни, в которой нет ничего, кроме работы и молитв. Святому Пантелеймону она поклялась, что вернёт опекунам бездумно потраченные в период эйфории деньги. И ей стало легче.

На пятничных дискотеках она больше не появлялась, в ночных пирушках не участвовала, а «форточки» между лекциями использовала на подготовку к коллоквиумам и зачётам. Пенсии на жизнь не хватало, жить на деньги Вечесловых не хватало совести, и Арина устроилась уборщицей в небольшое офисное здание на площади у трёх вокзалов: Ярославского, Ленинградского и Казанского. Денег платили немного, зато удобно, и метро рядом.

Ровно в одиннадцать вечера сторожиха запирала общежитскую дверь и впускала опоздавших «за бакшиш», обеспечивая таким нехитрым способом прибавку к зарплате. Арина возвращалась «домой» без четверти одиннадцать.

Соседки по комнате изнывали от любопытства, где она проводит вечера, но не могла же Арина признаться, что моет полы? Через силу плелась в душ, выпивала стакан сладкого чая и бухалась в постель в совершенном изнеможении. Из зарплаты возвращала на книжку вечесловские деньги – потраченные на вышивальные нитки и на таблетки.

Нагрузки и постоянная усталость привели к тому, что после зимней сессии она опять осталась без стипендии: к гос-

экзамену по анатомии Арину не допустили, из-за не сданного на первом курсе зачёта по анатомии. Пересдать зачёт не получалось, вредный препод куражился как мог, мстя ей за пропуск занятий, за обмороки в анатомичке и за частушку про патологоанатома.

В общежитской комнате их снова было четверо: третьекурсница Лида Позднякова перешла к ним из комнаты напротив, где каждую ночь собиралась весёлая компания. Лида «веселиться» не хотела, не высыпалась и однажды заснула прямо на лекции. Она охотно рассказывала о своём третьем курсе: какие предметы, кто читает, как принимают зачёты.

– А учебная практика у вас есть, или только теория? А экзамены какие? – выспрашивали девчонки.

– У нас и теория, и учебная практика, а после экзаменов производственная практика, в медицинских учреждениях, кого куда направят, – рассказывала Лида. – Четыре недели, полный рабочий день, диспансеризация обязательна. Опять всех врачей проходить...

– Мы же на первом курсе проходили.

– Ну, так это на первом курсе. А перед производственной практикой диспансеризация обязательна, и медкнижка.

– И справка из ПНД? – стараясь казаться спокойной, спросила Арина.

– И из наркодиспансера.

Всё дальнейшее Арина слушала как в тумане. По итогу прохождения практики пишется отчет, в котором указыва-

ется, чем занимался практикант. К отчету прилагается дневник практики и путевка с подписями и печатями. Практика входит в сессию, несдача будет академической задолженностью, за которую лишат стипендии.

– Если договор оформишь, тебе ещё и зарплату выплатят, за четыре недели. А если договоришься, можно вообще практику не проходить, тебе всё подпишут.

– Просто так? Просто – возьмут и подпишут?

– Арин, ты такая наивная... За деньги, конечно. Подпишут и печать поставят. Но все равно нужно получить медкнижку и путёвку. И явиться в медучреждение, где тебе назначена практика.

Дождавшись субботы, когда девчонки уехали домой, Арина спросила у Лиды, какой формы должна быть справка из ПНД.

За справкой она поехала в тот же день. Она ж не сумасшедшая и не шизофреничка, с БАР второго типа справку ей выдадут, успокаивала себя Арина. В регистратуре её направили к врачу, и справку выдали другую, не на бланке, а на рецептурном листке. «На дату обследования пациентка Зяблова А.Г. дееспособна, активной психопродукции не выявлено» – прочитала Арина. Справку она выбросила в урну.

– Лавочка закрылась. Пейте тенотен, невротички – сказала Арина девчонкам, когда перед сессией они начали кланчить «волшебные таблеточки».

– Ну, Арин, ты даёшь...

– Даёт Климова. Но не всем, только москвичам с квартирой.

– Ну Арин, ты даё-ооошь...

Таблетки в тумбочке она больше не оставляла, носила с собой. Нелли Гуманецкую и Надю Герас не звала Гуманисткой и Герасимом и молча ненавидела. Из-за них ей пришлось пойти в ПНД, из-за них она не станет врачом и не изобретёт лекарство от биполярки, с которой придётся жить всю жизнь.

Всё это расшатало и без того некрепкую нервную систему, и летнюю сессию она не сдала. Учиться в университете она не сможет, поняла Арина. Пошла в деканат и забрала документы, как когда-то – из ветеринарного техникума. Тогда ей не было так горько, впереди что-то брезжило, какая-то надежда...

Койку в общежитии придётся освободить, она ведь больше не студентка. Что теперь делать? Как теперь жить?

Вечесловым позвонила вечером, возвращаясь с работы в общежитие, где ей разрешили остаться на неделю. В придуманную наспех историю с академическим отпуском, который она взяла, чтобы не отчислили из университета за несданную сессию, бабушка поверила. Не давая ей вставить слово, Арина сообщила, что чувствует себя отлично, нашла работу с общежитием и в Осташков не приедет.

И не дожидаясь расспросов, отключила телефон.

Глава 21. «Академический отпуск»

Вещи Арина отвезла в камеру хранения на Казанском вокзале. Она впервые была здесь днём, впервые никуда не торопилась. Стояла и смотрела, как дворник меланхолично сдирает со стен объявления, счищая обрывки ножом. Объявления приглашали на работу, предлагали купить подержанную мебель, котят, дачный участок, снять квартиру или комнату. Работа у неё есть, мебель ей не нужна, а снять комнату в Москве стоит вдвое больше, чем Арина зарабатывает в месяц.

Одну бумажку подхватило ветром и бросило Арине прямо в руки. Это оказалось объявление о сдаче жилья:

«Сдам ЖЕНЩИНЕ/ДЕВУШКЕ (славянке) комнату в 11-комнатной коммунальной квартире коридорного типа (2 кухни, 2 туалета, 2 душа). Пятый этаж пятиэтажного кирпичного дома 1962 года, лифта нет, мусоропровода нет, лестница чистая, соседи хорошие, комната закрывается на ключ. В комнате двухспальный диван, шкаф с зеркалом, комод, стол, холодильник, балкон. На окнах стеклопакеты. Есть стиральная машина. До метро 7 минут пешком.

19000 руб./мес., предоплата 50%, интернет в стоимость не входит, оплачивается отдельно. Звонить с 10:00 до 21:00».

Девятнадцать тысяч! В три раза больше, чем Арина зарабатывает в месяц, на полставки. Если перейдёт на полную ставку, денег всё равно не хватит. Пенсию по утрате кормильца ей платили как студентке-очнице, с московской надбавкой. Теперь платить не будут. Ну, допустим, о цене удастся договориться. А на что тогда жить?

Арина разжала пальцы, бумажка упала на тротуар.

– Девушка, что ж вы мусор людям под ноги бросаете? И не стыдно? – возмутилась толстая тётка, поедающая пломбир. Мороженое она держала, растопырив жирные пальцы. Доест, а урны поблизости нет. Тоже, наверное, на тротуар бросит, отстранённо подумала Арина.

– Что молчишь? Сказать нечего? – тётка перешла на «ты», приняв Арино молчание за беспомощность «жертвы».

– Почему же нечего? Вам мороженое вредно, вон ветровка уже мала, треснет скоро, – сказала Арина.

Толстуха от неожиданности уронила мороженое, и Арине стало смешно: за что боролась, на то и напоролась. Интересно, поднимет или нет? Пломбир шлёпнулся на тротуар, растёкся белой лужицей. Тётка с сожалением на него посмотрела и торопливо зашагала к метро.

Бумажный квадратик, который любительница мороженого назвала мусором, отнесло ветром на проезжую часть. Может, надо было позвонить? Может, получилось бы договориться? А в офисе взять полторы ставки. Может, тогда хватило бы...

Арина беспомощно наблюдала, как по листку с объявлением – таким, оказывается, нужным, а она его бросила! – прокатывались колёса, одно за другим, одно за другим...

Какая-то женщина тронула её за рукав: – Дочка, ты комнату ищешь? Я недорого сдаю, и ехать недалеко, от Москвы на электричке час, от станции одна автобусная остановка, пешком можно дойти. Живу я одна, никто тебя не побеспокоит. Комната светлая, с мебелью. Дочкина. Она в Северодвинске с мужем живёт. А комнатка хорошая, окна во двор смотрят, и соседи хорошие, тихие.

– А сколько платить?

– Много с тебя не возьму, сговоримся. По хозяйству подмогнёшь, в магазин сходишь да в доме приберёшься, а денег сколь дашь. Сговоримся.

Из общежития она уехала в тот же день.

В «академический отпуск» Вера Илларионовна поверила (полковник сделал вид, что поверил), но сильно обеспокоилась судьбой внучки:

– Ваня, что она опять придумала, какая такая работа с общежитием? Кто там живёт, в общежитии этом? Обидят девочку, кому и жаловаться... Она ж не такая, она хорошая у нас.

Полковник уверил жену, что в рабочем общежитии живут только те, кто работает на предприятии. Но навестить внучку надо, и денег ей отвезти, и вообще...

– Тогда уж и лекарства отвези, я к Рите в клинику съезжу...

– Не нравится мне эта твоя Рита. И клиника не нравится. Деньги заплатил, рецепт получил, и до свидания. Ни тебе наблюдения, ни тебе лечения, всё на самотёк пущено. И вот что вышло. Учиться девчонка не может, и жить не может как все, сама мучается и нас с тобой мучает. На учёт её надо ставить, вот что я тебе скажу. И лечить не от случая к случаю, а постоянно. Врач чтобы постоянный был. Не надо было её в Москву отпускать. А ты всё – отпусти да отпусти, пусть едет, пусть учится... Отпустили! А помнишь, нам настоятельница монастыря советовала не брать её, другого ребёнка взять?

– А кто бы тогда её взял?– вскинулась Вера, гневно глядя на мужа. – Загнулась бы давно в специнтернате, а так – выросла, живёт, работает, нас с тобой любит. Не любила бы, домой бы вернулась.

Она ведь из-за нас не едет, нас от себя бережёт... И врёт, что всё у неё хорошо. А я чувствую, что плохо, всё плохо, Ваня! Поезжай, привези её, ради Христа!

Ивану Антоновичу не удалось обмануть жену, не удалось обмануть себя: на сердце лежала тревога, тяжёлая, как свинцовое одеяло, которым его накрывали на магнито-резонансной томографии.

Как он и предполагал, академический отпуск оказался ложью, в университете Арина больше не училась, из общежития ушла «вот буквально вчера, и вещи забрала». На вопрос,

где она теперь живёт и где работает, полковник ответа не получил.

– Она не сказала. Потихоньку ушла, мы даже не видели, когда она вещи забрала. И звонки сбрасывает, не отвечает. А про работу мы не знали, думали, она к парню своему ездит каждый вечер... А ночевать в общежитие возвращалась, – торопясь, рассказывали студентки.

– К какому парню? Про какую работу? Она что, работала? Что ж вы за подруги, если не знаете ничего?

– Почему не знаем? Знаем. Ни к кому она не ездила, она стипендию не получала весь год, а работала в офисе на Комсомольской площади, после занятий, пять вечеров в неделю, уставала сильно, потому и сессию не сдала, – сказала Лида, и девчонки с удивлением на неё уставились.

– Ты знала?! И молчала?

– Она просила вам не говорить.

За день Вечеслов съел упаковку валидола, обошёл все офисы на Комсомольской площади, побывал в отделах кадров трёх железнодорожных вокзалов, выходящих на Комсомольскую площадь, в Центральном доме культуры железнодорожников, в музее таможенной службы и в универмаге «Московском». Поиски успеха не имели (Каланчёвская улица располагалась в стороне от Комсомольской площади, по другую сторону железной дороги). Домой полковник вернулся ни с чем, привёз обратно рецепт и деньги и, не в силах сдерживаться, рассказал обо всём жене.

Неизвестно, что было бы с Верой, если бы Арина не позвонила в Осташков тем же вечером:

– Ба, привет, это я.

Услышав внучкин беззаботно-весёлый голос, Вера громко закричала в телефон:

– Аринка, беда ты бедовская! Чуть до инфаркта не довела... Что ж ты вытворяешь-то?! Где хоть ты есть-то? Дед к тебе ездил, не нашёл, обратно приехал. Разве ж так можно? Он с тобой поговорить хочет.

Полковник отобрал у неё трубку и долго и смачно ругал внучку, требуя немедленно ехать домой и не «шлэндрать по общежитиям».

– Я не шлэндраю, я комнату сняла в пригороде, – успокоила его Арина. – Хозяйка хорошая, мы тут вдвоём с ней... Работаю в офисе, работа несложная, справляюсь. Со мной всё нормально.

– Нормально?! А документы зачем забрала? Учиться-то теперь как?

– Дед, угомонись. Я отдохну немножко и восстановлюсь. Пропущу год, ничего страшного. А рецепт мне в диспансере бесплатно выписали, и таблетки помогают. То есть, сначала не помогали, а потом стали помогать. Я теперь спать могу. И есть могу, с работы приезжаю и мету как пылесос всё, что тётя Нина сготовила. Она вкусно готовит. Дед, ты не переживай за меня, и бабушке скажи, чтобы не переживала. Я ещё позвоню... Да, я вам деньги перевела, на почту. Ну, те,

что вы мне посылали. Я же пенсию получала и стипендию, и работу нашла, на полставки. Мне хватало, даже на театры оставалось, я ходила каждый месяц, все московские премьеры пересмотрела. Всё, пока!

– Ну, как она? Где она? Адрес хоть сказала?

– Скажет она... Ни словечком не обмолвилась. И домой, сказала, не приедет. Сказала, чтобы мы не переживали.

– Вот окаянная...

Больше всего на свете «окаянной» хотелось домой. Приехать и остаться навсегда, на всю жизнь! Лепить с бабушкой пельмени, ловить с дедушкой рыбу, зимой кататься на лыжах, вышивать, читать книжки... Найти какую-нибудь работу... Ей будет хорошо, будет просто замечательно! Но во что она превратит жизнь Вечесловых, со своими приступами, которые повторяются всё чаще?

Ехать в Осташков нельзя.

Врачихе из ПНД Арина рассказала всё – о неотвязной депрессии, о таблетках, которые так и не купила. О том, что не может даже вышивать, потому что у неё дрожат руки. – И вытянула растопыренные пальцы.

– Синдром отказа. Привыкание, будь оно неладно. На препаратах пишут, что его нет, а оно есть. Ты таблеток вообще не пила, никаких?

Арина призналась, что принимала литиевые препараты.

– И как? – поинтересовалась врач. А Арина думала, что

она будет кричать, как в прошлый раз, и вообще её убьёт. Она ведь отменила литий, а Арина её не послушала...

– Тошнит всё время. И галлюцинации бывают иногда.

– Голоса слышите? – врач от волнения перешла на «вы».

– Нет. Только вижу – то, чего нет. Настю, мы с ней в детстве дружили, давно. Маму. Я её шестнадцать лет не видела, я лица её не помню уже! А она приходит, такая же, как тогда. Я её вижу! И при этом понимаю, что мне это только кажется, уговариваю себя, что это ненастоящее. И тогда они уходят. Призраки тех, кого я любила. А я... продолжаю их любить.

– Это хорошо, что звуковых галлюцинаций нет. Иначе бы я рекомендовала стационар. Будешь принимать таблетки, которые я тебе выпишу, и это пройдет. Не будешь – кончится дело больницей.

Арина торопливо заверила, что – будет. Честное слово!

– А работаешь где?

– В библиотеке, – солгала Арина. Отчего-то стало стыдно, что она уборщица.

– А с учёбой какие дела? – лезла в душу настырная докторша.

– Живут же люди без высшего образования, и я проживу. Всё нормально, я не очень расстраиваюсь по этому поводу.

С лица Арины исчезла улыбка.

– Что, совсем никогда не расстраиваешься? И ничему не радуешься?

– Нет, почему? Радуюсь. И расстраиваюсь. В прошлом ме-

сяце мне премию не дали, сказали, плохо работала. Я конечно обиделась, но не плакала. И всё равно со мной что-то не так! Настроение прыгает, то хорошо, то плохо, ни с того ни с сего. Иногда мне от этого делается страшно.

Врач покивала, соглашаясь. Биполярник тем и отличается от шизофреника, что способен анализировать своё состояние и рассуждать адекватно. Слава богу, у девчонки БАР второго типа. Первый тип – тяжёлый, с гипоманиями и «голосами». А она справляется с собой.

За комнату в подмосковном Кратово хозяйка брала недорого. И жалела Арину, которая домой приезжала совсем никакая и бухалась в постель. А в выходные дни покупала в магазине продукты, убирала две хозяйкины комнаты и кухню, стирала, гладила, мыла посуду. Готовила Нина Степановна на двоих, заставляла Арину съесть всё что на тарелке и ругалась, когда она отказывалась есть:

– Тётъ Нин, я не могу, устала очень. Я потом поем.

– Потом это значит никогда. Ешь без возражений. Или невкусно стготовила?

Еда была вкусной, Нина Степановна доброй, и всё было бы прекрасно, если бы не работа. Кроме кабинетов, тесно заставленных столами, под которыми приходилось ползать, и массивными стульями, которые Арина выдвигала и задвигала (ножки царапали пол, сотрудники злились, и стулья приходилось поднимать), в офисе был архив, в котором не уби-

рались со дня сотворения мира. «Через неделю архив должен быть вычищен, и чтоб на папках – ни пылинки!» – начальник сделал строгие глаза, и Арина испуганно закивала.

Ловко он обротал эту девчонку. За полгода уволились три уборщицы, потому что платил он им мало, а требовал много. А эта взяла две ставки, работает за четверых и ни на что не жалуется.

В архиве пахло мокрой бумагой и плесенью. Вглубь уходил длинный коридор и терялся в темноте. Справа и слева от него ответвлялись неширокие проходы между полками, на которых возвышались горы бумажных и пластиковых папок. Арина включила свет и испугалась: за неделю она не успеет, тут и за две не управиться. Пылесоса в офисе не было, и она вооружилась влажной тряпкой. Папки с документами лежали на полках вповалку, достать до верхней можно только со стремянки. Стремянки в архиве тоже не было, вместо неё была низенькая деревянная скамеечка, широкая и устойчивая. Арина встала на скамейку и дотянулась до верхней полки...

Пирамиды из папок падали на пол, как только к ним прикасались. «Короны», тяжёлые как кирпичи, оттягивали руки; тканевые тесёмки на бумажных папках лопались, содержимое рассыпалось, пыль взлетала в воздух, Арина открывала окна, архив наполнялся выхлопными газами, и приходилось снова закрывать...

Через неделю у неё началась аллергия с сухим кашлем

и сыплю на руках. Начальник похвалил её за работу, о сроках больше не упоминал и выплатил премию «в повышенном размере». Сотрудники вознегодовали. Аринин кашель их раздражал: приняли на работу туберкулёзницу, а вдруг она заразная? На Арину жаловались: не промывает пол под столами, вытирает телефонный аппарат грязной тряпкой, грубит в ответ на замечания. Всё это было неправдой, как и «туберкулёз».

Ещё в её обязанности входило мытьё окон, которые через день покрывались грязным налётом (окна выходили на Каланчёвскую улицу с оживлённым движением). Неприятнее всего была уборка лестниц, с которых приходилось смывать плевки, и туалетов, загаженных так, что Арина удивлялась: почему эти интеллигентные, чисто одетые люди ведут себя как скотина?

«Даже свиньи не гадят там, где спят» – сказала Арина начальнику. И услышала в ответ: «Это ваша работа, вам за неё деньги платят». Из офиса она вышла с твёрдой уверенностью, что больше сюда не вернётся. «На словах прилежно каюсь, а делами весьма далёк от покаяния» – всплыли в голове слова Преподобного Ефрема Сирина.

Впереди полыхала красным дьявольским огнём гигантская буква «М» – вход в метро. Ей не надо в метро, ей надо на электричку, где можно смотреть в окно и ни о чём не думать, и ничего не делать – целый час! Счастье.

Нина Степановна всплеснёт руками, усадит Арину за

стол, нальёт ей горячего, ароматно дымящегося чая и молча приткнётся на табуретку. Не будет вынимать душу расспросами. Согласится подождать с платой за комнату, пока Арина найдёт другую работу.

Нина Степановна ей чужая, но так уж вышло, Арина всем чужая, нигде не своя. Вот даже опекунам боялась сказать, что ушла из университета. Хотя они больше не опекуны, но она их очень любит и не хочет ничем расстраивать. И деньги вернёт, она ещё не все отдала. Приедет домой и сунет потихоньку в шкаф, баба Вера будет перекладывать вещи и найдёт.

Чай у тётки Нины крепкий, краснодарский. Арина положит в свой стакан дольку лимона и три... нет, четыре куска сахара. Может, тогда исчезнет чувство дурноты, мучившее так сильно, словно её укачало на океанском лайнере, она видела такой в кино.

Возле метро раздавали листовки. Она никогда их не брала, а тут взяла. Булочно-кондитерский комбинат «Пролетарочка» приглашал на работу. Очень кстати! Арина сунула листовку в карман. В электричке почитает. А может, и на работу устроится. Курьером идти не хотелось, в «Макдональдс» тем более не хотелось, а идей, куда пойти без опыта работы, больше не было. Не подъезды же мыть, как мыла Арина мать.

Нине Степановне она объявила, что нашла новую работу, а долг за комнату отдаст с первой зарплаты.

– Всё лучше, чем пыль глотать, – сказала Нина Степановна. – И сыта будешь, и с деньгами.

Хлебозавод был недалеко от метро, на улице Верхняя Красносельская. Арина зашла на сайт, почитала отзывы и воспрянула духом.

«Почти 30 лет хлеб и разные плюшки покупаю только здесь (живу недалеко). Знакомые часто просят купить для них. Минус – здесь всегда очередь, 15-20 человек, и каждый со вкусом выбирает: нарезной, половинку чёрного, две вагрушки, плюшку с курагой, маковый калач, московскую. А маффины у вас свежие? А булочки с корицей? В очереди стоять не хочется, но я стою».

«Один из немногих сохранившихся со времен СССР хлебозаводов, который продолжает делать вкусный и качественный хлеб, а не "пластмассовую" гадость, которую большинство делает сейчас. Пряники здесь тоже самые вкусные, мятные, шоколадные, с корицей, ягодные... Если свежие – объедение! Я беру по два каждого вида. Спасибо вам, ребята».

«Хлебозавод – огонь! Свежеприготовленный хлеб, выпечка собственная, очень вкусные торты из натуральных (наверное) продуктов. Особенно «Птичка»! Но вот по магазину есть вопросы: постоянно очередь за хлебом, хотя три кассы пустые, но хлеб ни в коем случае не продадут! Что за чудные правила такие...»

«Одно из немногих мест, где можно еще купить вкусный хлеб сделанный по старым технологиям».

Отзывы о магазине при комбинате были не столь хороши.

«В магазине хлебозавода продавец колбасного отдела всегда пьяна!!! Возле кассы не находится, приходится её звать с подсобки. Огрызается на претензии, заявляет "Ну вы же сюда ходите, значит, вам все нравится!" Маркировки на вскрытых колбасных изделиях с датой нет! Была куплена несвежая колбаса, а у нас маленькие дети. Я не хочу тестировать ответственность работников магазина на здоровье семьи. На просьбу продать невскрытую колбасу у продавца появляется гонор и смелость, подключаются собутыльницы из соседнего отдела с тортами и начинают хамить хором! Магазин конечно хороший, но в отдельных частях хочется полицию вызвать. В части хлебной все идеально! Все быстро, чистенько и всегда прекрасно. Бакалея и колбасы это какой то алкотреш. То ли она пьющая тёща директора завода, то ли руководства у завода вообще нет. Но картина как в кино»

Другой отзыв был даже с фотографией продавщицы:

«Отзыв о магазине! В 15:45 хотел зайти в магазин, но не тут-то было!!! На пороге встретила запечатлённая на фото особа и в хамоватой манере заявила, что магазин закрыт на дезинфекцию! На вопрос «Как так? Ведь работать он должен до 16:00» ответ был таков: «Ну, человек с санэпидстанции приехал раньше. Что ж теперь ему – ждать, что ли?» Вывод: покупатели для них не люди.

Хотя, заглянув в окно, увидел что в торговом зале никакой дезинфекции нет, персонал спокойно занимается подсчёта-

ми и закрывает смену, видимо чтобы в 16:00 срулить самим, а не только закрыть магазин как положено».

Отзывы Арина читала вслух, последние два – изнемогая от смеха.

Глава 22. Сладкая жизнь

На следующий день Арина сидела на собеседовании в отделе кадров. После стандартных вопросов ей выдали белый халат, и директор хлебозавода провела для неё экскурсию по заводским цехам, расспрашивая о мотивах Ариного желания работать в коллективе, где девяносто процентов кадрового состава таджики. (Позднее этот вопрос ей задавали многократно и менее тактично: "Русская? Москвичка?! Что ты здесь забыла?")

Медосмотр занял два дня, после чего Арине выдали форму и определили рабочее место. Трех девушек, с которыми она работала, звали Айджамал, Алтыnguль и Адлия. Запомнить это было невозможно, и всех троих именовали Айками: Айка-злая, Айка-добрая и Айка-сладкая. Имена двух первых с персидского переводились как Красивая Луна и Золотой Цветок, имя последней означало: Справедливая. Самая молодая из троих, Адлия обладала выраженными лидерскими качествами. Напористая, несдержанная, грубая, умеющая угодить начальству и поставить на место неопытного работника, используя любую ситуацию в свою пользу, она была какой угодно, только не справедливой.

На этаже, где работала Арина, замешивали тесто, формовали на конвейере батоны и лепили руками разные плюшки. Здесь же находились печи (большие для хлеба и малые для

плюшек), упаковочный цех и начиночная, где варили начинку.

Аринино рабочее место – в маленьком закутке за начиночной. Здесь начиняли ромовые бабы, маффины и пироги. Аромат горячего повидла, маковых зерен и коньячного сиропа с утра казался волшебным вкусом, а к концу смены от него щипало глаза и чесалось горло.

Работать её поставили в первую смену. Она выходила из дома в пять, на станцию бежала бегом, без четверти семь была на заводе, переодевалась и бежала в цех. В закутке работали два-три человека в зависимости от размера заказа на день. Перед началом рабочего дня надо было сходить на склад за плитками белой кондитерской глазури и поставить ее плавиться. Пока плитки плавятся, в закуток прикатывали стеллажные тележки-шпильки с заготовками ромовых баб (прим.: кондитерская тележка-шпилька это многоуровневая конструкция с поворотными колесами, оснащёнными тормозными устройствами).

Из дневника Арины

«Вот и опять я пишу дневник – увы, не об университетских буднях, врача из меня не получилось. Кондитер тоже вряд ли получится: меня здесь съедят раньше, чем научусь работать как все».

В закутке они работали втроём. До обеда каждому надо было сделать две тысячи ромовых баб. Сначала окунуть

верхнюю часть заготовки в расплавленную глазурь – ровно и без потёков. Ровно у Арины не получалось. Айка-злая орала на неё за медлительность, а потом на своем языке что-то говорила Айке-сладкой об Арине, для ясности тыча пальцем в её сторону.

После окунания в глазурь ромовая баба аккуратно ставится на специальный поднос с отверстиями и отправляется сохнуть. Наконец почти вся партия покрыта глазурью, и можно уже начинать бабы коньячным сиропом. Под снисходительными взглядами Айки-злой и Айки-сладкой Арина притаскивает из начиночной тяжеленное ведро сиропа. Сироп заливают в дозатор с цифрой пять, и Айка-злая демонстрирует высокий класс: берёт в одну руку пять ромовых баб и – пшик! пшик! пшик! пшик! пшик! – протыкает каждую дозатором. На каждый пшик одна ромовая баба, останавливаться нельзя: дозатор выстреливает сиропом без перерыва.

Готовые изделия выкладываются на поднос и дружно едут в упаковочный цех, где их запаивают в целлофан.

Спина уже ноет, и хочется присесть и хоть немного отдохнуть. О счастье! Звонок! Обеденный перерыв!

После обеда в закуток привозят маффины – шоколадные и ванильные с черникой. Для них другой дозатор, и им действовать проще: маффины начинают по тридцать штук, прямо на подносе. Подносы ставятся обратно в шпильку, Арина везёт их в упаковочный цех и вздыхает: упаковывать коробки с маффинами придётся ей – на целлофанаторе, состоя-

щем из двух раскаленных поверхностей и раскаленной нити, отрезавшей целлофан. Эта самая нить тянулась от висящей сверху катушки, и Арина, пока училась, обжигалась об неё несчётное количество раз (особенно ужасно выглядели локти, сердобольная Нина Степановна мазала их какой-то мазью, и боль проходила).

Упакованные маффины уезжали на грузовом лифте, и наступало время пирогов (шесть тестяных розочек, соединённых ромашкой: одна в центре и пять вокруг). Бракованные заготовки разрешалось съедать «на месте преступления», и Арина могла утверждать, что без сиропа и сырной глазури пирог был значительно вкуснее.

В её обязанности входило испортить эту вкуснятину: полить сиропом и красиво размазать ложкой сырный крем. Однажды Айка-злая получила от неё этой ложкой по голове:

– А-аай! Почему?!

– Потому что нехрен облизывать ложку, людям это потом есть!

Пироги упаковывались в небесно-голубые коробки и отправлялись вслед за маффинами. Если дело близилось к семи, рабочий день благополучно заканчивался, и можно было выйти на улицу. А там всегда стояли шпильки с хлебом, иногда даже со свежим и мягким. Хлеб разрешалось брать в неограниченных количествах. Арина привозила его в Кратово, Нина Степановна сушила в духовке вкусные сухарики, которые они ели вместо хлеба. И бомжам у метро отдавала

пару батонов, им ведь тоже хочется, а им никто не давал, кроме Арины. Они её уже знали, встречали улыбкой, благодарили: «Дай тебе Бог здоровья и мужика хорошего».

Если пироги заканчивались за два-три часа до конца смены, Арину с Айками отправляли помогать формовщикам теста: вертеть свердловские плюшки либо стоять за конвейером с сочниками и снимать лишнее тесто, когда автомат нарежет круглые заготовки. Усталость ли была тому причиной, или монотонно ползущая лента с тестом, но уже через четыре минуты казалось, что не конвейер, а сама Арина куда-то едет, а конвейер стоит.

После двухчасовой пытки Арина взмолилась, за неё заступился Игорь Ледовский, сын заместителя директора, и на конвейер её больше не ставили.

Из дневника Арины

«Мои первые дни на хлебозаводе: идёшь мимо рядов шпилек – а там ватрушка лежит не круглая, а сердечком. Это брак, официально разрешено съесть».

«Невыносимо тяжело, невероятная усталость. Окунать ромбабы в глазурь у Айки-злой получается в три раза быстрее, чем у меня. А у меня ещё и кривенько. Айка на меня орёт, обзывается, до слёз довела. А потом я придумала окунать двумя руками сразу две заготовки, и при тех же медленных движениях у меня получалось в два раза быстрее Айки. И она опять злилась, уже от зависти».

«Начинять сиропом было сложнее: я никак не могла осво-

ить интервалы пишканья дозатора. Поэтому мы все ходили в коньячном сиропе. В конце рабочего дня отклеиваешь шапочку от волос, снимаешь форму, ставишь(!) её...

На второй день моих мучений с дозатором к нам в закуток зашла директор – в тот момент, когда я изо всех сил старалась вовремя тыкать трубкой дозатора в заготовки и никого не облить. И конечно я отвлеклась – "Здравствуйте, Ирина Александровна!" – и машинально вынула дозатор из заготовки. Оставшиеся три заряда коньячного сиропа выстрелили в Ирину Александровну, которая опрометчиво подошла поближе, чтобы посмотреть, как я справляюсь.

Меня не уволили. Потом мне рассказывали, как на комбинат нагрянула серьёзная проверка, и мужик из комиссии решил попробовать дозатор. Ой, зря он сделал! Сироп фонтаном разлетелся по всему помещению, пришлось отмывать стены и пол.

Другой проблемой было то, что в моей руке пять ромбаб не уместались. Максимум три. Что делать? Выложила на поднос десяток ромбаб, поставила на дозаторе десятку. И понеслось.

А если выложить в несколько рядов? Мои отношения с Айками были к тому времени близки к адекватным, и мы попробовали. Семь рядов были рекордом, чисто из спортивного интереса. Но даже три ряда ускоряли процесс так, что мы всё заканчивали к шестнадцати часам! Увеличилась

скорость, увеличились и заказы. И уже не две тысячи ромбаб проходили через мои руки, а шесть-восемь тысяч (я перемножила подносы на шпильки)»

Вечесловым она звонила каждую неделю. Рассказывала про хлебокомбинат, про Нину Степановну, которая о ней заботится как мать. Про воздух, который в Кратово просто волшебный и похож на селигерский. От приглашения приехать в Осташков на новогодние праздники она со смехом отказалась: «Дед, ты забыл, где я работаю? Хлеб людям нужен и в праздники, а отпуск я ещё не заслужила, кто меня отпустит?»

И удивилась, когда Иван Антонович не стал её уговаривать: «Не приедешь, значит? Ну что ж... На нет и суда нет. Бабушка привет тебе передаёт».

Новый год они встречали вдвоём с Ниной Степановной. Арину она называла дочкой и не слишком с ней церемонилась: еда на комбинате бесплатная, ешь сколько влезет, работа непыльная, выходные через день – поди плохо! Так что и дома потрудиться не грех. Молодая, здоровая, не переломится.

Соседки были другого мнения: «Нинка всё на квартирантку свалила, и стирку, и уборку, и в магазин сходить, и половики вытрясти, и лестничную клетку вымыть. Другая бы ушла давно, а эта терпит. Деваться, видно, некуда».

Работа по дому не утомляла, Арина привыкла к ней у Ве-

числовых, хотя там её не слишком нагружали, учили всему понемногу, дозированно, как говорил Иван Антонович. Кратово отличалось от Осташкова, как отличается от города любой посёлок, и Арина наслаждалась спокойной как тихая заводь жизнью, казавшейся ей сном – тёплым, дремотно-уютным. Волшебным.

Столичная врач оказалась права, когда заменила Арине лекарство: от новых таблеток наступила длительная ремиссия. И даже работа, с которой она возвращалась не помня себя от усталости, доставляла удовлетворение и радость.

Старшим их смены был сын заместителя директора Игорь Ледовский – молодой, обаятельный, темноволосый, немного похожий на испанца, с живыми глазами на худом «породистом» лице. Айка-злая и Айка-сладкая были в него влюблены. На комбинате Игорь числился аппаратчиком приготовления инвертного сиропа, но большую часть дня проводил в закутке, где Арина и Айки «зарабатывали на хлеб».

О кондитерском производстве он знал всё. И смешил девочек, рассказывая о профессиях, которыми они могут овладеть. «Если будет время» – добавлял Игорь и сам смеялся своей шутке. А Арина смеялась над названиями профессий: глазировщик, дражировщик, купажист пектинового экстракта, машинист сбивальных машин, окрасчик сиропа, халвомес и даже обкатчик клюквы!

К Арине Игорь явно благоволил, интересовался, как она

справляется с работой, не сильно ли устаёт, не хочет ли перейти в другой цех.

– У его папашки связи где-то наверху, – просветила Арину Айка-сладкая. – Ба-альшой человек. Сыну квартиру купил в Мытищах, это почти Москва. Бери его тёпленького, пока он вокруг тебя круги нарезает. Будешь Арина Ледовская, нас не забывай, мы тебя всему научили.

– Нужен он мне... Нужен мне его папашка... Нужна мне ваша Москва... – бормотала Арина себе под нос.

К Игорю Ледовскому она не испытывала никаких чувств, кроме благодарности за то, что не ставил её на конвейер, от которого у Арины кружилась голова. По вечерам, лёжа в постели, она подбирала слова, которыми мягко откажет Игорю, когда он позовёт её замуж. Но вышло всё не так.

Подкараулив Арину в коридоре, когда она тащила ведро с горячим сиропом, Игорь заступил ей дорогу: знал, что за сиропом Айки всегда посылали Арину, и часто приходил ей на помощь. Арина улыбнулась. Но вместо того, чтобы взять ведро, Игорь притянул девушку к себе и впился в её губы длинным настойчивым поцелуем. Арина вытерпела поцелуй, вытерла губы и спросила: «Почему?..»

Потому что я тебя люблю, хочу, чтобы ты стала моей женой, скажет Игорь. Что ему ответить? Что Арина не хочет? Что она его не любит? Что Бог есть любовь, а когда в жизни нет любви, то нет и Бога? А Игорь скажет, что это заумь. И что раз он её любит, то любовь всё-таки есть.

Но Игорь сказал совсем другое.

– Хочу поближе познакомиться с твоим хозяйством. Давно хочу.

Арина рассказывала Айке-доброй о бабушке с дедушкой и о даче на Селигере. А та зачем-то рассказала Игорю. Зачем? Он что, хочет в отпуск к ним приехать?! Но как она его представит? Как друга? Он не друг, просто знакомый. Вечесловы всё поймут не так, ещё и поздравлять её вздумают! Господи, что же делать...

Арина поставила на пол ведро, которое устала держать и которое Ледовский так и не взял. И сняла с себя его руки.

– Ты в отпуск к нам приехать хочешь? Тебе Алтыnguль рассказала? Нет у меня никакого хозяйства, это у бабушки с дедушкой – зимний дом на озере, а у меня нет, я... Я им не родная. Но если хочешь, я у них спрошу, можно ли тебе приехать.

– Да я не об огороде, – рассмеялся Ледовский, – я о другом хозяйстве.

– О каком?

– О том, которое у тебя всегда с собой. Которое у каждой женщины. Не понимаешь, что ли? – Игорь развязал поясok её халата. – Я о *твоём* хозяйстве говорю.

Пошлый смысл выражения дошёл до Арины не сразу. Недоумение сменилось растерянностью, глаза смотрели умоляюще. О чём она его умоляет? Делает вид, что не понимает? Другая бы радовалась, сын замдиректора старейшего

в Москве хлебокомбината это не таджик-рабочий...

– Айки сказали, ты девушка у нас? Это надо исправить, и я могу тебе в этом помочь...

Арина пришла в себя. Задыхаясь от ненависти, от слов, которыми её облили словно грязью, в ярости толкнула ногой ведро, сироп плеснулся Игорю на ноги, и тот заорал...

Арину не уволили. Перевели в ночную смену, и теперь она работала с пяти вечера до шести утра следующего дня. Иногда вместо двенадцати часов приходилось работать пятнадцать-шестнадцать. Зато на депрессию не оставалось времени, а на эйфорию не оставалось сил.

К её удивлению, Айки работали вместе с ней. Спали по очереди, расстелив на полу картонку, а двое «бодрствующих» работали за троих. Арина от своей очереди отказывалась: девчонки не берут выходные, чтобы больше заработать, но должны же они спать хоть немного...

О «сиропных» последствиях разговора Ледовский-старший так и не узнал. Игорь оказался трусом: испугался, что Арина расскажет о его домогательствах. Начальство относилось к ней по-доброму, а с таджиками-нелегалами были конфликты. Причины такого отношения она выяснила, когда перешла в ночную смену: Арина работала через день по двенадцать часов, нелегалы работали без выходных, то есть вдвое больше, а получали столько же. На Арину бросали косые взгляды и ко всему придирались.

Айка-добрая никогда не повышала голоса и общалась с Ариной на русском. Айка-злая и Айка-сладкая Арину откровенно не любили, болтали при ней на своём языке и тыкали пальцем в её сторону, чтобы понимала, что говорят – о ней. Но в конце концов перестали орать и обзываться, потому что Арина обгоняла их по скорости и по качеству работы.

В её самый первый день на заводе все три Айки одна за другой (сговорились, что ли?) задали ей один и тот же вопрос. Девушек волновало только одно: девственница Арина или нет, в её двадцать два года. Поверила только Айка-добрая. И тихо потом поделилась, что они-то считали всех русских девушек шлюхами, а Арина не вписалась в их картину мира.

Сложнее было с матом. Здесь на нём говорили все, а Арину просто не понимали. Не привыкли. Две тётки, с которыми Арина складывала свердловские плюшки, прямо при ней поспорили, сколько она продержится без мата, неделю или две. И обе не угадали: за полтора года работы Арина так и не начала материться, хотя эмоции испытывала, мягко говоря, разные.

И одержала победу: при ней больше не матерились. Заикались, задумывались, невнятно бормотали под нос, но вслух не выражались. Дополнительным бонусом стала физическая выносливость: двенадцатичасовую смену она выстаивала на ногах с нормальной усталостью. "Раншэ паднос паднят нэ мог, а тэпер шпылька таскат! Маладэц!" – От этой похвалы

у Арины запыхали уши, а в сердце толкнулась гордость: она здесь своя, её больше не ненавидят.

В апреле с комбината ушли Айки – все три. На прощанье Айка-злая обняла Арину и призналась, что с ней было хорошо работать. Следующее поколение новичков обучала уже Арина – как покрывать пироги глазурью, как начинять маффины, как ставить коробки, чтобы они не падали. Директор отметила ускоренное производство на Ариной «точке» и выписала ей солидную премию, которую Арина отвезла в Осташков Вечесловым. Две недели отпуска, который ей всё-таки дали, она провалялась в гамаке с вышиванием.

Глава 23. Високосный год

Ура! Конец смены! Позади – раскалённый жар печей, горячий, пропитанный сиропным липким запахом воздух. Какое наслаждение – выйти из душного тепла в сырой холодный ноябрь, в электричке прижаться щекой к ледяному стеклу и смотреть, как в струях дождя мчится за окном время.

2016 год, вопреки суевериям, был для неё счастливым: из офиса с грязными окнами, заплёванными лестницами и заносчивыми сотрудниками – из офиса она уволилась, с Айкой-злой подружилась и даже по ней скучала, усталость после смены вполне переносимая, норму Арина выполняет, на шее у Вечесловых не сидит, за комнату Нина Степановна берёт недорого, ремиссия длится уже год. И даже мокрый ноябрь радует – Новый год она встретит дома, Ирина Александровна обещала её отпустить на все десять дней новогодних каникул.

Но високосный год остался верен себе и приберёт сюрпризы напоследок.

В первых числах декабря к Нине Степановне приехала из Северодвинска дочь. Привезла три чемодана вещей и двух пухлощёких малышей: шестилетнюю Машеньку и четырёхлетнего Мишутку.

– Мама, я не в гости, я насовсем. – С порога объявила Ольга и с вызовом посмотрела на мать.

Нина Степановна ни о чём не спросила. Расскажет потом сама, а сейчас лучше помолчать. Вон она какая – взвинченная, вся на нервах, деткам подзатыльники раздаёт налево и направо, не успели приехать, уже ревут оба.

– С мужем повздорила, а на них отыгрываешься? – не выдержала Нина.

– Мама! Мы не повздорили. Мы развелись. А эти всю дорогу ныли, рекорд поставили. Спиногрызы. А ну замолчали оба! А то без ужина останетесь!

– А мы и не хотим! – заявил четырёхлетний Мишутка.

Нина Степановна подбоченилась и поджала губы.

– Сейчас, без ужина... Разбежалась. Ты не командуй тут, Ойка. Никто тебя здесь не обидит, не попрекнёт ничем, и ты их не обижай. Не видишь, устали они... – И, обхватив детей за плечи, увела обоих в кухню.

Оттуда потянуло сдобным хлебным запахом, послышалось швыркание ложек о тарелки. Ольга удивилась: надо же, едят без уговоров, сами. Их накормить мучение, то не будем, это не хотим...

От детского прозвища, которым её назвала мать, и от запаха хлеба – словно только из печи! – злость и обида отступили.

– Чем ты их накормила, мама? Они у меня привереды, каких свет не видывал, – спросила Ольга, когда детей уложили спать.

– Да ничем таким особенным. Сухариков погрызли, чер-

ничного кисельку похлебали, миски облизали да прям на табуретках спать свалились, мальчика-то еле подхватить успела. И ты ложись. Завтра расскажешь, чем тебе муж не угодил и почему сбежала.

– Сбежала. Подходящее слово. А не сбежала бы, пришлось бы ехать на остров Котельный. И ладно бы, если б его насильно туда послали. А он сам захотел, дурак. Ему наплевать, что дети маленькие. А чем их там кормить? Мороженой капустой и нерпичьим жиром?

– Где он, Котельный этот? Я и названия такого не слыхала.

– Это Якутия, мама. Республика Саха. Море Лаптевых. Тридцать восемь тысяч километров тундры. Девяносто дней полярная ночь. С ноября по апрель минус двадцать пять, и это у них считается тепло, а бывает и до минус пятидесяти. Девять месяцев в году земля покрыта снегом. И белые медведи по льдам приходят.

– А из хорошего что?

– Из хорошего летом до плюс четырёх, полярное сияние, дождей нет, метели метут весь год. В море лёд никогда не тает. Вода из кранов ржавая, из овощей одна капуста перемерзлая, связь с большой землёй нестабильная, но есть. Сообщение – малая авиация и ледокол. И этот идиот решил, что я с ним поеду, и детей с собой возьмём.

– А садик там есть? А школа?

– Мам! Какой садик? Какая школа?! Тундра. Полярники там живут, ещё охотники и рыболовы. Промыслово-охотни-

чья база есть. Полярный городок: дома, улицы... Аэродром восстанавливают, базу арктическую строят. И мой туда же, понесли его черти за длинным рублём, за надбавками северными. На два года завербовался, меня не спросил. А я детей там гробить не собираюсь! – Ольга выкрикнула последнюю фразу и, помолчав, спросила: – Мам, кто в моей комнате живёт? Я постель хотела постелить, а там вещи чьи-то, и икона висит. Ты молишься, что ли? Верующая?

– Ты же знаешь, что неверующая. Да и она не верующая. Всю жизнь свою мне рассказала, как на духу. С такой жизни ни во что верить не будешь. А икона – пусть, говорит, висит матушкина память. Матери её, значит.

– Да кто – говорит-то? Кто?

– Жиличку я пустила. На инвалидной пенсии добра много не наживёшь, тряпку лишнюю не купишь.

– Мама! Мы же тебе посылали, каждый год, и деньги, и шмотки. Дублёнку финскую. Унты собачьи, в них в минус пятьдесят ноги не мёрзнут. У тебя шкафы от вещей ломаются, кухня новая, стильная... А тебе всё мало.

Нина Степановна понимала, куда клонит дочь.

– Да я не о том. Тяжело одной-то, не с кем словом перемолвиться, вот и сдала комнату. Девушка хорошая, работает в Москве на хлебозаводе. Второй год у меня живёт. Неуж впятером в трёх комнатах не разместимся?

– Впятером? Ты серьёзно? Ты эту девку с хлебозавода удочерила, что ли?! – кипятилась Ольга.

Нина Степановна молчала, уже понимая, что от комнаты Арине придётся отказать.

С дочерью они проговорили полночи. Нина постелила ей в гостиной, Ольга уснула, взяв с матери слово, что через два дня жиличка освободит комнату.

– Как через два? Ей жильё новое искать, за два дня разве найдёт?

– Это не наши проблемы.

Утром Ольга поднялась чуть свет.

– Ну и где твоя жиличка?

– Так рано же ещё. К полдевятому приедет.

Но Арина не появилась ни в девять, ни в десять... Нина Степановна волновалась: если на работе, то позвонила бы. А она не звонит.

– Загуляла квартирантка. Заразу венерическую в дом при- тащит, а у меня дети. Mam, ты простыни её в машинке не стирай, в баке прокипяти. Или вообще выброси. И чтобы завтра её здесь не было! Пусть идёт куда угодно. Домой пусть едет, к матери своей, – злобствовала Ойка.

Нина Степановна не узнавала свою дочь. Откуда в ней столько жестокости? И эти грязные обвинения... Где она такому научилась? Как язык повернулся?

– Нет у неё матери.

– Не наши проблемы.

Арина приехала в полдень, отработав шестнадцать часов

вместо положенных двенадцати. Днём поезда ходят редко, пришлось стоять на платформе и мёрзнуть. Телефон разрядился, тётя Нина там волнуется, а она даже не может позвонить. В довершение всего Арина села в неотапливаемый вагон, и ей бы перейти в другой, а она нечаянно заснула. Домой пришла не чувствуя ног. Открыла дверь своим ключом, пристроила на вешалку шубку и не снимая сапог прошла в комнату и присела на кровать. Посидит три минутки, потом пойдёт в душ, отвернёт до отказа горячий кран и наконец согреется. Голова сама опустилась на подушку.

...Проснулась от громкого крика. Кричала какая-то женщина, прямо над Ариным ухом. Может, она ещё спит? Арина поморщилась и потёрла глаза.

– Вот, посмотри на неё! В сапожищах на постель бухнулась! Пьяная, наверное. Я это терпеть должна?! Нет, ты мне скажи, почему я должна жить с алкоголичкой?

– Да на полу ноги-то, не на кровати. Неудобно ей, ноги-то затекли небось... Сильно устала, видать. На работе задержалась. У них ведь как? Прикажут и останешься, домой не уйдёшь. А работа тяжёлая, на ногах всё время. Да в перерыв попала, дневные-то поезда у нас редко останавливаются... Ты спи, спи, Аринушка. Это дочка моя, Оленька, мы уйдём сейчас. – Нина нагнулась, намереваясь распустить шнуровку на Ариных сапожках. Дочь с силой дёрнула её за руку:

– Мама! Ты с ума сошла?!

– Тут вишь какое дело... Дочка как снег на голову свалилась, да с дитяи. Им комната отдельная нужна...

– А в вашем доме никто не сдаёт? Вы здесь всех знаете, может, спросите...

– Да у кого ж я спрошу? По квартирам, что ли, пойду? Кто тебе за такие деньги комнату сдаст? Разве что половичок в коридоре. Это я с тобой год валандалась, кормила-поила. А другие не будут.

Последние слова заставили проглотить горький комочек обиды. Арина кормила себя сама, платила хозяйке за жильё и за стол, и в комнатах прибиралась, и полы отмывала до блеска, а Нина Степановна валялась на диване с книжкой или смотрела телевизор. Или уходила поболтать к соседке – чтобы не мешать Арине наводить чистоту.

Нина Степановна приткнулась на стул, смотрела, как Арина укладывает сумку, и молчала. Хорошо, что сейчас зима, всё тёплое она наденет на себя, летние вещи уместились в сумке, вместе с завёрнутыми в газету кроссовками и парой туфель, а вышивальные принадлежности и Святой Пантелеймон поедут домой в рюкзаке.

– Ойка моя от мужа ушла, говорит, насовсем приехала. Хочу, говорит, в своей комнатке жить, а чужих чтобы в доме не было... Условие поставила.

(А говорила, что Арина ей как дочь. И деньги взяла вперёд, за полный месяц).

Нина Степановна положила на стол конверт:

– Это за половину декабря. Здесь не все, ты уж прости, потратила я. Отдавать нечем...

(Нечем отдавать? Дочь привезла ей деньги, Арина сама слышала).

– Тётъ Нин, я всё понимаю. Вы не волнуйтесь, я уеду.

Вот она, Христова любовь к ближнему. В теологии одна, в жизни совсем другая. Хотя – что она такое говорит?! У неё есть свой дом, есть бабушка с дедушкой. Они её любят не как «ближнего своего», а как родную внучку. А другой любви ей не надо.

В Осташкове её не ждали. От Арины не укрылась тревога, промелькнувшая в бабушкиных глазах, и взгляд, которым они обменялись с дедушкой.

– Господи... Аринка... Как снег на голову! А говорила, не приедешь, не отпустят тебя. Отпустили, значит? Ты надолго к нам?

Как снег на голову...

– Что ты молчишь? На себя не похожа, и под глазами круги.

– Со мной всё нормально. А круги потому что не выспалась. Билет только на четверг удалось купить, в общем вагоне, там не особо поспишь. А до поезда две ночи на вокзале ночевала, в зале ожидания для транзитных пассажиров. Если билет есть, то разрешают. А днём гуляла, всю Москву объездила и на экскурсии в автобусе заснула... Ба, я есть не

буду, не хочу. Можно, я посплю немножко?

Комната непоправимо изменилась. Исчезли расшитые золотыми лентами шторы, вместо них висели другие, на которые Матрона Московская взирала с немым осуждением. Ещё исчезла подаренная Вечесловыми кукла с закрывающимися глазами, плюшевый медведь, настенные часы в виде улыбающегося солнышка, подушечка для иголок и плетёная корзинка для вышивальных принадлежностей. Больше всего Арине было жаль фарфоровых балеринок, она собирала из них коллекцию, а теперь коллекция исчезла. Коврика над диваном тоже больше не было. И дивана не было! Его место заняла кушетка с двумя креслами. Кресла были новыми. Деньги она отдаст, подумала Арина, а об остальном подумать не успела, провалилась в сон.

Она проспала до вечера (и спала бы дольше, но у Веры Илларионовны иссякло терпение). И теперь рассказывала – о преподавателе анатомии, который не позволил ей пересдать зачёт, не допустил к экзамену на втором курсе и сказал открытым текстом, что лечфак не для неё. («С твоими обмороками и зелёными щеками тебе бы окончить фармфак и работать в аптеке. Туда покойники не ходят» – сказал преподаватель, глядя Арине в лицо. – Зачёт ты у меня не сдашь, даже не пытайся. И учиться не будешь. Это я тебе обещаю»).

– А может, ну её, медицину эту? Может, другую специальность выберешь? – сказал Иван Антонович.

Арина помотала головой.

– Ваня, не трожь ты её! Ей ведь плакать хочется...

– Подожди, Вера. Не лезь. Ты же говорила, в колледж поступишь, на кондитера учиться, с отрывом от производства. – Иван Антонович пытливо смотрел в глаза, и под этим его взглядом Арина не могла лгать.

Как не могла рассказать про частушку о патологоанатоме, которую Арина сочинила на скорую руку. Частушку распевал весь факультет, а расплатилась за неё одна Арина.

Про Серёжу Лемехова, который её любил, а женился на Ирочке Климовой. Или – не любил?

Про Игоря Ледовского, который её незаслуженно оскорбил, и после не давал прохода. Подкараулив в коридоре, шептал на ухо гадости, лез руками ей под халат, а она не могла ничего сделать, поскольку несла ведро с сиропом. Звать на помощь было стыдно, Айки разнесут «новость» по всем цехам...

Про Ирину Александровну, которая обещала ей целевое направление в Колледж сферы услуг №32 по специальности «Поварское и кондитерское дело», на бюджетную форму обучения и безмерно удивилась, когда Арина пришла к ней с заявлением об увольнении.

Про Нину Степановну, которая звала её дочкой – и не заступилась, не возразила, когда Ольга назвала её алкоголичкой. Не оставила ночевать, хотя знала, что поезда в Осташков ходят нечасто, и билет на сегодня Арине не продадут.

– В техникуме год не доучилась и бросила. Из ветклини-

ки никто тебя не гнал, сама ушла. В институте учиться не смогла, бросила, а ведь как радовалась... Кондитером хотела стать, говорила, от комбината направление дадут, будешь целевой студенткой, – загибал пальцы Вечеслов.

Арина утвердительно кивнула и опустила голову.

– И с комбината уволилась, и там тебе не хорошо. Учиться не можешь, работать не хочешь, лечиться тоже не хочешь, на учёт не становишься...

– Я встала на учёт в ПНД. Можете туда позвонить, врач Ранцева Екатерина Михайловна. Я не сумасшедшая, мне врач объяснила.

– Да кто ж тебе сказал, что ты сумасшедшая?..

– Вера. Подожди. Не встречай. Арина, я что сказать хочу... Мы с Верой не вечные, надолго нас не хватит. Тебе надо привыкать жить одной, – сказал полковник, и Арина его не поняла.

Она жила одна уже три года – сначала в университетском общежитии, потом в Кратово, у Нины Степановны. И когда приезжала домой, рассказывала только о хорошем. Щадила Вечесловых. А они её не пощадили. Зря она к ним приехала...

– Почему меня все не любят? Препод за то, что в обмороки в анатомичке падала, девчонки за то, что таблетки им не давала, Нины Степановны дочка алкоголичкой меня назвала. А я спиртное в рот не беру, я ж на таблетках. Вы вот тоже притворяетесь, что рады, а сами хотите, чтобы я от вас по-

скорее уехала, всё равно куда. Я на Сахалин уеду. Там рабочие требуются, многих специальностей, я уеду и научусь... жить одна.

– Тебе рассказать, какая специальность там тебя ждёт? Рассказать, что там с молодыми девчонками делают, за которых заступиться некому? Или сама догадаешься? Говоришь, не сумасшедшая... Была б нормальная, тебе бы такая идея в голову не пришла! Я тебе покажу Сахалин! Я тебе...

– А куда мне ехать?! Дед, скажи. Куда?

– Тут вишь какое дело... Ты на нас с Верусей не обижайся. Мы старенькие уже, нам покоя хочется. А ты взрослая, у тебя своя жизнь. Пенсия на тебя шла, за утрату, значит, кормильца. Сейчас ты сама получаешь, а до восемнадцати лет мы её с книжки не снимали. И опекунские, что за тебя платили, на книжку шли. Ну и мы добавили, из наших, значит, сбережений...

Дед говорил с несвойственными ему паузами в середине фраз, добавлял после каждого слова «значит», натужно кряхтел, будто ему трудно было говорить.

Будто он не хотел говорить и делал это через силу.

Арина хотела сказать, что пенсию ей больше не платят, она ведь не учится. Но не сказала. Ещё подумают, что она деньги клянчит...

– ...Добавили, значит, сколько смогли. На московскую-то квартиру никаких денег не хватит, да и в Осташкове ничего приличного на них не купишь. А в Гринино дом кирпичный,

и квартирка уютная, две комнаты и садик под окошком. Посёлок большой, обустроенный, места красивые, воздух замечательный, лес, вода, всё рядом. И от нас недалеко.

Полковник не рассказал о том, как Вера снова ездила в Гринино, и отец Дмитрий помог найти недорогую приличную квартиру. И документы оформить помог, одна Вера не справилась бы. «На первом этаже, под окном палисад, на окнах решётки фигурные – и красиво, и жить спокойно будет девочке». Отец Дмитрий так и сказал – девочке.

Вера расчувствовалась, на глаза навернулись слёзы, в груди кольнуло – уже привычно за последние два года. Она торопливо достала из сумки баллончик «изокета», с которым теперь не расставалась, брызнула под язык, переждала жгучую горечь.

– Дима, вот ты говоришь, ей жить спокойно будет. А нам-то с Ваней как жить? Ведь получается, мы от неё отказались, выставили. Выгнали.

– Не получается, Вера. Не получается, – улыбнулся отец Дмитрий. И превратился в Димку из Вериного детства, и она как-то сразу поверила, что всё делает правильно, и будет всё хорошо.

– Всем будет хорошо, и ей, и тебе с Иваном, – подтвердил Димка. – Вам друг за дружкой присматривать надо, болеете оба, а тут ещё эти её психи... психозы то есть. Приступы. Часто они у неё?

Вера вздохнула.

...И теперь слушала, как Иван Антонович говорит – проговоренное и продуманное десять раз. И понимала, как тяжело ему говорить, а ей тяжело слушать.

А Арина не понимала. Что за квартира в Гринино? Зачем она ей? А потом поняла. Вечесловы были для неё бабушкой и дедушкой десять лет. И больше не хотели ими быть, стали никем. И опекунами они уже не являлись: опекунство до восемнадцати, а ей двадцать три, она взрослая и должна жить самостоятельно, объяснил дедушка. То есть, теперь Иван Антонович.

– Устали мы, не можем больше. Деньгами подсобим, если понадобятся, и вообще. Поможем. Ты, если надо, обращайся. Приезжай.

«Как приезжай? Разве я здесь больше не живу?» – хотелось спросить Арине. А ещё хотелось уткнуться в бабушкин фартук – и чтобы её утешали, говорили, что это неправда, про квартиру в Гринино, и что они с дедом пошутили. То есть, теперь – с Иваном Антоновичем.

От ужина Арина отказалась, ушла в свою комнату и легла. А утром не могла съесть завтрак: еда не глоталась, от запаха кофе мутило. Так продолжалось три дня, на четвёртый она уступила уговорам Вечесловых и согласилась лечь в стационар клиники неврозов: «Есть не можешь, спать не спишь, что ж нам, ждать, когда ты от голода умрёшь?»

Палата, куда медсестра проводила Арину, была на четве-

рых. Соседки по палате немедленно забросали её вопросами: где работаешь, да кто родители, да что случилось...

– У меня родители умерли, оба.

– А кто они у тебя... были?

– Маргиналы. Дозу не рассчитали.

С Ариной больше не разговаривали: не хочет, не надо. Засыпала она со снотворным, ела через силу (врач пригрозила, что будет кормить через зонд). Ей поставили диагноз астенический синдром.

– У меня биполярное расстройство, – возразила Арина врачу.

– Нет у тебя никакого расстройства. Не вижу признаков. Типичная астения. Снижение настроения, повышенная обидчивость, раздражительность, нарушение сна. Чувство бессилия, неприязни к окружающим, замкнутость.

– Нет у меня ни к кому неприязни. И замкнутости нет.

– За две недели ты ни с кем не подружилась, никто ничего о тебе не знает. В палате вас четверо, и все твои ровесницы. Неужели не нашлось общих тем?

– Не нашлось. У меня голова болит от разговоров.

– Для астенического синдрома это характерно. Люди не способны переносить яркий свет, звуки и резкие запахи. Возможно появление ярких образных представлений в период крайнего психического утомления. Любое умственное напряжение приводит к ухудшению состояния, любая работа приводит к усталости. Такое бывает при заболеваниях сосу-

дов головного мозга. Капельницу тебе поставим, лекарства подберём... И мир станет к тебе добрее.

Врач вышла из палаты. Арина накрылась одеялом с головой и улыбнулась. Нет у неё никакой биполярки! У неё астенический синдром. А это не страшно, это лечится. А московская врач ошиблась, и лечила не от того.

– Вот дура, – сказали с соседней кровати. – Врачиха ей мозги пудрит, чтобы инвалидность не давать. Синдром это совсем другое, я знаю, у меня у самой – нейроциркуляторная дистония. Аутотренинг помогает и бассейн. Я в школе работаю, с нашими детками не то что дистонию схватишь, вообще с ума сойдёшь. Летом ещё ничего, отпуск длинный, расслабиться можно. А зимой начинается... Адреноблокаторами спасаюсь, больше ничего не помогает.

Арина откинула одеяло.

– Во. Оживела маргиналка наша. Ты вот что, маргиналка... Ты давай в Москву звони, своему врачу. Медкарту факсом пусть пришлёт, нашей фифе отпираться будет нечем.

– Я не маргиналка. Я пошутила.

– Так и мы пошутили. Ты давай звони.

– А почему – фифа?

– Потому что Фаина Францевна. Нет, ты всё-таки тупая... Телефон-то есть? Можешь с моего позвонить.

Хорошие девчонки в её палате. Она с ними разговаривать не хотела, а они не обиделись, помочь ей хотят. Вот она, христова любовь к ближнему. Она всё-таки есть.

Через три недели Арину выписали «с улучшением состояния».

Из больницы она вернулась со справкой об инвалидности. – Ну и ничего страшного. – Вера Илларионовна погладила её по волосам, как маленькую. – И с инвалидностью люди живут. Знаешь, сколько молодых сейчас со здоровьем не в ладах? Молодых-то инвалидов больше чем стариков! Работу найдёшь, пенсию с зарплатой сложишь, вот и ладно будет. Ремиссия у тебя второй год держится, бог даст, и ещё продержится. А учиться и на заочном можно. В Москве ветеринарный колледж есть с заочным отделением. А у тебя два курса веттехникума за плечами, на третий сразу примут. А не лежит душа, так иди в кулинарный, там тоже заочно учиться можно. И специальность востребованная, и переживать не будешь ни за кого.

Больница помнилась как длинный-длинный день, который незаметно переходил в ночь и снова возвращался – тот же самый! Те же врачи, те же медсёстры, те же соседки по палате, тот же фикус в огромном красивом горшке. Арина поливала его из чашки кипячёной водой (другой здесь не давали). Ей казалось, что она попала в прошлое, как в фильме Райана Джонсона «Петля времени». И бабушка с дедушкой были из прошлого, не говорили, что они уже старые и что ей надо привыкать жить одной. Арина думала, что они ей снятся. А может, так и было.

– Это потому, что ты всё время спала. Как ни приедем к тебе, ты спишь... А если не спишь, то полусонная. Молчишь, спросишь тебя о чём – не отвечаешь, и смотришь странно.

– Я так смотрела, потому что думала, что у меня галлюцинации. А молчала потому, что спугнуть боялась, вот, думаю, заговорю – и окажется, что ты это не ты, а врач в белом халате...

– А теперь не боишься – спугнуть?

– Дед! Я ж не сумасшедшая!

– Ну слава богу! Выздоровела. Дедом назвала. А то всё на «вы» и Иваном Антонычем, – развеселился полковник. – Ананас-то вкусный был?

Ананас Вечесловы привезли на Новый год. Ещё привезли Аринины любимые рот-фронтские «батончики» и новую пижамку с разноцветными зонтиками. И очень жалели, что праздник она встретит в больнице.

Арина ни о чём не жалела, к подаркам отнеслась равнодушно и, проведив Вечесловых, с удовольствием вернулась в палату, облачилась в новую пижаму и улеглась спать.

– Арин! Ты с ума, что ли, сошла? Мы такой стол накрыли, а ты спать завалилась! Вставай, кому говорят! Новый год проспишь!

– Девчонки, вы берите всё... Ешьте, я не буду.

Ананас торжественно разрезали и съели всей палатой, уговаривали Арину попробовать, «хоть один кусочек, мы тебе самую серединку вырезали», но она отказывалась: «Вы

ешьте, девчонки... я не буду. Меня даже от запаха еды мутит».

– Тебя лечили сном. От переутомления нервной системы. В этом отделении все такие лежат: после стрессовых ситуаций, потери близких, длительной усталости...

– Дед... После длительной усталости инвалидность не дают, а мне дали. Как я теперь жить буду? Зачем?..

– Ты говорил, вы мне квартиру купили. Я завтра уеду. Можно?

От предложения пожить дома до весны, квартира никуда не убежит – Арина отказалась. В Гринино они поехали вдвоём с Иваном Антоновичем, которого она раньше звала дедом, а теперь не знала, как называть.

В машине с трудом сдерживала слёзы, вспоминая, как уезжала когда-то из приюта. Машина была новая, а воспоминания старыми, в них её ждала волшебной прекрасной жизни с бабушкой и дедушкой. Волшебство кончилось, бабушки с дедушкой у неё больше нет, а жизнь наступила другая, в которой она не знала, как жить.

«Гранд Чероки» подъехал к подъезду старой кирпичной пятиэтажки. «Приличная квартира» оказалась старой, как и дом, которому перевалило за пятьдесят – о чём сообщали выложенные под самой крышей белым кирпичом цифры: «1960».

За стальной массивной дверью «по прозвищу зверь» обнаружилась крошечная прихожая. От комнаты её отделяла по-

лукруглая широкая арка. «Где же дверь?» – подумала Арина. А больше ничего не успела подумать: шторы на окне были её собственные – с золотой прошивкой, у стены стоял знакомый диван, а на комодке танцевали фарфоровые балеринки, изгибаясь и кружась в золотом свете дня. Она думала, что Вечесловы их выбросили. А вот её корзинка с незаконченным вышиванием! И шкатулка-сундучок с вышивальными нитками!

Арина виновато посмотрела на Вечеслова.

– А ты думала, мы всё выбросили? Думала, в голые стены тебя привезу? Молчи, не отвечай. Знаю, что – думала...

«Голые стены» были оклеены жёлтыми весёлыми обоями, под цвет штор. На полу – светло-серый палас. Овальный стол, накрытый льняной скатертью, окружали шесть стульев. Зачем ей столько? Она не собирается звать гостей. В стене виднелась дверь – светлая, почти незаметная на фоне обоев.

– А там что?

– А ты не спрашивай. Пойди да посмотри. Чай не в гости пришла, домой к себе.

За дверью оказалась маленькая комнатка, в которой с трудом поместились шкаф, раскладное кресло, два низеньких пуфика и компьютерный стол... с дедушкиным ноутбуком! От волнения Арина забыла, что собралась называть его по имени-отчеству.

– Дед! Это же твой!

– Не угадала. Похожий.

– Он же... дорогой очень. Девяносто тысяч стоит!

– Поменьше. Но почти угадала. Здесь и игры, и фильмы можно смотреть в хорошем качестве, и стереозвук, и клавиатура с охлаждением. А библиотеку я тебе закачал, фантастику, твою любимую. За всю жизнь не прочитаешь...

– Спасибо!

– Тебе спасибо, что дедом назвала. Взялась, понимаешь, по отчеству величать, ровно чужие мы.

– А мы... не чужие?

– Поговори мне ещё. Обратно в больницу отправлю. Скажу, бредит, своих не узнаёт. Кухню-то будешь смотреть?

Кухня была арбузно-алого торжественного цвета, а дверь заменяли шоколадно-вишнёвые портьеры, напоминавшие театральный занавес. У окна полукруглый столик с двумя выдвижными табуретами. За окном – заваленный снегом палисадник с чахлым одиноким кустом. Арина уселась на табурет и пообещала кусту, что они подружатся. А других друзей ей не надо.

На дооформление документов ушло полдня. Арина проводила Ивана Антоновича (полковник думал, что в Осташков они вернутся вместе, и долго её уговаривал), пообещала, что деньги будет возвращать частями (полковник долго тряс перед её носом указательным пальцем и возмущался) и что она будет звонить и приезжать в гости (полковник утвердительно кивал).

Когда огни вечесловского «гранд чероки» скрылись за

поворотом, Арина принялась укладывать в шкаф вещи. На верхней полке лежали деньги – те, что она оставила Вечесловым, спрятала в шкаф, чтобы баба Вера... то есть Вера Илларионовна их когда-нибудь нашла и обрадовалась. А теперь деньги нашла сама Арина. Им не нужны её деньги. И она, Арина, тоже не нужна.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПРОЩЕНЫ ЛИ ТЕБЕ ГРЕХИ ТВОИ?

*«Если хочешь уразуметь, прощены ли тебе грехи твои,
самое большое доказательство есть, если ничего от
них*

*не осталось в сердце твоём. Но если они живут и дви-
жутся*

в памяти, то это худой признак»

/Авва Исайя/

*«В отличие от шахмат, в жизни игра продолжается
и после мата»*

/Айзек Азимов/

Глава 24. Гринино

В посёлке Гринино Арина жила полтора года, а ей казалось – всю жизнь. В первый год пыталась найти работу. Но на почте надо было таскать тяжёлые тюки с «корреспонденцией», в магазине – разгружать с машин товар, в элитном «Грин-Парке» требовались рабочие по очистке крыш от снега и льда, расчистке участков и удалению старых деревьев, а больше никто не требовался. На смену надежде пришло отчаяние. Оставленные Вечесловыми деньги – её собственные, которыми она пыталась вернуть им долг, а они не взяли, и Арина очень обиделась – она добавляла к крошечной пенсии по инвалидности третьей группы, что позволяло как-то жить. А когда денег не стало совсем, пошла в ЖЭК, и её взяли рабочей по уборке.

Арина мыла подъезды, как когда-то её мать, ещё убиралась в поселковой библиотеке и мыла посуду в кафе. Теперь она могла откладывать деньги – нет, не для того, чтобы расплатиться с Вечесловыми, они всё равно не возьмут... Арина мечтала поступить в Московский государственный институт культуры, на отделение народных художественных промыслов. Мечта делала жизнь не такой беспросветной, оправдывала работу уборщицей, обещала – творческую профессию и даже счастье, в которое Арина теперь верила, наперекор всему. Ещё она училась заочно в кулинарном колледже – обу-

чение было бесплатным, так почему не научиться готовить? Это ведь тоже профессия. И справку из ПНД не требуют...

Психоневрологического диспансера в посёлке не было, и слава богу: узнают соседи и объявят сумасшедшей. Но обходиться без нормотимиков Арина не могла и в первый же выходной поехала в Чёрный Дор. В регистратуре диспансера ей без лишних слов выдали талон к врачу. Врач оказался не таким надменным и строгим, как в Москве. Расспросил Арину о самочувствии, выписал рецепт и успокоил: «Подберём вам лекарства и добьёмся устойчивой ремиссии. С этим можно жить, уж поверьте на слово. Главное, контролировать себя. Почувствовали что-то не то, увеличьте дозу. Не помогло – к нам приходите, мы поможем.

Помочь человеку с врожденным нарушением биохимии мозга сложно. Ремиссия может закончиться в любой момент, без причины. Депрессия сменяется кратковременным улучшением и возвращается вновь, буквально выкачивая способность радоваться жизни. Арина знала об этом из интернета. И о своём диагнозе. И о том, что это заболевание не лечится.

Врач из Чёрного Дора был другого мнения:

– Депрессия это психическое расстройство. Психиатрический диагноз ставится в тех случаях, когда человек не способен совладать с негативными эмоциями, делающими привычную жизнь невозможной: он перестает ходить на учебу, не справляется с работой, не может иметь ни с кем длительных отношений, разрушая одно за другим.

Арина опустила голову. С учёбой она не справилась, с работой, о которой стыдно говорить, справляется, а отношений у неё ни с кем нет.

– К тебе это не относится, – улыбнулся врач, перейдя на «ты». – Два курса техникума, два курса медицинского вуза... Тебе повезло, девочка, у тебя лёгкая стадия биполярки, с тяжёлой ты бы учиться не смогла. Я даже сомневаюсь, биполярка это или астенический синдром. С работой справляешься?

Ответом был молчаливый кивок. Хорошо, что с неё не требуют показать трудовую книжку, Арина бы со стыда умерла...

Врач выглянул в коридор и, убедившись, что очереди к нему нет, продолжил беседу.

Арина узнала, что по статистике ВОЗ с психическими расстройствами сталкивается каждый четвертый. Доказано, что между нормой и патологией нет четко проведенной границы: в условиях стресса каждый ведёт себя неадекватно. Человеческие характеры разнообразны, их невозможно уложить в единую систему мер. То же относится к умственным способностям. Кто-то может, кто-то нет, но ставить клеймо неспособности – не даёт расплывчатость границ и отсутствие чёткого определения нормы.

– Я поняла. Надо себя контролировать, не расстраиваться по пустякам, и вообще... – улыбнулась Арина.

Хотя улыбаться совсем не хотелось, а хотелось плакать.

В Чёрный Дор она приезжала раз в месяц, и таблетки покупала там же. Если покупать в поселковой аптеке, о таблетках узнает весь посёлок, от мала до велика. Арина не сможет никому доказать, что биполярное аффективное расстройство не является психическим заболеванием. И прослывёт сумасшедшей.

Тихая, немногословная, она даже «здравствуйте» никому не говорила, заменяя приветствие улыбкой – такой открытой и светлой, что никому не приходило в голову назвать Арину невежливой.

– Ишь, улыбается, словно солнышко светит. А чему радуется, не пойму. И гостей у неё не бывает, и телевизор вечером не орёт, – делилась впечатлениями Арина соседка по этажу. – Как заселилась она, я грешным делом плохое подумала: девка молодая, безмужняя, кончилась наша спокойная жизнь, пойдёт карусель – гости, гулянки, музыка... А теперь жалко её стало: никто к ней не ходит, ни подружки, ни кавалеры, ни родня, даже в праздники через стенку не слышать ничего.

– Так стены-то в доме кирпичные, звук глушат.

– Я на лестницу выходила, у двери её стояла. Тишина, будто и не живёт там никто.

О том, что вечера она проводила сидя на детском стульчике с прижатыми к электрической розетке ухом, Алла Михайловна рассказывать стеснялась. Как и о том, что слышала

через розетку молитвы, длинные и многословные, которые Арина читала с выражением. Так артисты читают по радио литературные тексты. То артисты, а то девчонка-замухрышка. А вот поди ж ты – талант!

– Так-таки ничего и не слышать? Совсем?

– Нет, почему... Утром на работу собирается, дверками хлопает; уходит – ключами гремит. Вечером посудой шваркает, мне с кухни слышно, через вентиляцию, вентиляция у нас общая. И чайник свистит у неё, – словоохотливо рассказывала Алла Михайловна, которую все в доме звали Михалной.

О том, что пыталась познакомить Арину со своим тридцатипятилетним сыном, отбывшим срок за грабёж и недавно вернувшимся домой, Михална молчала. Сын притворялся, что ищет работу, но на самом деле не искал, валялся целыми днями на диване, потягивая пиво, которое Михайловна покупала ему на свои деньги. Сына она понимала: наработался, пока в колонии сидел, пускай отдохнёт. Да и где работать-то? На богатеев этих горбатиться, из Грин-Парка? Новости в посёлке быстрее воды бегут, не возьмут они сидельца, ещё и собаку с цепи спустят, чтоб дорогу к ним забыл. Собаки у них породистые, бойцовые, дворняжек в Грин-Парке не держат.

...А куда ему идти? Всё Гринино знает, что Колька Шевырёв сидел за ограбление магазина. Так что на работу в посёлке можно не рассчитывать. В Чёрном Доре железнодорожная станция и складское хозяйство, рабочие руки там всегда

нужны, шпалы ворочать да вагоны разгружать. А от Гринино до станции на автобусе ехать. Поди его дождись, автобуса-то... Да вставать раным-рано, да работа тяжёлая, а у Коленьки здоровье слабое, после отсидки.

Сын Михалны считался рецидивистом: другому бы первоходки хватило, а этот решил «экспроприировать экспроприаторов» – и сел по второму разу.

«Мама, говорит, я ж не для себя, я для тебя хотел. Чтоб жила хорошо, чтоб всё у тебя было» – рассказывала Михална Арине, подловив её у двери, и приходилось слушать, какой Коленька заботливый и любящий сын. «Только мозги без тормозов. Как чего втемяшится, не выбьешь. Ему бы жену такую, как ты. Умную, незлобивую, терпеливую... Колька мой на тебя давно заглядывается, всё спрашивает, что за девка напротив живёт... девушка, то есть».

Арине повезло: заботливый и любящий рецидивист не помышлял о женитьбе, молодой соседкой интересовался из любопытства, а к слову «девка» добавлял «страхолюдная».

Сына Михална жалела. Но ещё больше жалела себя: она вдвоём с сыном в однокомнатной квартире, а эта сикуха одна в двушке. У Михалны окна во двор, днём ребятня орёт, вечером мужики горланят, ночью девки визжат, с парнями обнимаются. А у Арины – обе комнаты окнами в торец, спи себе на здоровье, никто не разбудит. Она и спит. Ночью ни музыки, ни гостей. И никого ей не надо.

Арина так и сказала Михалне, после чего та оставила свои

попытки устроить сыновнюю судьбу. И теперь рассказывала всему дому про Арину, что она «из самой Москвы», потому и сыночком её побрезговала, счастье своё упустила.

– Видать, прижало её там, или сбежала от кого-то, а замашки столичные не оставила, – рассказывала Михална жене начальника ЖЭКа.

Ирина Валерьяновна с мужем занимали четырёхкомнатную квартиру с двумя балконами, на самом лучшем, четвёртом этаже. Михална считала это несправедливым, о чём регулярно оповещала соседей по подъезду – чтоб, значит, не забывали.

– Тебе моя квартира покоя не даёт? Так нас в ней пятеро прописаны: мы с Петей, дочка с мужем и внучка наша. Они в Осташкове квартиру снимают, а прописаны здесь. Не знала? Извини, забыли у тебя разрешения спросить. Ты вот что, Алла. В наши дела нос не суй. А то безносой останешься. Некому будет Кольку твоего кормить.

– Дак я же ничего такого... Ириночка Валерьяновна, я наоборот, – пугалась Михална. – Квартира, говорю, хорошая у вас, окнами на юг, и балконов два, и этаж самолучший.

– А кто по всему дому трезвонил, что мы с Петей вдвоём в четырёх комнатах жируем? Кто сплетни плёл про нас? – наступала на неё Ирина Валерьяновна. И спрашивала, довольная произведённым эффектом: – А этаж почему самый лучший?

– А потому, что не влезет никто: с крыши-то к вам спус-

каться высоконоько, и с земли не достать. А у меня в окно пешком можно войти, стекло разбей и заходи, бери что хочешь...

– Да что у тебя взять-то? Барахло жалко, так поставьте решётки, кованые, как у соседки вашей стоят. И от воров защита, и глаз радуют.

Про решётки Михална сказала сыну один раз, а больше не заикалась. И то правда, насиделся сыночек за решётками, а она, дура безмозглая, дом в камеру превратить хочет.

– Решётки денег стоят, а мне сына кормить, работу не найдёт никак...

– Да он и не ищет. Так что ты про соседку твою говорила? Про Арину эту?

– Выговор у неё нездешний, с нами не знается, двух слов не уронит, в палисаде своём оранжерею развела, землю в магазине покупает, которая в пакетах, под рассаду продаётся. Люди-то на грядки её сыплют, под овощи, а она под сирень насыпала, на клумбе цветов насажала, и денег не жалко. Миллионерша.

Жена начальника ЖЭКа не держала язык за зубами. В этом они с мужем были похожи. О том, что «миллионерша» работает уборщицей подъездов в четырёх пятиэтажках на соседней улице, знал весь дом. Мнения разделились: «Два участка взяла! И куда ей столько». – «Она ж не каждый день моет, она – два раза в неделю». – «А ты посчитай. Четыре пятиэтажки, по три подъезда в каждой, это выходит шесть-

десять лестниц по два пролёта. Ещё лестничные клетки мыть и парадные. Посчитала? Веником подмести, мусор во двор вынести, каждую ступеньку вымыть, воду в ведре несколько раз поменять... Пыль со стен вытереть» – «Пётр Ильич рассказывал, жильцы-то говорят, никогда у них такой чистоты не было. А наша-то Анька грязь по ступенькам развезёт, и ладно».

– Не найдя сочувствия у Ирины Валерьяновны, Михална завела разговор с её мужем:

– Не поговорит никогда, в палисаднике своём возится, а нас будто и нет. Спросишь чего, она и ухом не ведёт, будто не слышит».

– Москвичи – они только лишь себя людьми считают, мы для них трава придорожная, вот кто мы для них, – поддакнул Пётр Ильич. – А ты небось ждала, что она с тобой знакомство заведёт, на чаёк с московскими конфетами пригласит? Помечтала и будет, под дверью постоишь и хватит с тебя.

Одной дверью тут не обошлось, размышлял начальник ЖЭКа. Допекла Михална девчонку, наверняка придумала что-нибудь поинтереснее. Но ведь не скажет, холера!

Михална согласно кивала. На «москвичку» хотелось обидеться, но не получалось: одна как перст, и поговорить не с кем. Михална пыталась – поговорить. Попытка была вежливо отклонена, даже войти в квартиру не получилось: девушка стояла, загораживая собой проход, на вопросы отвечала улыбкой, пожимала плечами, и дальше дело не шло. До-

ждавшись паузы (Михална замолчала, чтобы перевести дух), Арина попрощалась и закрыла перед её носом дверь. Оторопевшая от такого приёма, Михална ушла к себе не солоно хлебавши. Что теперь рассказывать соседям?

В пять часов утра в Арининой двери тихо щёлкал замок – на работу, значит, ушла. Возвращаясь домой, приветливо улыбалась сидящим на скамейке женщинам, тихо роняла: «Добрый вечер» и скрывалась в подъезде. И так каждый день.

Странная она. Молодая, ей бы учиться, а она подъезды моет. И в библиотеке убирается. Библиотека у них большая, книжек тьма и цветы всех на подоконниках. Там за день, считай, половина посёлка перебивается, грязи натащат уйму, а ей – за всеми убирать, да цветы полить, да книжки по полкам расставить... Это ж сколько терпения надо!

По мнению Михалны, работа в библиотеке годилась для пенсионеров, вырастивших детей и внуков и не желающих сидеть без дела. Да и книжки любые бери, читай. А мыть подъезды она своей дочке не позволила бы. Костью бы легла, а не позволила. От такой работы загноёшься.

Дочки у Михалны не было, а Аринины родители, если они у неё были, жили где-то далеко, в гости за полтора года ни разу не приехали.

О том, что Вечесловы звонили Арине каждый выходной, спрашивали о самочувствии и о том, как она живёт, Михална не знала. Как и о том, что Арина бессовестно им вра-

ла, придумывая несуществующих подружек и замечательную заведующую библиотекой, которая к ней хорошо относится (о том, что заведующая обходит книжные полки, проводя по ним белым носовым платком, чтобы проверить, вытерла ли Арина пыль, Вечесловым знать не обязательно). Ещё она придумала дружный библиотечный коллектив, с которым Арина каждое воскресенье ездит на пикник. И про врача из Чёрного Дора рассказала, который «даже не похож на врача, молодой, симпатичный, и шутит всё время». И про устойчивую ремиссию.

Уверившись в том, что с девочкой всё нормально, Вечесловы стали звонить раз в месяц. А потом и вовсе перестали звонить: Веру Илларионовну положили в больницу с диагнозом мерцательная аритмия, полковник не хотел, чтобы Арина переживала, суетилась, волновалась... Достаточно того, что он суетится и волнуется. Девчонке нервничать нельзя, ей врач даже новостные каналы смотреть запретил, и фильмы запретил, можно только комедии. Пусть лучше ни о чём не знает, помочь она всё равно не сможет.

Арина позвонила сама.

– Ба, привет! Вы так долго не звонили, я подумала, вдруг что-то случилось.

– Да что с нами случится? Беспокоить тебя не хотели, вот и не звонили. – Вера Илларионовна только вчера выписалась из больницы и старалась, чтобы голос звучал бодро.

– Ба, я к вам завтра приеду.

– Да мы на дачу собираемся, на выходные, посмотреть, что там и как... Как раз сейчас уезжаем.

Что делать на даче в марте? На лыжах они не катаются, а рассаду сажать ещё рано.

Она не сразу поверила, что не нужна Вечесловым, которые больше не бабушка с дедушкой, а просто бывшие опекуны. Ключевое слово бывшие. Приезжала в дом, где прожила десять лет и где ей ничего не принадлежало. Садилась на диван в гостиной, расспрашивала бабушку с дедушкой о том, как они живут – и слышала в ответ: «Да как жили, так и живём. Не беспокойся о нас».

После первых минут оживлённой Ариными стараниями беседы в гостиной наступала тягостная тишина, прерываемая бабушкиными негромкими вздохами и дедушкиным нарочитым покашливанием.

– Верся... Ты бы чаем гостью напоила, – изрекал наконец Иван Антонович. В его словах Арине чудилась фальшь. О ней не должны так говорить. Разве она здесь гостья? Она ведь домой приехала.

Бабушка с готовностью поднималась с кресла и исчезала в коридоре. Арина бежала за ней на кухню, накладывала в вазочку варенье, наливала кипяток в заварной пузатый чайник, расставляла на столе чашки.

Дождавшись традиционного вопроса о том, как у неё дела, Арина начинала рассказывать – о библиотеке, о книге «Народные художественные промыслы», об институте, в кото-

рый она собирается поступать. Накопит денег на учёбу и поступит.

– Ты накопишь, в библиотеке твоей, – усмехался дед. – Денег-то много ль надо?

– В московском институте культуры год обучения стоит четыреста пятьдесят тысяч, а бюджетных мест всего пятнадцать, но я попробую, может, поступлю. В областном – триста тридцать две тысячи рублей. А в Православном Свято-Тихоновском университете всего шестьдесят тысяч в год! Правда, там бюджетных мест вообще нет. Я пенсию буду откладывать, накоплю.

Услышав, что учиться на факультете художественных промыслов надо четыре года, Вечеслов крикнул.

– Ты пробовала уже учиться, и в ветеринарном, и в медицинском. Не получилось. Двести сорок тысяч, у нас и денег таких нет... Нет, мы дадим конечно, без вопросов. Но не на институт. И не столько. Уж извини...

– Нет, что ты, дед! Мне не надо, я не за деньгами приехала.

– Вот те на! Не надо ей. А зачем тогда ехала – в такую даль, да по такой погоде?

– Просто так. Вас проведать, узнать, как живёте.

– А чего нас проведывать? Живём, хлеб жуём. Мы тебя вырастили, на ногах крепко стоишь, колледж окончишь, профессию получишь...

– Мне не нужна эта профессия, – запальчиво возразила Арина. – Я в столовой работать не собираюсь! И кулинаром

не хочу. А учусь просто так, чтобы готовить уметь, сервировать красиво.

– Нет, ты посмотри на неё. Просто так она учится. Да какой тебе институт культуры?! Там очное отделение, а ты только дистанционно учиться можешь, – добивал Арину Вечеслов. – За год заплатишь, за второй, а с третьего слетишь... И из Гринино в Осташков кататься – деньги зря тратить, на автобус да на электричку, а билета студенческого у тебя нет. Ты вот что, девочка... Ты же сама понимаешь, не потянешь ты институт. Книжки выдаёшь, конференции читательские проводишь, или что там у вас... А к нам мотаться ни к чему. – Иван Антонович чеканил слова, чётко выговаривая каждый звук, будто читал лекцию у себя на кафедре.

Арина голова сама собой опустилась на грудь, как у нерадивой студентки, не сдавшей зачёт. Полковник мягко приподнял её подбородок, заглянул в глаза и сказал уже другим, нормальным голосом:

– Нет, если надо будет, приезжай, поможем чем сможем. Всё ж не чужая ты нам, десять лет с тобой вожгались, себя не жалели, голос ни разу не повысили, руки не подняли ни разу. А выходит, надо было, раз такие идеи тебя посещают неразумные. Двести сорок тысяч отдать неизвестно за что. Где работать будешь после института этого? В церковной лавке крестиками торговать? Или в монастыре вышивальщицей живьём себя похоронишь. Да я такой судьбы врагу не пожелаю!

– Ваня...

– Что – Ваня? Я что, неправду говорю?

Арина торопливо попрощалась, вышла в коридор, потянула с вешалки пальто. Полковник бушевал, бабушка его успокаивала. Ей никто не предложил остаться, переночевать в Ариной бывшей комнатке, о которой она вспоминала, как вспоминают о друге детства – светло и безвозвратно.

Вера взглядом попросила мужа замолчать, вышла в коридор следом за Ариной, завела ни к чему не обязывающий разговор. Словно ничего не было сказано, не бежали по Ариным щекам слезинки, не натягивала она сапоги, торопливо щёлкая «молниями» и не поднимая глаз.

– Дедушка твой лекции больше не читает, договор с академией на этот год не заключил. Сердце у него шалит. Хватит, наработался. А я до лета в бюро переводов поработаю, а там посмотрим. В Заселье дом новый строить хотим. Там у нас сосед пчеловод, две пчелиных семьи нам продал, улы поставит помог. Свой мёд качать будем. За медком-то приедешь? Парник стеклянный поставим. В открытом-то грунте помидоры не вызревают, огурцы не растут, а в парнике им тепло будет... А ты что ж сапоги на простой носок надеваешь? На шерстяной надо, холодно уже. И шарф... Ваня, дай ей шарф, что Васильевы на Новый год подарили. Всё равно не ношу, я к платкам привычная, зачем мне шарф? Он в стенке, в верхнем ящике. И носки шерстяные захвати, там они...

Не слушая Ариновых возражений, Вера Илларионовна заставила её переобуться и обернула вокруг шеи длинный шарф из ангоры. От шарфа исходило мягкое тепло.

– Совсем другое дело! Можно сверху надевать, можно под шею. Он красивый такой, что ему без дела в шкафу лежать? Носи, девочка. Не нужны, значит, деньги тебе? Ну, смотри.

Вера поцеловала её в щёку и перекрестила.

– Христос с тобой. Езжай, милая, с Богом.

Иван Антонович скупо кивнул на прощанье. И смотрел, словно спрашивал, всё ли она запомнила, что ей было сказано. Арина покивала в ответ, словно говоря: «Запомнила. Поняла. Вы сделали для меня всё что могли, и мне больше не надо сюда приезжать. Вы даже внучкой меня не назвали ни разу. Только девочкой».

– До свидания. И простите за беспокойство.

– Ну что ты... Что ты, девочка! Приезжай. Мы всегда...

Ответом был стук каблуков по ступеням.

Вера захлопнула дверь, уткнулась мужу в плечо и тихо всхлипнула.

– Ваня, что же мы делаем? Мы же её практически выгнали, ночевать даже не оставили.

– Не оставили. Ты же знаешь, что нельзя. А если с ней начнётся опять... Помнишь, что она последний раз вытворила? Тарелку об пол швырнула и плакала полночи.

– Так она ж тебе говорила, что есть не может, что тошнит её. А ты насильно в неё пихал, ложку в рот совал. Разве она

виновата?

– А чего ж тогда утром прощения просила, если не виновата? Она не может справляться со своими эмоциями, Вера. Биполярное расстройство неизлечимо, и что она сделает в следующий раз, не знает даже её лечащий врач.

– Да врач-то как раз знает. Говорит, нет у неё никакой биполярки, диагноз ошибочный поставили, астения у неё...

– С астенией инвалидность не дают, а ей дали. Ничего с ней не сделается, на улице не останется, на скамейке спать не ляжет, домой к себе поедет, – гудел на одной ноте полковник. – Она взрослая уже. Пусть живёт одна. Поможем, если что...

По вагону гулял сквозняк, и так же безнадёжно холодно было на душе. Арина хотела поднять воротник пальто, но что-то мешало это сделать. Бабушкин подарок! Она стащила с себя шарф и надела его под пальто, обернув вокруг шеи и расправив на груди концы. От шарфа исходило уютное мягкое тепло, как от батареи центрального отопления, у которой она сидела когда-то в приютской спальне, привалившись спиной – в другой жизни, о которой так светло вспоминалось. Арина прижалась щекой к тёплой шерсти и закрыла глаза.

Новый год Вечесловы встречали вдвоём, в гостиной пахло ёлкой и свежей сдобой, накрытый стол призывно сверкал хрусталём, по телевизору шёл праздничный концерт, а на ду-

ше было тягостно. Вера вздохнула:

– Что же мы сидим, Ваня? Новый год пора встречать, а мы старый не проводили, добрым словом не помянули...

Арина звонила им вчера. Дежурно поздравила с Новым годом, пожелала здоровья и счастья и сказала, что не придет: новый год на работе корпоративно решили встречать корпоративно, арендовали столики в кафе, отмечать, и ей неудобно отказываться. Вечесловы подозревали, что это неправда: внучка не любила шумных компаний со школьных времён и новый год всегда встречала дома. Вдруг придет? Вот сейчас позвонит в дверь...

Не приехала.

Глава 25. Дом на Песочной улице

На всех этажах её дома, кроме первого, были балконы, на которых хозяйки хранили ненужный хлам, сушили бельё и вели душевные разговоры, не смущаясь тем, что их слышит весь дом. У Арины вместо балкона был палисадник с вытопанной клумбой и кустиком хилой сирени. Кустик пытался расти, и Арина знала, как ему помочь.

В монастырском приюте, где она прожила шесть с половиной лет, был большой фруктовый сад. Под руководством сестёр-монахинь старшие воспитанницы вскапывали приствольные круги – неглубоко, иначе повредишь корни; проводили обрезку растущих вглубь веток – после периода вегетации, когда деревцу уже не больно; обмазывали срезы садовым варом – чтобы порез скорее «зажил»; приготавливали растворы от вредителей: из стеблей чистотела – от тли, нашатырный – от медведки, из чеснока – от грибковых болезней и от блошек, отвар луковой шелухи – как удобрение.

Вооружившись веником, Арина брызгала на деревца целительным раствором, шёпотом творя молитву Святой мученице Параскеве о сохранении посевов и садов: в любом деле необходимо просить помощи у Господа, даже если в него не очень-то веришь.

На заброшенном участке на краю посёлка, посреди обломков кирпичей и чёрных обгорелых брёвен, густо поднялась

вишнёвая поросль, гибко тянулась вверх молодая ирга, которую несведущий человек принял бы за ивовые побеги. Арина обрадовалась находке, купила в хозяйственном магазине лопату, и теперь у неё в палисаднике росли вишнёвые деревья и сортовая ирга с крупными чёрно-синими сладкими ягодами. У ирги были тёмно-зелёные листья, осенью они приобретали красновато-оранжевый цвет и долго не опадали.

– Где она такое чудо откопала?

– Она разве скажет? Откопала, говорит. И смеётся. А больше ничего не говорит. В Осташкове, в питомнике купила, наверное.

На реанимированной Ариными стараниями клумбе светилась красными и жёлтыми огоньками настурция, цветки которой с аппетитом объедала соседская кошка Василиска. Арина прозвала её веганкой и гоняла с клумбы веником.

Из дневника Арины

«Я не горжусь тем, что живу одна и не нуждаюсь ни в чьём обществе. Наверное, всё-таки нуждаюсь. Но друзей у меня нет, и я привыкла рассказывать обо всём моему дневнику. Например, о том, что панические атаки в разы хуже депрессии. Это ничем не обоснованный страх, озноб по всему телу, учащённое сердцебиение, головокружение и затруднённое дыхание. То есть загнанное. Все прелести жизни.

Я сидела и ждала окончания приступа, встать с кресла даже не пыталась, слабость жуткая. Финальная стадия: сидеть на месте уже не могла, ходила из комнаты в комна-

ту, из угла в угол, и при этом меня трясло как наркомана в ломке. Внутри – как атомная бомба, и она взрывается со всеми эмоциями сразу. В общем-то, я была на грани.

Вечесловым звонить не стала, они бы примчались и всё равно ничем не помогли. Поеду в Чёрный Дор и попрошусь в больницу. Иначе умру тут одна, от страха».

«Хорошая новость – панические атаки лечатся! Они не опасны, не приводят к смерти, потере сознания или сумасшествию. Врач сказал, что я молодец, что приехала. Запущенные случаи обрастают всевозможными фобиями, а со мной будет всё хорошо, и в больницу ложиться не надо. Вместо транквилизаторов врач выписал мне антидепрессанты. Очень сильные. Это притом, что депрессий у меня нет уже давно. Я сказала об этом, а он сказал, что ему лучше знать.

Потребовались три недели, чтобы лекарство проявило себя в полную силу. Эти три недели вымотали меня до невозможности: постоянная тревога, постоянные мысли о том, что я останусь с этим ужасом навсегда. На работе сказали, больничный лист мне оплатят если не буду брать отпуск, и что я отдыхаю, а другие за меня работают. А я так мечтала об отпуске! Может, Пётр Ильич пошутил?»

Врачу из Чёрного Дора повезло: пациентку удалось убедить, что в Москве ей поставили неправильный диагноз и что на самом деле у неё запущенная астеня со шлейфом

всевозможных фобий, а вовсе не биполярное расстройство. Она поверила, потому что хотела верить: астенический синдром поддаётся лечению, в отличие от биполярки. А девчонка хотела выздороветь.

Врач осторожно поинтересовался – и узнал, что в Москве у Арины никого нет, и жить там она не собирается. Родственников у девушки тоже не оказалось, ни близких, ни дальних. Да она просто подарок судьбы!

Практикующий психотерапевт Иван Андреевич Рукавишин писал статьи для «Неврологического журнала» издательства «Мир медицины» и работал над кандидатской диссертацией на тему «Принципы терапии биполярного расстройства, особенности применяемых препаратов и их побочные эффекты». Но теория без практики бездоказательна, для любой медицинской диссертации нужны подопытные кролики, а Арина охотно шла на контакт, соглашалась на предлагаемое лечение и не возражала против экспериментальных препаратов, которые он выдавал ей сам, и сам «расписывал пульку», то есть методику лечения.

А в медицинской карточке писал совсем другое, и лекарства указывал другие, разрешённые Минздравом и рекомендованные для купирования приступов депрессии при биполярном аффективном расстройстве второго типа.

Для него открывались широкие возможности.

Из дневника Арины

«Уже почти год я живу без панических атак. Их просто

нет! Раньше, когда я находилась в толпе людей, мне хотелось поскорее уйти. Мне казалось, что вот-вот обязательно что-то случится, что-то ужасное...

Реальность поменялась. Ощущения просто невероятные. Я ещё не привыкла к своему новому состоянию, а отношение ко мне людей изменилось. Хотя находиться в толпе мне по-прежнему неприятно, но страха я не испытываю. Я не боюсь даже соседа-уголовника, который вдруг стал проявлять ко мне повышенный интерес. Из-за кошки.

Ко мне приходит в гости белый кот. Он ничей. Когда он пришёл в первый раз, я испугалась: худющий, грязный, бока впалые, морда до крови разодрана. Дрался, видно, с кем-то и ему навалили. Кот три дня отлёживался в палисаднике, я скормила ему банку сметаны, ещё купила жирных сливок и сырую мойву, он так забавно её хрустит! Отлежался и ушёл. А на следующий день снова сидел под окнами и молча ждал еды.

У него на глазу мутная плёнка, подозреваю, что он этим глазом не видит. С удивлением обнаружила, что помню об этом из ветеринарии, но затрудняюсь с диагнозом. Это может быть повреждением роговицы в результате травмы, может быть связано с патологическими процессами воспалительного и инфекционного характера, либо помутнел хрусталик в период развития катаракты. Котик близко к себе не подпускает, наверное, он видел от людей много зла. Жаль. Я могла бы промыть ему глаз метрогилом или сма-

затъ тетрациклиновой мазью. Странно, что я это помню, ведь учила давно.

Еду для Белого я оставляю в палисаднике. Он приходит, съедает и уходит. Стал лучше выглядеть, шерсть заблестела и морда довольная. Очень любит кефир, наливаю ему в коробочку из-под сметаны (сметану кот съел за один раз, целиком упаковку). А у Шевырёвых кошка, роскошная пушистая красавица, и ей очень нравится мой палисадник, потому что там тень от деревьев. Я вишен накопала на заброшенном участке, все деревца принялись.

И вот – картина маслом: пришёл мой Белый, а Василиска под иргой разлеглась и не уходит. Я коробочку с кефиром в окно на верёвке спустила, чтобы он не пугался и спокойно ел. А он повёл себя как джентльмен и Василиске угоститься предложил. Она понюхала, уселась, лапки хвостом обернула и ест, головы не поднимает. А Белый ждёт, что останется. Да ничего не останется!

Василиску эту прогнать дело дохлое, веника она не боится, знает, что не ударю. И на «брысь» никак не реагирует. Нет, мне не жалко кефира, мне жалко кота. Пусть Шевырёвы сами Василиску кормят, и кефир ей сами покупают.

И тут – идёт этот ворюга из третьей квартиры, Аллы Михайловны сын. На Василиску уставился и улыбается. Я ему говорю, забирайте свою киску и хорошенько её кормите, она у Белого весь кефир выпила. Голодная, наверное. А он говорит, Василиска кефир вообще не пьёт, в рот его не берёт.

Говорит, как ты её заставила? Да ничего я не заставляла, она из вредности ест, чтобы Белому не досталось.

Сосед оказался таким же наглым, как его кошка: подождал, пока она доест, взял её на руки и домой унёс. И спасибо не сказал. А котик остался без ужина. Пока искала, чем его накормить, – кефира-то больше нет, – Белый обиделся и ушёл. Так что вечер я провела одна».

Домой Колька пришёл взбудораженный, с Василиской на руках, и весь вечер говорил с матерью об Арином палисаднике, который – как сад («Мам, почему у нас одна трава растёт? Тебе денег жалко, семян цветочных купить?»), об Арином коте, который – замурзанный был, полудохлый, а сейчас красавец, хоть и одноглазый. Об Арине, которая умудрилась накормить Василиску кефиром.

– Да не бреши! Не будет она кефир есть.

– А вот ела! Аринка её не гнала, только лицо удивлённое было, и глазищи... как весенний лёд, вот прямо такого же цвета.

Михалне хотелось плакать: сын наконец образумился, устроился на работу грузчиком в поселковый магазин, и – вот же счастье! познакомился с девушкой из элитного Грин-Парка, которой «отгрузил товар», то есть помог уложить в багажник купленные продукты. А тут эта Арина со своим котом. Михална видела из окна, как Колька торчал у забора и глазел на молоденькую соседку. Смирнёхонько так глазел,

никогда таким не был, с другими-то бойкий да языкатый, а с этой молчал да лыбился. Как некстати...

– Ты про Ирку свою расскажи.

– А что – Ирка? В магазин приезжает чуть не каждый день. Запала на меня. Я ей толкую, что грузчиком работаю, образования нет, в колонии сидел три года... А Ирка говорит, мне всё равно. Я, говорит, тебя люблю, с первого взгляда. Говорит, что у меня внешность мужественная. И брови. Мам, прикинь, а? – Николай молодцевато расправил плечи, прошёлся по комнате.

– Зачем ты ей всё про себя выложил? Не мог промолчать, дурень! – ругала сына Алла Михайловна.

– Вот и Ирка говорит: дурень. А сама меня возила с родителями знакомить. Ты, говорит, там помалкивай, а то как узнают, что разнорабочий, так попрут, и разговаривать не станут... Ох и хата у них! Как в американском кино!

– Ну а ты чего? Молчал?

– Да как молчать, они ж с расспросами полезли. Ирка мне моргала-моргала, изморгалась вся. А чего моргать-то? Раз спрашивают – отвечать надо. Я и сочинил на скорую руку – что полмагазина мне принадлежит, а грузить помогал просто так, понравилась девушка, я и помог. Заврался, в общем.

– Ну а Ирка чего?

– Да ничего. Баба она красивая, с манерами, с воспитанием... Двух мужей похоронила. Чёрная вдова. Третьим не хочу стать. Я подумал... лучше Арины мне не найти. Девка ра-

ботящая, некурящая, замуж неветерпёж, – куражился Колька, искоса поглядывая на мать: верит или нет.

Про Ирку он ещё не решил. И мужей она не хоронила, просто развелась. Чёрную вдову Колька выдумал, чтобы мать испугалась и не лезла с вопросами. Ирка баба денежная, старше его на пять лет, но по ней не скажешь. Сочная, сдобная, и грудь пятого размера. И влюбилась в него, такого как есть. Говорят же, любовь зла, полюбишь и козла. Тут Колька сообразил, что козёл это он и есть, и стал думать об Арине. А чего о ней думать? Только время зря терять. Всё богатство – вишни в палисаднике. И смотрит без интереса. На кота – и то по-другому смотрит! Не пойдёт она за него, по глазами видно, не пойдёт.

– Подумал он! – разорялась мать. – Думалку тебе в колонии отбили, видать. Ты ж сам про неё говорил – страхолюдная.

– Да это я так... Говорил, чтобы ты от меня отвязалась. А то пристала как банный лист... женись да женись.

– Ты ж говорил, не нужна она тебе. А тут богачиха из Грин-Парка сама в руки просится, а ты рыло от неё воротишь, – не унималась Михална. – Ты Ирку эту гляди не упусти. Обрюхатишь, родители ещё спасибо скажут, что женился. Будешь в сыре в масле кататься...

– В сыре, говоришь? В плавленом, что ли? Ну, тыхватила, мать! Спасибо скажут, придумала тоже. Не нужен им грузчик. А Ирка аборт сделает. Что она, дура – в сорок два года

рожать?

Из дневника Арины

«Я понемногу выздоравливаю. Депрессия была уже не помню когда, и срывов больше нет. Был только один раз, когда приехала в Заселье. А там эти проклятые ульи! И пчёлы летают, дедушкины и соседские. Мелькают прямо перед лицом и жуужжат страшно.

Я приехала на две недели, даже и не надеялась, что отпуск летом дадут, и радовалась. И бабушка с дедушкой радовались. А на второй день уже никто не радовался: на меня напали пчёлы, одна в щёку ужасила, другая в руку. Я и не знала, что это так больно! Жало пчелы нельзя вынимать иглой, потому что оно зазубренное, а на конце мешочек с ядом. Бабушка выдавила его из щеки тупым столовым ножом, а из руки я сама вытащила, зубами. Но рука всё равно распухла, и глаз заплыл, и температура подскочила. Я из дома боялась выйти, окно открыть боялась! А дед сказал, что пчёлы не жалят, если их не провоцировать, и что не надо было руками от них отмахиваться.

То есть, я ещё и виноватой оказалась. Укусы горели и зудели так нестерпимо, будто в ранку впрыснули соль. Бабушка прикладывала лёд, а дед говорит, поболит немножко и пройдёт. Говорит, это даже полезно.

Ничего себе немножко. Ничего себе полезно. Я на него наорала, собрала вещи и домой уехала, прямо с температурой. И мёд не взяла, пусть сами его едят. Сказала, что не при-

еду больше и что его «полезные» пчёлы могут закусать до смерти, если набросятся всем скопом. Я читала об этом, а дед не читал, потому и не боится.

Вернулась домой. Мне удивительно хорошо. И даже укусы почти не болят, если до них не дотрагиваться. В лесу ягод полно, на болоте клюква. Заготавливаю запасы на зиму. Из колледжа мне сбросили на электронную почту лекции по консервированию и пастеризации. Очень вовремя».

Из Заселья Арина уехала тем же вечером. Полковник предложил отвезти её в Гринино на машине, но она отказалась наотрез и ушла – сумка на плече, опухшую правую руку держит на отлёте, температуру измерить не дала, но она у неё есть, и высокая: щёки красные, левый глаз заплыл, правый блестит, как в лихорадке. После её отъезда, похожего на бегство, Вечесловы крепко поссорились. У Веры резко подскочило давление и пришлось вызвать «скорую».

– Что ж за ребёнок такой?! Даже когда её нет, от неё неприятности!

– Не от неё. Она тут ни при чём.

– Ни при чём? А «скорую» кому вчера вызывали? А не спали мы всю ночь – из-за кого?

– Не кричи. Ты, когда не прав, всегда на крик срываешься. У девочки температура поднялась, опухоль аж до плеча, а ты ей – сама виновата, не маши руками. Про пользу пчелиного яда ей толковал. Выбрал время лекцию читать.

– Да я думал, ей интересно слушать. А она орать на меня...

– Ты, что ли, не орал? Оба вы орали.

– Что ты предлагаешь, Вера? Пчёл с участка убрать к чёртовой матери? Ты же сама мёд качать хотела. Даже если откажемся, у соседа восемь ульев, всё равно к нам прилетят, у нас же цветы...

– Давай Ваня, давай. Тебе мои цветы давно свет застят. Твоя бы воля, перекопал бы всё и чеснок посадил... Она даже мёд не взяла, и духи, что мы подарили, оставила, только один раз надушилась.

– Погоди, погоди... Духами надушилась? Когда?

– Да вчера. Уж так ей понравились... «Мисс Диор», её любимый аромат, угадали мы с подарком!

– Аромат. Ну, правильно! Надушилась и на двор вышла, а там пчёлы. Парфюмерные запахи могут спровоцировать пчелиную атаку, я забыл ей сказать, я ж не думал, что она коробку сразу распакует... Вера, я идиот, старый идиот! Поеду я к ней... Ты тут не умирай без меня.

– Телефон возьми! Ключи возьми от её квартиры! Мёд не забудь. И Димке... отцу Дмитрию медку отвези.

◆ ◆ ◆

Арины дома не оказалось. Дверь Вечеслов открыл своим ключом. В комнатах прибрано, чисто, уютно. В гостиной висели золотые шторы, в спальне сливочно-белые, расшитые розовыми розами из лент. Вечеслов улыбнулся: внучка оста-

лась верна себе.

Мёд он отнёс на кухню. Положил в холодильник купленную по дороге ветчинно-рубленую колбасу и Аринины любимые творожные сырки в шоколаде. Говяжью вырезку и пельмени запихнул в морозилку. На столе высились пирамиды из банок, свёртков, коробок, пакетов... Топлёное масло, Аринин любимый пармезан, апельсины, яблоки, коробка шоколадных конфет, пакет кедровых орехов, две баночки красной икры. Копчёную скумбрию Вера завернула в три слоя бумаги, а она всё равно пахла. Вечеслов оставил скумбрию на столе. Флакон с духами вынул из коробки и осторожно поставил на комод. Вернётся и сразу увидит.

Так и не дождавшись Арины, поехал к отцу Дмитрию. Выслушал путаные слова благодарности за мёд, соврал, что с Верой всё хорошо, похвалил Диминых внуков и хотел было попрощаться, как вдруг отец Дмитрий задал ему вопрос, которого полковник не ожидал услышать.

– Как поживает ваша воспитанница? Работает? Учится? Всё у неё хорошо?

– А она разве... в церковь не ходит?

– Не видел её ни разу. Ни на службе, ни на исповеди. Вера мне фотографию показывала, я бы узнал. Да вы не волнуйтесь. Не приходит, значит, ей так нужно. Бог ведь не в церкви, Бог у человека в душе. У кого есть, у кого нет.

Полковник вернулся в дом на Песочной улице, прождал три часа и уехал. Арина в тот день с утра отправилась на бо-

лото Анушинский Мох за клюквой, потеряла компас и проплутала в лесу до вечера. К базе отдыха «Княжки разливы» вышла уже потемну. И после не могла себе простить, что в тот день не увиделась с дедом и не попросила у него прощения.

Отец Дмитрий всё-таки позвонил Вере, и не только, чтобы поблагодарить за мёд, за который полковник отказался взять деньги. Вечеслов уверял, что жена чувствует себя преотлично, но Дмитрий Белобородов был отличным психологом и в нарочито бодром тоне услышал – фальшь.

Вера не стала ему лгать, честно призналась, что болела: из-за скандала с пчёлами, скоропалительного отъезда внучки и размолвки с мужем, с которым она не разговаривала несколько дней.

– Дим, она ведь на отпуск приехала, на две недели, мы с Ваней так радовались... Два года не появлялась, даже на Новый год не приехала, звонила только... А тут такое счастье – весёлая, довольная, на щеках ямочки, как у маленькой у неё были... Димка! Мне умереть хотелось, когда она уехала...

– А сейчас-то как? Разговариваете? А здоровье как?

– Да всё в порядке со здоровьем. И с Ваней помирились, он ездил, к Аринке-то, отвёз ей всего... И мёду отвёз. Жаль, не застал, умотала куда-то, что ей дома-то сидеть, отпуск ведь... Утром позвонила, поблагодарила, сказала, что на пчёл не обижаются. Сказала, приедет зимой, когда пчёлы

спать будут.

Последнее было неправдой. Арина говорила с бабушкой равнодушно-вежливо, как говорят с чужими людьми, когда не хотят показать, что обижены. И приехать не обещала. Попросила поцеловать за неё деда и попрощалась.

Из дневника Арины

«Если мою пенсию по инвалидности третьей группы умножить на двенадцать месяцев, получится почти столько, сколько стоит год учёбы на отделении народных промыслов в Православном Свято-Тихоновском университете, а всего учиться нужно четыре года. Учиться и работать не получится, а чтобы собрать двести сорок тысяч, мне понадобятся четыре года.

Я решила экономить на еде, ведь больше экономить не на чем: я нигде не бываю, в посёлке нет театра, вместо кинотеатра клуб, а в нём собирается такая публика – хоть святых выноси! Сначала всё время хотелось есть, но я привыкла, и стало вроде как нормально. А потом началось что-то странное: я вообще не могла есть, и не хотела, и даже запах еды был неприятен.

Врач из Чёрного Дора на моё честное признание, что я три месяца почти ничего не ем, сказал, что у меня атипичная анорексия: тридцатьвосемь килограммов при росте сто шестьдесят шесть сантиметров. Еще два килограмма – и слово «анорексия» можно заменить словом «дистрофия».

У меня открылись глаза, когда я узнала, как сильно успе-

ла себе навредить. Из-за того, что я долго ограничивала себя в еде, организм сжигал мышцы, отнимая энергию у иммунной системы и жизненно важных органов. Электрокардиограмма показала нарушение сердечного ритма – типичный спутник ограничения питания. До этого мне таких исследований никто не назначал. Исследование плотности костной ткани показало начало остеопороза. Раньше плотность костной ткани мне тоже не проверяли.

Чтобы обмануть мой «неправильный» мозг, врач велел есть три раза в день микроскопическими порциями, постепенно их увеличивая. Две ложки супа. Полсырника. Пол-яблока. Дольку шоколада. Пять изюмин.

До чего мучительно! Чувства голода нет. От запаха еды тошнит. Супа съедала по одной ложке, больше не могла»

«Анорексия прошла. Только я теперь начеку. Три дня не голодная, не ела и не хочу? Полишokolадки надо съесть обязательно.

Другая моя победа – я перестала верить галлюцинациям. При биполярке второго типа они бывают крайне редко. И всё же бывают. О глюках я до сих пор знала только в теории, а вчера наступила «практика», и я дико перепугалась. Но при этом отлично понимала, что "декорации" месту не соответствуют, и всё, что я вижу и слышу, не является реальностью. Перетерпела. Убедила себя, что в квартире нет никого, кроме меня, и быть не может: дверь по прозвищу зверь заперта на все три замка, окна зарешечены, и кро-

ме беспризорного кота никто в гости не придёт. Да и кот не придёт, потому что боится даже впрыгнуть на подоконник».

«А ещё меня пугают звонки. Кто-то регулярно мне звонит, номер не определяется. Он звонит и дышит в трубку. Или она. Нет, всё-таки он, я это чувствую. Если задаю вопросы – вешает трубку. В прошлый четверг я сказала, что если нечего сказать, то нет никакого смысла звонить. Что пора уже назвать своё имя. Ответом был вздох, длинный и тоскливый. И вот уже неделя, как прекратились звонки. Без них мне совсем одиноко, я привыкла к чьему-то молчанию, ведь бывает так, что не надо ни о чём говорить, а просто помолчать вдвоём».

От новых препаратов наступила стойкая ремиссия, которую Арина приняла за выздоровление. Рукавишин не стал уверять её в обратном, о побочных эффектах новых препаратов тоже не рассказал, всему своё время, а пока – пусть девчонка побудет счастливой.

С паническими атаками она справлялась отлично (Рукавишин специально их ей «организовал», чтобы проверить действие препаратов, которых никто до сих пор не использовал для купирования приступов паники).

От анорексии избавилась (Рукавишин к этому не причастен, до начальной стадии дистрофии девчонка допрыгалась сама, пусть скажет спасибо, что он её оттуда вытащил).

А галлюцинации были побочным эффектом нового лекарства. Пациентка об этом не знает и удивляется: никогда не было галлюцинаций – и вдруг начались. Арина с ними справится. Должна справиться.

И она бы справилась, не случись одно за другим два события, которые перечеркнули результат лечения, как учитель перечёркивает в тетради неверно решённое уравнение: кричаще-красной запретительной чертой.

Глава 26. По ту сторону дня

В начале лета у пчёл наступает период роения, когда пчелиная «борода» зависает на деревьях, заборах и даже на стенах домов, а затем поднимается в воздух и улетает. Для пчеловода роение – неизбежное зло, ведь при выходе роя старый улей покидают две трети его жильцов. Опытные пасечники пристально наблюдают за пчелиными семьями, отслеживая начало роения, и не дают насекомым перейти в роевое состояние.

Иван Антонович такого опыта не имел. Да и пчёл держал второй год. И теперь с тревогой наблюдал, как из его улья вылетел молодой рой и кружил вокруг яблонь, не находя себе места. Потом как-то неохотно стал собираться на стволе старой липы – на трёхметровой высоте.

Вечеслов крикнул жене, чтобы не выходила из дома и закрыла все окна. А сам побежал к соседу – пчеловоду с солидным стажем. Это его мёд он отвёз Арине и отцу Дмитрию. Своего у Вечесловых пока не было, полковник надеялся выкачать мёд этим летом, а тут – на тебе! – сформировался рой. Вся надежда на соседа, тот знает, как его собрать и поселить в свободный улей. Но сосед, как назло, был крайне занят, и тоже с пчёлами. От Вечеслова он, что называется, отбрыкался:

– У тебя улей новый стоит? Стоит! Так чего ты замора-

чиваешься? Вечером в ловушку стряхнёшь, на закате в улей ссыплешь, вместе с рамками, если уже есть расплод. Веничек реденький у летка поставишь на денёк, чтоб облетелись через него. И все дела.

Ждать до вечера полковник не стал: рой беспокойный, по стволу размазался метра на полтора. Улетит – и все дела. Надел резиновые сапоги, ватные штаны, толстый свитер под халат, нацепил на голову пчеловодную сетку, разжёл маленький лёгкий дымарь. И вернулся к рою.

Пчёлы вели себя агрессивно, жалили через халат и плотный свитер и пролезли даже в сапоги, но Вечеслов не сдавался. Аккуратно подвёл к рою ловушку-короб на длинной палке и принялся стряхивать в неё пчёл тонкой жердью с привязанным к ней пучком травы. Пчёлам это не понравилось, они разъярились и проникли под сетку.

Укусы в лицо и в шею оказались болезненными, гораздо больнее, чем в спину или в руку. Полковник вспомнил Ари-ну. Пчела ужалила её в лицо, ей было вот так же больно, а он советовал не махать руками. Мысленно попросив у внучки прощения, Вечеслов отступил от рассвирепевшего роя – и свалил дымарь, стоявший на траве под липой. Дымарь испустил струйку чахлого дымка и потух. Пчёлы утроили активность. Вечеслов не понимал, что с ними случилось. Почти теряя сознание от невыносимой боли, он смёл рой в ловушку, поместил её в мешок, крепко завязал шнурком, крикнул жене: «Вера, можешь открывать, я закончил!» – и упал на

траву. Полежит немного и встанет. Надо отнести мешок с ловушкой в прохладное место и хорошенько сбрызнуть водой. Пчёлам в нём слишком жарко... Очень жарко. И очень трудно дышать...

Вера с тревогой наблюдала из окна, как муж управляется с пчёлами. Когда он закончил и улёгся под липой, вздохнула с облегчением. Вышла во двор, с опаской подошла к липе, на которой, слава богу, уже не было ни одной пчелы. В прислоненном к стволу мешке глухо гудел рой. Иван Антонович лежал ничком, уткнувшись лицом в траву, и часто дышал. Вера взяла его за руку, мокрую от обильного пота.

– Вера... Помоги мне встать. Мне что-то дышать тяжело. Искусили всего, черти полосатые!

Вера хлопотала возле мужа, прикладывала к шее полиэтиленовые пакеты со льдом, который наскребла в холодильнике, и награждала нелестными эпитетами пчёл, о которых муж продолжал беспокоиться даже теперь, когда они его чуть не убили. Мешок с гудящим в нём роем Вера нацепила на длинную палку, отнесла в подпол и сбрызнула водой, как велел Вечеслов.

– Ваня, как ты? Ото льда полегче стало?

– Полегче... В груди тесно. Ты окна открой.

– Так они открыты...

Через десять минут Иван Антонович почувствовал озноб. Дыхание участилось, в груди хрипело и клочотало. Говорить он уже не мог.

Перепуганная Вера вызвала «скорую».

Больницы в Заселье не было, ближайшая – в Лещинах. К счастью, «скорая» приехала быстро, полковнику сделали укол, включили сирену, хотя дорога была свободна, и поехали в больницу. Укол подействовал: Иван Антонович прикрыл глаза и стал реже дышать.

– До больницы доезём, – непонятно сказала медсестра.

– Не говори «гоп»... – так же непонятно ответил врач.

Смысл слов до Веры не доходил. «Дорога свободна, едем быстро, до Лещин километров двенадцать – пять по просёлку до Залучья, потом мост через Сорогу, после моста приличная грунтовка до самых Лещин, по ней автобусы ходят...» – добросовестно вспоминала Вера. Держала мужа за руку, в которой бился взбесившийся пульс, и молилась богу, в которого не верила.

Полковника успели доехать до больницы, а спасти не успели, он умер прямо в смотровой от отёка лёгких, который образовался от множественных укусов в шею.

Перед смертью Вечеслов задыхался и был крайне возбуждён.

– Аринка... правильно сказала... говорила... не надо было... улы...

– Ваня! Ванечка! – обрадованно зачастила Вера. – Да к чертям эти улы! Продадим. А хочешь, и дом продадим, с таким-то соседом. Ведь если бы не он, то ничего бы и не было.

Вокруг полковника суетились врачи, перебрасывались ко-

роткими фразами, и Вера не сразу поняла, что муж её не слышит и не услышит уже никогда. Кто-то взял её за локоть:

– Пойдёмте, пойдёмте... Вам нельзя здесь находиться, вы мешаете.

– Да, конечно, я не буду мешать, я в коридоре подожду, – улыбнулась Вера.

Она так и не поняла, что ждать больше нечего, так и не вернулась в реальный мир. Разговаривала с мужем, спрашивала, что ей делать с пчёлами, вспоминала о чём-то смешном и строила планы на будущее.

– Ей, может, тиаприд уколоть?

– Какой тиаприд, она вообще не понимает, где находится!

– Нет, я понимаю. Я в больнице нахожусь. Ваня... Иван Антонович. Как он?

Веру пригласили в смотровую. Муж лежал на кушетке и спал. Вера казалось странным, что врачи ничего не делают, сидят и пишут. Вернее, один писал, а второй ему диктовал: «Причина смерти: острая сердечно-сосудистая недостаточность и асфиксия вследствие поражения центра дыхания... Картина анафилактического шока... Многочисленные ужаления домашних пчёл в переднебоковую поверхность левой половины шеи, область каротидного синуса. Записал? Дальше. Укус в центральную часть верхнего века левого глаза... Записал? Давай, пиши быстрее. Сколько ему было лет?

Последний вопрос был обращён к Вере Илларионовне.

– Семьдесят два. Почему было? Ему и сейчас семьдесят

два. Делайте же что-нибудь, сколько можно писать! – Вера без сил опустилась на стул. – Что мне теперь с пчёлами этими делать? Они ж подохнут там, в подвале...

– У неё шок. Реладорм ей уколи, с димедролом. Пусть поспит. Вера Илларионовна, у вас есть родственники? Кому можно позвонить?

– Позвонить? Аринке не надо звонить, разволнуется, а ей нельзя. Я потом ей расскажу, когда Ване полегче станет. Когда поправится...

– Вера Илларионовна. Вы меня слышите? Сейчас – кому позвонить? Чтобы сейчас приехали.

– Соседям по даче. Будасова Елена Станиславовна, Будасов Олег Романович... – Вера пересчисляла телефоны и имена, не помня о том, что Елена Станиславовна приехала вместе с ней в машине скорой помощи и ждёт в больничном вестибюле.

Когда к Будасовым прибежал бледный, насмерть перепуганный пчеловод и сказал, что Ивану очень плохо, а Вера не в себе – они явились к Вечесловым втроём: Никита приехал в Заселье навестить родителей. Расстроился, когда узнал, что Арина была здесь в прошлом месяце. И теперь испытывал смешанные чувства: ужас от случившегося и радость от того, что Арина теперь непременно приедет. Они встретятся, и он расскажет ей про мореходку, и как его отчислили, потому что он укачивался даже на спокойной воде, а в учеб-

ном плавании не вылезал из гальяна. Про Новороссийский судоремонтный завод, где Никита теперь работает и учится на вечернем отделении Новороссийского Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова. Про Вику, с которой они прожили год и развелись (Вика наотрез отказалась уехать в Новороссийск, и вообще, их ничто не связывало, кроме дружбы их отцов). Про письма, которые писал Арине каждый месяц, а она не ответила ни на одно.

Улучив момент, когда мать вышла из комнаты, Никита бросился к креслу, в котором безучастно сидела Вера.

– Вера Илларионовна! Телефон у вас какой? В Осташкове – какой телефон? Да не спите вы! Надо Арине звонить, она ж не знает ничего! Вы телефон скажите, я позвоню. Вера Илларионовна! – Никита потряс её за плечо.

– А? Что? – вскинулась Вера. – В Осташкове? Да она уж пять лет там не живёт. Три года в Москве училась, потом в Гринино уехала.

– А в Гринино – где? Адрес! Адрес назовите!

Вера назвала – и адрес, и номер Арининового сотового. Телефон не отвечал.

– К соседке-то нашей, к Аринке, гость за гостем! То мужик какой-то приезжал, дверь ключами открывал, спрашиваю, кто такой, а он мне: «А тебе накой?» Наглая рожа! – рассказывала Михална сыну. – Ещё молодой приезжал, она его чаем напоила и прогнала, дверь за ним захлопнула. О чём

говорили, не знаю, она музыку включила, бестия, с музыкой этой не слышать ничего, ни слова не разобрать. А как ушёл, плакала, долго. Видать, обидел. Поплакала, подхватила и усвистела куда-то. Сумку еле волокла. Тяжёлая сумка-то. Чего она туда напхала?

– Напхала... Ты откуда знаешь, что она плакала?

– А розетка в кухне на что? Кухни у нас через стенку, я к розетке ухом приложусь и слушаю.

– Приложилась она... Не была б ты мне матерью, в ухо бы тебе приложил!

– Это за что же?

– А чтоб не лазила в чужую жизнь! Пошла бы к ней, утешила, а ты через стенку слушала... чтоб потом всему дому пересказывать!

– Да что я, умом обносилась, чтобы к ней, значит, с утешениями переться? Старик-то её не дождался, ни с чем уехал, а молодой с ней справился, видать. А не надо в квартиру пускать всех подряд.

Колька смерил мать тяжёлым взглядом и ушёл. Сидел на скамейке под Ариным окном и вспоминал, как они вместе кормили Белого и смеялись над его амурными ухаживаниями за Василиской. Когда Арина смеялась, она становилась красивой – той неброской красотой, которую не каждому дано увидеть. Колька вот – увидел. Покупал для Белого мясной фарш и жалел Арину, когда однажды кот не пришёл и больше не появлялся. Девчонка сильно переживала, все гла-

за проглядела. А Белый – был бы живой, пришёл бы. Может, под колёса попал, может, собаки порвали. Не углядел – единственным глазом-то, вот и пропал.

А теперь пропала сама Арина. Колька с удивлением понял, что не успокоится, пока она не вернётся. От этих мыслей всё валилось из рук. В магазине он разбил ящик водки: уронил нечаянно, а в ящике двенадцать бутылок. И ладно бы «Хортица» или «Мороша», так нет, «Царская Оригинальная» из люксового спирта, на каждой бутылке репродукции старинных гравюр и виды Санкт-Петербурга. За эти репродукции Колька выложил одиннадцать тысяч. Ещё он на смерть разругался с Ирккой.

С Верой творилось что-то странное, она то замыкалась в себе и ни на что не реагировала, то вдруг чётко и ясно говорила Арине, что нужно делать. Арина испуганно кивала: «Я всё сделаю, бабушка, ты не беспокойся».

Вечеслова увезли в морг, там надо было платить за каждый день, Арина сняла со сберкнижки деньги, собранные за два года, и занялась похоронами. Для перевозки тела в Осташков (Вера хотела, чтобы муж лежал рядом с её родителями, на Старом кладбище) требовалось разрешение от санитарной службы, справка о проведении бальзамирования, а также документ, подтверждающий осмотр гроба и отсутствие в нём посторонних предметов. Ещё нужен транспорт. И за всё это надо было платить.

На то, чтобы предаваться горю, не оставалось времени, как и на сожаления о том, что учёба на отделении народных художественных промыслов в Свято-Тихоновском Гуманитарном университете отодвигается на неопределённое время.

На похоронах Арина не плакала. Наверное, выплакала все слёзы. В груди ощущалась гулкая пустота – как в доме, из которого вынесли мебель, сняли картины со стен, шторы с окон, и лишь забытые часы громко тикали в опустевшей комнате. Или это тикает её, Ариново, сердце? В голове сами собой сложились строчки: «Пока не кончится заряд, часы идут, спешат, стучат. Пока не кончится заряд. Однажды встанут. Замолчат». Губы тронула горькая усмешка. Однажды кончится заряд... или закончится ремиссия. И никого не будет рядом, ни дедушки, ни бабушки.

Вера Илларионовна, равнодушно наблюдавшая, как рабочие засыпают могилу, больно стиснула Аринин локоть, прошипела в лицо:

– Смеёшься? Весело тебе? Это из-за тебя Ваня умер. Два инфаркта получил из-за тебя: первый – когда опекунство оформлял, другой – когда про биполярку твою узнал. Сколько нервов он с тобой вымотал, с опекой воевал, до инфаркта довоевался. К директору ругаться ходил, с рюкзаком с твоим... Её довёл и себя заодно, за сердце весь вечер хватался. С Валентишей твоей разбирался, чтобы отметок не занижала, чтоб ты школу нормально окончила. Ты думала, ему на

тебя наплевать? А он переживал. Любил. Дачу на тебя отписал, твоя она теперь. Радуйся.

Слова обжигали как кипяток.

– Ба... ты правда думаешь, что мне весело? Что я радуюсь? Давай к нотариусу поедем прямо сейчас, дом на тебя переоформим. Он твой и дедушкин.

– Молчи. Ваня так хотел, значит, так тому и быть. Мне тот дом не нужен, без Вани. А ты живи, учись, ты ж в институт хотела поступать... Теперь деньги есть. А дом продай. С таким соседством беды не оберёшься.

Бабушка говорила обычным голосом, беспокоилась за Арину – не хотела, чтобы она жила в страшном доме, где притаилась жалящая смерть.

– Не бросай меня, ба! – попросила Арина. – И я тебя не брошу, никогда-никогда!

Внутри прорвалась и рухнула плотина. Вцепившись сведёнными пальцами в бабушкину кофту, Арина выкрикивала слова прощения, слова пощады, слова обещания, не замечая никого вокруг.

Вера отстранила её от себя, посмотрела непонимающе и вдруг сказала: «Нам с Ваней домой пора. И ты езжай. Или останешься, пообедаешь с нами? Куда поедешь потемну? Переночуешь, а утром Ваня тебя отвезёт».

◆◆◆

В больнице, куда поместили Веру, Арине сказали, что лечение не даёт результата, и предложили неврологический

частный пансионат «Золотая вода»: «Недаром говорят, что время лечит. Поживёт в спокойной обстановке, может, отпустит. Да вы не плачьте, будет жить как в санатории: круглосуточный уход, питание разнообразное, в парке гулять можно... Заодно и сердечко подлечат вашей бабушке».

За отдельную палату с балконом и видом на озеро Арина заплатила половину отложенных на учёбу денег (другая половина ушла на похороны). Их хватило ровно на два месяца. А что потом?

Про зимний дом в Заселье она запретила себе вспоминать.

Врач сказал Арине, что с бабушкой нужно разговаривать, это должно помочь. Арина приходила, садилась у кровати, если бабушка лежала, или вывозила её на кресле-каталке в парк, если была хорошая погода. И рассказывала – про белого кота, про клюкву, которой она набрала полный бидон и сварила варенье. Про Аллу Михайловну и её сына, который два раза сидел в тюрьме, а глаза у него добрые, и лицо хорошее. Вера равнодушно слушала и так же равнодушно смотрела. Не обнимала и не спрашивала, как у неё дела. Не радовалась мятным пряникам, с которыми любила пить чай. Она словно ушла из этого мира, достигла надёжной гавани – по ту сторону минувшего дня, где нет ни горя, ни любви.

Её, Арины, тоже больше нет.

Совсем недавно эти губы выговаривали слова, эти руки обнимали её за плечи, из этих глаз вытекали слезинки... Не

позволив себе осознать огромность потери, Арина чмокнула бабушку в щёку, попрощалась: «Пока, ба, я в субботу к тебе приеду, тебе привезти чего-нибудь?» – Молчание. – «Не знаешь? Тогда на моё усмотрение. Ну, я пошла».

Арина оглянулась. Ей показалось, или бабушка и вправду повернула голову? Повернула, повернула! Не показалось! Арина вприпрыжку побежала по аллее к воротам, забыв отвести кресло с сидящей в нём бабушкой в её комнату. Вера Илларионовна смотрела, как она бежит, как ветер развеивает подол её платья, открывая загорелые ноги. Холодно, а она с голыми ногами. Замёрзнет. Вот остановилась, вытряхнула из босоножки камешек, смешно балансируя на одной ноге. Верины губы растянулись в улыбку.

Через минуту она снова погрузилась в пучину безмолвия. В безмолвии было спокойно, и все были живы: Ваня, маленькая Аринка и белый пушистый кот. Откуда он взялся, у них же не было кота?

Глава 27. Сыновняя любовь

Колька любил свою мать той самой любовью, которую в народе называют святой. И при этом вечно попадал в неприятности, о которых соседи говорили: «Свинья грязи везде найдёт», а мать говорила: «Что ж тебе так не везёт, сынок...»

Это из-за него, Кольки, материна жизнь покатила под откос. Колькин отец отказался на ней жениться, но отцовство признал: подарил сыну свою фамилию и статус законнорождённого. И исчез из жизни Аллы Шевырёвой, не оставив денег на ребёнка, за что её усердно пилили родители.

«Мама, хватит! Ну, родила. Ну, не женился. Ему родители не разрешили, костыми легли... Что ж теперь, ребёнка в детдом сдать? Сиротой чтоб рос?»

«Ты мне рот не затыкай. Хватит, не хватит, не тебе решать. Живёшь на наши с отцом деньги, ублюдка твоего кормим-поим, так что изволь молчать и слушать, что мать говорит».

«Мама! Ты каждый день это говоришь! Внука родного дурным словом обзываешь. Его-то за что? Он-то в чём виноват?»

«Он виноват, что мать его дура полоротая, аборт сделать ума не хватило, а в подоле принести – это она пожалуйста, расстаралась. И будешь молчать и слушать, пока на нашей шее сидишь, с выродком своим!»

Доведённая до отчаяния ежедневными упрёками, Алла уехала в Гринино, где тогда ещё не было «английского района» на Голодуше и престижного Грин-Парка на Осницкой, а было – три десятка домов на одной улице, которую и улицей не назовёшь: петляет, извивается, сворачивает под немислимыми углами то вправо, то влево, повторяя прихотливые изгибы реки Осницкой, вытекающей из болота Анушинский Мох.

В километре от Гринино соединялись листом гигантского трилистника три озера: Берёзовское, Глубокое и озеро Серемо. От Кравотынского плёса Серемо отделяла двухкилометровая широкая протока, с северной стороны в озеро впадала река Серемуха, где водились молодые юркие щуки, а по берегам густо росла брусника.

Проживём, сказала себе Алла. Денег Марк Браварский ей всё же оставил, в обмен на письменное обещание не требовать с него алименты. О деньгах Алла не обмолвилась родителям ни словом, берегла на чёрный день. В Гринино сняла комнатку у старушки, к которой попросилась на ночлег. Оставила ей годовалого Кольку (родителям оставлять боялась, а бабе Стеше доверила, чутьём поняла – не обидит) и в этот же день нашла работу: на Берёзовском озере развернулось строительство базы отдыха «Князьки разливы», строителей надо было кормить и обстирывать, и Аллу взяли поварихой и прачкой, вода и еда бесплатные, и две зарплаты, как пошутил прораб.

«Повезло тебе, девка, – сказала Алле хозяйка избы. – Места у нас богатимые, рыбные да ягодные, но ягодами сыт не будешь, а тебе мальчика кормить-растить».

Бог был к ней милосерден: баба Стеша взялась приглядывать за маленьким Колькой, а Алла кормила всех троих. Когда «Княжьи разливы» приняли первых отдыхающих, Алла жила в крохотной квартирке на первом этаже пятиэтажного дома, построенного для «княжьего» обслуживающего персонала.

Посёлок активно строился, Алла по-прежнему работала в «Княжких разливах», навещала бабу Стешу, которую подкармливала «княжьими» обедами и ужинами, и домой возвращалась затемно. Колька, предоставленный сам себе, рос шпанистым задиристым пацанёнком, от которого дружно плакали школьные учителя во главе с директором. Так получалось, что всегда и во всём виноват был Колька, а оправдываться он не умел и не любил.

Алла покорно платила за разбитые школьные окна, исцарапанные гвоздём стены, изрисованное шариковой ручкой чьё-то пальто... Сына никогда не наказывала: кто за него заступится, кто пожалеет, если не она? Кольке было бы легче в сто раз, если бы мать на него наорала, отстегала кухонным полотенцем или ещё чем-нибудь. А она не стегала, только замахивалась – и бессильно опускала руку: «Ирод ты, ирод... В деда своего уродился. Я оладышков тебе напекла, ешь, пока горячие».

Мать ставила перед ним тарелку с оладьями, придвигала поближе сметану, подсовывала под руку стакан с молоком. Садилась напротив и смотрела, как он ест. И на все его «Мам, я клянусь, это в последний раз!», «Мам, пальто не я изрисовал, это Мишка Лукьянов, а на меня свалил», «Мама, прости, сам не понимаю, как вышло...» – только кивала головой и грустно улыбалась, и от этого Кольке хотелось плакать.

Потом были два года подростковой колонии общего режима, за попытку ограбления магазина. Потом была армия, которую Колька отслужил в стройбате и домой вернулся с твёрдым намерением поступить в институт, всё равно в какой, и начать новую жизнь.

Новая жизнь не получилась: мать стала слепнуть после того как ей нечаянно попали шайбой в глаз. Мальчишкам вздумалось играть в хоккей на обледеневшей мостовой, Колькина мать шла мимо них по тротуару, шайба взлетела в воздух... и с лёту ударила Аллу в глаз. Мальчишки разбежались, найти виновного не представлялось возможным, Анна и не искала: подумаешь, какое дело, фингал под глаз поставили. Девчонкой была, сколько раз от отца получала, и ничего, выжила.

Глаз болел, стал хуже видеть, потом воспаление перешло на второй глаз... Алла различала предметы расплывчато, не могла читать, не могла смотреть телевизор.

– Ты уж прости, сын, работать не смогу больше, помочь

тебе не смогу. Платили-то мне немного, пенсия инвалидная с гулькин нос, на большую-то не заработала.

Колька решил восстановить справедливость: мать всю жизнь работала как ломовая лошадь, а живёт на мизерную пенсию. А у владельца магазина денег зашибись, дом в «английском квартале», и детям своим по коттежду выстроил, машины им купил, дачи купил, каждому свою. Беспредел.

Магазин они всё-таки ограбили. Сбили замок, отключили сигнализацию, но она почему-то не отключилась, сработала. Взяли всех пятерых. Украсть они ничего не успели, рассовали по карманам содержимое кассы, а продукты – два ящика коллекционного коньяка «Арапат Двин» по цене» 6812 рублей за литр, ящик сырокопчёной колбасы из Финляндии «Kotivara Venalinen Meetwursti» по цене 2640 рублей за килограмм и две коробки сыра из той же Финляндии «Valio Oltermani ValSa» с пониженным содержанием соли (Колька взял для матери, у неё суставы больные, соль нельзя) по цене 1655 рублей за килограмм – вынесли во двор и погрузили в машину.

«А чё? Этим, из Грин-Парка, коньяк коллекционный пить можно, и колбасой заедать, из самой Финляндии привезённой, а нам нельзя? Они, значит, люди, а мы, значит, пыль придорожная?» – сказал Колька на суде, когда ему предоставили слово. В зале восторженно загомонили: хорошо сказал, правильно.

Кольке припомнили, что он уже отсидел срок, за тот же

самый магазинишко. И впаяли шесть лет – за ограбление, совершённое группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере. Он отсидел четыре года и вышел, имея за плечами два года условного срока.

По злой иронии судьбы на работу его взяли в тот самый магазин (больше никуда не брали), с условием, что половину зарплаты он будет возвращать хозяину, «в возмещение морального вреда». Колька расписывался в ведомости, получал вдвое меньше и каялся перед матерью, которую любил и для которой и ограбил этот проклятуший магазин, чтобы восстановить справедливость и наказать зажавшихся капиталистов.

– Мама, прости меня, дурака. Я ж для тебя хотел... Больше никогда!

– Да ты уж говорил, что никогда. Забыл, видать. Коля, Коля... Один ты у меня. Душа за тебя болит.

Колька зарылся лицом в материн фартук, как делал в детстве, вымолвил глухо:

– Расскажи, как без меня жила. Сама небось не доедала, не допивала, а мне посылки слала, по четыре в год. С тех посылок я и выжил, а без них бы подох. Спасибо тебе, мать, от меня и от ребят. Не всем ведь присылали, а ты все четыре года... от себя отрывала.

– Да как не слать? Ты ж там голодный, небось, оладышками не накормят там... А жила я ничего, мне государство пенсию платит, не помираю. Да что – я... Тебе как теперь

жить? Платят – как нищему на паперти подают, и комната у нас одна, жену приведёшь, куда мне тогда идти? – причитала мать. – Мешать вам буду, тетеря слепая.

Колька поклялся матери, что никого в квартиру не приведёт и жениться пока не собирается. То есть вообще не собирается.

– И чтоб про тетерю слепую я не слышал больше! Ты не слепая. Вон, борща наварила, вкуснотища какая... Я тебе бинокль куплю, морской. И будешь видеть лучше всех!

– Коленька... Хороший ты у меня, и сердцем добрый. Отец твой таким же был. Его родители от меня отвадили, зачем им в невестках девчонка с фабрики, необразованная, и родители необразованные...

– Пойду покурю. – Колька целовал мать в мягкую щёку и уходил во двор.

Садился на скамейку и смотрел, как в Арином окне за плотно сомкнутыми шторами светился золотым огоньком торшер. Или настольная лампа? Почему он всё о ней время думает? Даже когда с Ирккой в постели кувыркается, думает, как было бы с Ариной... Чем она его взяла – худюшая, невзрачная, одетая как зря. Два года живёт с ними бок о бок, а он ничего о ней не знает. Только то, что она работает уборщицей, а каждое воскресенье выходит из дома в штормовке и резиновых сапогах, в руках бидон или корзина. Не боится одна, без провожатого по лесам-болотам ходить. И вечерами одна сидит, свет не выключает. Что она делает вечером?

Ведь не скажет...

А тут взяла и пропала. И думай теперь, где она.

Аринин начальник ничего толком не знал:

– Отпуск взяла за свой счёт, сказала, по семейным обстоятельствам. Дед у неё то ли болеет, то ли помер, она толком не сказала. Может, и врёт, про деда-то. Была б зима, ни за что бы не отпустил, а летом – нехай гуляет, дело молодое, а жильцы потерпят. Через неделю обещала вернуться, а уж месяц её нет. Ни стыда ни совести у девки...»

– А где она? Куда уехала? Дома её нет.

– Тебе зачем знать? Ты ей кто, чтоб допрос мне устраивать? В Осташков она уехала, к родителям. Адрес не знаю. Ты в церковь сходи, к священнику, он из Осташкова родом, может, подскажет чего.

Что может знать священник? Осташков не Гринино, там народу миллион... Колька побрился, причесался, надел новую рубашку, выгладил брюки и пошёл в церковь. А куда ещё идти?

– Что делать, когда человек пропал? Какие молитвы?

– Молитва для живых одна: за здоровье. А коли пропал кто, так не в церковь надо идти, а в полицию.

– Не, в полицию не надо, – неожиданный визитёр отца Дмитрия смутился и, помолчав, сказал такое, от чего отец Дмитрий враз забыл, что собирался домой.

– Это соседка моя. Уехала в Осташков и пропала, уже месяц как. Арина Зяблова. А я Николай Браварский, я в сосед-

ней квартире живу.

– Арина? Верина внучка?

– Вы её знаете? А адрес? Адрес её знаете? Если не знаете, тогда давайте молитву. Сколько с меня? А можно двойную, чтобы уж наверняка?

– Двойным бывает кофе, – проявил неожиданные познания священник. – А молитва не помешает. Вечесловы мои бывшие соседи, Аринины опекуны.

Отец Дмитрий по роду своей профессии умел видеть в людях то сокровенное, что живёт в душе, прячась от взглядов и слов, неподвластное даже своему хозяину. Наблюдая, как его визави теребит верхнюю пуговицу на рубашке, боясь растегнуть (вдруг в церкви этого делать нельзя? вдруг выгонят? и куда тогда идти?), суёт руки в карманы и тут же их вынимает, вскидывает глаза с молчаливой мольбой, хлопает себя по бёдрам от радости и мелет несусветную чушь («Так вы поможете? Поможете?! Я... я тогда в бога поверю, вот честное слово, поверю!») – отец Дмитрий знал, что этот Николай, с повадками грузчика и фамилией польского аристократа, не солгал ему ни единым словом. Арине с Верой нужна немедленная помощь. И помочь им может только он.

– Значит, так. Я сейчас переоденусь. Проводите меня на Первомайскую, я там живу. Я вам дам ключи от Вериной квартиры в Осташкове, и денег дам, отдадите Арине или Верре... Илларионовне.

– Денег не надо, у меня есть. Вы мне адрес напишите. И

про молитву не забудьте... пожалуйста.

Отец Дмитрий ещё раз поздравил себя с тем, что не ошибся – в этом грузчике-аристократе, которого Вере Вечесловой послал не иначе как сам Бог.

Глава 28. Сопровождающий

Дверь он открыл «своими» ключами и с порога громко крикнул: «Арина, не пугайся, это Николай, твой сосед. Мне отец Дмитрий ключи дал, и деньги просил передать, вам, значит, с бабушкой».

Никто ему не ответил. Колька изругал себя за материно словечко «значит» и не разуваясь (пол густо покрывала пыль, похоже, хозяйки не было дома очень давно) протопал в комнату, оставляя за собой цепочку следов.

Арина лежала на диване с закрытыми глазами. Колька подумал, что она умерла. И заорал: «Ари-ии! На-а-а!!»

На диване слабо пошевелились, натянули на голову плед и лениво ответили:

– Чего орёшь? И так голова болит. Замолкни, тебя нет, я знаю.

Следующие десять минут Колька убеждал Арину, что он не фантом и не глюк, и в доказательство сунул ей в нос купленную по дороге чесночную колбасу. Арина поморщилась и открыла глаза.

– Фу-уу, убери, меня сейчас вырвет. Ты... Вы как сюда вошли? Я на три замка запирала. Или забыла запереть.

– Ты давай, определяйся, на «ты» или на «вы». Дверь ты заперла, еле открыл. Тебе привет от отца Дмитрия.

– А он кто? Священник, что ли? Про которого бабушка

рассказывала?

– Слава тебе Господи, договорились, – выдохнул Колька.

– А вы кто? Тоже священник?

– Тебе священник нужен? Отпевать, что ли? Так вроде рано ещё. Сосед я, Аллы Михайловны сын. Ты лежи, лежи. Я тебе денег привёз. Пойду чайник поставлю, тебе от чая полегче будет.

– Мне уже легче. Прошло уже. Только голова кружится, и на улицу страшно выходить. И дома одной страшно. У меня галлюцинации. Раньше не было, теперь есть.

– Так ты одна здесь? А бабушка с дедушкой где?

– Дедушка умер. А бабушка в больнице, в пансионате «Золотая вода». Я к ней прихожу, а она меня видеть не хочет. Я за месяц заплатила, денег больше нет, и навещать её не могу, потому что приступы... снова начались, – по-детски всхлипывала Арина.

– У бабушки приступы? Сердечные? – испугался Колька. Если с ней сейчас такое творится, то что с ней будет, когда бабушка помрёт? Не катит девчонке: кот пропал, дед умер, бабка на подходе, и с работы уволят как пить дать...

– Не сердечные. Панические атаки. И галлюцинации. И не у бабушки, а у меня. Что стоишь? Забыл, где дверь?

– Не забыл. Ты давай, по порядку рассказывай.

– А зачем рассказывать? Я Никите рассказала, он сразу уехал... Я думала, он в магазин пошёл, поесть чего-нибудь купить, а он чаю попил и уехал. Испугался. Бабушка после

похорон заболела, и я свалилась. И таблетки кончились, – равнодушно сообщила Арина.

Голос был странным, без интонаций, словно она говорила эти страшные вещи не о себе, а просто читала текст.

– Так может, я куплю – таблетки? Ты скажи, какие нужны.

– Не купишь. Они по рецепту, а рецепт тётя Рита выпишет только за деньги, а деньги я все за бабушкин пансионат отдала.

– Деньги я привёз.

В телефонной книжке Колька нашёл телефон Риты Пономарёвой с пометой «кл. «Гармония». Запер дверь на все три замка и отправился в клинику. Гармонию этой самой Рите он устроит такую, что не скоро забудет.

◆ ◆ ◆

Рита Борисовна вертела в руках стеклянные пузырьки от лекарств (Колька собрал их с прикроватной тумбочки, обеденного стола и из шкафчика в ванной) – и на её лице отражался ужас.

– Где вы это взяли? Это же экспериментальный препарат, откуда он у вас? Сколько времени принимаете?

– Да ёлки зелёные... Я ж вам о чём толкую-то?

– О чём?

– Таблетки пью не я. Зяблова Арина Игоревна. А сейчас не пьёт, потому что кончились, и с ней творится чёрт-те что. Вот её паспорт, а карточку в регистратуре мне не дали. Вы позвоните, чтобы карточку принесли.

– А вы ей кто?

– Сопровождающий. Вы мне лекарства дайте, которые в пузырьках были.

– Что значит дайте? Вы не в магазин пришли.

Колька вдруг понял, что никакой «гармонии» он этой Рите не устроит, всё у них здесь шито-крыто. Она со своей подруги деньги брать не стеснялась, а с него и подавно возьмёт. А без таблеток Аринка загнётся.

– Ну, продайте, – миролюбиво сказал Колька. – Я заплачу, вы скажите, сколько надо. Что вы так смотрите? Боитесь, что расскажу, чем вы тут занимаетесь, рецептами торгуете? Не заложу я вас, я же вроде как соучастник получаюсь, какой мне резон в ментовку стучать? Телефончик ваш, думаете, я где взял? Дома у них, в телефонной книжке.

– У кого – у них?

– У Вечесловых.

– Так вы от Веры? Как она?

– Прекрасно. Мужа похоронила, теперь в больнице срок мотает, а девчонка одна загибается, а мы тут с вами разговоры разговариваем. – Колька с досады хотел плюнуть на пол, но удержался. – Да вы попросите, чтоб карточку принесли, у вас же есть её карточка, там всё написано.

В кабинет вошла медсестра с карточкой под мышкой. Колька выдохнул: ну слава тебе Господи.

– Вы наверное думаете, вот же выжига сидит, рецептами торгует... – вдруг сказала врач. – Сильнодействующие пре-

параты у нас на строгом учёте, их продают только по рецептам и только больным. А Вера внучку на учёт не хотела ставить. Это ведь навсегда, на всю жизнь, а девочка в медицинском училась. Это конец карьере врача. Я сколько раз предлагала на учёт её поставить и лечить официально, тогда и рецепты бесплатно, и лекарства... Вера и слышать не хотела. Вот и лечили... нелегально. А деньги... Вы что, серьёзно думаете, что я их себе брала?

Колька подумал, что он идиот. Вероятно, мысль отразилась на его лице, потому что Рита как-то жалостно на него посмотрела.

– Три года назад она лежала в нашем стационаре, лечащий врач Дроговоз Фаина Францевна. Так что деньги ваши уберите, рецепт я вам выпишу, но в следующий раз пусть приходит сама.

– Да как она к вам придёт? Она на улицу выйти боится! У неё эти... страховые атаки. Страшно ей. И галлюцинации. Я ей полчаса доказывал, что я не глюк, а она мне – тебя нет, говорит. И в меня тапком кинула. Попала.

– Стоп, стоп... Не должно у неё быть – ни панических атак, ни глюков. Здесь ясно написано: БАР второго типа. В Гринино она где наблюдается? Фамилия врача. Адрес медучреждения.

– Да откуда я знаю? Это вы у неё спрашивайте. Можно, от вас позвоню?

В коридоре тренькнул телефон. Арина не помнила, когда последний раз по нему разговаривала, да и кто будет ей звонить? Бабушка! Арину вихрем сдуло с дивана, пошатнуло и попыталось уложить обратно, но она не далась. Цепляясь за стенку и ощущая противную слабость, дошла до телефона и плюхнулась на табурет.

– Ба! Ты в порядке? Я приеду, как только смогу. Не волнуйся, со мной всё хорошо.

– Это врач из «Гармонии». Рита Борисовна, бабушкина подруга. Арина, что с Верой? Я могу чем-то помочь? Ты почему мне не позвонила, не сказала ничего?! У тебя лекарства закончились, так? Какая аптека тебе их продала? Такого быть не может, они не продаются, они проверку не прошли, и не пройдут. Там масса побочных эффектов... Давно ты их принимаешь? Господи... Как ты жива до сих пор?! Рецепт сохранила, надеюсь?

– Рецепт? Какой рецепт? Он мне таблетки без рецептов давал, и денег не брал, сказал, что мне положено.

– Он – это кто? – Рита уже теряла терпение, чего с ней никогда не случалось. Как правило, терпение теряли её пациенты.

– Врач, Рукавишин Иван, отчество не помню.

– Когда ты у него была последний раз?

– Не помню. Давно. Он меня по телефону консультировал, спрашивал как я себя чувствую. Я теперь в Гринино живу. Я дедушку хоронить привезла, а уехать не могу, бабушка в

больнице. У меня ремиссия закончилась, и началось... Так ужасно ещё никогда не было, дико страшно и дико больно, и галлюцинации. У меня их раньше не было, и панических атак не было.

– А когда появились? Когда врач тебе заменил лекарство?

– Да. Он говорил, что это пройдёт. Не прошло. Мне казалось, что в квартире чужие люди, ходят, разговаривают. Но я знала, что это неправда. А ещё мне дедушка звонил. Мёртвый. А Николай у вас? Это мой сосед. Он скоро приедет? Я тут боюсь одна, а с ним мне не страшно. Я отчество врача вспомнила, Рукавишин Иван Андреевич, врач-психоневролог, медцентр «Хелп» в посёлке Чёрный Дор, Станционная улица, шесть.

◆◆◆

– Вы действительно сосед?

– Ну а кто? У меня и ключи от её квартиры есть. И деньги, дядька ей просил передать. У неё дядя священник.

– Священник, а племянница в таком состоянии.

– Так она ж не была – в таком состоянии, нормальная была. Уехала, он не знал ничего...

– Николай...

– Маркович.

– Николай Маркович, больше никаких таблеток у этого доктора не берите и не обращайтесь.

– А куда обращаться?

– Пока к нам. Потом видно будет. Я в Москву позвоню, в

департамент. Он же погубить её мог!

– Не надо в департамент. Я его – самолично поеду и убью.

– Не порите чепухи. А то на учёт поставлю. Вы молодец, что пришли. Спасибо вам! – улыбнулась врач. – А баночки из-под таблеток останутся у меня. Я... я пожалуй, сразу в прокуратуру позвоню.

Посетитель сгрёб со стола рецепт и торопливо попрощался.

День прошёл эффективно, как выразился Колька. В аптеке у него отобрали рецепт, выдав взамен несколько упаковок с таблетками. Колька порадовался, что захватил с собой деньги: лекарства оказались дорогими. В ближнем гастрономе он купил пакет яблочного сока, курицу и два цыплёнка: сварит бульон, а цыплят зажарит в духовке.

Арина отказывалась есть, но с Колькой справиться не могла и послушно глотала ложку за ложкой. Бульон оказался удивительно вкусным.

– Ну вот. А ты есть не хотела. Я в него перец положил и лавровый лист. Я только курицу варить умею, больше ничего не умею, – улыбнулся довольный Колька.

У девчонки закрывались глаза. С последней ложкой бульона он скормил ей пару таблеток, как было указано в дозировке. Принёс стакан с соком, но она уже спала. Колька укрыл её одеялом, подоткнул с боков, как делала мать в Колькином детстве, и подумал, что спать с ней ему совсем

не хочется, а хочется – кормить, укрывать одеялом, сидеть возле неё и сторожить её сон.

Отцовский рефлекс, пошутил сам с собой Колька. Во второй комнате обнаружилось раскладное кресло. Прекрасно. Чего ещё желать?

Три следующих дня Арина просыпалась, съедала приготовленную Колькой еду и снова проваливалась в целительный сон без галлюциногенных видений и страхов. А когда не спала, рассказывала ему о бабушке с дедушкой, которые ей не родные, и о приюте при монастыре святого Пантелеймона.

– А родители твои где? Бросили тебя?

– Они не бросили, они в приют отдали. А мама с Жориком живёт, я не знаю где, а в нашей бывшей квартире другие люди.

– Адрес помнишь?

Адрес Арина помнила. В квартире на Тимофеевской жила большая семья Большухиных. Жорика они вспоминали с благодарностью: в риэлторской конторе такая квартира стоила чуть ли не вдвое дороже, но Жорику срочно нужны были деньги, и квартира из трёх комнат в центре города досталась Большухиным почти даром, а жилец перебрался в их однушку на Ольшицкой улице.

В доме на Ольшицкой афериста не оказалось, но там его тоже помнили, и тоже с благодарностью. Колька прошёл в тюрьме хороший ликбез. Про квартирных аферистов, убивающих доверившихся им одиноких женщин, он знал всё, и да-

же больше чем всё: в камере с беспредельщиками расправлялись жёстко. Обаятельные, харизматичные, неизменно приветливые со всеми, они обладали лишь одним недостатком: их долго помнили: соседи с благодарностью за мелкие услуги, жертвы – с непроходящей обидой: «Знаете, я эти пять лет всю жизнь вспоминать буду, пять лет счастья! И ведь любил он меня, и я его любила. Всё ему прощала. А он к соседу меня приревновал, вроде я ему изменяю. И всё: развод, размен, конец всему. Господи, за что мне это?!»

Расспрашивая тех и других, Колька быстро вышел на след любвеобильного и прекрасодушного альфонса.

Брачный аферист Вадим Ратманов, он же Жорик, он же Шурик, он же Рамис, беспредельщиком не был. Убийство Зои стало в его жизни первым и последним. Ратманов не видел другого выхода: дамочка пять лет жила на его деньги и упорно отказывалась прописать Жорика в своей квартире. Пришлось от неё избавиться. Девчонка к тому времени была пристроена в приют, так что особой вины Жорик за собой не чувствовал.

Чтобы получить право на квадратные метры при размене, нужно прожить в законном браке с хозяйкой квартиры пять лет. У Ратманова было несколько паспортов с регистрацией по месту жительства в самых разных городах и посёлках, так что подозрений у женщин не возникало. Схема была предельно простой: пять лет безмятежной жизни, в основном

на деньги счастливой в удачном замужестве жертвы, потом развод, размен, продажа «честно заработанной» жилплощади – и новая жизнь с новой, упивающейся своим счастьем жертвой...

Жорик жил припеваючи. За двадцать лет он сколотил неплохой капитал и расстался с тремя жёнами, не считая убитой Зои. На очереди была четвёртая. Как и все предыдущие, она имела не обременённую родственниками и детьми биографию и была влюблена в Жорика «просто насмерть как».

— Колыванова Ирина Ивановна? – уверенно осведомился Колька (надпись на почтовом ящике «Колыванова И.И.» практически не оставляла вариантов).

– Ирина Иммануиловна.

Вот же чёрт! Вариант всё-таки был. Колька хлопнул себя по лбу.

– Ирина Иммануиловна, конечно, как я мог забыть... Я, собственно, не к вам. К вашему мужу. Долг вернуть приехал. Задолжал я ему.

– Так он в гараже, с машиной возится, переезжаем мы, – обрадованно сообщила женщина. – А деньги можете мне оставить, я передам.

– Вы извините, э-ээ... Ирочка, я уж ему в руки, самолично отдам. Заодно и повидаемся.

– А что у вас с лицом? – женщина со страхом уставилась на повязку, закрывавшую половину лица гостя. — Удари-

лись? Так может, примочку свинцовую? У меня есть, вы проходите...

— Пчёлы покусали — нашёлся с ответом Колька. — Пасечник я. Ты, Ирочка, столик нам накрой, мы с мужем твоим давно не виделись, посидим рядком да поговорим ладком, ты мне морду покусанную полечишь... Так где, говоришь, гаражик ваш?

За домами тянулись вереницей разнокалиберные гаражи. Колывановский оказался последним. Жорик возился в смотровой яме, что было очень кстати. Колька дождался, когда он вылезет и приставил к виску электродрель.

— Слышь, мужик, ты откуда взялся? Тебе чего надо? Дрель убери. С этим не шутят.

— А я с тобой не шучу. Зою Зяблову помнишь? Двадцать лет назад, Тимофеевская улица, трёхкомнатная квартира, которую ты продал. Или вы вместе с Зоей продали? А сама она где? У неё ещё дочка была, гимнастикой занималась, папой Жорой тебя звала. Вспоминай давай. Расскажешь всё честно, отпущу, — пообещал Колька.

И выслушал подробный рассказ — о Зое, с которой произошёл «несчастный случай, просто несчастный случай, умерла прямо в машине, неизвестно отчего, я испугался, привлекут ведь, скажут, машина твоя, ты и убил, а я не убивал, видит Бог, не убивал». О девчонке, которая — «жива, видит Бог, жива, мать её в приют при монастыре отвезла, я вообще ни при чём. А больше ничего не знаю. А Зойку в лесу

закопал. Похоронил, то есть. Показать не смогу, не помню».

Жорик трясся крупной дрожью, и Колька понял, что весь рассказ – враньё. Кнопку дрели он нажал непроизвольно. Отпустил, когда глаза Жорика вылезли из орбит, а тело мягко съехало в смотровую яму. Колька забросал его обломками досок, бросил туда же дрель, кинул сверху рулон линолеума, поставил машину на место и вышел, заперев гараж висящими на гвоздике ключами.

Резиновые перчатки он снял, выбросит подальше отсюда, вместе с ключами.

Глава 29. Барбариска

– Верочка Илларионовна, обедать приглашают. Идите, покушайте, обед сегодня вкусный, салатик из кальмаров, супчик протёртый, из брокколи, для желудка полезно очень. А на второе бараньи котлетки с молодой картошечкой. Картошечка просто чудо! А хотите, я вам в лоджии столик накрою... Вера Илларионовна? Вы меня слышите?

– Слышу.

– А после в парк пойдём, гулять. Вам ходить надо, чтобы мышцы не атрофировались.

– В парк не пойду, мне веранды хватит. Внучке моей позвоните. Трубку не берёт, разговаривать со мной не хочет. Может, с вашего телефона ответит?

Медсестра просветлела лицом: пациентка наконец заговорила, связно и осмысленно, отказалась от прогулки, выразила желание позвонить домой. Пришла в себя. Скоро уедет, освободит номер.

– Ну, слава богу, слава богу... Я врача позову.

– Зачем врача? Внучке моей позвоните, а я пока вещи соберу. Наотдыхалась, хватит. Такси мне вызовите.

– У вас до конца месяца оплачено, а сегодня двадцатое число. Может, доживёте? Оплачено ведь.

Что-то в голосе медсестры настораживало. Боится, что Вера потребует вернуть деньги за непрожитые дни? Или она

здесь на постоянном проживании? «Эх, Аринка, Аринка. Не ожидала я от тебя...»

– И много оплачено? – осведомилась Вера.

Узнав, в какую сумму обходится месяц пребывания в пансионате элитного класса – отдельная комната повышенного комфорта, красивая мебель, профессиональный уход, персональное питание, парковая прогулочная зона (навесы, фонтаны, беседки, цветники), круглосуточная охрана – Вера ужаснулась. Муж умер шестого июня, а сейчас конец августа. Она здесь третий месяц. На какие деньги?!

– Внучка ваша оплатила. Стандартные номера в другом корпусе, а в нашем люксы, с шестьюразовым питанием и ресторанный кухней. Деньги за непрожитые дни вам вернут, у нас на эти номера очередь.

Значит, Арина всё-таки продала дачу. Устроила бабушке красивую жизнь. Могла бы номер подешевле взять. Столько денег растрывькала!

– Люсенька, валерьяночки накапай мне, в шкафчике возьми...

◆◆◆

Хлопнула дверь. В прихожей гроыхнуло, стеклянно звякнули напольные весы, на которые опустили что-то тяжёлое. – Колька старался. И дверью нарочно хлопнул, и шумел нарочно. Арина подняла с подушки голову, сонно на него взглянула... и через минуту уже спала. Да что ж такое! Что за таблетки такие?

Колька развернул длинную бумажку с инструкцией и охнул. Оказалось, он три дня кормил Арину снотворным, прочитал способ применения, а показания к применению читать не стал, потому что поверил Рите Борисовне и потому что ему было некогда: поливал цветы, которые почти засохли их надо было срочно реанимировать; вымыл полы и вытер пыль во всех комнатах; два часа варил престарелую курицу, которая никак не хотела вариться; жарил этих чёртовых цыплят и чуть не сжёг духовку – забыл выключить и убежал в магазин, из еды в доме был один томатный сок, а девчонку надо кормить, сама она есть не будет...

Рассовал по полкам макароны и гречку, начистил картошки, настрогал салат из помидоров и огурцов, заправил сметаной и убрал в холодильник. Позвонил матери. И уверившись, что с ней всё в порядке, завалился спать: бодрствовать больше не мог, три ночи провёл у Ариной постели, вскакивая от каждого её крика, пока наконец девчонку не оставили кошмары.

И теперь не мог себе простить, что не прочитал инструкцию до конца. А чего её читать? Таблетки врач выписал, врач всё знает. Коробочки, похожие по цвету, оказались разными: в одних были антидепрессанты, не вызывающие сонливости, в других транквилизаторы, стабилизаторы настроения, витамины... Арина знает, как и когда их применять.

А Колька не знал...

Руки дрожали так сильно, как не дрожали, когда он уби-

вал Бурбона, насильника и садиста, который был в их камере царём и богом. То есть это Бурбон так считал, а другие не считали, но боялись. Кольку Бурбон не трогал: здоровенный, мускулистый, крепкий физически, тот мог за себя постоять.

Бурбон положил свой мерзкий блудливый глаз на Вальку Галиева, молодого хлипкого паренька, которого Бурбон звал Галей и нагло домогался на глазах у всей камеры. Задушил его Колька под утро, когда камера крепко спала. Никто ничего не слышал, а если слышал, то благоразумно молчал. Разбираться, кто убил и за что, тюремное начальство не стало, а свои Кольку не выдали: Бурбон порядком всем надоел. Дружки его после «казни» вели себя смирно: боялись той же участи. В камере воцарился мир, а тут как раз Кольке пришла посылка от матери. Он поделился с сокамерниками: посылки присылают не всем, а на супчике из килек и жиденькой каше протянешь ноги. Поминки вышли «щикарными», Бурбон бы оценил.

Галиев освободился через год, и посылки на имя Николая Браварского стали приходиться чаще. Вальку вспоминали всей камерой, наворачивая за обе щеки сухую колбасу и хрустя съедобным сытным печеньем. На коробке значилось «Отправитель: Вагиз Галиев». Что за Вагиз такой, он же Валька, Валентин... Вагиз, значит? Ни фиги себе делá-ааа...

После Бурбона Колька три ночи не мог спать. А потом успокоился. И когда расправился с Жориком, чувствовал себя «народным мстителем»: ведь скольким женщинам он со-

хранил душевный покой, а главное, квартиру! А последнюю, Ирочку, кажется, спас от смерти. Колька вспомнил, как она радовалась скорому переезду, и содрогнулся.

Если ей вздумается искать мужа, Ирочка найдёт запертый гараж и следы от протекторов на дороге (Колька специально проехал на «мицубиси» метров двадцать и вернул машину в гараж задним ходом). Подумает, что милый уехал, поплачет и другого найдёт. Кольку она не запомнила, запомнила только повязку с красными розочками и красную кепку. Кнопку звонка в Ирочкину квартиру Колька нажимал локтем, отпечатков нигде не оставил.

Арину он сдёрнул с дивана, отвёл её, полусонную, в ванную и, отвернув до отказа кран, сунул под ледяную струю Аринины босые ступни. «Лекарство» подействовало: Арина удивлённо хлопала глазами, жевала приготовленный Колькой салат, и вяло интересовалась, что он здесь делает и что вообще происходит. На последний вопрос ответить было легче, чем на первый.

Колькино ротозейство возымело положительный эффект: впервые за две недели Арина выспалась, без кошмаров и галлюцинаций. Вытряхнула покрывала с кресел, выстирала в машинке шторы (Колька помогал их развешивать), накормила Кольку куриным пловом, который приготовила так вкусно, что он облизывал пальцы. И извинилась:

– Вы извините, что я вам о себе рассказывала... Я не должна была грузить вас своими проблемами.

– Мы вроде на «ты» перешли.

– Да? Извини...те. А что за таблетки ты мне давал? Мне от них лучше стало.

– Таблетки правды, – пошутил Колька. – Не пугайся, шучу. Мне их Рита Борисовна выписала. То есть, тебе. Я съел пару штук, проверил. Нормалёк.

– Тётя Рита? Бабы Верина подруга? А с бабушкой что? – всполошилась Арина. – Мне ехать надо. Выйди, я оденусь, не в пижаме же ехать...

Кольке нравилось, что она в пижаме, с разлохмаченными косами и без косметики. Будто они вместе сто лет, и стесняться уже нечего. Оказывается, есть чего.

Она не помнила, как он носил её по комнате на руках, вытаскивая из очередного кошмара, баюкал как ребёнка, нащёптывал что-то ласковое, Колька не помнил – что. Арина успокаивалась. И рассказывала – про детство в монастырском приюте, и как она завидовала Насте, за которой приезжала мачеха и кормила пирожками с мясом, а за Ариной никто не приезжал. Про школу, которая была для неё адом. Про хлебокомбинат с двенадцатичасовыми сменами, которые нужно было простоять на ногах.

Про пчёл, которые убили деда, а бабушка сказала, что виновата во всём Арина, и в дедовых инфарктах тоже виновата. Про отделение народных промыслов православного Свято-Тихоновского университета, где она мечтала учиться, собирала деньги, сэкономила на всём. С учёбой ничего не по-

лучится: все деньги ушли на похороны и на бабушкин пансионат.

Замолкала на полуслове и проваливалась в сон. Колька прижимал её к себе, вдыхал запах её волос и млеял от желания.

Стоп. Нельзя. Она не Ирка, с ней такой номер не пройдёт. Арина сейчас не в себе, потому и просит, чтобы он не уходил. Можно воспользоваться её слабостью, её доверчивостью. Ведь ей больше некому довериться. А потом она его возненавидит. И тогда не останется даже надежды, тогда уже ничего не будет. Колька опускал её на диван, подсовывал под голову подушку, укрывал клетчатым пледом. И до утра сидел в кресле, забываясь недолгим сном и просыпаясь от Ариного крика. «Не знаю, кто засунул тебя в этот твой кошмар, но я тебя оттуда вытащу».

– Не верещи. Никуда не поедешь. Голова кружится?

– Кружится иногда, – призналась Арина.

– Вот перестанет, тогда и поедешь. Всё в порядке с твоей бабушкой, Рита, к ней ездила, сказала, ей лучше, – напропащую врал Колька.

Нельзя её такую из дома выпускать. Слабая совсем. Упадёт где-нибудь по дороге.

– А когда перестанет? – приставала Арина.

– Когда будешь есть как следует.

Заходящее солнце освещало комнату розовыми луча-

ми. Из окна пахло мокрыми листьями. Вера плотнее укуталась в плед. Дождь, что ли, прошёл? А она и не заметила... Сидела и вспоминала, как в «Золотую воду» приехала Рита Пономарёва. Расцеловала Веру в обе щеки: «Что ж ты мне не позвонила, я бы раньше приехала», привезла фрукты, Вериню любимое овсяное печенье, какие-то лекарства, «построила» весь персонал, распорядилась как у себя в клинике и велела поставить Вере капельницу.

Персонал против «построения» не возражал. Ритины указания исполнялись молниеносно, медсестра Люся прикатила капельницу, задёрнула занавески, чтобы солнце не светило Вере в лицо, улыбнулась в ответ на Ритино «вы нам больше не нужны» и неслышно закрыла за собой дверь. Ужин в Верину комнату принесли на двоих: салат из телятины, паровая рыба с отварным картофелем, печёные яблоки, травяной чай. Стол накрыли в лоджии («Вечер удивительно тёплый, покушайте на свежем воздухе, вы весь день сегодня не выходили»).

– А ты неплохо устроилась. Персонал вышколенный, хавчик на уровне, лоджия метров десять.

– Двенадцать. Это не лоджия, это веранда. Здесь все номера с верандами. И хватит вокруг меня прыгать, лучше Аринке позвони. Не приходит, на звонки не отвечает, может, обиделась на что... Может, с тобой поговорит?

– А есть на что обижаться? Вера, не молчи. Вера!

– Что Вера? Наговорила я ей на похоронах... Теперь сама

жалею.

– Всё хорошо с твоей Ариной. Было плохо, но сейчас уже хорошо. У неё такой защитник объявился, вломился в мой кабинет, я аж испугалась...

В свой последний день в пансионате Вера сидела, что называется, на чемоданах и ждала Риту: та обещала её забрать и привезти Арину. Под окном просигналило такси, через минуту постучали в дверь: «Верочка Илларионовна, это за вами. Доброго вам пути». Вера приготовилась увидеть Арину, весь день подбирала слова, которые ей скажет... Но вместо внучки в комнату вошёл здоровенный мужик с странным взглядом серых широко посаженных глаз. Как есть медведь! Чемодан он поднял как пушинку, другой рукой сгрёб со стола сумки и улыбнулся: «Вещей больше нет? Тогда поехали? Я не представился. Николай».

– Я с вами никуда не поеду! Аринка моя где? Рита где?

– У Риты приём, её из клиники не опустили. А Арина слабая ещё, я её дома оставил, – лаконично сообщил медведь.

– У кого дома? У вас?! – перепугалась Вера.

– Да нет же! Я из Гринино. А живу в вашей квартире. И Арина. Её кормить надо, а я только курей умею варить. В горло уже не лезут куры эти... Так я не понял, вы едете или остаётесь? Она там ждёт. – И сунул Вере в руки телефон.

– Баба Вера! – заорала Арина в трубку. И осеклась: – Ты не бойся, я уеду. Сегодня уже поздно, я переночую, а завтра

уюду.

– Я тебе уеду. Лихоманка болотная. Я тебе уеду! Я по ней соскучилась незнамо как, а она – уеду...

Когда тебя предали, а потом сказали, что соскучились, и даже назвали как в детстве болотной лихоманкой – это «всё равно что руки сломали: простить можно, а обнять уже не получится». Это сказал Лев Толстой. Наверное, он чувствовал то же самое, что чувствует сейчас Арина: между ней и бабушкой встала невидимая стена.

Уговорить внучку остаться не получится. Вера это поняла – по тому, как Арина её обняла, мгновенным объятием, и сразу отпустила руки, отстранилась: «Суп надо сварить. Я сейчас...» У плиты она стояла, придерживаясь за стену. Колька отлепил от стены её руку, отвёл в комнату, усадил на стул:

– Сиди. Я сам.

Обед они готовили вдвоём с Верой Илларионовной: Вера готовила, а Колька рассказывал.

– Я на курсы шофёрские решил... дальнобойщиком. На жизнь заработаю, семью прокормлю. А внучку вашу не обижу, никогда. Вот – чтоб я провалился, если вру. Люблю я её.

– А она?

– Не знаю.

– А спрашивал?

– Боюсь. Подожду, пока сама мне скажет.

– Она не скажет. Она и нам с Ваней никогда не говорила,

что любит. А мы её любовь сломали.

Арина уехала утром.

– Баба Вера, я поеду. Мне на работу надо, и вообще...

– А Николай? Подождала бы, вместе бы поехали.

– Зачем ждать? Зачем – вместе? Он меня старше на двенадцать лет, и между нами ничего нет.

– У нас с твоим дедушкой в годах такая же разница была, одиннадцать лет, а жили душа в душу.

– Ба, ты же знаешь, что я больна. И он знает, я ему рассказала – и про биполярку, и что детей у меня не будет.

– Детей не будет? Это кто ж тебе сказал?

– Никто не сказал. Не хочу, чтобы они родились такими, как я.

У Веры от этих её слов опустились руки. Да где ж этот Николай? Поехали бы вместе, ей бы спокойнее было. Где его черти носят?

Черти принесли Браварского в клинику к Рите – попроситься.

– Уезжаю я. Вы извините, если что не так сказал...

– Да всё вы правильно говорили. Спасибо вам, Николай Маркович, что девочку в беде не бросили. И за Веру спасибо. Если бы не вы...

– Да чего там... – засмутился Колька, которого никто не звал Николаем Марковичем. – Мне ехать надо. Там мать одна, она у меня слепая почти.

– Почти это как? – заинтересовалась Рита. – Я вам напишу телефон врача. Он её посмотрит. Скажете ему... – Рита замялась, – скажете, Барбариска лично просила. Он поймёт. Если всё так, как вы говорите, глаз можно спасти.

– «Барбарис» с детства люблю, – улыбнулся Колька. Рита Борисовна. Барбарисовна. Барбариска. Всё просто.

«Барбарис» ему присылала мать, в каждой посылке, они хрустели им всей камерой, охранник не выдержал и попросил парочку. Дали. В следующее дежурство он принёс им целый кулёк...

Люди есть везде, даже в тюремной охране. И нелюди есть. Врач из Чёрного Дора – нелюдь. На девчонке лекарства испытывал.

Колька скрипнул зубами от ненависти.

Рита взяла с него слово, что он не будет вмешиваться в это дело. Колька поклялся. И в свою очередь взял с Риты слово навещать Аринину бабушку, которая осталась одна.

– Боюсь, как бы чего собой не сделала. Очень переживает, что Аринка уехала.

Рита закивала головой.

– Что вы мне киваете? Вы поклянитесь, клятвой Гиппократата. Никому не отказывать в помощи и проявлять высокое уважение к человеческой жизни. Что вы так смотрите? Мне Арина рассказывала.

Рита поклялась. В Гринино Колька уехал с чувством праздника в душе: его ждали две женщины, которых он лю-

бил.

– До свидания, Веруся. Завтра не приду, а послезавтра ты меня жди.

– Да не надо, Рита. Что ты ко мне каждый день мотаешься, будто у тебя дел никаких нет. Ничего со мной не случится. А случится – позвоню.

– Ты позвонишь... – проворчала Рита. – Знаю я тебя. Над внучкой квохтала, как наседка над цыплёнком, а как сама в беде, так молчок, нет тебя...

Вера закрыла за ней дверь и привычно вздохнула – о своём. Рита приходила два раза в неделю, измеряла давление, расспрашивала о самочувствии, жаловалась на внуков, которые зовут её Ритой, и она обижается:

– Рита и Рита, бабушкой не назвали ни разу!

Вера понимала, что подруга старалась её развлечь. А выходило наоборот. Внуков у Веры не будет. И внучки у неё больше нет. Как уехала, позвонила только раз (Вера просила позвонить, как приедет домой), телеграфно сообщила, что доехала нормально, что у неё всё хорошо, и чтобы Вера Илларионовна не беспокоилась. Оттого, что Арина назвала её по имени-отчеству, у Веры заболело сердце.

Вечера она теперь проводила в Ариной бывшей комнате, назвать которую бывшей не поворачивался язык. Золотые шторы и швейная машина «Bernina» с вышивальным блоком и сенсорным дисплеем (последний Ванин подарок)

переехали в Гринино, как и мягкие игрушки и фарфоровые балеринки, милые мелочи, украшавшие комнату. Из мебели остался старый письменный стол, за которым маленькая Арина готовила уроки. Вера погладила столешницу, которой касались внучкины руки. Больше не коснутся.

Ритина настойчивая забота утомляла, и после её ухода Вера испытывала облегчение. И вспоминала внучку, которая умела делать добро не привлекая к себе внимания. Там, в больнице, а после и в пансионате Арина заботилась о ней как-то незаметно. Не требовала к себе внимания, не ждала благодарности и не обижалась на Верино безразличие.

Не обижалась? Да конечно обижалась! И наверное плакала, сидя одна в пустой квартире, где не было больше – ни бабушки, ни дедушки.

Впрочем, дедушка всё-таки был. В гостиной висел его портрет, сделанный с фотографии и скорбно перехваченный траурной лентой. Вера не могла на него смотреть без слёз. А здесь, у Арины, с портрета смотрели на Веру молодые смеющиеся глаза. По комнате пролетел сквозняк, и лицо на портрете ожило – дрогнули губы, глаза засветились живым блеском, звякнули настоящие медали на вышитом парадном кителе. Господи! Как у неё получилось такое вышить?! Когда же она успела?

Фотографию, на которой Вечеслов был молодым, Арина выпросила у неё, когда ещё училась в школе. Вера отдала: тридцатисемилетний красавец-подполковник в парадном

кителе должен был, как думала Вера, поразить сердца внучкиных одноклассниц. Как же она ошибалась...

Всю жизнь слушала мужа, верила ему как себе самой, всю жизнь с ним соглашалась. Как согласилась с тем, что Арине надо научиться жить самостоятельно. Как они могли так с ней поступить?

Вера посмотрела мужу в глаза:

– Ваня... Никогда тебе не прощу. И себе не прощу, что тебя послушала. Нельзя ей одной, не сможет она... Она ведь чуть не умерла! Ты послушай!

Вечера она теперь проводила в беседах с потретом – не с тем, мёртвым и непреклонным, который в гостиной, а с вышитым Ариной – настоящим, понимающим Веру с полуслова. Форточка всегда приоткрыта – пусть живёт, вдыхает запах осени, чувствует каждый день, каждый час! Ей так много надо было ему рассказать, так много всего случилось с тех пор, как он умер...

О том, как чуть не умерла она сама, Вера мужу рассказывать не стала.

Глава 30. Из пункта «б» в пункт «а»

Пётр Ильич Венедиктов, начальник жилищно-эксплуатационной конторы, возмущённо фыркнул на Аринино робкое «здравствуйте».

– Явилась не запылилась. Всё лето гуляла. Думала, у тебя три месяца отгулов набралось?

– Два.

– Чего два?

– Меня не было два месяца, а в июне я в отпуске была, вы забыли? Я два года без отпуска работала, на трёх участках, – твёрдо сказала Арина – Вот и считайте, сколько мне положено отгулов и сколько отпусков.

От такой наглости у Петра Ильича побагровели щёки.

– Пётр Ильич! Вы красный весь, – испугалась Арина. – Хотите, я окно открою?

– Дверь.

– Дверь открыть?

– Закрывать. С той стороны! Ты здесь больше не работаешь, уволена за прогул. За систематические прогулы, – поправил сам себя Венедиктов.

– Я не прогуливала. У меня бабушка в больнице лежала, болела, а потом я сама заболела.

– Ты сама-то себя слышишь? То у неё дедушка, то бабушка, то сама... Врать надо правдиво, а не так как ты. Больнич-

ного листа, конечно, нет?

– Я врача не вызывала, я дома... лечилась.

– Три месяца лечилась. А жильцы три месяца в грязи должны жить? Да на тебя уже мешок жалоб накатали!

– На меня? Плохо убиралась?

– На домоуправление.

Услышав, что если не пакоstitь в подъездах и хоть раз в неделю мыть лестничные площадки перед своими квартирами, то не будет никакой грязи и никаких жалоб, Пётр Ильич потерял дар речи. Молча отпер сейф и вручил Арине её трудовую книжку.

«Уволена за систематическое неисполнение трудовых обязанностей без уважительной причины, подпункт «а» пункта «б» части первой статьи 81 Трудового Кодекса Российской Федерации. Начальник отдела кадров И.В. Венедиктова» – прочитала Арина.

Трудовую книжку она порвала.

На дверях кафе «Вересковый мёд», где она отмывала вечерами кастрюли, казаны, сотейники, сковородки и котлы, получая за это четверть ставки, висели два новеньких замка. Окна второго этажа скалились выбитыми стёклами, на первом – были забиты досками. Красно-белый транспарант меланхолично сообщал: «Сдаётся в аренду».

Что за день такой? Арина пожалала плечами и отправилась в библиотеку. На дверях висела табличка «Закрыто на инвентаризацию».

Что теперь делать? Вернуться в Осташков, всё рассказать? Бабушка всплеснёт руками, усадит за стол, будет причитать и жалеть. Только Арине не нужна её жалость.

Ещё можно продать дом в Заселье, который теперь принадлежит Арине. Он сто́ит столько, сколько квартира в Москве. Но этот дом бабы Верин, и воспользоваться дедушкиной дарственной было бы бесчестно. Да и кто её ждёт в Москве? Врач из ПНД? Будет дежурно улыбаться, подробно спрашивать о самочувствии, и придётся отвечать. И улыбаться тоже придётся.

Улыбаться не хотелось.

Хотелось закрыться от мира, который не желал её принимать, отталкивал, выпихивал. Знай своё место. От неё, Арины, всем плохо. Из-за неё умер дедушка, из-за неё заболела бабушка, и выговорила ей за то, что Арина продала дачу. Арина не стала оправдываться, оставила дарственную на дом в столе и уехала. Бабушка будет разбирать стол, перед тем как его выбросить, и найдёт.

«Ты лучше голодай, чем что попало есть, и лучше будь один, чем вместе с кем попало» – сказал Омар Хайям. Арина не будет голодать, найдёт работу и будет жить одна в уютной квартирке с фиалками на подоконниках, вольно разросшимся кустом сирени, заглядывающим в окно, и приставучей соседкой Аллой Михайловной, которая хотела выдать Арину за своего сына, а потом расхотела. Арина слышала, как она уговаривала Николая помириться с какой-то Ирккой, называ-

ла её выгодной партией, а сына дураком.

Арина не нужна даже дураку. Хотя никакой он не дурак. Так трогательно за ней ухаживал, когда она болела. А когда уезжала, даже не проводил, умчался куда-то с самого утра, сказал, что по делам. Какие у него могут быть дела в Осташкове? Сказал бы честно: мне надоело с тобой возиться.

Библиотечная дверь, у которой стояла Арина, подпирая её плечом, неожиданно открылась, выпуская какую-то женщину. Арина посторонилась.

– Библиотека закрыта. Объявление читали? Для вас же написано – русским языком... – Женщина вдруг замолчала и внимательно на неё посмотрела. – А я вас знаю! Вы в нашем доме убирались, Молодёжная, пять.

Арина кивнула, не понимая, чему так радуется эта усталая тётка с покрасневшими глазами. Сначала накинулась на неё, а теперь держит за плечи, улыбается и не хочет отпускать.

– Мы вас всем подъездом вспоминаем! – радовалась тётка. – Чисто как в санатории, на подоконниках цветы всегда политы... Сейчас-то хуже стало.

– Что, совсем не убирают? – спросила Арина из вежливости.

– Нет, убирают, конечно. Но не так как вы.

– А меня из жилконторы уволили, за прогул, – сообщила Арина. – А Лидия Васильевна где?

– На пенсию она вышла. А я новая заведующая. Мне книжный фонд принимать, переписывать всё... Здесь же ма-

териальная ответственность. А помощи никакой, я одна зашиваюсь с инвентаризацией этой. Формуляры проверить, в реестры вписать, архив перешерстить, акт на списание составить. И книги новые каждую неделю привозят, их тоже регистрировать надо. А я со старыми разобраться не могу.

– Я здесь раньше работала уборщицей, по договору. И книги клеила, которые порванные. Мне Лидия Васильевна показывала, как...

– У вас почерк разборчивый? – прервала её новая заведующая.

– Каллиграфический.

– Нет, я серьёзно спрашиваю.

– И я серьёзно.

– Уборщица мне пока не нужна, штат буду набирать, когда откроемся. Нужен методист. Пойдёте? Работа несложная, но писать придётся много. Рабочий день с восьми до пяти. Но я в обед работаю и раньше ухожу, в пять уже темно, и в глазах рябит от формуляров... Вы читать любите? Можете брать любые книги, а карточку читателя выпишете себе сами, – улыбнулась заведующая.

Арина не сразу поняла, что ей предложили работу.

Домой она пришла счастливая. В библиотеку её взяли на должность методиста, на полную ставку. Правда, с университетом пока ничего не получится. Зато нормированный рабочий день. Арина приходила в библиотеку в половине восьмого, поливала цветы, протирала влажной тряпкой пол и

принималась за работу: выписывала на каждую книгу новый формуляр, заполняла книжные реестры: художественные, научно-популярные, исторические, журнальные, газетные...

А в пять уходила домой, не чувствуя усталости, с ощущением счастья, которое – придёт же когда-нибудь? Или уже пришло? Или это и есть счастье: интересная работа, уютные вечера, которые Арина проводила за пяльцами, набросив на плечи бабушкин пуховый платок-паутинку, а за окном плакал в серых сумерках серый дождь... Плакать Арине не хотелось. И счастья хотелось не книжного, а настоящего. Как у всех.

У Аллы Шевырёвой отлегло от сердца, когда она услышала в телефонной трубке Колькин голос:

– Мам, привет. Ты как?

– Да что со мной сделается, живу, хлеб жую, телевизор смотрю...

– Мам, я пока в Осташкове поживу, – огорошил её Колька. – Такое дело... С Ариной бабушкой беда случилась, в больницу положили, Аринка переживает очень, одна загниётся тут. Я с делами разгребусь и приеду. Мам! Ты звони, если что. – И повесил трубку прежде, чем мать успела ответить. О том, в каком состоянии он нашёл Арину и как «разгребался с делами», Колька рассказывать не стал.

Алла Михайловна не находила себе места: понесло его в

Осташков этот! Умчался – чужие дела улаживать, за бабкой чужой ухаживать. А что мать одна-одинёшенька, его не колышет. Василиска жалобно мяукала, ходила из угла в угол, вспрыгивала на подоконник и подолгу смотрела в окно. Животина и та тоскует... Михална брала кошку на руки, заглядывала в глаза: «Вдвоём мы с тобой остались. Иди, сливочек тебе налью, Колька холодильник доверху набил, ни щёлки не оставил. Приедет, куда денется. Каждый день звонит, и про тебя спрашивает, говорит, как там Василиска...

К приезду сына новостей накопилось столько, что хватило на целый вечер.

– Соседку-то нашу, Аринку, с работы уволили! Пётр-то Ильич лично приходил, интересовался. А я говорю: ничего не знаю, не моё дело. Говорю, уехала она, и Колька мой за ней следом умотал. И пропали оба.

– Уволили? А где она работать будет?

– Так а я о чём? Зашла я к ней, по-соседски. Спрашиваю, как жить-то будешь? Может, мне с Валерьяновной потолковать, чтоб, значит, мужа уговорила обратно тебя взять? Петька-то отходчивый. А она работу новую нашла, в библиотеку устроилась, методистом. Во как жизнь-то повернулась! Методист! Чаем меня напоила, с городскими конфетами, и с собой дала горстку, в карман насыпала. Девка-то не жадная... – рассказывала Михална, с любовью глядя на сына. – Я Петькиной жене рассказала, её аж перекосило всю.

Михална лгала. Ирину Валерьяновну новость обрадовала:

«Должность хорошая, это тебе не подъезды мыть, грязь волохать... А Петьке моему наука: на новых-то уборщиц жильцы жалуются, привыкли, понимаешь, к чистоте, избаловались.

– Да пушай жалуются! Петя твой отбрешется. Первый раз, что ли?

– Да они не ему, они главе администрации письма пишут, просят принять меры. Он – Петьку на ковёр! Что, говорит, Петя, надоела тебе твоя должность? Кто ж подумать мог, что из-за девчонки такая беда случится...»

– Да не убивайся ты так, Валерьяновна. Никто твоего мужа не тронет, как начал, так и будет начинать, штаны просиживать. А по мне, так надо уборщиц премии лишить, а за жалобы штраф из зарплаты вычесть. Живо работать научатся, халды, – утешала её Алла, обалдевшая от такого поворота событий.

– Ох, сынок, я и забыла совсем... Тебя ж тоже уволили, передать велели, чтобы не являлся больше.

– Слона-то я и не заметил! – рассмеялся Колька. – Да бог с ним, с магазином этим! Я его сожгу к чёртовой матери. В Чёрном Доре разнорабочие нужны в любой сезон. Не пропаду. – Колька обнял мать за плечи, убрал со щеки волосы, поцеловал. – Ничего, мам. Проживём.

– А ты другой стал. На отца сильно похож.

– Ты долго его помнить будешь? – разозлился Колька. – Он нас с тобой бросил, жизнь тебе разбил, алиментов не платил!

– Он много денег дал. Я на них считай три года жила, одевала тебя в самое лучшее, игрушки тебе покупала, книжек полный дом... Поварихой-то я мало что зарабатывала, да за комнату платила. Баба Стеша недорого брала, а всё ж деньги. А Марек меня сильно любил.

– Что за Марек такой?

– Отец твой, Марек Сигизмундович. Я ж тебе говорила, поляк он. Мать у него красивая – боже ж мой! Как с картинки срисованная! Матильда Вацлавна. Бабушка твоя, значит. Мы с Марекком расписаться хотели, а мать его упёрлась, выбирай, говорит, или я, или она. Не мог он с матерью так...

– С тобой, значит, мог?

– Со мной мог. Тут письмо от него пришло, родители мне переслали.

– Так они живы?! Ты же говорила, что их нет!

– Живы, с чего им помирать-то? Они о тебе не вспомнили ни разу, не нужен им внук.

– А мне ты одна нужна, а больше никто. Мам... А Арина где, не знаешь? Я звонил, она дверь не открывала.

– А говоришь, никто не нужен... Ирка твоя приезжала, – сменила тему мать. – Где, говорит, мой Колька? Я ей говорю: «Это вместо здравствуйте, Алла Михайловна, как ваше здоровье»? А она мне: «Да мне пофиг!»

– Так и сказала?

– А то! А я ей: в Москву он уехал, к бабе своей. А ты небось думала, ты у него одна?

– Ну а она что? – заинтересовался Колька. Вот же мать даёт! Ей бы мелодрамы писать!

– А что она? С лица сошла, губки поджала, в машину села, по улице попылила.

– Спроведила, значит, невесту мою? – ухмыльнулся Колька.

– А то!

– Теперь сама давай собирайся. Собирайся, собирайся, я не шучу.

– Куда это?

– В Москву. В глазную клинику. Лидер Росздравнадзора! Международный уровень качества! Гарантии! Комфортный стационар! – радовался Колька. – Аринина докторша с профессором договорилась, с самым лучшим! Знакомый её. Операцию бесплатно сделает, и будешь видеть в темноте, как наша Василиска. Поедем, пока он не передумал. Я Аринке записку в двери оставил, чтоб Василиску кормила, пока нас не будет. А ключ ей в почтовый ящик бросим.

– Ты погоди, не гоношись. Куда я поеду? В Москве комнату снять – деньги страшные... За день меня не вылечат, где ж я там жить-то буду? – увещевала сына Михална.

– Жить будешь в центре Москвы, в Мамоновском переулке, дом семь. Почти на Тверской, – хохотнул Колька. – Ты уши-то открой пошире, мать. В больницу тебя кладут, при самой лучшей глазной клинике. Клиника государственная, платить не надо. Собирайся давай, пока твоё место кому дру-

гому не отдали.

Письмо Марека Браварского так и осталось нераспечатанным...

Арине очень нравилась её новая работа. Нравился стол со светлой полированной столешницей, настольная лампа с розовым колпаком, книжный ни на что не похожий запах... В обеденный перерыв Арина приносила из кафе напротив горячие пельмени со сметаной, они с заведующей дружно их съедали, запивали горячим кофе и принимались за работу, и Арине хотелось, чтобы так было всегда.

Дома её никто не ждал: Василиска, которую она взяла к себе, настырно мяукала, не давала спать, отказывалась от еды, и Арина отнесла её обратно. Оказавшись у себя дома, кошка распушила хвост, выгнула спину, грациозно потянула заднюю лапу, проделала то же с другой, после чего наступила очередь передних лап. Арина взяла на заметку кошачью гимнастику: надо попробовать повторить это дома.

Василиску она кормила утром и вечером, а на обед оставляла молоко. Из записки, оставленной Николаем, она знала, что Аллу Михайловну согласился прооперировать врач из московской глазной клиники. Врача нашла бабушкина подруга Рита, та самая, которая спасла Арину (с этим Арина согласиться не могла: её спас Николай Шевырёв, которого она звала Колькой, а когда поправилась, стала называть Николаем, и он смешно на неё обижался).

Если за дело взялась тётя Рита, значит, всё будет хорошо. И с бабушкой будет всё хорошо, ведь у неё есть Рита. На душе было спокойно, плотно сомкнутые шторы защищали от незаконной темноты её маленький мирок, наполняли комнату тёплым светом, плескались золотыми озёрами... А со стены на Арину смотрела озёрными бездонными глазами Казанская Богоматерь.

В монастырском приюте она не верила в бога, к Святому Писанию относилась скептически (кто-то ж его писал, не сам же Бог? писали люди, а значит, могли напортачить, а исправлять некому – ведь что написано пером, не вырубишь топором), молилась потому что заставляли, без молитвы не поешь. А есть хотелось.

В школе молиться никто не заставлял, уроков Закона Божьего не было и в помине, но именно «в миру» её ждали неразрешимые вопросы, ответы на которые она пыталась найти в Святом Писании. И – не находила. Бог остался в монастыре, а «в миру» его не было, поняла Арина. Ещё она поняла, что с «миром» Бог справиться не может, и решать свои проблемы ей придётся самой.

А сейчас смотрела в глаза Богоматери с отчаянным вопросом: «Что теперь будет? Что с нами будет – со мной, с бабушкой, с Колькиной матерью, с белым котом, который пропал... Может быть, ты знаешь, где он сейчас, почему не приходит?»

Глаза молчали. Оклад иконы Арина находчиво покрасила

бронзовой краской, в нём отражались огоньки люстры, а в глазах святой не отражалось ничего. «Если ты есть, то присмотри за ними. За бабушкой в Осташкове, за Колькиной матерью в Москве. И за Колькой присмотри» – попросила Арина. И поймала себя на мысли, что ждёт возвращения Аллы Михайловны, которую вообще-то не жаловала. А теперь переживала за неё: вылечат ей глаза или нет, врачи ведь не боги...

В дверь настойчиво позвонили – раз, другой, третий. Арина посмотрела в глазок: на площадке стоял человек в полицейской форме, за ним маячила бритая квадратная башка на квадратных плечах... Владелец магазина! Что им от неё нужно?

– Арина Игоревна, откройте, пожалуйста. Я начальник полиции Мигун Семён Михайлович, вот моё удостоверение. – Арина приоткрыла глазок, разглядывая удостоверение. – Соседей ваших нет, весь день отсутствуют. Может, знаете, где они?..

Гости сидели на кухне, от чая отказались, начальник полиции что-то писал, протокол опроса свидетеля, как он объяснил.

– Да какой я свидетель, я в библиотеке весь день... Ничего не видела, от вас услышала, что магазин сгорел. Что я могу рассказать?

– А вот тут вы, голубушка, ошибаетесь. Свидетель, и очень ценный. Когда вы в последний раз видели ваших со-

седей? Какие у вас предположения по поводу их исчезновения?

– Никаких. Они в Москву уехали, в глазную клинику, пятого числа. Алле Михайловне нужна операция на глазах. Я их кошку кормлю. А приедут не знаю когда.

– Кошку кормите? Значит, ключи у вас есть? Вас не затруднит открыть квартиру? Мы войдём вместе с вами и выйдем вместе с вами.

– Вы войдёте, а этот, – Арина указала на башку, – пусть на лестнице ждёт.

Башка понуро кивнула. Начальник полиции убедился, что в квартире никого нет, и сел писать протокол.

– Семён Михайлович, вы меня сейчас опрашиваете или допрашиваете? – вдруг спросила Арина.

– Нет, ну ты смотри! Какие свидетели нынче пошли, в юриспруденции разбираются!

– Я не разбираюсь, я спрашиваю.

– Тогда слушай. Сведения и документы, полученные в результате допроса, являются судебным доказательством, а сведения, полученные в результате опроса, используются для других целей, доказательной базы не имеют.

– Тогда пусть это будет допрос.

Начальнику полиции ещё никто не указывал, что ему делать: опрашивать свидетеля или допрашивать. Но девчонка права, дело пахнет судом, а для суда нужны доказательства.

Протокол допроса Арина подписала с видимым удоволь-

ствием. Начальник полиции тоже был доволен: в деле появились новые свидетели: врач из Осташкова (ФИО, телефон, место работы), Арина бабушка, которая наверняка в курсе (ФИО, телефон, место жительства), врач из клиники глазных болезней в Москве (ФИО и телефон знает Рита Борисовна). Девчушка оказалась просто неоценимой. Вот тебе и – «ничего не знаю»! Вот тебе и – «не разбираюсь»! Все бы так не разбирались...

Магазин, который два раза пытался ограбить Колька и в котором батрачил, отдавая половину заработанных денег хозяину, – магазин сгорел дотла, вместе со всем товаром, из-за неисправной электрической проводки.

– Какая к дьяволу проводка? Засажу гада! – хрипел хозяин магазина (кричать он уже не мог).

«Засадить» не получилось: у «гада» было стопроцентное алиби: неделю назад он уехал с матерью в Москву (что подтвердил профессор московской глазной больницы в Мамонском переулке), и всё это время жил в Осташкове (что подтвердила Арина бабушка, у которой Колька квартировал, ожидая, когда можно будет увезти мать домой).

О том, что он четыре года просидел в одной камере с Яшей Додиним, Колька не рассказывал даже матери. Электромонтёр по специальности, Яша обучил всю камеру своей профессии, а также способам защиты от поражения электрическим током и способам оказания первой помощи (профес-

сия электрика относилась к категории особо опасных).

«Я не сильно умею сказать, но хочу» – начинал свой очередной урок Яша. Обучение проводилось на одесском крылатом жаргоне и заинтересовало даже блатных (прим.: высшая каста в тюремной иерархии, как правило, профессиональные преступники). Заслышав смех и Яшино флегматичное «почему нет, если да», «чёрные», положенцы и авторитеты подтягивались к Яшиной шконке:

«Не кидайте брови на лоб, – встречал их Яша. – Или вы думали, шо вы опоздали? Таки я вам скажу, шо да» Впрочем, когда его просили повторить «пройденный материал» он всегда повторял. «Если у меня есть шо таки вам сказать, так почему нет?»

Из Яшиной камеры выходили на свободу электрики-профессионалы. «Организовать» неисправность проводки было для Браварского минутным делом. В магазин он проник через чердачное оконце – крошечное, а потому не защищённое сигнализацией. Лестница, ведущая с чердака собственно в магазин, заканчивалась массивной стальной дверью. Кольке и не надо было в магазин, он сделал свою работу на чердаке, Яша Додин был бы доволен своим учеником. Со змеиной ловкостью, которой позавидовали бы форточники, Колька вылез через оконце обратно и через полчаса уже спал сном праведника.

Распечатанный конверт на комодe Арина заметила ещё во

время визита в квартиру начальника полиции. Не будет ничего плохого, если она посмотрит, что в нём. Конверт – изрядно помятый – был отправлен из Москвы, отправителем значилась А.А. Шевырёва. Сестры у Аллы Михайловны нет, она рассказывала. Значит, письмо от её матери. Странная какая-то мать: ни словечка дочери не написала. Внутри ещё один конверт... из самой Варшавы! Арина вертела его в руках. Судя по штемпелю, письмо было отправлено два месяца назад, отправитель Матильда Браварска.

Наверное, Николай его не видел. Он приедет очень не скоро, а вдруг в письме что-то важное? Конверта был заклеен довольно небрежно. Арина осторожно потянула за уголок... и через минуту уже вперила глазами в письмо. Неведомая Матильда сообщала Кольке, что отца у него больше нет и что Марек Браварский оставил ему дом в Бяле-Блота, которым он может распоряжаться по своему усмотрению. Если её внук желает познакомиться со своей бабушкой, она ждёт его в Варшаве и просит поторопиться, так как не знает, сколько проживёт после смерти сына.

Арина с трудом сообразила, что Матильда Браварска это и есть Колькина бабушка а Мареком звали его отца. Значит, он Браварский? Все в доме звали его Шевырёвым... Ещё она поняла, что Матильда там одна и ей очень плохо, а Колька ей так и не ответил.

Письмо она написала сама, купила на почте международный конверт и отправила в Варшаву – с Колькиным обрат-

ным адресом.

Глава 31. Отрицательный опыт

Аринин телефон не отвечал. Я это заслужила, сказала себе Вера. Ни в чём девчонке не отказывали, одевали-обували, ни денег не жалели, ни души. Заставили поверить, что родная, не чужая. А потом бросили, как бросают с лодки в воду неумелого пловца, чтобы с перепугу научился плавать.

Вечеслов всерьёз боялся за здоровье жены: переживает за внучку, а ей нельзя: любые переживания при стенокардии губительны, любой стресс может оказаться последним. И убедил Веру, что их воспитанница выросла и вполне может жить самостоятельно. А они будут помогать, по мере сил, и вообще, как она была им внучкой, так и останется.

Квартиру ей купили... А ей не нужна была квартира, и тем более так далеко от Осташкова. Вера помнила внучкины глаза, в которых удивление смешалось со страхом. Она не хотела уезжать. Наверное, мучилась там одна. А Вера – мучилась без неё, не признаваясь в этом себе самой.

Деньгами помогали... А она отдавала обратно, как возвращают долги чужим людям.

Звонили каждую неделю... Слышали внучкино бодрое «У меня всё отлично!» и притворялись, будто этому верят.

В гости звали... В дом, где она выросла, где её любили, жалели, берегли, нарадоваться на неё не могли – её приглашали в гости.

Вера вспомнила, как Арина позвонила и, забыв поздороваться, закричала в трубку: «Ба, я к вам завтра приеду!». Может, что-то стряслось, может, нужна была помощь. Да просто ласковое слово. А она не стала её слушать, сказала – не приезжай. Придумала, что в Заселье с Ваней собираются, уезжают. Ваня так велел сказать.

Веру в тот день выписали из больницы и велели с недельку полежать. «Вам повезло, что «скорая» быстро приехала. Со стенокардией шутки плохи. Спокойная размеренная жизнь, дозированные эмоции и отсутствие стрессовых ситуаций» – предупредил врач. А с внучкой эмоций будет через край, и разговоры до полночи, и пироги, и плов из баранины, и внучкины любимые творожники с изюмом... А как же иначе? Арина редко у них бывает, ехать не близко, автобус тряский, её укачивает...

Вечеслов замахал руками: «Нет, и ещё раз нет! Когда поправишься, пусть приезжает, а сейчас – нет. Тебе врачи лежать велели, а ты пирог затеешь, на кухне натопчешься-накрутишься, опять в больницу попадёшь. Ты Аринке не говори, что болеешь, ей волноваться противопоказано».

Она не помнила, что говорила Арине на похоронах – включился механизм психологической защиты, которую организм применяет без нашего участия, выталкивая нежелательную информацию в область подсознательного.

Активное забывание событий, переживаний и ощущений, которые причиняют боль, если о них думать – защитило Ве-

ру от травмы психики, которая пагубно отразилась бы на физическом самочувствии. И до полусмерти напугало Арину, которая решила, что бабушка сошла с ума.

В элитной «Золотой воде» пациентам предоставляли время для «забывания», поддерживая организм в хорошей физической форме и исключая любые волнения. Обязательный сон на свежем воздухе, обязательные ежедневные прогулки, запах цветущих лип, островки голубых, жёлтых и белых цветов в траве, скошенные лужайки с подсыхающим сеном, птички кормушки с неутомимыми синицами, муравьиные тропки, за которыми так интересно наблюдать. Познавательные фильмы о природных явлениях, кружки рисования и рукоделия, танцевальные вечера со старинными вальсами и полонезами.

Зигмунд Фрейд утверждал, что вытесненные мысли и импульсы не теряют своей активности, находясь в подсознании. Вера не читала Фрейда, но однажды заблокированные памятью воспоминания вернулись, и она смогла их принять, как принимают неизбежное, уже случившееся, уже ставшее прошлым.

Если бы можно было взять назад – брошенные Арине в лицо обвинения, продиктованные больным рассудком! Если бы можно было всё объяснить – так, чтобы Арина поверила, сказала бы: «Я понимаю, ба...»

Не скажет.

Вера снимала со стены фотографию, с которой улыбалась

приёмная внучка. Гладила по волосам, целовала в смеющиеся глаза и просила прощения: «Девочка моя золотая! Обидела я тебя, наговорила в сердцах. Ты уж прости... Бабушка тебя любит. И Ваня любил, счастья тебе хотел». Глаза на фотографии – понимали. Прощали. Любили. А телефон по-прежнему молчал...

Дни она проводила в Ариной комнате. Смотрела в окно – и видела то же, что видела она. Готовила внучкину любимую еду – и ощущала тот же вкус. Ложилась на кушетку, занявшую место Ариного дивана – и разглядывала узоры на потолке, нарисованные светом уличного фонаря. Арина много лет засыпала под этот зыбкий свет. За этим столом готовила уроки, а Ваня сидел рядом и объяснял, если она чего-то не понимала.

Рука непроизвольно выдвинула ящик письменного стола. Что в нём? Школьные тетрадки, исписанные красивым аккуратным почерком. Дневник с записью «На уроке химии вела себя недопустимо. Прошу принять строгие меры». Меры полковник принял: запретил Вере расспрашивать девочку о случившемся и тем более ругать. С улыбкой подписал дневник, весь вечер старательно проигрывал Арине в шашки, смеялся и шутил.

А надо было – расспросить. И она бы рассказала, не держала это в себе. Ведь что-то же случилось – «недопустимое». Вечесловы воспитывали Арину в уважении к старшим, да и в монастырском приюте девочек приучали к послушанию.

Издеваться над учительницей она бы не стала, скорее терпела бы издевательства над собой. А когда устала терпеть, ответила ударом на удар. Интересно, что же она такое сделала? Вечесловы не спросили, не разделили с ней это «недопустимое», старательно делали вид, что их это не касается. Вот они, ошибки воспитания!

Красными строчками записей в Арининых школьных дневниках («На уроке истории искажила революционный смысл восстания Емельяна Пугачёва, рассмешила класс, пререкалась с учителем», «Написала на доске хулиганский стишок, оскорбив этим своего товарища, и сорвала урок алгебры», «Самовольно ушла с классного собрания») – на Веру смотрела закрытая от всех жизнь, которой жила их девочка и о которой они с Иваном ничего не знали. Не хотели знать. Не ругали, не спрашивали ни о чём. А она, наверное, ждала – чтобы поругали, а потом простили, сняли с души груз, который приходилось нести в одиночку.

В «Золотой воде» Арина оплатила для неё отдельный номер-люкс с личной медсестрой и шестиразовым заказным питанием. Приезжала каждый день, о чём-то с ней разговаривала – Вера не помнила о чём, помнила только голос, журчащий как прохладный ручеёк. Из ручейка хотелось напиться. Непроизвольное глотательное движение – и рука с детски-тонкими пальцами подносила к губам стакан с водой, такой вкусной, такой желанной в летнюю жару.

– Ба, ты попить хочешь? Нарзан, твой любимый. И в ком-

нате, в холодильнике стоит, я много привезла.

Пальцы были исколоты иглой. Почему она тогда не замечала этого? Не спрашивала ни о чём.

Ведь это она, Арина, вытащила её из серого безразличия, в которое погрузился Верин рассудок. Когда внучка перестала к ней приходить, Вера словно проснулась: ей не хватало этой ласковой заботы, прикосновений прохладных рук, тихо журчащего голоса. Не едет и не едет! Да что ж такое!

Память лениво ворочалась, возвращая свою хозяйку в реальность и подсовывая ненужные воспоминания. Вера упрямо с ними боролась – и победила. Сознание нарисовало чёткую картинку: она прохладжается здесь уже третий месяц, а дома столько дел! Холодильник разморозить, за квартиру заплатить, и цветы не политы, и Аринка уже сколько дней носа не кажет. Куда пропала?

Этот вопрос мучил Веру и дома: Арина не появлялась, не отвечала на звонки, хотя с Ритой разговаривала, не станет же Рита её обманывать?

Пальцы коснулись чего-то твёрдого, гладкого, холодно-глянцевого. Дарственная на дом в Заселье! Разрезанная ножницами на три полоски.

Выходит, дом Арина не продала, а дарственную уничтожила. Вера прошла в гостиную, открыла шкаф, достала кожаную сумку-барсетку, где хранились документы. Со сберкнижки не снято ни рубля, хотя доверенность на Арину ещё не закончилась. Где же она взяла деньги? Драгоценности

продала?!

Вера дрожащими пальцами открыла шкатулку: Ванино обручальное кольцо, Верино колечко с голубым сапфиром, бирюзовый браслет и серьги к нему. Ванин подарок на свадьбу – гранатовое ожерелье. Серьги из дутого золота, доставшиеся Вере от матери. Купленная в Питере длинная нитка жемчуга и такие же серьги. Вера хотела подарить их Арине на двадцатипятилетие. Всё на месте. Тогда на какие деньги хоронили Ваню? За чей счёт Вера почти три месяца наслаждалась роскошью в «Золотой воде» (судя по ценам, не золотой, а платиновой)?

Аринка... Свои отдала, что на университет копила, на учёбу... Что ж ты делаешь, доча ты моя?..

◆◆◆

Арина с удивлением поняла, что ей хорошо одной. Одиночество растворялось в закрытом от всех уютном мирке, не угнетало, не давило, и даже делилось со своей хозяйкой ожиданием перемен, непременно счастливых. Бабушка выздоровела (Рита Борисовна позвонила и сказала, что за бабушку можно не волноваться, а если у Арины начнётся депрессия, Рита к ней приедет и вытащит. Так и сказала: «Я тебя вытащу, не бойся»).

Библиотечной зарплаты вполне хватало на жизнь, а пенсию Арина откладывала на учёбу. И больше не боялась, что поступит в Свято-Тихоновский университет лишь когда ей исполнится двадцать девять лет, а диплом получит в трид-

цать три.

Алле Михайловне больше не грозит полная слепота, в московской клинике её обязательно вылечат. Её сын, о котором Арина так плохо думала и который оказался совсем не плохим, обещал Арине взяться за ум, найти денежную работу и... что он ещё обещал? А-аа, обещал на ней жениться. Арина рассказала ему про биполярку, и он замолчал.

Она больше никому не испортит жизнь, как испортила её опекунам. Ей хорошо одной, ей хватает книжного мира, в который она погружается с головой каждый вечер, забывая о мире реальном. А ещё у неё есть любимое занятие, есть нитки и пяльцы, есть вышитая чёрными шебби-лентами лохматая собачонка с коричневыми пуговками глаз. Собачонка была её другом, вышивание дарило спокойную уверенность, снимало с души мутную накипь прожитого дня, игла мелькала в пальцах, превращая время в стежки, вышитый мир обретал жизнь. Одиночество пряталось в углах, поскрипывало дверцами шкафа, вздыхало невидимым сквозняком, заигрывало с золотыми шторами. И ждало воскресенья, которое они с Ариной традиционно проводили в лесу: она – и одиночество, она – и тишина, она – и лес. А другой компании ей не надо.

Рита звонила каждый день, подробно расспрашивала о самочувствии и придиралась по мелочам, как считала Вера. Ритина настойчивая забота казалась навязчивой, возвраща-

ла в реальность, которая была к ней беспощадна: всё в доме напоминало о муже. Вере слышались его шаги за спиной – и она оглядывалась. Чудился запах его табака – и она спешила открыть форточку: «Всю квартиру прокурил, не продохнуть...» Забывая, что он умер, заглядывала к нему в кабинет: «Ваня, чай будешь пить? Я с мятой заварила» – и с ужасом понимала, что чаю полковник уже не выпьет.

Рита не оставляла её в покое: навещала, тормошила, пичкала какими-то таблетками, звала летом к ней на дачу...

– Зачем мне твоя дача, у меня своя есть! – отказывалась Вера.

А может, и правда поехать к Рите? В Заселье Вере путь заказан, через шесть месяцев вступит в права наследства, продаст дом, деньги отвезёт Арине, и пусть только попробует не взять. Пусть попробует!

Думать о том, как она приедет в Гринино к внучке и будет её уговаривать, Арина будет отказываться, а потом всё-таки согласится – думать было приятно. Девочка, которую они так заботливо опекали и пестовали, выросла на удивление самостоятельной, и решения всегда принимала сама.

Обострённое чувство любви ко всему живому – вот стержень, который не давал Арине сломаться. Болезнь не отпускала, после передышки длиной в несколько месяцев или даже в год – снова набрасывалась мучительными депрессивными приступами. Арина никогда не просила о помощи. Вновь поднималась на ноги, вновь обретала себя. Её стойкости и

жизнелюбию можно завидовать. А можно – гордиться.

Вечесловы не гордились, Вера поняла это только сейчас. Не доучилась в ветеринарном техникуме? Силёнок не хватило. Не получилось с мединститутом? Есть и другие профессии. А ей хотелось – лечить, исцелять, спасать. Хотелось творить добро.

Когда внучка нашла работу в Москве – Вечесловы не уговаривали её вернуться: нравится жить одной, пусть живёт. А она доказывала самой себе, что справится с жизнью без чьей-либо помощи. И справилась.

Вера справляться не умела. Сколько себя помнила, за неё всегда решали и справлялись другие: родители, учителя, муж, Димка Белобородов, теперь вот Рита... Звонит по пять раз на дню, будто с ней может что-то случиться.

Словно в ответ на её мысли зазвонил телефон. Опять эта Рита... Сколько же можно?!

– Что ты трезвонишь без конца? Что ты хочешь услышать? Что я тут умираю? Или с ума схожу? И не надо со мной разговаривать как с умалишённой, оставь этот приторный тон. С больными своими так разговаривай!

Выслушала извинения за тон «для больных», заверения в Ритином добром расположении, обещание не звонить так часто – и первой повесила трубку, чего никогда не делала.

Через час телефон зазвонил снова. Вот же зараза!

– Я в порядке, давление нормальное, сердце не болит, пи-рог в духовку поставила, разговаривать с тобой некогда. Из-

вини, в гости не приглашаю, устала я от тебя, – выпалила Вера на одном дыхании.

На том конце провода вздохнули и сказали упавшим голосом:

– Ну, если всё в порядке, тогда... извини. Я же не знала, я просто так позвонила, я не в гости... До свиданья, ба.

Вера опомнилась, закричала в телефон: «Аринка! Я ж думала, это Ритка звонит. Взясась, понимаешь, названивать, никаких нервов с ней не хватит! Ариночка, внученька, что ж ты так долго не звонила? Я ждала-ждала... Может, приедешь? Может, на работе твоей отпустят тебя?»

Вера ещё долго рассказывала Арине о том, как ей тяжело одной. Как сосед-пчеловод из Заселья привёз ей две трёхлитровые банки мёда и просил не подавать на него в суд... Вера и не собиралась. Господи, он-то в чём виноват? О том, как нашла в Арином письменном столе испорченную дарственную на дом, Ваня бы обиделся, если бы узнал. О том, как Рита о ней заботится, и звонит, и навещает, и на дачу зовёт. А она, Вера, совсем здорова, только сильно скучает...

Вера говорила, говорила, и от слов становилось легче. А потом поняла, что на том конце провода никого нет, и никто её не слушает.

– Рита, что же я наделала! Я ж думала, это ты звонишь... – рыдала Вера. – Что же я наделала...

Рита Борисовна накапала в стакан пустырниковых капель, разбавила водой, поднесла к Вериним губам.

– Выпей и не сходи с ума.

– Я не схожу.

– Да? – скептически осведомилась Рита. – А кто здесь сходит с ума, я, что ли? С утра на меня орала как ненормальная, теперь вот истерику устроила, внучку довела, себя довела... Пей, тебе говорят!

Вера покорно выпила лекарство.

– Она больше не позвонит.

– И правильно сделает. И ты не звони. Я с ней сама поговорю, скажу ей, что это я виновата, довела тебя. А ты не поняла, думала, это я опять звоню, голос перепутала...

◆ ◆ ◆

На следующее утро в дверь позвонили: «Вера, открывай! Я тебе квартиранта привела».

На пороге стоял Николай.

– Здасьте вам, Верочка Илларионовна, – поздоровался шуточно. – Ночевать пустите? Платить правда нечем, но я отработаю. Дров наколю, воды натаскаю, трубу печную почистить могу, – паясничал Колька. Интересно, с чего он так радуется?

В сердце толкнулась немая благодарность. Аринка без него бы умерла, одна, больная, в пустой квартире, помочь некому... А он остался с ней, кормил, лечил, выхаживал. Да и её, Веру, тоже спас. Она ему теперь по гроб жизни должна – за Аринку. А он смотрит виноватыми глазами: пустит его Вера или нет? У него определённо что-то случилось, что-то

тревожное, безвыходное, видно по глазам.

– Дров ты уже наколол, голубок.

– А вы откуда знаете? – удивился Колька.

– Да у тебя на лице всё написано. Ты давай рассказывай, как там Аринка моя. Честно рассказывай, без выдумки, – велела Вера.

– Если без выдумки, то я на ней женюсь. Если за магазин не посадят, – с порога бухнул Колька, и Вера моментально забыла о Ване и о том, как вчера ей хотелось умереть.

– А что с магазином?

– Да пока ничего. Но если Яша прав, то должен сгореть.

– Какой-такой Яша?

– А с которым мы сидели! Яша Додин, электромонтёр шестого разряда. Мне до него, конечно, плыть и плыть, но кое-шо таки умею. А если да, так почему нет? – выдал Колька.

Рита успокоилась: с таким квартирантом подруге скучать не придётся.

Глава 32. Визиты

Глава Тверской и Кашинской епархии Венедикт Кашинский не сводил глаз с вышитой иконы Казанской Богоматери, подаренной игуменье монастыря Святого Пантелеймона. Вышитые шёлковой гладью лица Богоматери и младенца Иисуса кажутся живыми и тёплыми, одежды расшиты блеклым золотом, на нимбах горят алым тихим огнём рубины – символ женской добродетели. Оклад, выполненный в технике ленточной вышивки, выглядел объёмным: эмалевая роспись мягких пастельных тонов, тускло светящиеся фиолетовые аметисты. Икона сияла светом.

– Ваших мастериц работа? В неё не только мастерство, в неё душа вложена, чистая, светлая. Девичья. Скажите же мне, что я не ошибаюсь, матушка настоятельница, – улыбнулся архиепископ.

– Не ошибаетесь, Святейший. Девушка вышивала, Ариной звать.

Свои поездки по монастырям и церковным приходам области архиепископ называл рабочими: помимо служб в них решались кадровые вопросы, и вопросы со строительством храмов, и многие другие. Монастырь Святого Пантелеймона он посетил последним, любовался работами монастырских вышивальщиц, но такого – просто не ожидал. Захотел посмотреть на мастерицу, сумевшую вышить слёзы в глазах

Богоматери, и с удивлением услышал, что Арина Зяблова – бывшая воспитанница приюта при монастыре, в мастерской работать не пожелала, а икону подарила лично матушке Анисии, в знак благодарности.

– Ну дела-ааа... Так Богоматерь девочка вышивала? – изумился архиепископ.

– Да она выросла уже. Ей девятнадцать было, когда приезжала меня навестить. Семь лет прошло, не появлялась больше.

– А найти её можно?

– С этим вам лучше к отцу Дмитрию обратиться, он наверняка знает.

Арина удивилась, получив письмо от некоего И. В. Оленева. На конверте стояла церковная печать с крестом, опоясанным надписью, выполненной стилизованным старославянским шрифтом: «Божьей милостью Архиепископ Венедикт (Оленев)». Однофамилец, что ли? К письму прилагался заказ на расшивку храмовой катапетасмы (прим.: от греческого «катапЕтасма»=«занавес», в православных храмах – занавес за иконостасом, отделяющий царские врата и престол). Вознаграждение за работу предлагалось более чем щедрое, выбор ткани оставался за Ариной. Стоит ли говорить, что она ответила согласием? Стоит ли говорить, что архиепископ не ошибся в своём выборе?

Архиепископ Венедикт Кашинский, в миру Игорь Вла-

димирович Оленев, был несказанно удивлён, когда в ответном письме (Оленев оставил Арине свою электронную почту) Арина сообщила, что за работу возьмётся, но быстро сделать не обещает, поскольку работает. От денежного вознаграждения вышивальщица отказалась, вместо этого просила помочь ей стать студенткой отделения народных художественных промыслов Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета.

Архиепископ крикнул (круто берёт девочка!) и стал читать дальше. В письме содержались подробные указания (!), какие ткани и каких цветов потребуются для катапетасмы, пересчислялись оттенки шёлковых ниток, виды металлических ниток для золотного шитья (0.25 мм, золото розовое; 0.25 мм, серебро; металлический шнур на хлопковой основе, 0.8 мм, золото или латунь).

Ещё в письме испрашивалось позволение применить, если это возможно, вышивальные ленты (цвета и количество сообщалось). И уж совсем невероятным были вложенные в конверт эскизы рисунков будущих вышивок.

Неизвестная вышивальщица не только оставляла за собой право выбора рисунка, но предложила своё оформление.

Желание увидеть Арину Игоревну Зяблову, проживавшую в посёлке Гринино, в доме номер восемь на Песочной улице, стало ещё сильнее.

В Гринино Оленев приехал без сопровождающих и в

гражданской одежде. И отправился напрямик в церковь Козьмы и Дамиана, к отцу Дмитрию, с которым пять лет учился в Духовной Академии. После приветствий, объятий, обмена новостями и традиционного чаепития в доме Белобородовых архиепископ задал своему другу вопрос, ради которого он и приехал в Гринино.

Дмитрий Белодородов мало что мог рассказать о своей прихожанке, которая и прихожанкой-то не была: в церкви появлялась от случая к случаю, передавала привет от бабушки и уходила.

– Она Верина внучка, и этим всё сказано. С Верой мы дружим с детства, хотя и живём далеко. И я очень ценю эту дружбу.

Три месяца назад Арина пришла к нему в слезах и сказала, что ей нужно с ним поговорить.

– Дмитрий Серафимович, только не в церкви. Здесь я вам ничего не скажу. А пойдёте на улицу? – предложила Арина.

Отец Дмитрий сделал вид, что не удивлён. Усадил её на скамейку на церковном дворе, принёс из церковной лавки пирожок с картошкой и поджаренным луком, всунул ей в руки бумажный стаканчик с горячим чаем:

– Давай так. Сначала ты поешь, выпьешь чай и перестанешь плакать. А потом я тебя выслушаю и помогу.

– Правда можете? – неверяще спросила Арина.

– Правда. В церкви нельзя лгать.

– А мы не в церкви, мы во дворе.

– Но земля-то святая, церковная, – усмехнулся отец Дмитрий. – Так вот зачем ты меня на улицу выманила? Врать мне собралась, голубушка? Ничего не выйдет. Или правду рассказывай, или помочь не смогу, с чем пришла, то обратно с собой унесёшь.

Арина послушно откусила от пирожка. Выпила чай, вытерла слёзы и рассказала о смерти Ивана Антоновича и о внезапной болезни бабушки, которую пришлось поместить в санаторий (Арина не стала уточнять, в какой), но сейчас Вера Илларионовна уже поправилась.

– Она уже дома и с ней всё в порядке, честное слово, вы не волнуйтесь, – заверила Арина отца Дмитрия. – С ней её подруга Рита, она врач... Она в соседнем доме живёт.

– А почему такой голос? С бабушкой всё в порядке, а с кем не в порядке?

– Со мной. Дедушки больше нет, бабушка меня считает виноватой в его смерти, даже разговаривать не хочет. Как мне теперь жить? И зачем? Я никому не нужна. Только не надо мне рассказывать сказки о божьих, который живёт на небесах, любит меня и всегда со мной. Я в это не верю.

Отцу Дмитрию никто не задавал таких прямых вопросов, не называл сказочником, не говорил так открыто о своём неверии. Это нервы. Девочка пережила большое горе. И Вера... Его Вера осталась одна! Если бы она жила здесь, в Гринино! С ней рядом был бы её Димка, Димка-борода, как она дразнила его в детстве. Ей было бы неизмеримо легче.

Арина доела пирожок – «С луком. Бабушка такие пекла. Спасибо». Облизала пальцы и, спохватившись, вытерла салфеткой. Отец Дмитрий протянул ей второй. Арина молча жевала, смотрела сухими блестящими глазами и ждала ответа.

– Да это не я, это ты мне рассказала – сказку. Бог не на небе, Бог в нашей душе. В твоей, в моей, в Веринной... Частица неведомого Сущего, из чего создан мир. Когда к нам приходит горе, мы говорим – душа болит. Значит, и Ему тоже больно. Убивая себя, мы убиваем в себе частицу Бога, его плоть, его кровь. И потому самоубийство тяжкий из грехов. Надо жить, девочка. Надо, даже если не хочется.

– Я и не собиралась себя убивать, – возразила Арина. – Просто я не знаю, как теперь жить.

У отца Дмитрия отлегло от сердца: умяла два пирога и не знает как ей жить.

– А как можетя, так и жить. Не разрешать себе безделья, не позволять самочинства, не тешить самолюбие тем, что тебе дано, и не горевать о том, чего нет. И о бабушке Вере не забывать. Она тебя вырастила.

– Я помню, – вздохнула Арина.

– Работаешь? Учишься?

– Работаю. Деньги коплю на университет.

– Вот и ладно, вот и молодец. А говоришь, не знаешь как жить...

– Дмитрий Серафимович, вы прям как моя бабушка! Вы извините, что я к вам пришла. Мне было очень плохо. Я не

понимала, для чего надо жить.

– А сейчас знаешь?

– Знаю. Ни для чего. Просто жить. Бабушку Веру не забывать. Не сидеть без дела. Не гордиться успехами. А я всё равно горжусь. Спасибо вам, Дмитрий Серафимович. Вы добрый. Вы, пожалуйста, позвоните бабушке Vere. Со мной она не хочет разговаривать, а с вами... Она будет рада.

Человек старается делать добро по своей воле, исполняет же его Бог, в соответствии со Своей правдой. Дмитрию вспомнилось это изречение, принадлежащее Святому Марку Подвижнику. И впервые в жизни он подумал, что Марк Подвижник не совсем прав: добро делают люди, а Бог лишь посылает испытания... которых эта девочка не заслужила. Верина внучка отчего-то не верила Богу, возможно, у неё были на то причины. Зато поверила отцу Дмитрию, ушла от него со спокойным сердцем и даже попросила позвонить бабушке, которой по-прежнему желала добра.

– Приходи к нам в субботу, ты же у меня ни разу не была! С внуками моими познакомишься, на качелях покачаешься, я им качели поставил – высоченные... Яблоками тебя угощу, сад мой посмотришь. Маша пирогов напечёт, она по пирогам мастерица. Ты с яблоками любишь? Приходи!

Арина кивнула. Дмитрий Серафимович не понял, относилось это к яблочным пирогам или к приглашению.

Рассказывать другу об этом визите Дмитрий не стал. Развёл руками в умоляющем жесте и неожиданно предложил:

– А хочешь, вместе к ней пойдём? А то увидит незнакомого человека и дверь не откроет. И будешь на лестнице стоять...

– Тогда уж поедем. Я пешком забыл когда ходил.

– Вот и вспомнишь. Заодно и посёлок наш увидишь – не из окна автомобиля. Сибарит!

◆ ◆ ◆

– Здравствуй, Арина Игоревна. Не узнала? В гости тебя не дождался, сам к тебе пришёл.

– Ой. Дмитрий Серафимович! Я сейчас...

Лязгнул замок. Другой. Третий. Границу между собой и миром вышивальщица держит закрытой, понял архиепископ.

– Зз... здравствуйте. Вы кто? – на Оленева уставились широко распахнутые глаза цвета подтаявшего на солнце льда. Хозяйка глаз нервно повела плечами, перекинула со спины на грудь длинные косы, вцепилась в них пальцами.

– Хороший вопрос. Я друг Дмитрия Серафимовича, учились вместе, теперь вот работаем... в одной области.

– Вы проходите, присаживайтесь, я чайник поставлю. Я быстро!

Встряхнула косами и убежала. Косы Игорю Владимировичу нравились, о чём он и сообщил своему приятелю.

– Так и Вера с Иваном в косы её влюбились, как увидели, – улыбнулся отец Дмитрий. – Веруся мне рассказывала, как они опекуństwo оформляли, намучились изрядно. Иван

тогда свой первый инфаркт схватил...

– Так она не родная им? Сирота?

– Сиротее не бывает. Никого у девчонки нет, одна как перст. Я смотрю, ты шторами любишься, прикидываешь, сколько такие стоят? – улыбнулся отец Дмитрий. – Аринкина работа. Она без затей не может, захотела золотые шторы, взяла да и вышила.

Гостя Арина застала в неподобающей архиепископу позе, сидящим на корточках со шторой в руках и увлечённо ощупывающим изнанку.

– Вам там удобно? – подозрительно вежливо осведомилась Арина. – Шитьё лицевое, лентами, я на машинке пристрочила.

Интересно, она поняла, кто у неё в гостях? Кажется, не поняла.

– Дмитрий Серафимович, помогите мне раздвинуть стол. Пирог правда вчерашний, но я разогрела, в микроволновке. Он вкусный, с мясом. – Взгляд в сторону гостя – Игорь Владимирович, вы любите с мясом?

Хороший вопрос, если учесть, что сегодня пятница, постный день. Впрочем, в Гринино он приехал инкогнито, в гости явился без приглашения, а в чужой монастырь, как известно, не ходят со своим уставом.

– Да и мы не с пустыми руками... осетринки копчёной тебе принесли, яблочек из моего сада...

Арина покосилась на ящик, покрытый соломой. Из ящика

вкусно пахло яблоками. Игорь всё-таки уговорил друга, на Песочную улицу они приехали на оленевском джипе, а ящик Дмитрий втащил в квартиру, когда Арина убежала на кухню.

– Куда мне столько, объесться, что ли? – буркнула Арина. Ей было неловко, она теребила косы, подливала гостям в чашки чай, придвигала блюдечко с тонко нарезанными ломтиками лимона. Нервничала. Это было заметно.

– А и объешься, не велика беда. Варенья наваришь на зиму, соседей угостишь, – с набитым ртом ответил отец Дмитрий.

Архиепископ покосился на приятеля, уплетавшего уже третий кусок пирога. Потянулся к блюду с осетриной, сделал бутерброд, положил Арине на тарелку:

– Попробуй. Рыбка божественно вкусная.

– Пирог тоже божественно вкусный. А вы ни кусочка не съели.

Вот почему она нервничает! Гость отказался от угощения, разве так ведут себя в гостях? «Кто признаёт полезным лишь то, что ему угодно, тот ненадёжный судия справедливого» (прим.: Св. Василий Великий).

Игорь Владимирович взял с блюда ломоть мясного пирога, откусил, зажмурился от удовольствия и был немедленно прощён. Ледяные глаза растаяли, косы были оставлены в покое, губы сложились в улыбку:

– Вкусно? Меня бабушка печь научила, ещё когда мы в Осташкове жили.

Через полчаса они увлечённо спорили... Арина отстаивала свой выбор ткани, приводила весомые аргументы и не склонна была уступить:

– Послушайте, Игорь Владимирович... Я шесть лет училась у монастырских вышивальщиц, а вы... Вы иглу в руках держали хоть раз? Нет? А берёте на себя смелость говорить о вещах, в которых совершенно не разбираетесь.

– Ну, хорошо. Убедили. Согласен. Только один вопрос. Чем вам парча не угодила?

– Шитая парча некрасиво топорщится. А ещё золотное шитьё довольно тяжёлое. Катапетасма должна легко ходить по карнизной палке, а расшитая парча будет застревать и плохо двигаться. Игорь Владимирович! Я знаю о чём говорю, а вы не знаете, а спорите. Это не тот случай, когда в споре рождается истина.

Отец Дмитрий не выдержал и захохотал. Архиепископ показал ему под столом кулак.

– Сдаюсь. Ваша взяла, Арина Игоревна. Так значит, мы договорились? Занавеси вам привезут уже сшитые, подрубленные и с петлями для колец. Это чтобы вы не перепутали, где верх, где низ. И аксессуары привезут, всё что вы просили. Нитки, шнуры, ленты, иглы. Машинку вышивальную. Ваша тоже весьма неплохая, но у моей возможностей больше. Выбор рисунка оставляю за вами. Знаете, я почему-то вам верю.

– Я тоже себе верю. Меня Дмитрий Серафимович научил, сказал, что надо верить в свои силы. Вот я и верю. Игорь Вла-

димирович, вы, пожалуйста, передайте архиепископу, что я его не подведу, сделаю красиво.

– Передам обязательно, даже не сомневайтесь.

Архиепископ понимал: сказанное не было хвастовством и кичливостью. В этой девушке чувствовалось поразительное для её возраста здравомыслие, хорошо контролируемая воля, умение доводить до конца начатые дела, не бросая их на полпути. Иными словами, тот внутренний стержень, который помогает двигаться вперёд несмотря на отсутствие поддержки и помощи.

А его, Игоря Оленева, дело – помогать тем, кто сломался под грузом лжи и предательства близких, под невыносимым гнётом бытия. Тем, кто не справился с тяжестью проблем. Тем, кто не видит своего пути без выстроенной православной церковью системы ориентиров и ценностей.

Прощаясь, Арина крепко обняла отца Дмитрия, прошептала в ухо: «Спасибо за яблоки и за рыбу, я такую не ела очень-очень давно, даже вкус забыла».

Игорь Владимирович привычно протянул руку для поцелуя, которую Арина энергично пожала. Архиепископ перекрестил девушку широким крестом, положил руку ей на голову, благословляя, и мягко отстранил от себя. Земная жизнь, в которой мы оправдываем себя, что держимся своей воли и следуем самим себе, есть путь искушений и подвигов (Прим.: Авва Дорофей).

Пусть эта длиннокобая вышивальщица, накормившая Его

Высокопреосвященство мясным пирогом в постную пятницу, будет счастлива здесь, в этой жизни. Ибо Там нет ничего, Оленев понял это давно, ещё в семинарии.

Визитёру, назвавшемуся автором письма, Арина не очень-то верила и не впустила бы в квартиру, если бы не отец Дмитрий, бабушки Верин друг детства. Оленев вёл себя учтиво, разговаривал тихо, Арину величал на «вы» и по имени-отчеству, привёз ей вопросы для вступительных испытаний в Свято-Тихоновском гуманитарном университете. Арина с восторгом их схватила. И неожиданно поняла, что ей нравятся её гости, и перестала стесняться. Оленев оказался заядлым спорщиком и, уминая вчерашний пирог, перевёл разговор на тему воспитания и религии. Арина проявила в этом вопросе обширные знания, к ужасу отца Дмитрия.

– Православие это жёсткая воспитательная программа...

– Вы хотели сказать, негибкая?

– Я хотела сказать, негнущаяся, – заявила Арина. В льдисто-серых глазах полыхнуло голубое пламя. Его можно было бы назвать дьявольским, если бы не аргументы, которыми Арина добивала противника.

– Я жила в монастырском приюте. Это не воспитание, это метание между жалостливостью и суровостью, одинаково унижительными. Без молитвы не поешь. А если я хочу есть, а молиться не хочу? Это, по-вашему, воспитание? А по моему, это насилие. А бесконечные посты, когда на столах

каша без масла и чай без сахара? Из еды в основном овощи и хлеб, мяса мы вообще не видели, ну, может, раз в году. Сестра Агафья умерла от анемии. Ей было двадцать шесть лет. Никто её не лечил, сказали, на всё воля божья. Богу всё равно и людям всё равно.

Арина вдруг замолчала, прижала ладонь к губам. Игорь Владимирович поразился её отчаянию: детская травма осталась незажившей. Никто её не лечил и, вероятнее всего, никто о ней даже не знал.

– Меня когда оттуда забрали, мне на бабушкины пельмени молиться хотелось! – призналась вышивальщица, и архиепископ помимо воли улыбнулся.

– Что вы улыбаетесь? Вам смешно?! – налетела на него Арина. – В монастырь приходят по своей воле, а в приют ребёнка отдают не спрашивая. И вдалбливают ему религиозные неповоротливые догмы.

– Та-а-ак. Неповоротливые, значит? Вот так вы определяете религию?

– То есть, против догм вы не возражаете, возражаете против определения, – уточнила Арина. – Религия это прежде всего орган власти. И как у всякой общественной организации, у неё своя программа.

– И чем вам не угодила программа?

– Одни слова и обещания. А ещё церковь игнорирует сектантство, а с ним надо бороться. Сжигали же в Средние века еретиков?

– Вы предлагаете сжигать сектантов?

– Что вы такое говорите?! Пообещать только. Так, чтобы поверили. Сами разбегутся. Религия должна быть единой, тогда она будет сильной. Помогать людям в реальной жизни – тем, кто не справится сам. А не сказки им рассказывать.

– Голубушка, чьи это мысли, позвольте вас спросить?

– Я не имею права на собственные мысли?

– Имеете, – согласился архиепископ. Девчонка оказалась достойным противником.

Отец Дмитрий воспользовался паузой и встрял в разговор:

– В монастырском приюте вас не учили уважению к старшим?

– Уважению к старшим меня учили бабушка с дедушкой, – отрезала Арина. – А в приюте учили послушанию.

Окинула заботливым взглядом стол и поднялась:

– Пойду ещё пирога принесу. Как хорошо, что вы пришли!

Мне одной всё не съесть, а угощать некого.

– Так-таки и некого?

– Соседку... Её сын в Москву увёз, в глазную клинику.

Дождавшись, когда в коридоре затихли шаги, отец Дмитрий не удержался от шпильки:

– А сейчас тебе окажут уважение. Мясной пирог в постную пятницу – это ли не уважение? (Прим.: по церковному уставу по пятницам предписано сухоядение: свежие и суше-

ные овощи и фрукты и хлеб).

– Тогда давай считать, что сегодня четверг.

– Давай. Но завтра ты обедаешь у меня, без возражений. Маша с ума сойдёт, если откажешься. А на Арину не обижайся.

– Да я и не думал. Знаешь, Дима, она ведь права. Всё именно так. И программа слабая, и секты расплодились, и вообще...

– А ты на что? – удивился друг. – Действуй! Это твоя епархия, твоя работа. А не получится, к Аринке приедешь, она тебе поможет... святой костёр разжечь! Вместе вы справитесь. А может, ну её, эту гостиницу? Поехали ко мне, Маша моя обрадуется...

Глава 33. Обо всём понемногу

Перечисленный Оленевым аванс оказался очень кстати: в библиотеке Арина теперь работала на полставки. Ей привезли выбранную ткань, нитки и принадлежности для ручного шитья и вышивальную машинку для вышивания рисунков и надписей. Арина отказалась от традиционной парчи и выбрала шелковистый переливчатый муар и лёгкую жаккардовую ткань, прочную к истиранию и потере цвета благодаря уникальному плетению нитей.

С утра она садилась за вышивание, а в библиотеку приходила после обеда. Вносила в реестры новые поступления, наводила порядок на полках, разбирала архив, отбирала старые, рассыпающиеся в руках книги для списания (заведующая разрешила забрать списанные книги; подарок просто царский, а страницы можно подклеить).

Арина вышила три катапетасмы – жаккардовую фиолетовую для воскресений Великого поста, жаккардовую красную для ночной пасхальной службы, муаровую солнечно-жёлтую для службы по воскресным дням. Она расшивала четвёртую, из белого муара, когда вернулись из Москвы Николай с матерью. Алла Михайловна бесцеремонно вломилась в Арину квартиру, попутно отругав её за то, что не запирает дверь, схватила с полки первую попавшуюся книгу, смахнула со стола жемчужно-белый муар и застыла, увидев огром-

ного кота, царственно возлежавшего на диванной спинке.

– Это что же, Белый твой вернулся? Вот же зверина! На камышового кота похож. Такой сожрёт и глазом не моргнёт.

Арина не ответила. Кот повёл в сторону Михалны ухом с рысьими длинными кисточками, потянулся не по-кошачьи длинным телом, выпустил когти и снова убрал: видимо, счёл объект недостойным внимания.

Объект смотрел на него с опаской: лапы толстые, когти длинные, морда сытая. Откормила Аринка постояльца. Мужика бы вот этак кормила, а она – кота...

– Доктора сказали, через месяц швы рассосутся, мелкие буковки буду читать! А пока только названия могу. Вот слушай: «Филиппа Грегори. Ещё одна из рода Болейн. Перевод с английского Ольги Бухиной и Галины Гимон». Что за Филиппа такая?

– Это исторический роман об английском королевском дворе.

– А шьёшь чего? Простыни, что ли? Дорогие поди, шёлковые, а ты мелом их изрисовала! И машинка странная.

– Машинка вышивальная, а мелом нанесён узор. Это не шёлк, это муар. И не простыни, а... занавеси. – Арина вовремя остановилась, проглотила слово «катапетасмы» и не стала объяснять, что вместо мела она рисует узоры на ткани тонким сухим обмылком. Она вообще не собиралась посвящать Михалну в свои дела (завтра будет в курсе весь дом и два соседних), но мать Николая так искренне радовалась,

так горячо благодарила её за врача, на все лады расхваливала Аринину бабушку: «Кольку приютила, цельных два месяца жил, а она и денег не взяла, и готовила ему, и кормила... Кристальной души человек!» – Михайловна суежилась, всплёскивала руками, расцеловала её в обе щеки, и у Арины не хватило совести её выставить.

Как не хватило совести признаться церковнослужителю, что она давно перестала верить в Бога, а сведения о том, каких цветов бывают храмовые катапетасмы и как их принято расшивать, почерпнула из интернета.

Михална сидела бы у неё до вечера, если бы не пришёл Николай. Бросил Арине: «Привет! Приходи вечером к нам, будет торжественное чаепитие по случаю прозрения рабы божией Михайловны», получил от матери подзатыльник за «рабу», хотел сказать что-то ещё, но – не стал при матери, улыбнулся и ушёл. Арина думала, что он вернётся, ведь столько времени не виделись! Позвонила в библиотеку, сказала, что сегодня на работу не выйдет, и стала ждать. Кольке, которого она звала Колей, а при Михалне называла Николаем, Арина расскажет обо всём. О письме с печатью архиепископа. О бабушке, которой Арина звонит раз в месяц и к которой никогда не приедет, потому что бабушке она не нужна. О Белом, который прихрамал к ней в палисадник на трёх лапах (четвёртая оказалась сломанной) и позволил взять себя на руки и отнести в дом: сопротивляться у Белого не было сил. Да и белым он больше не был: шкуру густо пятнала

кровь, и смотреть на это было страшно.

Кота Арина отвезла в ветеринарную клинику. На вопрос «усыплять привезли?» не сдержалась и ответила нестандартной и выразительной бранью (спасибо хореографу Эльмире за науку!), после чего котом занялся врач, а Ариной, потерявшей сознание от мысли, что Белому уже нельзя помочь, занимался его помощник.

Под головой было что-то жёсткое. Пальцы нащупали клеёнку. Медицинская кушетка!

– Я где?

– В клинике.

– Меня в клинику положили?

– Не тебя. Кота твоего. Просыпаемся, гражданочка. Открываем глазки и оплачиваем. Здесь ветклиника, а не больница. Оплачивать будем сразу, или частями? Можно частями, если паспорт с собой.

– Паспорт с собой. А что оплачивать?

– Хороший вопрос. Оплачивать переливание крови и лечение. Гена, дай гражданочке нашатыря нюхнуть, она сейчас цену увидит и снова в обморок брякнется.

– Не брякнусь. Деньги у меня есть. А Белый... он живой?

– Спит ваш Белый. Снотворное вкололи. Шкуру ему крепко попортили, и крови много потерял. Но сейчас всё в порядке, мы его зашили, лапу в гипс положили, двойной перелом, хромоть будет, но вы сказали не усыплять... Выживет ваш мейн. Не плачьте.

– Как вы его назвали? Его Белым зовут.

– Мейн-кун это не имя, это порода. У вас, похоже, метис.

Кто-то согрешил, или его отец, или мамаша.

Арина счастливо улыбнулась: Белый не хромал, ветеринары поработали на совесть, и глаз она ему почти вылечила,годились два курса мединститута. Белый больше не крутил башкой, оглядываясь. Значит, видел обоими глазами.

Николая она ждала весь вечер, совершенно забыв, что её пригласили на чай. В окно заглянула луна, покачала золотой головой: «Он не придёт. Тебе давно пора спать. Знаешь, что самое худшее на свете? Ожидание».

Арина уснула почти счастливой: всем, кого она любила, сейчас хорошо. А значит, хорошо и ей.

Алла Михайловна видела, как мучается сын – стряхивает с праздничной скатерти невидимые крошки, вздыхает, поглядывая на часы, вскакивает со стула, снова садится, не решаясь позвонить, чтобы не услышать вежливый отказ.

Масла в огонь подливала Василиска: металась по квартире, подбегала к двери, царапала когтями обивку и орала истошным мявом. Стерилизованная, а всё одно на уме: кота подавай, и точка. Алла бросила в Василиску тапком, та обиженно мяукнула, забилась под кровать и там переживала, завывая горестно и протяжно.

– Ма, зачем ты так? – заступился за кошку сын.

Алла готова была вышвырнуть Василиску в окно. А упрямую девчонку, из-за которой изводится её Коленька, прита-

щить за косы и бросить сыну в руки. Но ведь – нельзя. Всё равно не придёт.

— Не придёт она, Коля. Не нужен ей никто, сама мне сказала.

– Когда?

– А вот как приехали мы, была я у неё, книжку ей читала. Глазами новыми хвасталась.

Колька был уверен, что мать бегала на четвёртый этаж, к Ирине Валерьяновне – продемонстрировать «американский взгляд» (за штатовские искусственные хрусталики заплатила «Барбариска», а деньги Колька заработает и вернёт). А она, оказывается, была у Арины и наговорила о Кольке бог знает что.

– Что ты ей наговорила?

– Да ничего. Говорю же, книжку читала ей, чтобы, значит, поверила, что глазами вижу всё.

– А про меня что говорила?

– Да я не помню уже... Что Ирку ты отшил и теперь, значит, свободен.

– Ладно, мать. Давай чай пить, остыл уже.

Чай пили молча. Колька запихал в рот последний кусок торта и улёгся спать. Михална мыла чашки и не понимала, чем не угодила сыну.

– Колюшка, ты бы в ящик почтовый заглянул. Там белое что-то лежит, а мне открывать несподручно, наклоняться доктор не велел, сказал, хрусталики выпасть могут. Соби-

рай их потом, с полу-то...

Колька читал письмо от Матильды Браварской, своей бабушки и материной несостоявшейся свекрови и злейшей врагини. Впрочем, врагиней она была тридцать восемь лет назад, а сейчас тяжело переживала смерть мужа и боялась, что не увидит внука. Так и написала: «Я не прошу прощения, хочу лишь увидеть единственного внука, если успею. И сердечно благодарю пани Зяблову, за то что ответила на письмо и сообщила ваш адрес».

Колька скрипнул зубами. Единственный сын, от которого отец откупился деньгами, не желал о нём знать. Единственный внук, о котором бабка вспомнила через тридцать восемь лет. Помнила тридцать восемь лет, поправил себя Колька. И кажется, собралась помирать. Ну, дела-аа...

Арина вскрыла конверт – и не только прочитала чужое письмо, но и ответила. Ну, дела-аа... А не вскрыла бы, он бы ничего не знал, перебил сам себя Колька. Мать бы выкинула конверт по тихому: сын уедет в Варшаву, а она останется одна.

– Коль, чего она пишет-то? Чего молчишь как сыч? Или плохое что?

– Хорошее, мам.

— Поедешь к ней? Колюшка... А как же я? Мне куда деваться? Одной зачем жить?

– Мам. Не передёргивай. Съезжу, посмотрю на свою бабуку и приеду. Может, ей чего надо... Она старая совсем, лет во-

семьдесят, наверное. Про дом какой-то пишет, про наследство. Документы оформлю, дом этот продам к чертям и все дела. Тебе что, деньги не нужны?

Михална покивала, вытерла слёзы и робко спросила:

– Приедешь, значит?

– А куда я денусь?– Колька обнял мать за плечи, поцеловал в мокрую от слёз щёку. – Здесь у меня всё: ты, Василиска, Аринка.

– На кой она тебе сдалась? Ты теперь человек денежный, богатый, а она голодранка, полы в подъездах мыла, теперь занавески чужие строчит, из ЖЭКа-то выгнали... Шитьём на хлеб зарабатывает. И мужик к ней ездить повадился, мне почти ровесник. Ни стыда ни совести! Валерьяновна, Петра Ильича жена, своими глазами видела: машина белая, красивая, прям к подъезду к нашему... Мужик из себя видный, хоть немолодой уже. И с букетом. Любовник её, значит. Она дверь ему открывает – здарсьте, Игорь Владимирович, проходите в гостиную – и голос радостный такой.

Колька помрачнел:

– С Ариной я сам разберусь.

Мать поняла его по-своему, запричитала:

– Тебя ж посадят, Коленька, не трожь ты её, бога ради!

Черти б её взяли!

◆ ◆ ◆

...С экрана на него смотрели усталые глаза. Лицо казалось странно знакомым. Где он мог её видеть?.. Он не помнил на-

звания фильма, но актриса была точной копией его польской бабки, только моложе лет на тридцать. Тот же излом бровей, тот же рисунок губ.

– Матильда Вацлавовна, вы никогда не снимались в кино?

– Что? Загравч в фильми? Нет. Длачэго повиннам робич фильми... Я должна играть в кино?

– Не должны, вы не так поняли. Просто вы очень похожи на одну актрису, я видел, давно, только название забыл. – Колька сообразил, что говорит что-то не то.

Они смотрели друг на друга – постаревшая красавица и её взрослый внук – и молчали. Михална глянула на экран из-за Колькиного плеча:

– Забыл он... актриса Беата Тышкевич, а фильм «Дворянское гнездо». – И зашептала сыну в ухо: – Она это, Марека мать, кровь змеиная. Нам с Мареком жизнь поломала, за тебя взялась, надумала прощения просить, курва. В глаза бы ей плюнула!

«Беата» приоткрыла рот и округлила глаза. Тут Михална сообразила, что её видят и слышат, и вознамерилась было плюнуть в экран, но сын успел захлопнуть крышку ноутбука.

– Мать, ты что творишь? Всю малину мне испортишь! – Подхватил ноутбук под мышку и утопал с ним на кухню.

Мысль об Арине мучила Кольку со вчерашнего вечера. Почему она не пришла? И утром не заглянула. К чёрту! Он позвонит и скажет ей всё, что хотел сказать ещё в Осташкове, когда она – в пижаме и с взлохмаченными косами – си-

дела на кухонной табуретке и пила смородиновый морс, а он поддерживал её под спину ладонью, чтобы ей легче было сидеть. Спина была узкая, с выступающими позвонками, трогательно детская. Он скажет, что чувствовал тогда, что чувствует теперь. И пусть сама решает, нужен он ей или нет.

Отвязаться от бабушки не получалось. Она то говорила, мешая русские слова с польскими (Колька плохо понимал, но не переспрашивал: хочет перед смертью душу облегчить, пусть оправдывается, ему её оправдания не нужны), то принималась плакать. И успокоилась лишь взяв с внука обещание, что он прилетит в Варшаву.

Колька пообещал, подумав попутно, что надо ещё деньги достать, на билет и на визу. У кого бы одолжить? Может, у Арины? Нет, одалживать стыдно, тем более у будущей жены. Пани Арина Браварска. А может, сначала жениться? Если она согласится, конечно. Кольке очень хотелось – чтобы согласилась. И поехать в Варшаву вдвоём! И не самолётом, а поездом, в купе СВ... А бабка подождёт. Тридцать восемь лет ждала, подождёт ещё немного.

Закончив разговор с Варшавой, с облегчением выдохнул. Желание рассказать обо всём Арине прямо-таки распирало.

На его звонок никто не открыл. За дверью предупредительно мякнули. Кот не любил гостей, исключая Василиску, с которой дружелюбно мурлыкал в арином палисаднике.

– А она ушла, – сообщила Кольке мать. – Пока ты с этой курвой шепелявой миндальничал, у неё замок в двери щёлк-

нул. Я в окно глянула – на голове платок, на спине рюкзак, на ногах сапоги резиновые. В Чигориху отправилась, на Лебязье болото.

– Ты откуда знаешь? – удивился Колька.

– Чего тут знать-то? Автобус на Чигориху три раза в день ходит, на утренний она и потопала, на восьмичасовой. За клюквой, видать. На Лебязьем болоте клюква крупная, прямо как садовая. А собирать мало кто собирает: люди туда даже в засуху ходить боится, трясины там страшные. А в этот год и летом лило-поливало, и осенью льёт! Уж сколько народу там утопло, на Лебязьем, а её словно кто бережёт. Каждый выходной с полным бидоном возвращается. Спрашиваю, где такую крупную нашла, а она мне: на Лебязьем да на Семёновском. Там, говорит, клюквы россыпи целые и народу никого. Она и мне бидончик собрала, я с сахаром перетёрла, в холодильник поставила. Клюквенный морс от простуды первое средство.

Колька слушал мать с ужасом. Он тут мечтает, как будет гулять с Ариной по варшавским улицам, как познакомит её с бабушкой, и они все вместе поедут в неведомый Бяле–Блота смотреть отцовский дом... А Арина одна на болотах, смерти ищет! Без царя в голове девчонка. А он, Колька, себялюбивый идиот.

– Да куда она денется, – успокоила сына Михална. – С дневным автобусом приедет, встретишь подружку свою.

С дневным автобусом Арина не вернулась. Не приехала

и с вечерним. Белый не спал, утробно звал хозяйку: «Мау. Мау. Ма-аау. Мма-ааа-аау!» Колька представил, как кот мечется по квартире, и на душе стало ещё тошнее.

Глава 34. Знакомый маршрут

Арина проснулась рано. Накормила Белого, сменила в кошащем лотке наполнитель и села за вышивание. Наслаждаться любимой работой не получалось, мысли толклись в голове как зёрна в кофемолке, мешали сосредоточиться. Вспомнились вдруг бабушкины слова: «Что ты как вол – впряглась и тащишь? Не лежит душа к шитью, другим займись. Если дело делаешь по принуждению, а душа противится, то и вещь выйдет без души, как зря».

Отложила начатое шитьё и решила сначала позавтракать. Белый уселся посреди кухни, муркнул вопросительно. Арина удивилась: «Ты ж недавно ел!» Раскрошила в миску хлебный ломоть, сверху вылила разболтанное сырое яйцо. Себе сварила всмятку. Кот пристроился к миске, довольно урча. На плите шумел, закипая, чайник, но даже сквозь шум было слышно, как на кухне у Шевырёвых Колька разговаривал по телефону – громко, возбуждённо. Она ждала, что сосед взглянет к ней, хотя бы из вежливости, спросит, как у неё дела, и Арина покажет ему наполовину вышитую катапетасму. Жаль, что он не видел тех, что забрал Игорь Владимирович.

С работой Оленев не торопил, но просил сообщить, когда она закончит очередную занавесь. И приезжал за каждой лично – с длинной плоской коробкой, в которую бережно укладывал золотное шитьё. Вышивка требовала особого ма-

стерства: катапетасма составляет единый ансамбль с чином икон и не должна сильно выделяться на иконостасе. Но и глухой быть не должна.

Арина вспомнила, как удивлялся её гость:

– Голубушка, как вы умудрились так удачно подобрать ткань? Свет через неё прямо льётся! И так хорошо становится на душе...

Игорь Владимирович величал её по-прежнему на «вы», обещал помочь с учёбой в Свято-Тихоновском гуманитарном университете и даже привёз вопросы для вступительных испытаний. Арина перестала его стесняться, но разговор не поддерживала, отвечала односложно. Оленев понимал, что её вежливая улыбка вовсе не означает согласие. Вот же хитрая девчонка! Но в воспитании ей не откажешь.

– Знаете, Арина Игоревна, третий раз к вам приезжаю и каждый раз встречаю у подъезда одну и ту же даму. Смотрит на меня уничижительно. Как на врага. Интересно, в чём я провинился, чтобы так смотреть?

Лицо вышивальщицы зажглось жарким румянцем, а щёки напоминали катапетасму для ночной пасхальной службы. Архиепископ в который уже раз удивился её умению чувствовать цвет:– для воскресений Великого поста она выбрала мрачно-фиолетовый, мерцающий серебряными льдинками искусно вышитых узоров; для Страстной недели (последняя неделя Великого поста, напоминание о страданиях, которые претерпел на кресте Христос) – фалунский красный.

При виде жаккарда цвета пламени, по которому ослепительным золотом струилась кровь Спасителя, хотелось осенить себя крестным знамением. Оленев сказал тогда Арина: «Чтобы так вышивать, нужна вера». Ответ был прямым: «Просто я представила, что чувствует человек, прибитый к кресту гвоздями и оставленный умирать, без глотка воды и под палящим солнцем».

– Это Ирина Валерьяновна, жена начальника нашего ЖЭКа, – с видимым усилием выговорила Арина. – Она считает, что ко мне любовник приезжает... То есть вы. Оправдываться нет смысла. Она рассказала всему дому. И просчиталась: из всех жильцов только двое меня осуждают, остальные завидуют. Это ужасно.

– И кто же второй осуждающий? Её муж?

– Нет. Пётр Ильич со мной всегда здороваётся, даже на работу меня приглашал. А я не хочу.

– А Ирина Валерьяновна не здороваётся? – Молчаливый кивок в ответ. – Так кто же тогда?

– Я.

Серо-голубые льдинки глаз смотрели Оленеву в лицо. Щёки из красных стали розовыми. Взгляд на секунду сделался гневным. На одну секунду.

Архиепископ силился вспомнить что-то утешительное, цитату из Священного Писания или сентенции святых. Но в голову пришла лишь надпись на стволе дерева в статуе Поликрата Самосского: «Ни один из живущих не является счаст-

ливым». (Прим.: правитель древнегреческого островного города Самос, живший в 574-522 гг. до н.э.).

– Да наплевать на неё! Обыкновенная бабская зависть, – констатировал архиепископ. – Машина дорогая, любовник импозантный, хотя и староват. Как ни приедет, в руках коробка. Она ж не знает, что коробка для катапетасмы. Думает, внутри богатые подарки. А как мне вас удержать? Только подарками!

Арина рассмеялась. Оленев, войдя в азарт, красочно расписывал, как Валерьяновна глотает валерьяновые капли, смотрит на себя в зеркало и глотает снова... Девчонке невесело живётся: одна, защитить некому. Ничего. Бог есть.

Он произнёс последнюю фразу вслух, Арина, до сих пор не знавшая, кем является её гость, немедленно спросила: «Вы правда так думаете, или это издержки профессии? Только честно, и в глаза мне смотрите!»

Жена начальника ЖЭКа была немедленно забыта. Оба увлечённо спорили: Игорь Владимирович предлагал считать существование Всевышнего аксиомой, Арина настаивала на необходимости доказательств. «Будут тебе доказательства. Наберись терпения и подожди» – пообещал Оленев.

Арина вспомнила, как спорила со служителем церкви, и улыбнулась. С Оленевым было легко – как с бабушкой Ваней, когда она была маленькой. Как с Николаем – там, в Осташкове, когда он кормил её куриным бульоном, заботливо поддерживая под спину, чтобы не свалилась с табуретки.

А потом укладывал в постель, укрывал одеялом, задёргивал шторы и велел спать. А когда она мылась в ванне, сидел за дверью как пёс, ждущий свою хозяйку.

Вымыла посуду, убрала со стола, полила цветы, подмела в кухне пол. Постояла у входной двери, уткнувшись в неё лбом.

Не позвонил. Не пришёл. И не вспомнил...

Чего же ты ждёшь, спросила себя Арина. Колькиных фальшивых уверений в дружбе и в прекрасном отношении? Да и Михална припрётся – изливать душу. И застрянет надолго. Арина усмехнулась, вспомнив, как соседка назвала церковную катапетасму простынёй, а она не стала её разубеждать.

Достала с антресоли корзинку, влезла в резиновые сапоги. К остановке бежала бегом, боясь, что автобус придёт раньше. И всю дорогу думала о Николае. О том, как попросит, чтобы он огородил палисадник металлической сеткой-рабицей. Тогда её Белому никто не причинит вреда, он будет счастлив с Василиской, будут вдвоём валяться в вишнёвой прохладной тени и пить кефир... Мысль о кефире развеселила. Арина фыркнула, чуть не проехала свою остановку, вышла из автобуса, вдохнула полной грудью пахнувший осенью воздух и радостно зашагала через поле. На болото она не пойдёт: дожди превратили его в сплошную топь. Зато в окрестностях много опят. Арина вознамерилась набрать их сколько сможет унести. Повесила на шею компас и углубилась в лес.

Маршрут был знакомый, пройденный не один раз: по старой лесной дороге, широкой дугой огибающей березняк и круто сворачивающей на север. В этот раз дорога почему-то никуда не сворачивала. Не было и знакомых ориентиров – поваленной бурей ели, вольно разросшегося малинника, заболоченной, не высыхающей даже летом длинной бочажины. Корзина с опятами оттягивала руку. Зачем ей столько? Белый к грибам равнодушен, а больше кормить некого.

Арина перебросила корзину в другую руку и ощутила лёгкое беспокойство. Сверившись с компасом, сообразила, что идёт не в ту сторону. Когда же она повернула? Вместо юга компас показывал на восток, где соединялись между собой два болота: Лебяжье и Семёновское. Арина повернула обратно.

Старая берёза с раздвоенным стволом. Шагах в пятидесяти от дороги висит на берёзе голубой пластиковый пакет, вероятно, служащий ориентиром своему владельцу. Под этим пакетом в прошлом году Арина нашла семь подберёзовиков. Выходит, дорога та же самая? Только ведёт не туда. Может, стоит вернуться? Словно отвечая на её мысли, где-то далеко длинно прогудел электровоз.

Арина засекала направление и посмотрела на часы. Ещё только двенадцать, стемнеет не скоро, железная дорога относительно близко. Можно побродить по лесу, подышать осенью. А можно сесть на поваленную берёзу и отдохнуть. Напитаться чаю из термоса, съесть бутерброд с колбасой, пере-

брать и почистить грибы, половину сложить в рюкзак, тогда корзинка станет легче.

Арина так и сделала. От колбасы и горячего чая в животе стало уютно и захотелось спать. Лесная сонная тишина вкусно пахла грибами. Привалившись спиной к дереву, Арина сняла сапоги, давая отдых ногам, поглубже надвинула капюшон и прикрыла глаза. Наслаждаться тишиной мешала тревога, зудела в голове назойливым комариным писком, торопила, настойчиво уговаривала выйти на железку и дойти по шпалам до железнодорожной станции «Первое Мая». Оттуда ходит автобус на Гринино. Арина влезла в сапоги, надела рюкзак, подхватила корзинку и пошла не оглядываясь и убыстряя шаги: ощущение чужого присутствия не отпускало.

Ей некстати вспомнилась прошлогодняя статья о маньяке, убивающем в Коптевском лесу молодых женщин. Его так и не поймали. Убийства внезапно прекратились, о маньяке не было слышно уже год. Впрочем, Коптево от них далеко, и если бы маньяку вздумалось добраться до Гринино, ему пришлось бы проплыть пятнадцать километров вверх по течению реки Селижаровки, потом ещё столько же по Селижаровскому плёсу до Залесья, а оттуда по железной дороге доехать до Чёрного Дора и сесть на рейсовый автобус до Гринино.

Его до сих пор ищут, его фотографии вывешены в ближних и дальних посёлках и выложены в интернете. Вряд ли он

решился на такое путешествие, а по-другому до Гринино не добраться, кругом леса, болота, озёра и множество мелких рек, через которые придётся перебираться вброд.

Она поставила себя на место маньяка и решила, что Гринино будет последним местом, где ему захочется обосноваться. Слишком далеко. Слишком опасно ехать поездом, да и в Залесье билет без паспорта не продадут: таков приказ губернатора области. Маньяка ведь так и не поймали...

Острое чувство опасности не проходило.

Арина остановилась, опавшие листья перестали шуршать под ногами. Впрочем, перестали не сразу: позади прошуршали ещё два шага. Тот, кто её преследовал, был уже близко!

Она сошла с тропинки и не разбирая дороги побежала через лес в сторону, откуда доносился грохот колёс – мимо станции проходил товарняк. Под ногами зачавкало, сапоги погрузились в воду по щиколотку, и Арина с ужасом поняла, что вместо станции вышла к болоту. Её преследователь отстал и топал где-то позади. Арина его не слышала, но это ничего не значит, он всё равно догонит, а убежать она не сможет: впереди простиралась Семёновская топь, блестела круглыми озёрками, манила полянками изумрудной травы, подстилала под ноги кочки, такие надёжные на первый взгляд.

Кочки! Они и вправду надёжные, если с них не сходить, не отступаться. От своего преследователя, кто бы он ни был, она сумела оторваться и вполне успеет осуществить задуманное.

Бросила под ноги бумажную белую салфетку. Осторож-

но ступила на кочку, перепрыгнула на следующую... «Быстрее! – сказала себе Арина. – Тебе ещё обратно идти... Если успеешь».

Остановилась перед неглубокой с виду лужицей, перевела дух. Сорвала с шеи надетый поверх свитера голубой шарфик, бросила на остролистые стебли осоки по другую сторону «лужи», развернулась и побежала обратно по уворачивающимся из-под ног кочкам, огибая круглые озерца воды, в которых отражалось небо. Увидит ли она его завтра? Арина очень хотела – увидеть.

Добежала до брошенной ею бумажной салфетки и резко свернула влево – туда, где щетинился корявыми корнями вывернутый из земли берёзовый пенёк. Спрыгнула в неглубокую яму и уселась прямо в грязь, вжимая подбородок в колени. Корзину с грибами пристроила рядом (оставлять наверху нельзя, он увидит). И приготовилась ждать. И молчать, даже если из горла рвётся крик.

Её преследователь не смог перепрыгнуть через глубокую бочажину, залитую по самые края мутной стоялой водой. Пока обходил, а потом продирался сквозь заросли кустарника, слышал как хрустели ветки под ногами его жертвы. Девчонка бежала так быстро, словно летела по воздуху, а за её спиной развевался голубой шифоновый шарфик.

Бегать умеет, а шарф снять не догадалась. Похоже, ей нравится играть с ним в догонялки. От Коптевского Невидимки

ещё никто не убежал. Поэтому его до сих пор не нашли.

Голубой шарфик манил за собой, обещая – страх в девчонкиных глазах, мольбы о пощаде, жаркие обещания сделать для него всё, что он захочет, всё что угодно, только чтобы отпустил! Упоительное ощущение чужой податливой покорности, чужого животного ужаса кружило Невидимке голову. Сгорая от нетерпения, он ускорил шаги, споткнулся о лежащее поперёк пути тонкое деревце и упал с размаху в мокрую траву. Травка оказалась крапивой, хлестнула по глазам, обожгла лицо. К щекам прилипла паутина, он брезгливо её сдирал, чертыхаясь и отплёвываясь.

Ночь Коптевский Невидимка провёл в чьём-то сарае и страшно замёрз. И к тому же был голоден, а тут ещё пришлось побегать за этой не в меру спортивной любительницей лесных прогулок. Как она его почуяла? Он же не шумел, не пугал свою жертву, тихо шёл следом.

Кустарник наконец кончился, перед ним простиралась поляна с голубеющими лужицами воды. Мелкое болотце? Тем лучше. Перелезть через упавшие деревья, подниматься по скользким склонам лесных оврагов и пробираться через густые заросли он уже устал. Девчонки нигде не было видно. Невидимка поднял с земли не успевшую намокнуть бумажную салфетку. Она здесь шла, совсем недавно! Быстрая, однако. Успела перейти болотце и скрыться в лесу.

Впереди, метрах в семи от него, густо зеленела трава и цвели голубые цветы. Незабудки, что ли? При ближайшем

рассмотрении трава оказалась болотной осокой, а цветы – голубым шейным платком. Под ногами чавкнуло, левая нога по щиколотку ушла в воду и встала на что-то пружинистое, покачивающееся. Но если девчонка здесь прошла, значит, пройдёт и он. Ишь, бежит-спешит... будто от него можно убежать! Даже за шарфиком своим не вернулась. А могла бы вернуться. Он бы отдал.

Торопливо шагнул с кочки в неглубокую лужицу, на другом краю которой, зацепившись за стебель осоки, трепыхался девчонкин шарфик. Нога вдруг ушла глубоко вниз, в сапог хлынула вода, он не удержал равновесия, сделал ещё один шаг – и погрузился в ледяную жидкую грязь. Дна под ногами не было. Вот же чёрт! Невидимка ухватился обеими руками за острые стебли осоки, но только изрезал пальцы.

– Эй, ты где? Вернись, помоги мне, я тебя не трону! Я грибник, заплутал, вот и шёл за тобой, думал, на дорогу меня выведешь. Э-ээ! Слышишь? Брёвнышко покрепче найди, принеси. Или хоть длинную палку, только скорее! Э-ээй, кто-нибудь! Люди! Э-э-эй! Помогите! Аа-а-а-а!!

Последний крик растворился в густом от сырости воздухе. В медленной тишине громко тикало сердце. Арине хотелось его остановить: вдруг он услышит этот стук и придёт? Вдруг ему удалось выбраться? Она сидела в яме, скорчившись в немыслимой позе, и боялась даже дышать. В ушах раздавались отчаянные предсмертные крики её преследователя, от которого она так цинично избавилась. Может, и правда гриб-

ник? Может, и правда заблудился?

«Господи! Если Ты есть. Я человека убила. Как мне с этим жить? Ты же мне никогда не простишь. И бабушка не простит. Если ты есть, скажи, почему мне на этом свете места нет? Ну скажи, пожалуйста!»

В ответ прогудел электровоз. Тишина разорвала гудок на куски, разбросала по верхушкам ёлок, спрятала в шорохе опадающих листьев. Арина выбралась из ямы, вылила из сапог воду и побрела в противоположную сторону, икая от страха и умоляя то Господа, то бабушку Веру её простить.

Глава 35. Дорога домой

Колька не спал всю ночь. Последний автобус ушёл в восемь вечера, но не останется же она ночью в лесу! Остановит попутную машину и приедет. Но машины проезжали мимо, вспарывая темноту жёлтыми клинками фар. Темнота кисло смыкалась, чтобы через какое-то время вновь разломиться пополам. Колька вскакивал, бросался к окну... Михална тоже не спала, пила на кухне чай и переживала за сына и за непутёвую молодую соседку: уехала неизвестно куда, а телефон оставила на кухне. Колька звонил ей каждые полчаса, и всякий раз за стеной пел Аринин любимый Цой: «О Боже, я и ты, тени у воды. Шли дорогою мечты, и вот мы сохнем, как цветы одуванчики, девочки и мальчики...»

Не выдержала, позвала сына на кухню:

– Не звони ты ей! Не ответит, телефон дома оставила. Ты к участковому сбегай, заявление напиши. Искать её надо... Если с утренним автобусом не приехала, дело плохо.

Колька не отозвался. Михална заглянула в комнату: сын спал, сидя на стуле и уютившись щекой на подоконнике, между горшками с жёлтыми бегониями.

В отделение полиции Колька ворвался, оглушительно хлопнув дверью.

– Начальник где?

Дежурный – молодой новоиспечённый лейтенант – ото-

рвал взор от смартфона, ответил лениво:

– С утра у себя был, вроде не уходил никуда.

– Вроде Володи, а похож на Петра. Во что играем?

– В «Дальнобойщики-три». А вам он зачем?

– Хороший вопрос. Сыграть с ним хочу, в «Вивисектор, зверь внутри» – на ходу ответил Колька, и прежде чем дежурный понял, о чём с ним говорят, захлопнул за собой коридорную дверь.

«Да где ж ты есть, черти б тебя взяли» – бормотал Колька поочерёдно открывая каждую дверь и с грохотом захлопывая. Кабинет начальника Грининского отделения полиции оказался в конце коридора.

Семён Михайлович Мигун решил, что это налёт, и бросился к сейфу, где хранил табельный ПМ (пистолет Макарова) – от греха подальше, за двумя замками, которые никак не желали открываться. Мигун тихо матерился, пытаясь повернуть ключ, потом пытаясь его вытащить...

– Не открывается? – Колька бесцеремонно отодвинул Мигуна в сторону, облапил сейф мускулистыми ручищами, пошатал пальцем застрявший ключ.

– Код-то правильно набрал, не ошибся?

– Мигун помотал головой:

– Уже три раза набирал, уже и не знаю...

– Давай в четвёртый набирай, я смотреть не буду. – Колька и в самом деле отвернулся к стене.

Мигун дрожащими пальцами нажимал кнопки. Ключ по-

прежнему не поворачивался.

– Застрял, – уныло объявил он посетителю.

– Дай-ка взгляну... Да не жми ты его! Аккуратнее. Козырный ключ, он и обращение любит приятное... Вот давно бы так... – ласково приговаривал Колька, – вот давно бы так...

Открыл сейф, достал пистолет, сунул в руки Семёну Михайловичу: «Держите»

Оторопевший начальник участка вертел в руках ПМ, не зная, что с ним делать. Посетитель возился с замком. Он оказался не бандитом, а просто жителем посёлка. Впрочем, Кольку Шевырёва, имевшего за плечами две отсидки и за две минуты справившегося с сейфовым ключом, простым жителем не назовёшь. Жаль, не удалось посадить его за сгоревший магазин, ясно ведь, чьих рук дело. Алиби свидетели подтвердили, не подкупаешься. Вот же хитрован! Ишь, красный, распаренный, словно гнался за кем...

Колька тяжело опустился на стул.

– Мне бы водички... Я к вам пока добежал, взмок весь... Соседка моя пропала, в лес ушла и не вернулась, искать её надо, – втолковывал Колька Мигуну. Услышав в ответ, что заявление положено подавать только через три дня, заорал:

– Да ты человек или нет? Она ж не просто уехала, она в лес, с корзинкой, с рюкзаком... Ты небось дрых как медведь, и лейтенантик твой. А мы с матерью всю ночь не спали, ждали, когда вернётся. А она и утром не вернулась!

Молоденький лейтенант забыл про «Дальнобойщи-

ков-три», оставил свой пост и маялся у кабинета начальника полиции, готовый ворваться туда по первому зову. Но никто его не звал. За дверью орали, перекрикивая друг друга и не стесняясь в выражениях.

Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы в Колькином кармане не зазвонил телефон.

– Подожди, не ори. Слушать мешаешь, – велел Колька Мигуну. Тот послушно замолчал. Открыл бутылку минералки, налил в стакан, выпил крупными глотками. Второй стакан протянул Кольке.

Браварский благодарно кивнул, осушил стакан, убрал в карман смартфон и расплылся в улыбке:

– Живая! Из лесничества звонили, там она. Вы это... Извините, если что не так сказал. И что скотиной обзывал, извините.

– Чего уж там... Главное дело, жива девчонка. За это надо выпить. – Мигун снова полез в сейф, извлёк оттуда бутылку «Реми Мартин» и два фирменных бокала, выставил на стол с довольной улыбкой.

– Подарок. Фирменный «ХО», пьётся легко!

Сейф открылся тоже легко. Семён Михайлович подозрительно уставился на своего посетителя:

– Ты чего с ним сделал-то? Ключ в замке сам собой поворачивается, а всегда-то застревал, ни повернуть, ни вынуть.

– Замок маслом смазал. Там маслёнка лежала, я и смазал. А чё?

Семён Михайлович не нашёл что ответить.

Услышав, как за дверью звякнули бокалы, лейтенант покинул место дислокации, вернулся в дежурку и занялся «Дальнобойщиками-три».

Когда к ней вернулась способность думать, Арина остановилась и сверилась с компасом. От шоссе она всё время шла на юго-восток, а убегая от человека, который её преследовал, здорово отклонилась к югу. Карту она помнила наизусть: где-то здесь Анушинский лес широким полуостровом вдавался между двумя болотами – Лебязьим и Семёновским, соединёнными узким перешейком. Значит, идти надо на запад, а потом взять немного севернее.

Вымыла сапоги в неглубокой луже, достала из рюкзака аптечку, запасные носки и сухие стельки. Вытерла оцарапанную щёку спиртовой салфеткой, переобулась. Прислушалась – вдруг загудит электровоз, загрохочет товарняк, просигналит на шоссе легковушка, обгоняя неповоротливую фуру, – но не услышала ничего, кроме шелеста опадающей листвы и тихих вздохов ветра. Похоже, она ушла слишком далеко от шоссе, но бояться нечего: она знает, в каком направлении идти, в лесу светло и стемнеет ещё не скоро, а главное, за ней никто не идёт, никто не преследует. И не грибник это был: грибник бы наверняка отозвался, спросил дорогу к шоссе. А не шёл по её следам как зверь, скрадывающий добычу.

Она никому не расскажет о случившемся и ей не нужно

ничьё прощение. Арина допила из термоса чай, сунула в рот карамельку. Куртку и джинсы отстирает дома: мокрую грязь ничем не снимешь, только глубже вотрёшь.

С карамелькой за щекой шагалось легче. Скоро болото осталось позади, низинный рельеф сменился чуть заметным подъёмом, берёзы здесь росли вперемежку с ёлками и осинами, и Арина собрала десятка два молодых крепких подосинников.

Корзина потяжелела, оттягивала руку, зато другая тяжесть – каменно сдавливающая душу – медленно таяла. Поглядывая на компас, Арина выбирала тропинки, ведущие в нужном ей направлении, но по-прежнему не слышала ни гудка проходящего поезда, ни ровного гула шоссе. Она ускорила шаги: осенние дни короткие, в лесу темнеет рано. В посёлке ещё светло, ещё день, а здесь, в лесу, солнце цеплялось за острые верхушки ёлок, на глазах меняло цвет, остывая, наливалось закатным золотом.

Винтажным японским розовым золотом она вышила красную жаккардовую катапетасму для ночной пасхальной службы. Белую муаровую – расшивала вручную, золотисто-жёлтым мулине «Анкор», скрученным из двенадцати металлизированных ниточек ослепительно солнечного цвета. Арина уже выбрала узор: солнце с длинными лучами. Пусть будет празднично на душе у прихожан. Других заказов она не возьмёт, так и скажет Оленеву: не лежит у неё душа к церковной вышивке. Вместо ликов святых ей хочется вы-

шивать родные лица – бабушкино и дедушкино, чтобы они были с ней всегда. Вместо катапетасм с божественной символикой расшивать праздничные скатерти, цветочные букеты, забавных зверушек и птиц. Рисовать нитками, шнурами и лентами – радостно-светлый мир, прекрасный и добрый. Вышитый мир, в котором только и можно жить. А в другом, настоящем, у неё не получается.

Солнце садилось. На лес невесомо опускались сумерки, стало заметно холоднее, но страха Арина не испытывала: на ней прорезиненная непромокаемая куртка-штормовка, термобельё и тёплый свитер, в сапогах сухие войлочные стельки, идти не холодно. А ещё у неё в рюкзаке фонарик.

На глаза попало дерево, со всех сторон обросшее опятами – словно в длинной юбке из грибных шляпок. «Юбку» Арина срезала долго: не оставлять же такое чудо, да и места в рюкзаке достаточно. Срезала последний гриб, пакет положила в рюкзак, который ощутимо давил на плечи. Ничего, донесёт. Зато грибов хватит на всю зиму, Арина умеет их мариновать, отвезёт бабушке Вере, она обрадуется. И Аллу Михайловну угостит молодыми сладкими опятами. И наплевать, что она вечно торчит под Ариной дверью. Если нет других развлечений, пусть подслушивает – как стрекочет вышивальная машинка, свистит закипающий чайник, звучат вальсы Штрауса и Аринина любимая «Зимняя» симфония Чайковского.

Сумерки вдруг расступились. Перед ней была лесная до-

рога с проступавшими на земле следами копыт и кучками конского помёта. Дорога вела немного не в том направлении, но Арина устала от серых бесконечных сумерек, от разбегающихся в разные стороны тропинок под ногами, от кустов, цепляющихся за одежду, от трещобника, который приходилось обходить...

Дорога привела её на поляну, огороженную высокой изгородью из горбыля. Арина отыскала между досками щель, приникла лицом. На неё приветливо смотрел деревянный дом с маленькими окошками в резных наличниках. Одно окно было открыто, ветер колебал белые занавески. Вплотную к изгороди примыкал сарай, там хрюкали, блеяли и постукивали копытами по деревянным плашкам пола. За сараем виднелись ровные, будто по линейке расчерченные грядки.

Арина с интересом разглядывала колодец с намотанной на ворот блестящей цепью и не слышала, как скрипнула калитка.

За спиной смачно чихнули. Задохнувшись от страха, Арина оглянулась. На неё с любопытством смотрела немолодая женщина в брезентовом фартуке, держа за ошейник лохматого пса. Пёс чихнул ещё раз, дружелюбно вильнул хвостом, сунул нос в Аринину корзинку, фыркнул разочарованно. Арина нашарила в кармане карамельку, развернула, протянула псу. Тот обнюхал её ладонь, вежливо снял зубами угощение, разжевал и выплюнул.

Женщина распахнула калитку:

– Он карамель не ест, не приучили. Шоколад любит. Как обёрткой зашуршишь, он уж тут, без него не съешь. Да вы не стойте, проходите в дом. Заблудились?

Арина не стала объяснять, что – не заблудилась, у неё компас, она знает, в каком направлении идти. Благодарно кивнула и шагнула за калитку. Женщина посторонилась, пропуская гостью – с головы до ног облепленную грязью, но в чисто вымытых сапогах. Губы старательно улыбаются, а глаза боятся. Когда разворачивала конфетную обёртку, пальцы заметно дрожали. И радости оттого, что встретила людей, гостя явно не испытывает. Значит, не заплутала, дорогу домой знает. Но зачем она забралась так далеко? Одна в лесу, в сумерках, а до шоссе пять километров, да автобуса ждать... Дневной давно ушёл, если опоздает на вечерний, следующий придёт только утром.

Дом – сложенный из брёвен, приземистый и длинный – был не таким, как у них в Заселье (у Вечесловых, поправила себя Арина). За дверью оказались сени – длинные, тёмные, безоконные, с деревянными высокими шкафами и развешанной по стенам хозяйственной утварью. Хозяйка открыла дверь в избу, в сенях стало светлее. Арина шагнула было в комнату, и тут её ухватили сзади за плечо, и она заорала так, что не слышала сама себя. Пол уплыл из-под ног, звуки отдалились, в уши словно вставили тугие куски ваты.

– Куда ж ты в горницу в сапожищах, красота моя? – услы-

шала Арина. – Разболокайся, сапоги сымай. Штаны тоже сымай, на них грязи, как на нашей Васене.

Туман перед глазами рассеялся. Она сидела на полу, который больше не уплывал, спина прижата к брёвнам, руки вцепились в корзину, горло саднит от крика. Над ней склонился бородатый мужик с синими добрыми глазами, спросил ласково:

– Всё? Орать не будешь больше?

– Не буду, – пообещала Арина. – А вы кто?

– Лесничий. Юрий Иванович. Можно просто Иваныч. Жена моя Татьяна. Татьяна Павловна. Пса Гаем кличут. Из домочадцев две козы, Машка и Верка, кошка Катрина, кот Базилио, петух Петрович, курей по именам не помню, – пошутил лесничий.

– А Васенья кто? – спросила Арина.

– Васенья это свинья.

– Ты дочку забыл назвать, Иринку, – напомнила жена.

– Да это не я забыл, это она про нас с тобой забыла. В институте московском учится, домой, сказала, нипочём не вернётся.

– Сама не вернётся, внуков привезёт. – Татьяна отлепила Арину от стены и стаскивала с неё рюкзак и куртку.

– Вставай, вылезай из брюк, в дом в таких не пушу, на них грязи...

– Как на свинье, – закончила за неё гостья.

Дыхание почти выровнялось, сердце перестало бешено

колотиться, колени больше не дрожали: она в безопасности, в доме лесника. Лесничего. Деньги у неё есть, попросит, чтобы довели до станции, вечером будет дома. Спать, правда, не получится: полночи придётся возиться с грибами, а Белый будет крутиться под ногами и рассказывать, как он весь день по ней скучал.

Арина счастливо вздохнула. Скучает он, как же... Это Василиска по нему скучает, а он спит без задних лап, развалившись на Арином диване, который кот считал своим. Должен же он где-то спать? В корзинке из зоомагазина (в кошачьей Белый не помещался, пришлось купить другую, для собак) кот спать не желал. Наверное, потому, что она предназначалась для собак, а не для кошек. Он что, умеет читать этикетки?

Татьяна бросила ей на колени шерстяной платок, напомнила о брюках, ухватила мужа за руку, увела в горницу:

– Девочке переодеться надо, а ты стоишь как шкаф!

– Тогда уж все шкафы выноси, не меня одного.

Арина сидела за столом – в импровизированной юбке из Татьяниного платка. Платок был голубым и составлял неплохой ансамбль со свитером цвета маренго, расшитым блекло-голубыми незабудками на травянисто-зелёных стеблях. Ансамбль завершали демократичные вязаные полосатые носки в стиле «парвеню». Вспомнив о носках, Арина поджала ноги.

– Вы кушайте, кушайте. Молоком запивайте. Молоко у нас козье, жирное, и творог, и яйца прямо из-под кур, в городе таких не продают.

– Я не в городе, я в Гринино живу. – Арина зачерпнула ложкой творог. – Мне на автобус надо, от платформы «Первое Мая», шестичасовой.

– Так половина шестого, уже не успеете, – Татьяна Павловна кивнула на часы и придвинула к Арине горшочек со сметаной. – Да и в автобус кто ж вас впустит, в таких-то одёжках... Я их в корыто бросила, грязь отойдёт, в машинке стираю. Куртка без подстёжки, к утру просохнет. А джинсы утюгом высушим. Переночуете, утром муж вас отвезёт.

– Отвезу, мне всё одно на станцию ехать, оглоеду этому за костями, – сообщил лесничий.

В сенях коротко твякнули, подтверждая.

– Где ж ты так извозиться расстаралась? – приступал с расспросами лесничий. – Будто из болота вылезла.

– Я грибы собирала.

– А спутник твой где? Потеряла? Так может, искать его надо, а мы тут сидим...

– Нет, не надо его искать! – Девчонкино лицо сделалось белее мела. – Он меня убить хотел, я от него в яме пряталась, а там вода... и грязь.

– Кто тебя убить хотел? Товарищ твой? С кем грибы собирала?

– Я грибы одна собирала. А он за мной следом шёл. Ли-

стья шуршали. Я остановилась, проверить, а они всё равно шуршали, – рассказывала Арина, забыв, что дала себе слово молчать.

– Юра, ты слышишь?! Слышишь, что она говорит? – Татьяна Павловна отчего-то встревожилась, смотрела на мужа во все глаза, а Арину словно бы не видела.

– Слышу. Не глухой, – угрюмо отозвался лесничий. – Думал, случайность. Теперь так не думаю. Надо в полицию звонить.

– Не надо звонить, пожалуйста! – Арина вцепилась лесничему в рукав свитера, повторяла умоляюще: – Я ему ничего не сделала, я в яме сидела, под выворотнем, я ничего не сделала, не надо звонить, пожалуйста!

– Тань, ты посмотри на неё. Она ему ничего не сделала. Да это он тебе ничего не сделал! Неделю назад девушку здесь, в лесу, нашли, убитую. А тебе повезло, прятаться умеешь, а то лежала бы сейчас...

И вдруг заорал так, что Арина выронила из рук ложку: – Куда тебя одну понесло, дура бестолковая! Себя не жалко, родителей своих пожалей! Девчонка та вся изранена была, истерзана, в ней уж крови не осталось, вытекла вся. И глаза выколоты. Коптевского Невидимки почерк. Год сидел, выжидал, не высовывался. Кто ж знал, что он сюда, к нам пожалует, в такую даль... Я жене своей запретил за изгородь выходить, а тебя родители одну отпустили... Что ты рот рязинула? Телефон доставай, матери звони. Она небось там с

ума сходит.

При упоминании о Коптевском маньяке гостя перестала жевать, не отвечала на вопросы, а на лесничего смотрела так, словно он и был Невидимкой.

Татьяна нетерпеливым жестом остановила мужнино красноречие. От Арины с трудом удалось добиться, что родителей у неё нет.

– Но хоть кто-то из родных есть?

– Родных нет, а бабушка живёт в Осташкове. Володарского, двадцать два, квартира двенадцать, – равнодушно сообщила Арина – А телефон я дома забыла.

Юрий Иванович без слова достал мобильник:

– Звони!

Арина послушно набрала бабушкин номер и отдала телефон лесничему.

– Бабушка мне не обрадуется. Вы ей сами скажите. Что со мной всё в порядке. А может, не надо ей звонить?

– Юра, что ты к ней пристал? Не видишь, что с ней творится? Иди баню топи! – Татьяна вытолкала мужа из избы и долго о чём-то говорила с Ариной бабушкой. Арина не слушала, говорить по телефону отказалась и думала только о том, как ей придётся ехать по лесной дороге до шоссе, которого отсюда даже не слышно, а Коптевский маньяк выбрался из болота и ждёт, когда она выйдет за изгородь...

В сладко пахнувшем банном жару Арина с трудом разгля-

дела полок. Здесь всё было из дерева: скамьи с подголовниками из тонких перекладин, полочки для мыльницы, бочки и кадушки с водой, обитые железными обручами, деревянные запарники для веников, деревянные вёдра с пеньковыми гибкими ручками, деревянные ковшики, небольшие кадушечки-шайки...

Арина прошлёпала босиком по гладким половицам, несмело присела на скамью. Татьяна зачерпнула ковшиком воды и вылила гостье на голову. Вода казалась волшебным эликсиром, пахнущим лесными травами и едва уловимо – липовым цветом.

– Липой цветущей пахнет, – удивилась Арина.

– Здесь всё из липы: кадушки, ушаты, ковши, подголовники... – улыбнулась хозяйка. И снова полила Арине на голову из ковшика.

Вода сотворила чудо: голову больше не стискивал невидимый обруч, Арина слизывала с губ душистые струйки и думала: сказать или не сказать? Если не говорить, полиция будет долго и безуспешно искать маньяка, а жена лесничего будет бояться выйти за порог. Если всё рассказать, её обвинят в убийстве и посадят в тюрьму. Арина решила молчать.

Из бани вышли, когда уже стемнело. Тропинка поднималась вверх, теряясь среди кустов смородины. Сколько же у них смородины! И яблонь – целый сад! Яблони далеко, перед домом, а кусты рядом, обступили тропинку со всех сторон, навалились на неё тёмной массой... Арина поёжилась.

Маньяк – теперь она знала, что её преследователем оказался маньяк, Коптевский Невидимка, о котором в интернете рассказывали ужасы – утонул в болоте, Арина своими ушами слышала, как он звал на помощь, а потом перестал. Но отчего-то было страшно. А вдруг не утонул, выбрался на кочку и сидит посреди болота. Посидит, отдохнёт и пойдёт её искать. В интернете писали, от него ещё никто не убежал, жертв находили без признаков жизни. Потому и поймать его не могут: примет не знают. Может, Татьянин муж и есть Невидимка?

Тут она сообразила, что если маньяк сидит на кочке, то никак не может оказаться в лесничестве. Позади, в той стороне, откуда они шли, кто-то шумел, словно грёб руками по воде.

– Что там шумит? – спросила Арина, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Ручей. А ты думала, вода откуда в бане? Насосом качаем. И на готовку оттуда берём, и скотину поим. Вода родниковая, чистая, для здоровья полезная. И вкусная. Ты в бане пила и облизывалась, – усмехнулась Татьяна Павловна.

Арина вспомнила, как пила из ковшика сладко пахнущую липой воду и кивнула:

– Вкусная. А колодец зачем?

– Так положено. Колодец на кордоне должен быть. Ручей зимой до дна промерзает. А надо лошадь поить, и скотину, и птицу...

– А темно почему? Было же светло!

– Долго мылись.

– А идти далеко? Это у вас такой двор? Такой большой?

Гостья задавала простые короткие вопросы, вертела головой, оглядываясь. У жены лесничего отлегло от сердца: хоть говорит дельно, а то всё несла несуразное: родных нет, а бабушка есть, но звонить ей не надо. Номер сама набрала, а разговаривать отказалась, вы, говорит, ей скажите, что я здорова и не болею. Татьяна вспомнила, как уговаривала Арину бабушку (сколько ей? лет восемьдесят, не меньше) – не волноваться, а та всё спрашивала: «Как не волноваться, если вы говорите, что с Аринкой всё хорошо, а трубку в руки не даёте? Как мне не волноваться?!»

Татьяна выкрутилась, сказала, что Арина в бане и к телефону подойти не может. Бабушка вроде поверила. И теперь ждёт внучкиного звонка.

– Это кордон. Мы здесь круглый год живём, без хозяйства не обойтись, магазинов в лесу нет. Ты бабушке-то будешь звонить? Она ведь ждёт.

– Ничего она не ждёт, – пробурчала Арина. Голос недовольный, по сторонам глазами зыркает, хотя чего там увидишь, в потёмках... От куста смородины, протянувшего к дорожке длинные ветки, шарахнулась, как от лешего. Татьяна Павловна с вопросами больше не приставала, и мужу запретила расспрашивать. Напоила гостью чаем и уложила спать.

После звонка из Анушинского лесничества Вера Илларионовна выпила сердечных капель, с трудом дождалась рассвета и позвонила Рите. В Гринино её привёз на вечесловском джипе Ритин муж: права у Веры были, но сесть за руль в таком состоянии она не рискнула.

Услышав, как в Арининой двери поворачивается ключ, Михална выскочила из квартиры, как кукушка из часов.

– Вера, не знаю, как вас по отчеству...

– Вера Илларионовна.

– Ну да, ну да, Илларионовна. Аринка-то всё – баба Вера да баба Вера. Баба Вера то, баба Вера сё... Илларионовна, значит.

– Не мороси, – остановила её Вера. – Толком говори.

Михална обхватила её за плечи и заголосила:

– Ой, пропала девчонка у нас, со вчера пропала, и не знаем где искать! Белый всю ночь мявом орал, Колька мой от окна к двери метался, спать не дал, а утром в милицию побёг, и что он там себе позволит, один бог знает. Семён Михалыч-то чистый бюрократ, вредина, каких свет не видывал... Чего теперь будет, с Колькой-то? Аринка с концами пропала, и Колька мой пропадёт. Чего ж мне делать-то, Вера Ларионовна... У-уу...

– Никуда она не пропала. В лесничестве гостит. Вчера звонили оттуда, сказали, напилась-наелась, в бане парится. К обеду дома будет.

Не дослушав, Михална кинулась звонить сыну, с которым,

слава богу, было всё в порядке.

– Мать, не кипишуй. Я морду бить не начал никому, лейтенантика только пришиб слегонца, чтоб на посту в игрушки не играл. – Колька подмигнул Мигуну, Мигун подмигнул в ответ. Лейтенанта и в самом деле следовало «слегонца пришибить», мальчишка забыл, где работает. Ничего, Семён Михайлович ему напомнит, с треском. Мигун представил, как будет «напоминать» и довольно хохотнул. Если бы не Колька, так бы и не узнал, чем его дежурный на службе занимается.

Услышав в трубке смех, Михална плюнула с досады – она тут с ума сходит, а Колька там развлекается, из всего спектакль устроит, даже в полиции, вот кому-то муж достанется, не обрадуется – и побежала к Вере, рассказывать.

Михална трещала, не закрывая рта. Вера Илларионовна поставила на плиту чайник, покыскала Белому: кот к ней не вышел, шипел за диваном. Дикий он, что ли?

Ритин муж, о котором Вера как-то забыла, потянул с вешалки куртку:

– Ну, я это... Домой поеду, если не нужен больше. Джип во дворе, в гараж сами отведёте. Обо мне не беспокойтесь, на автобусе доберусь, вы мне только скажите, на остановку – куда идти? Не беспокойтесь. Главное, внучка нашлась. А лекарство, если какое надо, Рита достанет.

– Остановка недалеко, автобус ходит каждые два часа, расписание в интернете посмотрим. Никита Сергеич, вы

простите, что я вас с постели подняла, без завтрака оставила. Вы уж меня не обижайте, покушайте, потом поедете. – Вера открыла дверцу холодильника. Так. Яйца есть, и молоко, и сметана. В столе обнаружился пакет с мукой и миксер.

– А давайте без отчества. А то я себя Хрущовым чувствую.

– А Михалковым вы себя не чувствуете? Никита, вы к блинчикам как относитесь?

– С душой!

Блинчики ели втроём, Белый от своей порции отказался, ограничившись сметаной. Незнакомые люди, от которых он прятался за диваном, злобно оттуда ворча, принесли с кухни его миску, плеснули в неё молока, положили на блюдечко сметану. К молоку кот был почти равнодушен, но сметана пахла упоительно. Приходилось терпеть. Из своего убежища Белый вышел, когда Михална догадалась притащить Василиску. А когда к завтракающим присоединился Колька, кот успокоился и даже позволил ему взять себя на руки, а остальной компании позволил восхищаться, какой он красавец, большой, пушистый, белый как снег, морда хитрая, кисточки на ушах как у рыси, а глаза на Аринкины похожи – как подтаявший лёд на реке.

Белый и сам знал, что он – красавец, Арина говорила, да и Василиска мурлыкала о том же.

Наевшись блинов, Ритин муж прилёт на диван. Вечесловский джип он гнал как сумасшедший, устал, объелся блина-

ми, а после блинов они с Николаем распили чекушку. Выпил сто граммов, а развезло как с поллитры, лениво размышлял Никита. Отдохнёт немного и поедет, всё равно автобус ещё не скоро.

Вера накрыла его, спящего, Ариным шерстяным пледом – снежно-белым, как её кот. И ушла на кухню. Сварила Аринин любимый украинский борщ на сале, напекла чесночных пампушек, нажарила мясных беляшей. Колька не уходил, крутил в мясорубке фарш, месил сильными руками тесто, Белого с Василиской выпроводил в палисадник, вылил в «палисадную» миску бутылку кефира, к которой тут же пристроились две морды. Колька сбегал домой за второй бутылкой: кот, изголодавшийся за день, жрал непроворотно.

Колька цапнул с тарелки беляш и подумал: вот бы ему такую тещу, как Аринкина бабушка... С ней даже мать поладила. Ни с кем не ладит, а с этой – ну прямо картина маслом!

Вера не выдержала и позвонила Диме Белобородову. Отцу Дмитрию, поправила себя Вера. Да какой он «отец», он дед уже, пятеро внуков, а у Веры только Арина, и больше никого. Разговаривать с ней не пожелала. Ничего, приедет, борща наестся, подобрает.

Михална пошла провожать на остановку Ритинового мужа. Вера сунула ему пакет с беляшами: «Это для Риточки». Как бы не так, думал Никита. Риточка вполне себе обойдётся. Впрочем, беляш он ей оставит. Или два. Он же не чужой, муж всё-таки. Любит всё-таки.

Размышляя о том, как сильно он любит жену, Никита уплетал горячий беляш, обжигаясь и сглатывая воздух, чтобы во рту стало попрохладней. Начинка таяла во рту. По салону автобуса плыл аромат жаренного в кипящем подсолнечном масле теста, но никто из пассажиров не возражал.

Глава 36. Те же и другие лица

Крик отнимал силы, и Невидимка заставил себя молчать. Он был молодым и сильным. И очень хотел жить. Умереть, зная, что девчонка на том берегу радуется его гибели, может, даже смеётся?! Стиснув зубы от злости, он дотянулся до голубого шарфика, окунул в воду, отжал, завязал на конце скользящую петлю-удавку и попытался забросить на торчащий поблизости хилый кустик. Кусты в болоте не растут, значит там, в трёх шагах, которых ему не сделать, настоящая земля!

Шарфик был слишком коротким, петля соскальзывала, размахнуться не получалось, а ноги всё глубже уходили в бездонную вязкую жуть. В отчаянном рывке ему удалось зарканить росшую у самой воды длинную ветку. Невидимка затянул петлю, наклонил ветку, ухватился за неё и осторожно потянул себя из липкой жижи к спасительному кусту.

Земляной островок оказался небольшим: голова нависала над водой, а ноги оставались в ледяной жиже. Невидимка повернулся на бок, подтянул ноги к животу, уткнулся лицом в мокрую траву и ощутил идущий от неё ледяной холод. Вдохнул всей грудью пахнувший болотом воздух. Как же это здорово – лежать на твёрдой земле и дышать, не боясь, что в лёгкие польётся вонючая жижа.

Он отдохнёт немного, выйдет на берег, разведёт костёр,

высушит одежду и согреется. Девчонку уже не догнать, да бог с ней, пусть живёт, девчонка не главное. Главное – чтобы он, Валерка Варягин, тоже жил. Грелся у жаркого костра. Читал о себе в газетах. Скользил по лесу невидимкой, преследуя ни о чём не подозревающую жертву. Убивал, глядя в расширенные страхом глаза, слушая последние, захлёбывающиеся кровью вздохи.

Покидать островок не хотелось. Он колотил рёбрами ладоней по потерявшим чувствительность ногам и думал о девчонке, которая, наверное, всё-таки утонула – там, где висел на стебле осоки её голубой шарфик. Иначе бы вернулась и забрала. Она сама выбрала свою смерть. Болото стало её могилой. Думать об этом было приятно.

Пока он собирался с силами, на болото опустился волглый туман, шевелил ледяными пальцами волосы на голове, вползал в ноздри сырым холодом.

Невидимка отвязал от куста девчонки шарфик, сунул в карман, огляделся, соображая, в какую сторону идти. Туман лениво напелзал на островок, всасывал безгубым ртом озера воды, слизывал кочки жадным белым языком, прятал близкий берег.

От островка тянулась цепочка следов, слишком больших, чтобы быть девичьими. Невидимка понял, что следы его собственные, и приободрился: теперь он знал, в каком направлении идти. Сквозь туманные белые пластушины проглядывали буро-зелёные кочки. Надо выбираться отсюда, пока

не сгустился туман. Земля совсем близко, он прошёл метров шесть-семь, когда угодил в эту яму-ловушку... Ловушка! Девчонка специально «уронила» шарфик, чтобы он провалился в топь, а сама вернулась обратно. Вот же тварь! Вот же тварь...

Ярость полыхнула злобным пламенем, зажгла глаза азартом погони, упругой силой отозвалась в ногах. Невидимый берег тонул в мокрых сумерках, слился цветом с болотом. Земля на берегу раскисшая от грязи, на ней остались следы девчонкиных сапог, догнать её не составит труда. Прыгая с кочки на кочку, Невидимка мечтал, как достигнет свою жертву и как она будет молить о пощаде.

Почва под ногами вдруг стала пугающе вязкой, а следы исчезли. Он давно должен выйти на берег, до которого – всего-то метров семь. Невидимка стоял посреди болота и растерянно озирался. Вокруг, куда ни глянь, чернели озерца воды и мёртвые берёзы, а берега не было.

«Помогите!» – робко крикнул Невидимка и сам испугался своего голоса. В ответ звонко тинькнула невидимая птица, приглашая улететь вместе с ней.

Он кричал до вечера, кричал весь вечер и всю ночь, уже не чувствуя холода. Из сорванного горла вылетали болезненные хрипы, но ему казалось, что он кричит очень громко, и его непременно услышат. Болото молчаливо ждало. В высоких кронах близкого леса вздохнул ветер, словно понимал и сочувствовал – человеку, который давно перестал быть че-

ловеком, но ветер об этом не знал.

В свой последний миг Валерка Варягин думал о девчонке, которая оказалась сильнее его. Наверное, она давно уже дома, спит, зарывшись в подушку лицом. Коптевский Невидимка будет жить в её снах – безликий, беспощадный.

Арина открыла глаза и сладко потянулась. Возвращаться из сна не хотелось. Ей снилась дача в Заселье, и будто Михална приехала к ним в гости. Бабушка угощала её на кухне оладьями с мёдом, дедушка собирался на рыбалку, а Белый тёрся о его ноги, намекая, чтобы о нём не забыли.

Запах оладий переместился из сна в реальность, будильник звенел мелодичным звоном – будто птица насвистывала затейливую песенку. Нет никакого будильника, сообразила Арина, окончательно проснувшись. Солнце рисовало на стенах кружевные узоры. Тюлевая занавеска колыхалась, узоры беспрерывно менялись.

На стуле с высокой спинкой, отдалённо напоминавшем трон, лежала её одежда, чистая и выглаженная. Арина откинула одеяло, спустила ноги с кровати и огляделась. Стол, накрытый белой вязаной скатертью. «Тронные» стулья с резными спинками. На подоконнике кашпо из тёмного дерева в форме чаши, с синими фиалками. На стене картина, задёрнутая ситцевой занавеской.

Арина босиком прошлёпала по тёплым половицам и отодвинула занавеску. На неё смотрела вырезанная из журнала

и вставленная в рамку Казанская богоматерь в золототканой тунике и расшитом золотом мафории, рядом с ней – в таких же прекрасных одеждах – младенец Иисус. Ребёнок смотрел на Арину вдумчивыми глазами и протягивал правую руку с открытой ладонью (символ открытости для людей, отсутствия лукавства, тайной злой мысли или чувства) и сложенными в виде букв «I» и «X» (Иисус Христос). Благословляющая десница! В этом доме, где живёт сам Бог, ей ничто не угрожает.

Хотелось остаться здесь навсегда, жить уединённой тихой жизнью, топить по утрам печь, расчищать от снега дорожку к колодцу, крутить колодезный ворот, наматывая на него железную цепь, и пить прямо из ведра ледяную воду, от которой ломит зубы. Белить яблоневые и грушевые стволы, варить смородиновое варенье, ловить в ручье плотву для Белого. При свете тёплого огонька лампадки разговаривать с Богоматерью – потому что больше не с кем. И тихо сходить с ума от одиночества.

– Я же не сошла. И ты не сойдёшь, – прошелестела Богоматерь.

– Сравнила... Ты не одна, у тебя ребёнок, – возразила Арина.

– А тебе кто мешает?

– Мне нельзя, ты же знаешь!

– Не придумывай небылиц. Не тебе решать. И о сторожке лесной не мечтай. Не твоя это судьба.

– А какая – моя? – с вызовом спросила Арина.

– Не притворяйся, что ты не знаешь. Не лги сама себе. И бабушку прости. Она тебя любит, жалеет о своих словах.

– Это ты меня вчера спасла? – шёпотом спросила Арина.

– Ты спасла себя сама, тики-таки-таки-так, – простучали-ответили ходики.

Арина взглянула на часы и ахнула: проспала полдня! Почему её никто не разбудил? Может, ушли куда-то, и в доме она одна? Надо закрыть дверь на засов!

Змейкой скользнула в джинсы, торопясь натянула свитер, слетела вихрем по деревянной лестнице, поскользнулась на гладких ступеньках и шлёпнулась на пол. Чёртовы носки!

– Доброго дня. Хорошо сидим, – приветствовала её хозяйка. —Выспалась? Мы тебя будить не стали, сказали, что домой к вечеру приедешь.

– Кому вы сказали? – спросила Арина, сидя на полу. И спохватившись, добавила: – Доброе утро.

– Да уж день давно. Обед скоро поспеет, а ты ещё не завтракала. Бабушка твоя звонила, и другие звонили.

– Кто?

– Тётка твоя, Рита Борисовна. Жених твой звонил два раза.

– Ка... кой жених?

– У тебя их несколько? Уж я не знаю, который из них, – улыбнулась Татьяна. – Мать его в трубку кричала, чтоб ты немедленно домой ехала и что они там с ума посходили из-за

тебя. Со свекровью тебе повезло... Ещё отец Дмитрий звонил. А ты говорила, родителей нет...

– Дмитрий Серафимович мне не отец, он просто священник. Отец Дмитрий.

– Просто священник. Просто архиепископ. Всё у тебя просто.

– Какой архиепископ?

– Он привет тебе просил передать, через отца Дмитрия. Спрашивал, как у тебя дела.

Арина смогла наконец выдохнуть.

– А-аа... Это он пошутил. Шутки у него такие. А привет Игорь Оленев передал, это Димкин приятель, мы с ним дружим.

– С кем ты дружишь? С Димкой?

– Нн-нет, – смутилась Арина. – С Дмитрием Серафимовичем дружит моя бабушка, это она его так зовёт, Димкой. А я дружу с Игорем Оленевым.

– Ага. Значит, Димка это отец Дмитрий. А Оленев кто?

– Димин друг, тоже церковнослужитель. А что?

Татьяна изменилась в лице, и Арина с жаром принялась её уверять, что – ничего такого, с Оленевым они просто дружат, без подтекста.

– Он и был-то у меня раза три-четыре, не больше – ляпнула Арина. И мысленно отругала себя: теперь Татьяна и её муж будут думать про неё чёрт-те что... – Он порядочный человек, вы не думайте. И вообще, он мне в отцы годится.

Татьяна улыбнулась. Похоже, её гостья не знает, что Игорь Оленев и архиепископ Венедикт Кашинский одно и то же лицо. Не мог же он и вправду приезжать к ней домой «три-четыре раза»? Или мог?

– Ничего плохого я не думаю. Сейчас пообедаем и поедешь. Грибы не забудь, я их в подпол поставила, и корзинку, и рюкзак.

С утра Вера снова звонила в лесничество (номер остался в телефоне). Услышав, что «девочка спит, проснётся, поест, в посёлок отвезём и в автобус посадим», успокоилась. Белобородова накормила беляшами, извинилась за «истеричку по телефону» и выпроводила:

– Что ты прибежал чуть свет? Я ж тебе сказала, что ничего с ней не случилось, всё в порядке, вечером домой придет. Дим, ты вечером приходи, и Машу с собой возьми.

– Погоди, Вера. То звонишь, то гонишь... Какой была, такой и осталась. Разговор у меня к тебе, без свидетелей. Пошли, что ли, во двор...

К неудовольствию Михалны, отец Дмитрий долго шептался о чём-то с Верой, сидя на дальней от окон скамейке. Вера сначала махала на него руками и возражала, потом перестала махать, потом обняла за шею, и так они сидели в обнимку, пока не пришёл Колька и не брякнулся рядом, на скамейку. Вот же чёрт длинный, людям поговорить не даст, подумала Михална, забыв, что сама собиралась подслушать разговор

и вознегодовала, когда отец Дмитрий, игнорируя стоящую у подъезда удобную лавочку, повёл Веру в глубину двора.

Кольку эти двое не прогнали, разговор продолжили втроём. Михална разобиделась окончательно, но тут вернулась чем-то очень довольная Вера и пришлось помогать ей на кухне с готовкой. Ужин готовили в четыре руки, по мнению Михалны, на целый полк, по мнению Веры, нормально. Вера рассказывала, как умер её Иван, как Арина порезала ножницами дарственную на дом и теперь не хочет с ней разговаривать, вот же лихоманка болотная, а мне теперь плакать из-за неё!

Алла горько усмехнулась:

– Нашла из-за чего плакать. Как поссорились, так и помиритесь. Девка у тебя золотая, и сердцем добрая, уж поверь мне на слово. И муж золотой был, земля ему пухом и царствие небесное. Ты, Вера, за мужниной спиной жизнь прожила, в сыре-масле каталась, а мне мой Марек жизнь с семнадцати лет загубил, и Матильда его подколодная, а Колька жалеет её, в Польшу к ней настропалился... Кто ж ему визу шенгенскую даст, он сидел два раза...

– Если за серьёзное сидел, шенген не дадут.

– Да какое серьёзное! Магазин они ограбили, унести не успели даже, возвернули всё.

– А второй раз за что?

– За магазин. За тот же за самый. Колька мой справедливость любит, уж если за что возьмётся, до конца доведёт.

– И довёл?

– Довёл. Сгорел магазин-то, жаль, хозяин с ним вместе не сгорел... – причитала Михална. – Ты про Аринку-то не досказала. Родители-то её где? Совсем про дочку забыли?

Аринина судьба тронула Михалну до слёз.

– Хорошая она у тебя, с нашенскими-то девками не сравнить: пиво пьют, сквернословят, с парнями под окнами милоются, ты им слово, они в ответ двадцать. А твоя-то чистое золото, молчит да улыбается, и в доме чистота, – умилилась Михална. – Так, говоришь, дадут Кольке визу-то? Матильда, гадюка, гостевое приглашение прислала...

Глава 37. Гости

Дверь оказалась незапертой. Из недр квартиры раздавались голоса, в коридоре пахло свежесваренной картошкой. Интересно, она сама оставила дверь незапертой, или кто-то её открыл? Интересно, кто у неё в гостях? Воры не стали бы варить картошку, а ключи от квартиры только у неё и у бабы Веры. Веры Илларионовны.

Арина поставила на пол корзину, сняла рюкзак. Белый сунулся под ноги, она подхватила его на руки, поцеловала в тёплую морду, вылезла из сапог и прошла в гостиную. За накрытым столом сидели Михална с Колькой, бабушка с отцом Дмитрием, его жена Мария Егоровна и начальник полиции Семён Михайлович Мигун, которого Колька пригласил «на обручение с невестой».

Арина изумлённо на них уставилась.

– Есть будешь? – буднично спросила бабушка.

– Ага.

– Тогда иди мой руки. И куртку сними. И обормота своего не тискай, он полбанки сметаны сожрал, обратно полезет.

– Не полезет, – пообещала Арина, прижимая к себе кота.

Белый вцепился когтями в её ветровку, прижался всем телом, уткнулся в шею лобастой башкой. Она стояла посреди комнаты с котом на руках, перебирала пальцами длинную шелковистую шерсть и чувствовала, как под тёплой шкур-

кой бьётся его сердце. Бабушка смотрела строго, Мария Егоровна смотрела с любопытством, начальник полиции смотрел начальственно, Михална смотрела в свою тарелку, отец Дмитрий улыбался, Колька энергично жевал.

– Ну давай, – подтолкнул Мигун Кольку. Тот прожевал наконец котлету, вытер губы и неловко поднялся из-за стола.

– Арина. Ну, в общем, люблю я тебя. Давно. Как ты в наш дом переехала, с тех самых пор и люблю. А ты меня любишь хоть немножко? Только не ври. За дачу ложных показаний Семён Михалыч тебя... Короче, да или нет?

– Долдон! – не выдержала Колькина мать. – Кто ж так предложение делает?

Арина хотела ответить, но Колька не дал, сграбастал в объятия вместе с висящим на Арине котом, закрыл ей рот поцелуем. От Кольки пахло бабушкиными котлетами. Арина обняла его за шею и почесала за ухом, как Белого. Колька дёрнулся, брыкнул ногой, прошипел в Аринино ухо: «Что ты меня как кота... Щекотно же! Хоть перед гостями не позорь». – «Аккуратнее! Белого не дави, сметана обратно полезет» – прошипела в ответ невеста.

Тут все загомонили и принялись их поздравлять. Отец Дмитрий откупорил шампанское, пробка выстрелила в потолок, Вера с Марией дружно завизжали, а Алла Михайловна заранее заткнула уши и потому не присоединилась.

Арина вытерпела поцелуй (Колька думал, что ей нравит-

ся, Белый думал, что он же не подушка и не надо так давить), взяла Кольку за руку и увела на кухню.

Усадила на табуретку, села напротив и рассказала о школе, где её самоуважение шесть лет забивали, как забивают гвоздь в столешницу, по самую шляпку, а она ничего не могла сделать. Смирилась.

О ветеринарной клинике, из которой она уволилась, потому что любила животных. Другие их тоже любили, и каждый день зашивали раны, вправляли вывихи, накладывали гипс на сломанные лапы и хвосты, вытаскивали занозы, промывали гноящиеся глаза, усыпляли, избавляя от мучений, отпаивали хозяев валериановой настойкой и приводили в чувство нашатырём. Работали. А Арина работать не смогла.

О Никите Будасове, которого она, наверное, любила. А он сказал по телефону своей девушке, что она, Арина, доверчивая дура, что он дрессирует её как обезьянку, а дружит потому, что их дачи рядом, и потому, что больше не с кем.

О Серёже Лемехове, который ухаживал за ней на глазах у всего курса, а потом оказалось, что Ирочка Климова ждёт от него ребёнка.

О том, как во время учебной практики в мединституте она падала в обмороки, о которых не рассказывала дома: не хотела, чтобы её жалели.

– Видишь, какая я? Не могу справиться с жизнью. Так и останусь на обочине. Зачем я тебе, Коля? О моей болезни ты уже знаешь, она навсегда. Я опекунам жизнь испортила и

тебе испорчу. И детей у меня не будет.

Колька счёл три первых аргумента несущественными (с жизнью Арина справляется, дай бог каждому так справляться; про биполярку он читал, она не является шизофренией, так как отсутствуют личностные изменения и нет особенных отклонений в поведенческих нормах; а с опекунами – ещё разобраться надо, кто кому жизнь испортил) и перешёл сразу к четвёртому:

– Почему детей не будет? Кто тебе сказал? Врач?

– Никакой не врач. Я сама не хочу. Они будут такими, как я.

– Они не будут... такими, – с усилием выговорил Колька. – Биполярка передаётся с отцовскими генами. Ты помнишь своего отца?

– Смутно. Я маленькая была. Помню, как он на меня кричал. Как с мамой дрался, а я под кроватью пряталась. Он был то злой, то добрый. А Жорик, второй мамин муж, никогда не кричал и никогда меня не наказывал, даже когда было за что. И маму очень любил. И она его любила.

– Ты помнишь, какой она была?

– Почему была? – встопорщилась Арина. – Она и сейчас... где-то есть. Только я ей не нужна. Она меня в приют отдала и не приехала ни разу.

– Она тоже была то добрая, то злая?

Арина наконец сообразила, о чём её просит вспомнить Колька: была ли мать подвержена приступам депрессии.

– Нет, она на меня не кричала, и не плакала никогда, даже ругала меня всегда спокойным голосом.

– Ну вот! – обрадовался Колька. – У твоей мамы биполярки не было, была у отца. А я здоров, значит, наши с тобой дети тоже родятся здоровыми.

– Я не знаю. Не хочу на них проверять, какими они родятся. Не хочу, чтобы ты со мной несчастным был. Иди домой, Коля, поздно уже. Мне ещё с грибами заниматься.

С грибами они с бабушкой возились полночи, как и мечтала Арина. Опята не поместились в кастрюле, и их сварили в тазу – с лавровым листом, гвоздикой и укропом. Подосинники бабушка нарезала и поджарила на сковородке с маслом. Белому запах грибов не нравился, он громко фыркал, но с кухни не уходил и тёрся попеременно об Ариныны и Верины ноги.

– Ба, смотри, он тебя признал, не шипит даже.

– А мы с ним подружились, и с Михайловной твоей.

– Она не моя, просто соседка.

– Просто соседка и просто сосед. Он тебе сегодня предложение сделал, а ты не сказала ни да, ни нет.

– Котлет переел, вот и нёс окоlesiцу – отмахнулась Арина. – Белый, ты кушать хочешь? Ба, а котлеты остались ещё? Колька не все сожрал?

– Сыт твой Белый. Яйцо сырое слупил, сметанкой заел, куда ты в него пихаешь...

– Был бы сытый, спать бы ушёл, а он под ногами крутится, – Арина взяла со сковородки котлету, положила в кошачью миску. Вера мешала в тазу грибы и смотрела на внучку, которую встреча с котом взволновала сильнее, чем встреча с бабушкой. Кот благодарно муркнул и принялся за котлету, Арина сидела на корточках, гладила его по голове и причитала:

– Зверик мой маленький, наголодался, никак не наешься... Я никогда тебя не брошу, как ты подумать мог! Я же приехала, я с тобой, и всегда буду с тобой. Покушаешь и баниньки.

Вспоминая Аринину сдержанную радость — отстранённую и вежливо-официальную, Вера понимала: той, прежней девочки, которая обнимала её тёплыми руками, плакала, уткнувшись лицом в Верин фартук, заглядывала в глаза, ища подтверждения бабушкиной любви, – той девочки больше нет.

Она так и не смогла забыть бабушки-Вериных слов – «Все наши беды из-за тебя!» Заключительное «Не надо было тебя из приюта забирать» не прозвучало, не было сказано, но висело в воздухе, готовое прыгнуть, ударить наотмашь по самому дорогому: бабушкиной-дедушкиной любви. Ведь больше никто не любил, даже мама, а Вечесловы любили.

У попа была собака, он её любил...

Вот почему они её не удочерили, не захотели дать свою

фамилию. Она не своя, уютная, так и осталась чужой, а взяли из жалости, притворялись, что любят. А потом им надоело притворяться. Арина вспомнила, как ей было тяжело после смерти деда, а бабушка ещё добавила, припомнила Арине её слова, что пчёлы могут закусать до смерти, если набросятся всем скопом.

«Это из-за тебя Ваня умер. И два инфаркта получил из-за тебя: первый – когда опекунство оформлял, другой – когда про биполярку твою узнал. Сколько нервов с тобой вымотал, с опекой воевал, до инфаркта довоевался. К директрисе ругаться ходил, с рюкзаком с твоим... в футбол которым играли. Её довёл и себя заодно, за сердце весь вечер хватался. С Валентишей твоей разбирался, чтобы отметок не занижала, чтоб ты школу нормально окончила. Ты думала, ему на тебя наплевать? А он переживал. Любил. Дачу на тебя отписал, твоя она теперь. Радуйся».

Бабушкины слова отнимали надежду, не отставляли ни крошки любви, причиняли непроходящую боль, какой она не испытывала даже в школе, когда её не допустили к всесоюзной олимпиаде школьников по математике, а потом сказали, что она отказалась сама, не защитила честь школы, подвела своих товарищей и учителей.

Всё, что в детстве было ужасным, сокрушительно несправедливым, втаптывало в грязь, не давая подняться, – теперь казалось глупыми обидами в сравнении с тем, что Арина услышала от бабушки.

Бабушка уверяла, что сказала те слова не помня себя, что после смерти Ивана Антоновича у неё помутилось сознание, что никогда себе не простит, что выплакала все глаза... Целовала, обнимала, плакала, уткнувшись Арине в грудь, как когда-то сама Арина.

Но сказанное в сердцах было правдой, Арина это понимала. И берегла Вечесловых – от себя. Опекуны ничего не знали о её одноклассницах («Девчонки, атас! Зяблова идёт!») О Пашке Родине, избравшим её мишенью для своих издевательств. О том, как на уроках она боялась поднять руку – из-за гайморита, над которым одноклассники смеялись, а учителя злились. О Валентине Филипповне («Тебе хотелось быть умнее всего класса? Признайся честно, что домашнее задание за тебя написал дедушка. Даже если ты и правда решила задачку самостоятельно, «отлично» я тебе не поставлю. Ребята обидятся, и вообще...»)

Из школы она возвращалась с улыбкой, как бы ни было тяжело на душе. А про Никиту Будасова рассказала только дедушке. Не стала бы рассказывать, но он спросил:

– Что ж ты к Никите своему не бежишь? Он тебя всё утро ждёт. Нет, ты не отворачивайся, рассказывай всё как есть.

У Арины задрожали губы.

– Обещай, что бабушке не скажешь, что он про меня говорил...

Полковник сдержал слово, надёжно хранил внучкины тайны, которые умел выведать так, что Арине ничего не остава-

лось делать, как рассказать. Дед слушал, гладил её по косам тяжёлой рукой и повторял: «Держись, девочка. Учиться-то надо, без школы в институт не примут, на работу не возьмут никуда, только полы мыть».

А когда умирал, рассказал обо всём жене, выдал все внучкины тайны. Вера не знала, что он умирает. Прикладывала к шее, распухающей прямо на глазах, мокрое полотенце и слушала шелестящие точно ветер слова, которые скоро утихли, как утихает ветер, заблудившись в густой листве.

Михална смотрела на сына и недоумевала: то целовался с Ариной этой, в любви ей объяснялся, то на неё не смотрит даже. Колька перестал смеяться и шутить, из Чёрного Дора, где работал на разгрузке вагонов, приезжал мрачнее тучи, съедал приготовленный ужин и укладывался спать. Даже телевизор не смотрел. Даже пиво не пил! Михална завела было разговор об Арине, но Колька так на неё смотрел, словно собирался заплакать, Михална осеклась и замолчала. Сына было жалко, а помочь ему она не могла. Делилась своими тревогами с Ариной бабушкой, которая не уехала в Осташков, осталась с внучкой. И не в силах выносить Арино упорное молчание, уходила к Алле. Они как-то быстро приноровились друг к дружке. Пили на шевырёвской кухне чай с тульскими пряниками, толковали о погоде, о том, что зиму синоптики обещают снежную, о Кольке, который улетел в Польшу и пропал на целый месяц. Об Арине не было

сказано ни слова.

Глава 38. Польская бабушка

Матильда Браварска не верила своим глазам: перед ней стоял её Марек, молодой, широкоплечий, светлоглазый. Улыбнулся краешком губ, слегка наклонил голову, здороваясь. Марек! Совершенно такой, каким он был до болезни! А взгляд чужой...

Минутное наваждение исчезло, и вновь пришло чувство потери, с которым она жила с тех пор, как узнала о болезни сына. В клинике Матильду убедили, что у него хронический лимфолейкоз, хорошо поддающийся лечению.

– Имелась длительная недиагностированная хроническая стадия болезни, что, конечно, усугубило... Но при современных методах лечения продолжительность жизни больных лимфолейкозом составляет до пятнадцати – двадцати лет и даже больше, – заученно отбарабанил врач, которому Марек запретил рассказывать матери о своём настоящем диагнозе.

Всё сказанное о лимфолейкозе было правдой, кроме одного: у Марека Браварского диагностировали хронический гранулоцитарный лейкоз.

Из больницы он выписался вполне здоровым, вернулся к работе, но разговоры о женитьбе и о внуках пресекал, и улыбался как-то иначе, старательно раздвигая губы.

Через четыре года сын снова оказался на больничной койке, с которой уже не встал.

– Хронический гранулоцитарный лейкоз долгое время протекает бессимптомно, – объяснили пани Матильде в клинике. – Физическое состояние при этом вполне удовлетворительное, больные сохраняют трудоспособность, ведут обычный образ жизни...

– Удовлетворительное состояние? Тогда почему он в больнице?

– Потому что у вашего сына злокачественное заболевание крови. Хроническая стадия перешла в развёрнутую.

Врач замолчал.

– Сколько с этим живут? С этой развёрнутой стадией. Сколько?

– От четырёх до десяти лет, при правильном лечении. Затем наступает бластный криз.

Врач говорил что-то непонятное: о неблагоприятных прогностических признаках, о том, что развёрнутая фаза перешла в терминальную и о необходимости комбинированной полихимиотерапии.

– Но вы ведь его вылечите? Вы его вылечите? – остановила его Матильда.

– В терминальной стадии длительность жизни не превышает двенадцати месяцев, – продолжил врач, словно не слышал заданного ему вопроса.

– И что... потом? – спросила Матильда, уже понимая – что...

В палату она вошла с улыбкой на лице.

– А я к тебе с хорошими вестями, сынок. Я говорила с врачом, он сказал...

– Мама. Я вызвал нотариуса. Хочу написать завещание.

Обещанных врачом двенадцати месяцев Марек не прожил. Дом в Бяле-Блота принадлежал его отцу, а после его смерти принадлежал Мареку. Матильда жила в Варшаве, в родовом имении Браварских бывала редко, наездами, но считала его своим. И вот теперь в завещании сына дом наследовал Николай Марекевич Браварский.

Выходило, что тридцать восемь лет назад Марек оформил отцовство на ребёнка русской нищевродки из неблагополучной семьи, ухитрившейся забеременеть в семнадцать лет. И все эти годы скрывал от матери, что у неё есть внук, с узаконенными правами на отцовское наследство.

Матильда приложила немалые усилия, чтобы очернить в глазах сына эту потаскушку Аллу. О женитьбе не могло быть и речи. Матильда мастерски разыграла сердечный приступ, даже в больницу легла, чтобы обман выглядел правдоподобно, и заплатила врачу, который подтвердил Мареку, что с мамой всё очень серьёзно. Сын поверил. И когда Матильда слабым, хорошо отрепетированным голосом заявила ему: «Или я, или эта прошмандовка, выбирай», у сына хватило смелости только сказать: «Она не прошмандовка, но я останусь с тобой, мама, ты только не волнуйся, тебе ни в коем случае нельзя...»

Марек робко напомнил матери о деньгах, которые пона-

добьются Алле и ребёнку. Матильда милостиво кивнула: «Конечно-конечно, девочке надо помочь, отвезёшь ей деньги, но больше с ней не встречайся. И пусть напишет отказ от претензий на отцовство. Мне привези. Сначала расписка, потом деньги.

О том, что Марек оформит отцовство и потаскушкин убудок станет его сыном, Матильда не думала.

Потом они уехали в Польшу. На красивого парня, говорившего по-польски с русским акцентом, девушки смотрели с интересом, но жениться он не спешил. Матильда напрасно ждала внуков. А потом Марек заболел...

В большой просторной квартире на улице Маршалковской ей слышались голоса мужа и сына. Чтобы не сойти с ума от одиночества, она пригласила к себе дальнюю родственницу мужа, внучатую племянницу его сводной сестры, двадцатитрёхлетнюю Мартину, на которую Матильда имела серьёзные планы. Внука она приберёт к рукам, а Мартине в её нынешнем положении не приходится выбирать. Брак станет для неё выгодной партией, сын Марека останется в Варшаве или, если захочет, пусть живёт в Бяле-Блота с женой, преданной Матильде как комнатная собачонка.

Колька ожидал увидеть изысканно одетую, красиво стареющую женщину, с которой разговаривал по скайпу. Но в варшавском аэропорту его встречала девушка с острыми, как у белки, зубками. Зубы Николаю не понравились.

– Дзен добри, пане Миколай!

Девушка назвалась панной Мартиной, подхватила Кольку под руку и повлекла к выходу, мило болтая на смеси русского с польским.

Бабка не пожелала его встретить, прислала вместо себя прислугу. Ну что ж... Будет о чём рассказать Арине.

Прислугу Матильда отрекомендовала своей компаньонкой (Колька усмехнулся: вот, значит, как это здесь называется), что не меняло дела. Мартина помогла ему раздеться, пристроила на вешалку куртку, ботинки убрала в полку, подсунула под ноги тапочки, осведомилась вежливо:

– Багажник пана прибудет позже? Убранье. Одежда.

– Одежда? Так я вроде не голый приехал, – бухнул Колька, которому было не по себе под пристальным взглядом польской бабки.

Та вдруг затряслась, стала оседать на пол, Колька успел её подхватить, отвёл в комнату, усадил на диван. Бабка его не отпустила. Прижималась птичьим-невесомым телом, называла Кольку Марекком, заглядывала в глаза.

Колька терпел и думал, что надо поскорее оформить документы на дом и бежать отсюда к чёртовой матери, от этой чужой женщины, к которой он не испытывал никаких чувств. Продаст дом, поделится с бабкой деньгами и уедет.

В Бяле-Блота его отвезла Мартина, все три часа дороги не закрывала рта и ластилась к нему как кошка. Колька вспоминал Василиску и еле сдерживал рвущийся смех: его поль-

ская бабка оказалась хваткой, подсунула ему эту Мартину, как суют ребёнку новенькую игрушку, чтобы отвлечь от старой: «На, играй, смотри, какая куколка красивая, платьице с кружавчиками, туфельки...» Колька покосился на Мартину, и впрямь напоминающую куклу. Та расцвела от его взгляда, поправила на груди нитку коралловых бус, качнула длинными серёжками в маленьких ушках.

«Какая ель, какая ель, какие шишечки на ей» – продекларировал Колька. Мартина не поняла, раздвинула в улыбке губы, зазывно стрельнула глазами.

А бабка-то себе на уме...

Затея с Мартиной сорвалась: Николай демонстративно избегал её общества. Из дома он исчезал ещё до завтрака, и возвращался вечером, а то и ночью. Матильда поинтересовалась, где он пропадает, и получила исчерпывающий ответ: «Гуляю. Город смотрю. Вы ведь за этим меня пригласили?»

Не прожив и месяца, собрался уезжать. Отстранился, когда Матильда хотела его поцеловать. Усмехнулся, когда она предложила ему остаться погостить, посмотреть Варшаву, «панна Мартина всё тебе покажет, всё расскажет, везде проведёт...»

Он всё уже посмотрел. Прогулялся по Краковским Предместьям – красивейшей улице Варшавы, с непривычно широкими тротуарами и мощённой китайским гранитом мостовой. Посидел на Шопеновской лавочке у дворца Радзивил-

лов. Побывал в Старом городе, где спустился к Висле по самой узкой улице – Каменным Сходкам, состоящим из ступенчатого прохода между домами. Полюбовался памятником Русалочке на набережной. Посетил розовый Костёл Божьей Матери Милосердной, где попросил чужого католического Бога за Арину, чтобы была счастлива с ним, с Колькой.

Перед входом в костёл стоял каменный медведь – по легенде, заколдованный молодой князь. Снять с него заклятие сможет лишь та, которая искренне полюбит окаменевшего юношу. Браварский, улучив момент, когда возле медведя не толпились туристы, погладил его по каменной шкуре. «Мы ведь с тобой прорвёмся, правда, миша? Прорвёмся и будем княжить! У нас всё получится». Медведь шевельнул каменной головой, прошептал в ответ: «Не знаю. Я уж сколько жду... С семнадцатого века, как костёл возвели. А она не приходит». – «Я её сюда привезу. Аринка тебя точно расколдует. Меня же расколдовала!»

Матильде он хотел сказать, что всё уже посмотрел, и неожиданно для самого себя брякнул:

– Я женат. Ну, почти женат. Обручён. Её зовут Арина. Арина Браварская.

Матильда стойко перенесла удар.

– Панне Арине дом наверняка понравится. В Бяла-Блота удивительно красивые места. Это родовое гнездо твоего... деда, – Матильда помедлила на последнем слове. Колька ухмыльнулся.

– У нас в Гринино тоже красивые места – глаз не оторвать. Озеро, лес, ягодники богатые, а на болотах клюква. Мать на ней водку настаивает, она по этому делу мастерица.

– Это дом твоих предков, – не сдавалась Матильда.

– Да ну? – Николай рассмеялся уже в открытую. – Мать свою я не брошу, не надейтесь. И дом этот мне не нужен, я покупателей на него нашёл, цену дают хорошую, хватит и мне, и вам. Вы моей матери когда-то денег оставили. Она говорила, много, на три года хватило. А я привык отдавать долги. Телефон оставлю, звоните, если что. Я приеду.

Глава 39. Муки совести

Домой Колька вернулся с чувством вины. Перед самим собой – за то, что оставил в слезах женщину, причинившую непоправимое зло его матери, сломавшую жизнь Колькиному отцу и вознамерившуюся сломать её самому Кольке. И заодно Мартине.

Перед Ариной, которая сказала ему в лицо, что он ей не нужен, а он, дурак, поверил. Уехал. Не звонил. Сволочь он всё-таки.

Перед матерью, которая надрывала по нему сердце, плакала по ночам – из-за Колькиной жизненной неустроенности и дурного характера, с которым он не мог справиться.

Все три вины были из разряда иррациональных. Реальную вину, когда один человек причинил другому конкретный вред, можно искупить конкретными же действиями: попросить прощения, исправить ошибку. А если ошибка сделана давно и чтобы её исправить, нужно вернуться в прошлое? Если тебя давно простили, а ты себя так и не простил? Что с этим делать?

Одолеваемый муками совести, к которым присоединялись муки голода (завтракать в компании польской бабки и бабкиной прислуги Колька отказался, самолётный обед из какой-то дряни в пластиковых коробочках есть не стал, и теперь в голове гудело, а в животе урчало), Колька открыл

дверь своим ключом, поставил на пол здоровенный чемодан.

По коридору плыл аромат жареного теста. Колька шумно втянул его в себя, соображая: оладьи или лепёшки? Хотелось, чтобы – лепёшки. Ещё ему хотелось поскорее лечь. Нет, сначала наесться, а потом лечь, додумать в тишине недодуманные в самолёте мысли и как-то всё решить. А если не получится, посоветоваться с Ариной, про которую Колька наврал польской бабке, что она его наречённая, обручённая, или как там? Бабка поверила, аж позеленела вся, но в руках себя держать умеет, этого у старой ведьмы не отнять.

С Ариной ему было удивительно хорошо, даже когда она орала на него – там, в Осташкове, требуя, чтобы он немедленно убрался из её квартиры (Арина сказала: «Я тебя не звала. Пошёл вон!») и дал ей спокойно умереть (Арина сказала – сдохнуть). И умерла бы, тихо угасла от голода, которого не чувствовала в мороке депрессии, одна, в пустой квартире, – если бы не Колька.

На кухне разговаривали. В груди радостно стукнуло сердце: Арина! К матери пришла! Поговорить о нём, о Кольке. О них двоих.

Но оказалось, что в гости к матери пришла не Арина, а Аринина бабушка.

– А Арина... где?

– В Караганде – доложила мать. – Дома у себя, где ж ей ещё быть. Занавески свои шьёт, на хлеб зарабатывает, а мы тут с Верой лясы точим.

В материнском привычном стёбе слышались какие-то новые интонации. Что тут у них произошло, пока его не было? От этой мысли на душе стало ещё паскуднее.

– Здравсьти, Вера Илларионовна, – запоздало поздоровался Колька. Пристроился на стул, тяжело вздохнул и сообщил: – А я подарки привёз, из Варшавы. Целый чемодан. На всех.

– Обласкала тебя Матильда? Вздыхаешь, как старик.

– Алла, отстань от него, ему и так плохо.

Вера Илларионовна назвала мать по имени, Аллой, как никто в доме не звал, всё Михална да Михална, как старую бабуку. А она не старая совсем, всего пятьдесят шесть, Кольку родила в неполные восемнадцать, жизнь на него, долдона, положила.

Внутри что-то стиснулось от нежной жалости к матери, такой же, как он сам – неугомонной и безалаберной, с непростым характером и семейной неустроенностью. Даже внуков нет. А кто виноват? Опять он, Колька.

Колька опять вздохнул, потянул с материной тарелки лепёшку.

– Кто ж за стол с немытыми руками? Иди мой, – сказала мать.

– Ну, если всем подарки привёз, так поди к ней, отдай, что купил. Она тебя месяц ждала, – сказала Аринина бабушка.

Колька обрадованно закивал, кубарем скатился со стула, щёлкнул застёжками новенького, «из самой заграницы», че-

модана, громыхнул дверью и исчез.

Алла с Верой рассмеялись: их подарки так и остались в чемодане.

– Долдон и есть, – сообщила Алла. – Пойдём посмотрим, чего он там накопил.

Подарки оказались подписаны. В Ритином свёртке было что-то мягкое. Коробка отца Дмитрия, притороченная к дну чемодана ремнями, оказалась неожиданно тяжёлой. Такая же предназначалась Семёну Михайловичу Мигуну. Господи, этому-то за что? За какие такие заслуги?

В своей коробке Алла нашла чайный сервиз, очень красивый. В Вериной обнаружился точно такой же. Бледно-зелёные чашки из тончайшего фарфора расписаны золотыми завитками, блюбочки с рельефным узором из листьев с золотыми прожилками. Вера подержала в руках невесомую чашку, осторожно вернула в поролоновое мягкое гнездышко.

– Аринке оставлю. А нам с тобой одного хватит, двенадцать чашек, бить не перебить.

Если бы Колька слышал эти её слова, то нашёл бы в них некое несоответствие: «нам с тобой хватит одного». Но Браварский уже звонил в Аринину дверь.

На звонок никто не отозвался. Так тебе и надо, долдон, – обругал себя Колька и стукнул по двери кулаком. Дверь открылась. Арина повисла на нём, обхватила за шею, зашептала в ухо:

– Коль, я тебя тоже люблю, очень-очень. Но замуж за тебя не выйду.

– А за кого выйдешь?

– Ни за кого.

– Не хочешь, не надо, силой тебя не тащу. – Колька протянул ей розовую длинную коробку. – Открой.

– Хочу. Но всё равно не выйду, – выговорила Арина дрожащим голосом.

Колька всунул ей в руки коробку с подарком, отвёл в кухню, усадил на табурет и сел напротив. Вот так же они сидели месяц назад, и Колька признался ей в любви, впервые в жизни. А она ему отказала.

– Ну? Что опять не так? Давай излагай и пойдём лепёшки есть, – с совершенно дедушкиными интонациями потребовал Колька.

Арина, сосредоточенно сопя, развязывала на коробке розовые пышные банты и молчала. Кольке нравилось, как она сопит. В коробке оказалась кукла в розовом платье и белых башмачках. Из-под бордовой шляпки на Арину смотрели глаза, кукольно-удивлённые, кукольно-честные.

В руках кукла держала туго набитую сумочку, из которой Колька забыл вынуть бумагу. А может, просто не захотел. Арина щёлкнула замочком. Вместо бумаги внутри оказалась коробочка с длинными красивыми серьгами и вторая, поменьше, в которой лежало на чёрном бархате золотое кольцо необычной формы.

– В Варшаве выставка была, ювелирная, киевских мастеров. Фирма «Киев-золото», эксклюзив. Я не удержался и купил. Мартина, дура, сама меня туда привела, аж сияла вся, думала, для неё покупаю, – засмеялся Колька.

– Мартина это кто?

– Бабкина служанка. А кольцо твоё, для тебя купил, у тебя глаза такого же цвета. Ледяные, – не удержался Колька. – Ты не молчи, рассказывай. Только покороче. Я есть хочу.

Арина взяла его руку в свои и прошептала:

– Я человека убила. В лесу. В болото завела. Хочешь жить с убийцей?

– Хочу. Даже не сомневайся. Ты же не просто так его убила, не мимо шла. Рассказывай давай.

Арина рассказала. Колька помолчал и спросил.

– А ты?

– Что – я?

– Ты с убийцей хотела бы жить?

Ариноно лицо стало такого же цвета, как её Белый, который – где же он? Небось в палисаднике с Василиской лясы точит. Белый с Василиской, Колькина мать с Ариной бабушкой. Всем, похоже, хорошо. Только им с Ариной плохо. Сейчас опять в обморок хлопнется. Опять, что ли, не ела? А бабушка куда смотрит?! Сидит там с его матерью, разговоры лепёшками заедает, намазывая их черничным вареньем. Колька сглотнул голодную слюну. Польскую кухню, о которой в интернете писали, что она «одна из самых понятных

для нас европейских кухонь», а рецептура блюд «не вызывает вопросов» – польскую стряпню его желудок понимать отказывался.

Аппетитные на вид клёцки, которые Мартина жарила во фритюре, оказались из картофельной муки, и в них зачем-то был добавлен молотый миндаль. Колька жевал клёцки, не понимая, что ест, и главное, зачем он это ест. Картофельные зразы у Матильды начиняли брынзой, цыплят подавали фаршированными, свинину тушили с луком и яблоками, суп из курицы варили с макаронами и помидорами, котлеты готовили из пропущенных в мясорубку грибов, а оладьи – из тыквы с колбасой. Гастрономический ужас.

Польская бабушка заставляла Мартину готовить для него каждый день новые блюда, чтобы внук питался разнообразно. Кольке хотелось плевать – и от разнообразия, и от бабушкиной липучей заботливости. Он ел только борщ и рыбу под польским соусом, но сытым чувствовал себя, лишь когда наедался до отвала пончиков в кафе за углом.

Через две недели пончики не лезли в горло. То ли дело мамины лепёшки, пресные, как мексиканские тортилья, сдобно-пышные, их можно есть с чем хочешь, хоть с вареньем, хоть с мясом.

– Арин, ты чего такая бледная? Ты завтракала?

– Завтракала. И обедала, и ужинала, твоя мама котлет нажарила, мы с Белым объелись. Ты зачем мне про этого маляка... До сих пор вспоминать страшно! Я с убийцей жить

не хочу, я с тобой хочу.

– Так я о себе и говорю! – жизнерадостно сообщил Колька. – Я насильника в тюрьме убил. Он всю камеру терроризировал. И над Валькой Галиевым издевался. А ещё отчима твоего, Жорика, я тоже... того. Он в гараже лежит, в яму упал, шею сломал. А знаешь за что? Он мамку твою убил, сам мне признался. Снотворным напичкал и в лесу закопал, а где, не помнит. Если Бог есть, он не осудит ни меня, ни тебя.

– А я на неё обижалась, что в приюте меня не навещала... Коль, нас с тобой летом в лесничество приглашают, у них там ручей с рыбой и баня. И флигель отдельный, и окна в яблоневый сад. Поедем?

– Ты на кухне потише говори. Мать моя знаешь чем забавляется? – Колька приставил к стене стакан, приложился к доньшку ухом. – Вот чем!

– А что у меня слушать? Только музыку. Я сама с собой не разговариваю, я не сумасшедшая, – рассмеялась Арина. Забрала у Кольки стакан и приставила к стене.

Колька нетерпеливо ждал.

– Что там?

– Помолчи. Не мешай.

◆ ◆ ◆

– Алка, скажи, что ж мне делать-то? Мне жить без неё тошно, а она со мной почти не разговаривает. Не умеет прощать, носится со своими обидами.

– А кто её обижает-то? Ясно дело, не ты.

– Ты ж ничего не знаешь... Ваня мой страшной смертью умер, пчёлы его закусали. Я тогда умом повредила, себя не помнила. Аринка меня в пансионат устроила, номер с верандой, кормили как в санатории. Навещала меня каждый день. А я напраслину на девчонку возвела. Она забывать не умеет, всё до последнего словечка помнит. Не любит она меня больше, Алка! Когда любят, обиду в душе не держат, не о себе, о других думают.

– А чего ты ей наговорила-то?

– Ал, не лезь в душу. Я жить не хочу, умереть хочу.

Бабушка плакала, Алла Михайловна её утешала, говорила, что всё пройдёт, «устанет она злиться-то, вот ведь девка упёртая, Колька мой такой же, вобьёт чего в голову, так не скоро выбьешь».

– Пошвыркай чайку, полегчает. Я коньячку в него добавила, самую малость. Ты пей, пей, Веруся. Я к обидам привышная, всю жизнь терплю, и ты стерпишь.

У Арины сжалось сердце. Когда любят, забывают обиды, а у неё не получается забыть. Может, она и вовсе не умеет любить? Добром за любовь платит, точно долги отдаёт. А к сердцу не подпускает. Вот и с Колькой – не поймёт никак, любит она его или нет. Просто он ей нужен. И бабушка нужна. И Белый. И даже Михална с её стаканно-сервизно-стервозной прослушкой.

Колька молча наблюдал, как у Арины менялось лицо: сна-

чала исчезла улыбка, потом ало вспыхнули щёки, потом задрожали губы. Арина всхлипнула и вытерла кулаком нос. Потом вдруг улыбнулась, оторвалась от стены, поменяла затёкшее ухо. Сунувшемуся было к стакану Кольке погрозила кулаком. Второй стакан он взять не догадался. Иначе бы услышал, как бабушка решила перебраться из Осташкова в Гринино, поближе к Димке Белобородову и к Алле Михайловне.

– Аринка моя с Николаем в Осташкове пусть живут. Там Рита, не даст девчонке пропасть, если что. А сын твой работу достойную найдёт, не всё ж ему мешки из вагонов таскать-горбатиться. Пока ты в больнице бока отлёживала, он у меня обретался, курсы шофёрские окончил при автоколонне. Его туда работать звали, а он не пошёл.

– Чего ж он не пошёл-то?

– А как бы ты тут одна куковала? Слепую – как оставишь? А теперь ты книжки без очков читаешь, и я рядом, в стенку стукни и приду. И Димка Белобородов, дружок мой школьный, поможет, если надо чего.

Арина покивала головой, словно Вера видела её через стену.

– Ал, ты послушай, что она учудила-то! Димка рассказывал, она архиепископа церковнослужителем назвала, чуть не в лицо (прим.: Церковнослужители – низшая степень церковных должностей: певчие, канонарх (поющий на клиросе), чтец, свещеносец, пономарь (привратник храма) – т.е. люди,

которые посвящаются на то или иное служение в церкви, не имея благодати священства). А ещё она его в пост мясным пирогом накормила. Обижусь, говорит, если пирога моего не попробуете.

– И попробовал?

– А то! За обе щеки уминал и пальцы облизывал, мне Димка рассказывал. Пироги-то я Аринку печь научила, тесто на водке замешивать, оно тогда мягким да нежным делается. А ещё...

За стеной хохотали так, что слышно было даже без стакана. Колька сдёрнул Арину с табуретки и поволок к себе, есть лепёшки с черничным вареньем и запивать чаем с коньяком. Матильда бы обалдела.

Эпилог

Тридцатилетняя Арина Браварская не могла перестать улыбаться: сегодня открывалась её первая выставка. На церемонии открытия присутствовал Его Высокопреосвященство Архиепископ Венедикт Кашинский, игуменья женского монастыря Святого Целителя Пантелеймона матушка Анисия, глава городской администрации Осташкова и директор художественного музея, в фойе которого проходила выставка.

Но главными гостями были для Арины бабушка Вера, которую поддерживал под руку Дмитрий Серафимович, и Аринин муж, держащий на руках их трёхлетнего сына, которого называли Вацлавом, в память Колькиного прадеда. Матильда Браварска не отрывала глаз от мальчика: на Колькиных руках сидел маленький аристократ, снисходительно поглядывая на взрослых и не выпуская из вида маму, принимающую поздравления, подписывающую купленные гобелены и картины, отвечающую на улыбки и комплименты.

Вагиз Галиев, которого Колька сумел отыскать и который был шафером на их с Ариной свадьбе, вытащил из-за спины, словно фокусник, букет чайных роз и преподнёс их ей, опустившись на колени:

– Вот, примите, госпожа Браварская. Это вам. А то все поздравляют, а цветов никто подарить не догадался.

Со стен смотрели вышитыми глазами иконы, распускались Ариныны любимые чайные розы, зеленела берёзовая роща, утопало в закатном свете дня пшеничное поле. Забавная девочка с торчащими рыжими косичками, помахивая прутиком, пасла забавных гусят.

Лохматый щенок приподнял пушистую переднюю лапу и, забыв её опустить, смотрел на гостей выставки блестящими пуговками глаз, словно спрашивал: «Ты возьмёшь меня к себе в дом?»

Белый кот с царственным видом возлежал на диванной подушке, лениво разглядывая посетителей. Арина вышила своего любимца сливочно-белыми шебби-лентами Winter White от компании Hug Snug. Под картиной висела табличка «Не продаётся», разочаровавшая многих.

Выпускница отделения народных художественных промыслов Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета больше не чувствовала себя одинокой, верила в любовь своих близких, которые оставались с ней в горе и в радости. И дарила людям свой вышитый мир, в котором, наверное, согласился бы жить сам Иисус, если бы Он мог выбирать.

Белого они с Николаем взяли с собой в Осташков, но кот не хотел уезжать, нервничал и выл совершенно по-звериному. Пришлось развернуть машину и ехать назад, в Гринино. Кот успокоился только когда оказался у себя дома, где его ждал любимый палисадник, любимая Василиска, Василис-

кина бабушка (веник в ход не пускает, только замахивается) и бабушка Вера (любит, сытно кормит и позволяет спать у себя в ногах). Отец Дмитрий всегда приходит к ним в гости с ведёрком жирных карасей, пойманных в Голодуше. Кот первым снимает пробу: деловито отгрызает голову и, придерживая рыбину лапой, вкусно хрустит.

Сервиз из Варшавы ещё цел, ещё не разбита ни одна чашка, всё впереди...

Матильда Вацлавовна счастлива: правнук, в кором течёт кровь Браварских, носит имя её отца. Счастлив Белый, пушистый хранитель домашнего очага, где теперь хозяйничает Арина бабушка. Арина приезжает к своему любимцу в гости (бабушка Вера думает, что Арина приезжает к ней). Матильда собирается выставить Аринины работы в Варшаве, в художественной галерее. Колька отколлот номер: посадил трёхлетнего Вацлава за руль, Арина пришла в ужас, забрала ребёнка, наорала на Кольку... Жизнь продолжается.

И где-то в заоблачной дали невидимая Вышивальщица, пропуская сквозь пальцы шёлковую струящуюся нить, вышивает людские судьбы, воздавая каждому по делам его.

КОНЕЦ

Для обложки использован фрагмент изображения с сайта бесплатных картинок [pexels-sunsetone](https://www.pexels.com/photo/sunset-over-sea-1000000000/).